

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Министерство внутренних дел Российской Федерации
Московский университет Министерства внутренних дел
Российской Федерации имени В.Я. Кикотя

**АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПРОИЗВОДСТВА
ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО СЛЕДСТВИЯ В СОВРЕМЕННЫХ
УСЛОВИЯХ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ
УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА**

**Всероссийская научно-практическая конференция
(7 апреля 2023 г.)**

Сборник научных трудов

1 электронный оптический диск (CD-R)
Текстовое электронное издание

Научное электронное издание

Москва
Московский университет
МВД России имени В.Я. Кикотя

2023

© Московский университет
МВД России имени В.Я. Кикотя, 2023
ISBN 978-5-9694-1407-5

УДК 343.132
ББК 67.73
А43

Рецензенты:

заместитель начальника отдела МВД России по району Беговой
г. Москвы – начальник следственного отдела **М. А. Косыгина**;
заместитель начальника отдела МВД России по Даниловскому району
г. Москвы – начальник следственного отдела **О. В. Свердлов**

Составитель *Д. А. Иванов*

А43 **Актуальные вопросы производства предварительного следствия в современных условиях совершенствования уголовно-процессуального законодательства** : Всероссийская научно-практическая конференция, 7 апреля 2023 г. : сборник научных трудов / [сост. Д. А. Иванов]. – М. : Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 2023. – 421 с. – 1 электронный оптический диск (CD-R). – Системные требования : CPU 1,5 ГГц ; RAM 512 Мб ; Windows XP SP3 ; 1 Гб свободного места на жестком диске.

ISBN 978-5-9694-1407-5

В сборнике представлены научные труды участников Всероссийской научно-практической конференции, состоявшейся 7 апреля 2023 г. в Московском университете МВД России имени В.Я. Кикотя, в ходе которой рассматривались актуальные проблемы предварительного расследования, вносились предложения по совершенствованию и оптимизации уголовного и уголовно-процессуального законодательства.

Издание адресовано преподавателям, адъюнктам, докторантам, курсантам и слушателям образовательных организаций МВД России. Сборник научных трудов также будет полезен для практических работников экспертных и следственных подразделений.

Научное электронное издание

Минимальные системные требования: CPU 1,5 ГГц; RAM 512 Мб;
Windows XP SP3; 1 Гб свободного места на жестком диске

© Московский университет
МВД России имени В.Я. Кикотя, 2023

Издание подготовлено
с помощью программного обеспечения Microsoft Word

Корректор *Титова В. П.*
Компьютерная верстка *Табунова Е. А.*

Подписано к изданию 25.07.2023
Объем издания: 4 515 Кб
1 электронный оптический диск (CD-R)

ISBN 978-5-9694-1407-5

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя
117997, г. Москва, ул. Академика Волгина, д. 12
<https://мосу.мвд.рф>, e-mail: support_mosu@mvd.ru

СОДЕРЖАНИЕ

Часть I	11
<i>Иванов Д. А.</i>	
Профессиональная и патриотическая подготовка кадров для органов предварительного расследования в условиях современных угроз внутренней и внешней безопасности Российской Федерации	11
<i>Алонцева Е. Ю.</i>	
судебный контроль при производстве следственных действий: необходимы ли изменения?	14
<i>Анисимова Н. В., Золочевская Л. С.</i>	
Электронные доказательства в уголовном процессе: роль, сущность и проблемы использования	17
<i>Антимонова С. И.</i>	
Проблемы привлечения адвоката к дисциплинарной ответственности	22
<i>Артемова В. В., Макеева Н. В.</i>	
Особенности организации и проведения следственного эксперимента	26
<i>Архипова И. А.</i>	
Особенности назначения и производства экспертиз при расследовании незаконной охоты	30
<i>Барченкова Я. В.</i>	
Личность преступника как элемент криминалистической характеристики мошенничества, совершаемого при помощи средств сотовой связи	35
<i>Белавин А. В., Савина Л. А.</i>	
Проблемы использования цифровой информации в доказывании	39
<i>Блинова Е. В.</i>	
Актуальные вопросы расследования склонения к потреблению наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов	43
<i>Бобров В. К.</i>	
Процессуальный статус следователя нуждается в дальнейшем совершенствовании	47
<i>Власов П. Е.</i>	
Приоритетные направления цифровой трансформации уголовного судопроизводства	53
<i>Гаврилов Б. Я.</i>	
К вопросу о введении в структуру российского законодательства уголовного проступка	58

Гладышева О. В.

Ответственность органов досудебного производства:
проблемы определения и применения
в уголовном судопроизводстве 64

Глушач Д. В.

Методика расследования дистанционных хищений,
совершаемых с использованием средств мобильной связи
под предлогом реализации социальных гарантий 70

Голубенков А. Е.

Особенности расследования мошенничеств в сфере кредитования 74

Горач Н. Н., Лаврова О. Н.

Цифровизация предварительного следствия:
современное состояние и перспективы развития 78

Горлова Ю. А.

О некоторых проблемах на стадии окончания
предварительного расследования 84

Горшкова Н. А.

Совершенствование законодательных основ в области криминализации
и пенализации превышения должностных полномочий:
современное состояние 88

Гриненко А. В.

Еще раз о стадии возбуждения уголовного дела 92

Гурдин С. В.

Доверие как составная часть уголовного судопроизводства 96

Данилкина В. М., Гущина С. В.

Особенности использования информационных технологий следователем
при осмотре места происшествия в ходе раскрытия
и расследования дистанционных мошенничеств 103

Емельянова Н. Ю., Ильяшевич Т. А.

Вопросы института объективной истины
в уголовном судопроизводстве 107

Ендольцева А. В.

О некоторых направлениях совершенствования уголовно-процессуальной
деятельности и ее правовых основ 110

Ермаков С. В., Петрова О. В.

Расследование незаконного образования (создания, реорганизации)
юридического лица (ст. 173.1 УК РФ) 115

Есина А. С., Чиковани М. А.

Основные показатели состояния законности
в деятельности следователя на стадии
возбуждения уголовного дела 119

Жамкова О. Е.

Стадия возбуждения уголовного дела в условиях
цифровой трансформации общества 124

Заливин А. Н., Рыжаков А. П.

Процессуальные аспекты методики проверки сообщений
о преступлениях, совершаемых с использованием
информационно-телекоммуникационных технологий 127

Зезюлина Т. А.

Особенности уголовно-правового механизма
сдерживания преступной активности лидеров (организаторов)
преступных группировок..... 132

Ларионова Л. И.

Об органах предварительного следствия
в системе органов внутренних дел Российской Федерации:
по страницам научных публикаций..... 137

Лелевкин Е. В.

Особенности расследования контрабанды
сильнодействующих веществ с использованием
информационно-телекоммуникационных технологий 140

Макеев А. В.

Допустимость использования результатов оперативно-разыскной
деятельности в доказывании по уголовным делам..... 145

Манова Н. С.

Возможна ли процессуальная самостоятельность следователя
в условиях существующих контрольных полномочий
руководителя следственного органа?..... 149

Маслов Н. В., Суворов А. С.

Организационные и методологические вопросы проведения
биологической экспертизы при расследовании преступлений 154

Матюшенко С. В.

Производственная практика слушателей
как феномен формирования профессиональных умений
у будущих сотрудников предварительного следствия 160

Мезенцев И. В.

Порядок использования явки с повинной
в уголовном судопроизводстве 165

Мичурин В. С.

Анализ нарушений уголовно-процессуальных норм,
допускаемых в деятельности органов предварительного следствия 168

Мичурина О. В.

Совершенствование предварительного расследования
в контексте повышения его эффективности..... 172

Нгуен Дык Фук

Стадии совершения преступления по уголовному законодательству
Социалистической Республики Вьетнам 177

Новиков А. М., Хорьяков С. Н.

Соотношение предмета и предметов доказывания
в уголовном процессе Российской Федерации 180

Нуйкин С. Ю., Найденова О. М.

Разграничение мошенничества в сфере кредитования и неисполнение
обязательств, вытекающих из кредитного договора:
аспекты правоприменения..... 187

Нуркаева М. К.

Меры по совершенствованию практики применения
законодательных норм об отдельных видах иммунитетов
в деятельности подразделений дознания 193

Петраков С. В.

Способы идентификации лиц, совершающих
преступления посредством сети Интернет 199

Победкин А. В.

«Контекст событий» и принципы уголовного судопроизводства..... 203

Попенков А. В.

Актуальные вопросы обеспечения принципа состязательности сторон
в досудебном производстве..... 210

Правкина И. Н.

Совершенствование организационно-правового механизма обеспечения
безопасности дорожного движения..... 214

Прохорова Е. А.

Назначение уголовного судопроизводства: в поисках смысла 218

Радченко К. Н.

Особенности совершения преступлений, связанных с легализацией
(отмыванием) денежных средств или иного имущества,
приобретенных другими лицами преступным путем..... 222

Саморока В. А., Угольникова Н. В., Григорьева Н. В.

Актуальные вопросы соблюдения прав человека
при выявлении признаков уголовно наказуемого нарушения
миграционного законодательства..... 228

Семенцов В. А.

Явное затягивание ознакомления обвиняемого и защитника
с материалами уголовного дела 235

Сизова В. Н.

Функции российского уголовного законодательства..... 242

Соколова М. В., Подустова О. Л.

Наложение ареста на криптовалюту: теория и практика 246

Тисен О. Н.

Особенности использования правоохранительными органами
материалов Росфинмониторинга в доказывании 250

Титовец И. В.

Рассмотрение следователем ходатайств защитника
о признании доказательств недопустимыми 260

Туманов Д. О.

Выявление лиц, вовлекающих несовершеннолетних
в совершение противоправных действий, и особенности расследования
уголовных дел, возбужденных по ст.ст. 150, 151 УК РФ 264

Уханова Н. В.

О значении реформирования стадии возбуждении уголовного дела
для целей предупреждения общественно опасных деяний,
совершаемых несовершеннолетними,
не достигшими возраста уголовной ответственности 270

Федулова И. И.

Некоторые вопросы, касающиеся процедуры проверки сообщения
о преступлении, осуществляемой дознавателем
органов внутренних дел 275

Федюкина А. Ю.

Обеспечение конфиденциальности данных
предварительного расследования 278

Филиппов Д. В.

Совершенствование предварительного расследования:
проблемы и перспективы 282

Химичева О. В., Кушниренко К. С.

О видах и классификации доказательств,
содержащих цифровую информацию 288

Хмелев С. А., Хмелева З. А.

Актуальные вопросы использования
информационно-телекоммуникационных технологий
при расследовании краж из предприятий торговли
и их применение для квалификации данных преступлений 293

Хоанг Ван Луан

Положение о коммерческих юридических лицах,
совершивших преступление по уголовному законодательству
Социалистической Республики Вьетнам 300

Цыренов Ж. В.

Синописис направлений поиска информации
в киберпространстве о финансовом состоянии иностранных контрагентов
в условиях санкций в целях профилактики и возмещения ущерба 303

<i>Шаров А. В.</i> К вопросу об установлении следователем аутентичности файла без участия специалиста	311
<i>Шаталов А. С.</i> Научные исследования как средство удовлетворения потребностей государства и общества в сфере уголовного судопроизводства	315
<i>Шунк В. Э.</i> Совершенствование передачи доказательственной и иной процессуальной информации посредством сети Интернет в уголовном судопроизводстве	319
<i>Якубова С. М.</i> О профилактической деятельности следователя, дознателя по уголовным делам на досудебных стадиях уголовного процесса в процессуальных и непроцессуальных формах	323
Часть II.....	328
<i>Барабанова А. А.</i> «Процессуальный порядок» как уголовно-процессуальная категория: понятие и основные признаки	328
<i>Бастрыкин А. А., Щербакова П. А.</i> Угрозы экстремизма и роль Следственного комитета Российской Федерации в деятельности по противодействию экстремизму	333
<i>Буй Тхиен Тхыонг</i> Взаимодействие следователя с прокурором при привлечении лица в качестве обвиняемого (сравнительно-правовой анализ законодательства России и Вьетнама)	339
<i>Горбатов И. М.</i> К вопросу об альтернативных способах избрания домашнего ареста	342
<i>Демичева Т. С.</i> Перспективы использования информационных технологий при проверке сообщения о преступлении	346
<i>Жиделев А. Д.</i> Понятие, признаки и значение мер пресечения, закрепленных в современном российском законодательстве	349
<i>Коновалова Е. А.</i> Обыск: проблемы правоприменения при расследовании преступлений, совершенных организованными группами.....	355
<i>Кривенцов Н. М.</i> Наложение ареста на виртуальные активы.....	359

Кузнецова Е. Л.

Особенности тактики производства осмотра места происшествия
по преступлениям, предусмотренным статьями 207.1, 207.2

Уголовного кодекса Российской Федерации..... 363

Кулаков А. С.

Роль прокуратуры в системе контрольно-надзорных органов 368

Молодцов Е. Д.

Принципы реализации мер безопасности в деятельности следователя 371

Муклецова И. А.

Особенности работы следователя с носителями электронной информации
и цифровыми следами..... 375

Платонова Е. И.

Презумпция невиновности и преюдиция в решениях

Конституционного Суда Российской Федерации 379

Плахота К. С.

Допрос несовершеннолетнего потерпевшего (свидетеля)

с использованием электронных средств связи:

криминалистические рекомендации..... 387

Сергеев А. С.

Проблемные вопросы обеспечения прав обвиняемого при ознакомлении
с материалами уголовного дела при окончании

предварительного расследования в форме дознания..... 392

Сиворакиш В. В.

О некоторых причинах отказа суда в удовлетворении ходатайств

о продлении сроков содержания под стражей и домашним арестом 396

Силютин А. В., Алимamedов Э. Н.

Особенности электронного документа как источника

значимой информации при расследовании преступлений..... 401

Хажирокова А. З.

Институт реабилитации в российском уголовном процессе:

об отраслевой принадлежности

и некоторых правоприменительных проблемах 405

Данг Вьет Хынг

Обеспечение прав и законных интересов участников судопроизводства

как общее условие предварительного расследования 410

Шевкопляс Н. П.

Игрок как определяющий элемент механизма преступления

по незаконным организации и проведению азартных игр 413

Юдина Э. И.

Руководитель следственного органа как субъект доказывания 417

ЧАСТЬ I

Иванов Д. А.¹,

начальник кафедры предварительного расследования

Московского университета

МВД России имени В.Я. Кикотя,

доктор юридических наук, профессор,

почетный сотрудник МВД России

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ И ПАТРИОТИЧЕСКАЯ ПОДГОТОВКА КАДРОВ ДЛЯ ОРГАНОВ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННЫХ УГРОЗ ВНУТРЕННЕЙ И ВНЕШНЕЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Мы рады приветствовать вас на нашей ежегодной Всероссийской научно-практической конференции «Актуальные вопросы производства предварительного следствия в современных условиях совершенствования уголовно-процессуального законодательства».

Мне вдвойне приятно, что наше сегодняшнее мероприятие связано с большим юбилеем – 60-летием образования органов следствия в системе МВД России.

Подготовка специалистов для органов предварительного расследования системы органов внутренних дел является одним из приоритетных направлений подготовки кадров в Московском университете МВД России имени В.Я. Кикотя.

Кафедра предварительного расследования является одной из основных практико-ориентированных кафедр, осуществляющих на протяжении долгих лет подготовку сотрудников для органов предварительного расследования.

Органы следствия сегодня – это мощнейший инструмент охраны прав и свобод граждан, защиты территориальной целостности и суверенитета нашего государства, а значит, они нуждаются в высоконравственных и крайне профессиональных сотрудниках, подготовка которых является нашей первоочередной задачей.

При подготовке специалистов для службы следствия и дознания профессорско-преподавательский состав ориентируется на комплексность обучения и потребность правоприменительной практики. В соответствии с Директивой МВД России и предложениями Следственного департамента МВД России, а также учитывая нехватку специалистов по расследованию преступлений, совершаемых с использованием информационно-коммуникационных технологий, в Институте подготовки следователей Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя введены следующие учебные дисциплины:

- «Расследование преступлений в сфере компьютерной информации»;
- «Расследование отдельных видов преступлений, совершенных с использованием информационно-коммуникационных технологий».

¹ © Иванов Д. А., 2023.

В рамках учебного процесса мы знакомим будущих следователей и дознавателей со спецификой деятельности по расследованию указанных преступлений, а также навыкам составления процессуальных документов, учитывая компьютерную терминологию.

В условиях роста количества преступлений, совершаемых с использованием информационных технологий и в сфере компьютерной информации, особую значимость приобретает подготовка специалистов для органов предварительного следствия и дознания, которые будут обладать необходимыми знаниями, умениями и навыками по расследованию данных преступлений [2, с. 356].

За последние годы динамика вызовов и угроз безопасности изменилась и продолжает меняться с каждым годом. Пандемия, киберпреступления, специальная военная операция – все это послужило триггером перемен в уголовном и уголовно-процессуальном законодательстве, криминалистических тактиках и методиках раскрытия и расследования преступлений. Это накладывает отпечаток и на подходы к подготовке наших курсантов и слушателей, а также обязывает кафедру идти в ногу со временем в вопросах методики и методологии научных знаний.

Преподаваемые кафедрой дисциплины являются важной основой подготовки будущих следователей. При нашем активном участии были проведены такие научно-практические мероприятия, как «Антиобнал» и «Киберучения». Профильные подразделения следственных органов, наши коллеги с других кафедр, ПАО «Банк ВТБ» и «Лаборатории Касперского» также приняли участие в подготовке данных мероприятий. Регулярно проводятся выездные занятия во взаимодействии со «Сбербанком», «Росфинмониторингом», ЭКЦ МВД России и многими другими заинтересованными структурами. Как показал опыт проведения подобных занятий, их эффективность возрастает кратно.

Подготовку будущих следователей, дознавателей во многом обеспечивает практическая направленность обучения [1, с. 61], которая реализуется благодаря налаженному сотрудничеству с практическими подразделениями основных комплементирующих органов.

Кафедрой осуществляется взаимодействие со Следственным департаментом МВД России, ГСУ ГУ МВД России по г. Москве, ГСУ ГУ МВД России по Московской области, УОД ГУ МВД России по г. Москве и УОД ГУ МВД России по Московской области, а также другими практическими подразделениями органов предварительного расследования. Представители практических органов на постоянной основе принимают активное участие в проведении аудиторных занятий с курсантами и слушателями.

Огромную роль в становлении будущих специалистов играет ознакомительная практика на третьем курсе обучения и производственная преддипломная практика в практических подразделениях на пятом курсе обучения.

Практически все преподаватели нашей кафедры, включая профессоров и руководство, проходили службу в органах предварительного расследования в должностях различного уровня и имеют большой практический опыт работы, который ежедневно передают нашим ученикам.

Важным видится не только профессиональная, но морально-нравственная подготовка наших курсантов и слушателей. Практически весь профессорско-преподавательский состав кафедры является кураторами учебных взводов. На регулярной основе проводятся воспитательные и патриотические занятия с переменным составом. Приглашаются практические сотрудники и ветераны следственных органов, за что хочется выразить благодарность представителям Следственного департамента МВД России и Главного следственного управления по г. Москве. Уверен, что преемственность поколений очень важна для будущих следователей, а сохранение традиций является важным условием профессионализма. Несмотря на то что Институт подготовки сотрудников для органов предварительного расследования является одним из самых крупных подразделений университета, количество нарушений служебной дисциплины и законности со стороны курсантов и слушателей существенно ниже других факультетов, что говорит о высоком уровне внутренней дисциплины будущих следователей и дознавателей. Сохранить и приумножить эти показатели является важной воспитательной задачей нашей кафедры.

Возвращаясь к главному событию нашей научно-практической конференции «Дню работника следственных органов МВД России», хотел бы поблагодарить всех многоуважаемых гостей за участие в нашем мероприятии, а также поздравить всех присутствующих сотрудников следственных подразделений с этим праздником. Ваш вклад в подготовку будущих следователей бесценен, многое из проведенного университетом не было бы реализовано без вашего непосредственного участия. Хотелось бы пожелать всем здоровья и благополучия, а со своей стороны могу выразить готовность и дальше осуществлять плодотворное взаимодействие по подготовке кадров для органов предварительного расследования.

В ходе нашей сегодняшней конференции планируются к обсуждению следующие проблемы:

- актуальные вопросы совершенствования предварительного следствия;
- вопросы методики расследования преступлений, совершаемых с использованием информационных технологий;
- меры по совершенствованию уголовно-процессуального законодательства;
- вопросы подготовки сотрудников для органов предварительного следствия.

В заключение еще раз поздравляю всех с Юбилеем следственных подразделений системы МВД России и желаю успешной работы на нашей сегодняшней конференции.

Список литературы

1. Иванов Д. А., Попенков А. В., Сермягин К. А. Особенности преподавания экспериментальной практико-ориентированной дисциплины «Деятельность оперативного сотрудника уголовного розыска в ходе досудебного производства по уголовным делам» в Московском университете МВД России имени В.Я. Кикотя // Вестник экономической безопасности. 2015. № 7. С. 62–67.

2. Предварительное следствие : учебник / под ред. Д. А. Иванова, А. С. Есиной. 4-е изд., перераб. и доп. М. : Юнити-Дана, 2021.

Алонцева Е. Ю.¹,
доцент кафедры уголовного процесса
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент

СУДЕБНЫЙ КОНТРОЛЬ ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ: НЕОБХОДИМЫ ЛИ ИЗМЕНЕНИЯ?

Права и свободы человека и гражданина являются показателем того, насколько развитым и демократичным является государство. Российская Федерация, провозглашая их в Конституции высшей ценностью, возлагает на себя обязанность их защиты, в том числе и судебной.

Конституция Российской Федерации содержит перечень личных, неотъемлемых прав и свобод, которые даны каждому и не могут быть ограничены. Среди них право на свободу и личную неприкосновенность, право на неприкосновенность жилища, тайна телефонных, телеграфных и иных сообщений. Однако ограничение возможно лишь в исключительных случаях в рамках уголовного дела, когда этого требуют публичные интересы государства в сфере уголовного судопроизводства.

Вместе с тем на законодательном уровне установлены достаточные гарантии для недопущения неправомерного, незаконного, недопустимого ограничения конституционных прав и свобод. Указанными гарантиями являются, прежде всего, конституционные нормы, а также нормы уголовно-процессуального закона, устанавливающие процессуальный порядок производства процессуальных и следственных действий, и различные виды контроля за их производством.

Так, в соответствии с действующим уголовно-процессуальным законом, произвести следственные действия, связанные с вторжением в сферу личных прав и свобод граждан, указанных выше, возможно только по судебному решению. Юридическим основанием производства некоторых следственных действий в жилище (осмотр, обыск, выемка), личный обыск, выемка вещи, сданной или заложенной на хранение в ломбард, контроль и (или) запись переговоров, получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами, выемка сведений, содержащих государственную или иную охраняемую законом тайну, являются исключительно решением суда. В установленном порядке, в соответствии со ст. 165 УПК РФ, следователь обращается в суд с ходатайством, согласованным с руководителем следственного органа, направляет необходимые для подтверждения мотивов производства следственного действия материалы и только в результате судебного заседания судья может принять положительное решение либо отказать в удовлетворении ходатайства.

Таким образом, сама процедура и наличие контроля со стороны руководителя следственного органа, дающего согласие, прокурора, поддерживающего в суде ходатайство и самого суда, принимающего решение либо проверяющего закон-

¹ © Алонцева Е. Ю., 2023.

ность уже произведенного следственного действия в случаях, не терпящих отлагательства, позволяют обеспечить защиту интересов лиц, вовлекаемых в уголовное судопроизводство, и прав, свобод, гарантированных Конституцией Российской Федерации и международными нормативными правовыми актами.

Контроль со стороны руководителя следственного органа, прокурора и ранее были предусмотрены в законе. Их следует относить к постоянной процессуальной деятельности указанных должностных лиц, именуемая чаще всего ведомственный контроль и прокурорский надзор. Целью является проверка законности принятых решений по уголовному делу. Прокурор и руководитель следственного органа, являясь стороной обвинения, наделены соответствующими полномочиями в рамках и процессуального статуса.

Судебный контроль как процессуальный контроль законности действий следователя и дознавателя был введен законодателем с принятием УПК РФ 2001 г. Он был направлен на регулирование правоотношений в сфере принятия определенных решений в досудебном производстве, затрагивающих конституционные права и свободы граждан.

Понятие и сущность судебного контроля всегда являлись предметом дискуссии. Если говорить в общем контексте понимания, то эта дискуссия связана с тем, является ли судебный контроль в досудебном производстве правосудием. Большая часть ученых полагает, что судебный контроль – это разновидность судебной деятельности либо одна из форм правосудия [1, с. 127]. Нельзя не согласиться с такой позицией по следующим причинам:

1) в ходе этой деятельности суд разрешает необходимость, законность и обоснованность следственных или процессуальных действий на основании ходатайства следователя;

2) данный вид деятельность осуществляет определенный круг субъектов – судья, суд;

3) суд выносит решение, отвечающее всем критериям итогового судебного решения – законность, обязательность, принудительность исполнения.

Таким образом, данное направление судебной деятельности имеет все признаки правосудия.

Действительно ли необходимо в настоящее время судебное решение для производства следственных действий? Так, учеными высказывались мнения диаметрально противоположные. Сторонники одной позиции считают участие прокурора в судебном заседании при рассмотрении ходатайства о производстве следственных действий либо избрании мер пресечения нецелесообразным [2, с. 58]. Полагаем, что данная позиция ошибочна и неверна. Участие прокурора является гарантией защиты прав и свобод. Другие авторы предлагают сохранить его полномочия и, более того, наделить его правом самостоятельно обращаться в суд с ходатайством и производстве следственных действий либо заключения лица под стражу [3, с. 172]. Вместе с этим есть авторы, предлагающие и другие изменения. Одна из точек зрения связана с необходимостью объединения судебного контроля и прокурорский надзора в досудебном производстве [4, с. 121], что вызывает не только возражения, но и возмущения у оппонентов [5, с. 51]. В последнее время в научных публикациях все чаще звучат мнения о том, что

следует вернуть прокурору часть полномочий в сфере процедуры принятия решения о производстве процессуальных действий, ограничивающих конституционные права и свободы граждан [6, с. 3; 7]. Обосновывая свою позицию в достижении наибольшей эффективности деятельности и тщательностью проработки вопроса, что в наибольшей степени позволит обеспечить контроль за законностью принятия решения. Участие прокурора в судебном заседании по рассмотрению ходатайств является во всех случаях обязательным, он готовится к судебному заседанию, изучает основания принятия решения и другие необходимые сведения для поддержания ходатайства либо отказе в его поддержании. Представляется, что данная позиция более правильная и логичная. Она не исключает возможности обратиться в суд с жалобой в случае нарушения прав, свобод и законных интересов в случае принятия решения прокурором. Вместе с этим требует проработки механизм и процедура данного вида процессуальной деятельности в случае изменения указанных полномочий.

Список литературы

1. Мухаметгалиев И. Г., Татьяна Л. Г. Судебный контроль в уголовном судопроизводстве (дискуссионные вопросы) // Вестник Удмуртского университета. 2015. Т. 25. Вып. 4. С. 127.
2. Рябцева Е. В. Давайте будем последовательны в реформировании уголовного судопроизводства (о соотношении прокурорского надзора и судебного санкционирования на предварительном следствии) // Российская юстиция. 2008. № 8. С. 58.
3. Назаров С. Н. Формы участия прокурора в суде при рассмотрении ходатайств органов расследования об избрании меры пресечения // Пробелы в Российском законодательстве. 2012. № 4. С. 172.
4. Баранов А. М. Система средств обеспечения законности в досудебном производстве по уголовным делам // Совершенствование норм и институтов Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : сборник научных статей. Омск : Омская академия МВД России, 2006. С. 110–122.
5. Максуров А. А. Понятие судебного контроля на досудебной стадии уголовного процесса // Правопорядок: история, теория, практика. 2019. № 3 (22). С. 51.
6. Оксюк Т. Л. Усмотрение прокурора в уголовном процессе // Законность. 2010. № 3. С. 3–9.
7. Халиулин А. Г. Защита прокурором прав и свобод человека и гражданина в современном уголовном процессе России // Законы России: опыт, анализ, практика. 2011. № 11. С. 30.

Анисимова Н. В.¹,

*доцент кафедры предварительного расследования
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук*

Золочевская Л. С.²,

*преподаватель кафедры предварительного расследования
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя*

ЭЛЕКТРОННЫЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВА В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ: РОЛЬ, СУЩНОСТЬ И ПРОБЛЕМЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ

В современном мире цифровые технологии стремительно вошли в жизнь людей, общества и государства в целом, а также быстро обосновались средством и средой совершения преступлений.

Показатели киберпреступности в целом остаются стабильными, при этом наблюдается рост последние четыре года (по данным официальной статистики МВД России). На данный момент каждое четвертое преступление совершается использованием IT-технологий, но нельзя не отметить то, что и общеуголовная преступность в XXI в. тесно связана с цифровой реальностью и цифровыми следами. По состоянию на 2023 г. число преступлений, которые совершены с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, возросло на 73,4 %, в том числе с использованием сети Интернет – на 91,3 %, при помощи средств мобильной связи – на 88,3 %. Необходимо отметить, что раскрываемость указанных преступлений с каждым годом растет [1]. Данный факт обуславливает необходимость исследования и поиска проблем в этой сфере, а также путей и средств их решения и в конечном результате внедрения их в практическую деятельность правоохранительных органов.

В настоящее время в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации (УПК РФ) не содержится законодательно закреплённого определения названных доказательств, а юридическая литература не может дать исчерпывающий ответ, чем же являются электронные доказательства и какова их правовая природа.

Например, П. Г. Марфицин предлагает не рассматривать данный вид доказательств как отдельный, а отразить признак «электронности» в таком виде доказательств, как «иные документы». Часть 2 ст. 84 УПК РФ регламентирует, что к иным документам могут относиться не только письменные документы, но и материалы на иных носителях информации, полученные, истребованные или представленные в установленном порядке. Иными словами, законодателю необходимо предусмотреть в данной статье, что иными документами будут являться

¹ © Анисимова Н. В., 2023.

² © Золочевская Л. С., 2023.

любые сведения с электронных носителей (компьютер, смартфон), которые способны установить обстоятельства, имеющие отношение для уголовного дела. Как заключает ученый, формулировка понятия «электронное доказательство» в данном случае не потребуется [2]. Данной позиции придерживается и А. А. Балашова, говоря о том, что электронные доказательства лишь условно электронные и их можно отразить на любом носителе, а их выделение в качестве новых крайне неверно [3].

Л. В. Головкич считает, что в данном вопросе необходима современная интерпретация традиционных понятий, например, признание вещественными доказательствами электронных носителей, содержащих необходимую для расследования по уголовному делу информацию.

Закономерный вопрос в противовес позиции существования электронных доказательств как отдельного вида доказательств задает А. М. Баранов: означает ли, что использование электронных измерительных приборов и средств множительной техники вместо механических повлекло изменение природы полученных сведений, что информация, полученная экспертом и от эксперта, стала цифровой, а заключение эксперта стало электронным доказательством? [4]. Вероятно, нет.

Полагаем, вышеуказанные точки зрения будут приоритетны до тех пор, пока развитие уголовного процесса России остановилось на этапе смешанного документооборота – использование и бумажных, и электронных документов, которые будут относиться к разным категориям источников. Как только произойдет централизованный переход к использованию только электронных документов, электронных подписей, электронной информации – необходимость в выделении отдельного вида «электронных доказательств» отпадет автоматически.

В поддержку существования электронных доказательств в уголовном судопроизводстве в своей обширной статье также высказался П. С. Пастухов, отметив различные направления использования электронной доказательственной информации: это и получение электронных носителей информации с зафиксированной на них доказательственной информацией, и сканирование процессуальных бумажных документов в электронный формат, и производство следственных и судебных действий удаленным способом (видеосвязь конференция) и пр. [5].

Границами использования электронных доказательств становится именно имеющийся перечень источников доказательств, а не их определение в качестве «любых сведений», на основе которых устанавливаются обстоятельства, имеющие отношение для дела. В итоге, как отмечает С. И. Кувачев, современный уголовный процесс обуславливает понимание допустимости доказательства с позиции формальных, а не содержательных требований [6].

Многие исследователи данного вопроса имеют пограничное мнение. Н. О. Овчинникова считает, что формулировку «электронное доказательство» необходимо внести в действующий уголовно-процессуальный закон, но в то же время нужно разграничить случаи, когда доказательства будут приобщаться к уголовному делу в электронной форме, а когда их целесообразнее перевести в бумажную форму. В пример она приводит такое электронное доказательство, как скриншот, т. е. снимок экрана, созданный с помощью комбинаций клавиш

на электронном устройстве. С одной стороны, отмечает автор, скриншот возможно приобщить к уголовному делу вместе с электронным носителем информации (например, мобильным телефоном) либо перевести в бумажный вид и использовать в качестве иного документа [7].

Рассмотрев мнения ряда ученых по данной проблематике, мы пришли к выводу, что большинство мнений сводятся к одному – электронные доказательства следует рассматривать как вид отдельной классификации, отличной от представленной в ст. 74 УПК РФ, а с точки физической природы доказательств, имеющей значение для определения процессуального порядка получения, хранения и использования имеющейся на них информации. Исходя из этого, сущность электронных доказательств заключается в том, что они способны отражаться в разном виде, на различных видах устройств и при этом содержать сведения, имеющие доказательственное значение.

Несмотря на то что органами внутренних дел активно расследуются дела, доказательства по которым мы можем отнести к электронным, и они успешно отражают такие сведения в обвинительных заключениях и актах, в данной области часто возникают вопросы.

С какими проблемами сталкиваются следователи и дознаватели при использовании электронных доказательств при раскрытии преступлений, совершенных либоготавливаемых дистанционно и как их решить?

Во-первых, необоснованная передача по территориальности сообщений о преступлении, которая в дальнейшем вызывает трудности по определению места окончания преступления в случае межрегионального характера их совершения.

Согласно приказу МВД России от 29 августа 2014 г. № 736 «Об утверждении Инструкции о порядке приема, регистрации и разрешения в территориальных органах Министерства внутренних дел Российской Федерации заявлений и сообщений о преступлениях, об административных правонарушениях, о происшествиях», поступившие от граждан заявления о совершенных преступлениях должны быть зарегистрированы по месту обращения заявителей, также должны быть проведены неотложные следственные действия для закрепления следов преступления. Такое решение проблемы должно предотвратить затягивание с фиксацией следов и их утрату (невозможность восстановления) [8].

Во-вторых, недостаточная компетентность следователей и дознавателей при расследовании преступлений, совершенных с использованием ИТ-технологий. При этом необходимо направление сотрудников оперативных подразделений, следователей и дознавателей, экспертов, которые занимаются выявлением и раскрытием, расследованием преступлений данной категории на обучение и повышения квалификации.

В-третьих, отсутствие взаимодействия и низкого качества обмена информации между сотрудниками органов внутренних дел и операторами сотовой связи, электронными платежными системами, кредитными организациями, выражающееся в общих ответах на запросы, в которых часто субъекты расследования не могут найти важные для расследования информации (обезличенные счета, широкий круг обслуживаемых адресов провайдеров, идентичные IP-адреса).

Обеспечить повышение качества такого взаимодействия возможно более точными формулировками сведений, которые необходимо получить от организации, в запросе. Поскольку ответ на запрос – обязанность указанных физических и юридических лиц, они должны будут дать ответ на каждый поставленный вопрос.

В-четвертых, устаревшее оборудование, используемое в кабинетах должностных лиц, его изношенность. Поскольку преступники тщательнее готовятся к преступлению, вероятнее всего, они используют для сокрытия деяния новейшие технологии, при этом сама специфика преступлений предполагает сложность их расследования даже без сложных схем шифрования. На сегодняшний день приоритетным направлением является обеспечение сотрудников правоохранительных органов современными техническими средствами для успешного противодействия преступности с использованием информационно-телекоммуникационных технологий.

В настоящее время электронное доказательство – это не только то, что содержится на электронном носителе, но и сама информация, представленная в цифровой форме, которая способна устанавливать обстоятельства, подлежащие доказыванию по уголовному делу, хранящаяся на электронном носителе информации и (или) представленная независимо от него. Фактически это сведения, зашифрованные в числовой код, который записан на специальном материальном носителе.

На наш взгляд, целесообразно выработать единый термин и определение для информации, находящейся на электронных носителях и используемой в процессе расследования преступлений, поскольку она является одной из форм представления сведений. На законодательном уровне предлагаем в ст. 5 УПК РФ дать толкование понятия «электронная информация», изложив его в дополнительном пункте: электронная информация – сведения, полученные посредством электронной или иной связи, в том числе с использованием информационно-телекоммуникационной сети Интернет.

Список литературы

1. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь – декабрь 2022 года // Министерство внутренних дел Российской Федерации. URL: <https://мвд.пф/reports/item/35396677/>.
2. Марфицин П. Г. Некоторые подходы к формулированию понятия «электронное доказательство» в уголовном судопроизводстве // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2017. № 3 (39). С. 107.
3. Балашова А. А. Электронные носители информации и их использование в уголовно-процессуальном доказывании : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09. М. : Академия управления МВД России, 2020. С. 14.
4. Баранов А. М. Электронные доказательства: иллюзия уголовного процесса XXI в. // Уголовная юстиция. 2019. № 13. С. 63–69.
5. Пастухов П. С. Электронные доказательства в нормативной системе уголовно-процессуальных доказательств // Пермский юридический альманах. 2019. № 2. С. 697.

6. Кувычков С. И. Использование в доказывании по уголовным делам информации, представленной в электронном виде : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09. Нижний Новгород : Нижегородская академия МВД России, 2016. С. 87–88.

7. Овчинникова Н. О. К вопросу об электронных доказательствах в уголовном процессе // Трансформация правовых институтов и методов обеспечения экологической и продовольственной безопасности в России, странах СНГ и Европейского союза в условиях внедрения генно-инженерных технологий : сборник научных статей / под ред. Н. Т. Разгельдеева. Саратов, 2021. С. 147.

8. Приказ МВД России от 29 августа 2014 г. № 736 «Об утверждении Инструкции о порядке приема, регистрации и разрешения в территориальных органах Министерства внутренних дел Российской Федерации заявлений и сообщений о преступлениях, об административных правонарушениях, о происшествиях» (ред. от 09.10.2019) // НПП «Гарант-сервис». URL: <http://base.garant.ru/70791976/>.

9. Соколова М. В., Подустова О. Л. Работа с цифровыми объектами при производстве предварительного следствия по уголовным делам в сфере компьютерной информации // Актуальные вопросы производства предварительного следствия в современных условиях совершенствования уголовно-процессуального законодательства : сборник научных трудов. М. : Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 2022. С. 208–210.

10. Предварительное следствие : учебник / [Р. Э. Адамян и др.]. 4-е изд., перераб. и доп. М. : Юнити-Дана, 2021.

Антимонова С. И.¹,
*преподаватель кафедры предварительного расследования
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя*

ПРОБЛЕМЫ ПРИВЛЕЧЕНИЯ АДВОКАТА К ДИСЦИПЛИНАРНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Адвокат обязан защищать права, свободу и интересы своего доверителя любыми законными способами. Для того чтобы эти способы не выходили за установленную границу, требуются обеспечение контроля за его деятельностью и принятие своевременных мер для пресечения нарушений со стороны адвоката и привлечения его к ответственности.

Вопрос о необходимости привлечения к дисциплинарной ответственности недобросовестных адвокатов все чаще поднимается сотрудниками органов предварительного расследования, поскольку с каждым годом отношения между ними и адвокатским сообществом становятся более сложными и напряженными.

Актуальность этой темы подтверждает и состоявшаяся в ноябре 2022 г. научно-практическая конференция «Кутафинские чтения», проведенная Московским государственным юридическим университетом имени О.Е. Кутафина и Московским государственным университетом имени М.В. Ломоносова, посвященная вопросам дисциплинарной практики адвокатов Российской Федерации и зарубежных стран.

Следует отметить, что у адвокатов есть достаточно широкий набор способов выражения несогласия с действиями или решениями следователя. Это возможность направления жалоб руководителю следственного органа, прокурору или в суд. Они активно используют их в своей работе, при этом нередко основания для таких жалоб являются надуманными, а сами жалобы направляются исключительно для того, чтобы произвести впечатление на клиента и создать видимость активной деятельности защитника. Для соблюдения равновесия у следователей тоже должен быть инструмент, который они могли бы применить против недобросовестных адвокатов. Пока это единственный инструмент – привлечение адвоката к дисциплинарной ответственности.

Стороне защиты предоставлено право защищаться всеми способами, не запрещенными Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации (УПК РФ) (п. 11 ч. 4 ст. 46, п. 21 ч. 4 ст. 47), чтобы компенсировать обвинительный уклон уголовно-процессуальной деятельности [1]. Однако адвокатское сообщество широко трактует эту возможность, не учитывая тот факт, что это право стороны защиты не должно причинять вред общим принципам уголовного процесса и правовому положению других его участников.

Попытки законодателей избежать перегибов в сторону обвинения приводят к противоположному эффекту – злоупотреблению правом на защиту, в связи с чем Верховный Суд Российской Федерации был вынужден дать разъяснения,

¹ © Антимонова С. И., 2023.

что право обвиняемого на защиту не будет нарушено, если ограничение в реализации отдельных правомочий обвиняемого или его защитника обусловлены явно недобросовестным использованием ими этих правомочий в ущерб интересам других участников процесса [3]. Результатом такого разъяснения стало активное обсуждение учеными-процессуалистами введения понятия «злоупотребление правом на защиту» в УПК РФ, которое подверглось резкой критике адвокатским сообществом.

При осуществлении своей деятельности адвокаты должны опираться на действующее законодательство, а также принципы профессиональной этики. Согласно ч. 2 ст. 1 УПК РФ [1], порядок уголовного судопроизводства является обязательным для судов, органов прокуратуры, предварительного следствия и дознания, а также иных участников уголовного судопроизводства, т. е. и для защитников, которые в данном контексте являются «иными участниками».

Одной из серьезных проблем в практической деятельности следователей является срыв следственных и иных процессуальных действий по вине адвокатов, который влечет серьезные последствия для расследования уголовного дела, качество которого в значительной степени зависит от его сроков. В некоторых случаях срыв одного следственного действия может повлиять на весь ход расследования и даже повлечь избежание уголовной ответственности лицом, совершившим преступление. Недобросовестные адвокаты это прекрасно понимают и используют в своей деятельности при осуществлении защиты подозреваемых, обвиняемых, прикрываясь работой в интересах своего подзащитного.

В качестве примера ненадлежащего исполнения адвокатом своих обязанностей можно рассмотреть следующий случай. В ходе предварительного следствия адвокат неоднократно не являлся в назначенное время для участия в следственных действиях с его подзащитным, о своей неявке не предупреждал. В результате сроки предварительного следствия и содержания под стражей были продлены до девяти месяцев. В итоге квалификационная комиссия и Совет адвокатской палаты пришли к выводу о наличии в действиях адвоката нарушений норм Кодекса профессиональной этики адвоката и решили применить к нему меру дисциплинарной ответственности в виде предупреждения.

Кроме того, с каждым годом все сложнее становится следователю обеспечить участие защитника в деле в порядке ст. 51 УПК РФ. В итоге получается, что адвокатское сообщество пытается диктовать и уже диктует свои условия, а следователь вынужден подстраиваться под установленный ими порядок вызова адвоката.

В ч. 2 ст. 7 Федерального закона от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» [2] закреплено, что за неисполнение либо ненадлежащее исполнение своих профессиональных обязанностей адвокат несет ответственность, предусмотренную законом. Таким образом, в случае необоснованного срыва следственных действий или затягивания процессуальных действий адвокат должен подлежать дисциплинарной ответственности, порядок привлечения к которой установлен разд. 2 Кодекса профессиональной этики адвокатов [3]. В ч. 1 ст. 20 названного документа перечислены поводы для возбуждения дисциплинарного производства в отношении адвоката.

Ю. С. Пилипенко называет Кодекс профессиональной этики адвоката «одним из самых серьезных достижений российской адвокатуры последних десятилетий». По его мнению, он заложил основы для формирования собственной дисциплинарной практики и собственного взгляда на этику адвокатского поведения [4]. Для адвокатского сообщества Кодекс действительно имеет большое значение, однако составлен он таким образом, что действует в первую очередь в его интересах, осложняя возможность воздействия на недобросовестных адвокатов.

Поскольку большинство источников института дисциплинарной ответственности адвокатов исходят непосредственно от адвокатского сообщества, он слабо урегулирован со стороны государства, что дает возможность этому сообществу сделать максимально сложным путь привлечения к дисциплинарной ответственности адвоката, если инициатором этого выступает следователь. Как правило, такая необходимость возникает, если происходит срыв следственных действий ввиду неявки адвоката, в результате некорректного общения адвоката со следователем или нарушения адвокатом прав доверителя.

Судебные органы в случае нарушения адвокатом установленного порядка судопроизводства имеют возможность обратиться в адрес адвокатской палаты для привлечения последнего к дисциплинарной ответственности. Органы следствия лишены этого эффективного способа реагирования на злоупотребления стороной защиты своими правами, поскольку не являются субъектами, которые могут обратиться в адвокатскую палату напрямую. На практике сложился следующий порядок: следователь при несоблюдении адвокатом своих обязанностей вынужден обращаться в Министерство юстиции Российской Федерации, которое рассматривает это обращение и в случае согласия с ним (что бывает редко) обращается в адвокатскую палату с требованием о рассмотрении данного вопроса. В результате такого сложного порядка рассмотрения обращения следователя возможность привлечения адвоката к дисциплинарной ответственности за неправомерное поведение в ходе предварительного следствия становится почти невозможной, что и порождает злоупотребления со стороны адвокатов. Даже в случае, если следователю удастся обосновать Министерству юстиции Российской Федерации свое представление, и оно попадет на дисциплинарный совет, вероятность его удовлетворения и наказания адвоката незначительна.

М. А. Женина в своем диссертационном исследовании также отмечает, что в Кодексе профессиональной этики адвокатов отсутствует порядок рассмотрения жалоб правоохранительных органов [6, с. 143–144].

Согласно отчету о деятельности Квалификационной комиссии Адвокатской палаты Московской области в 2022 г., всего комиссией было рассмотрено 484 дисциплинарных производства, поводом к 50 из них послужили обращения судов и 13 представлений Управления Министерства юстиции Российской Федерации по Московской области по которым было установлено наличие дисциплинарного проступка по 35 и восьми случаям соответственно. Таким образом, за год лишь восемь случаев ненадлежащего поведения были наказаны в установленном законом порядке [7].

Для преодоления возникшей проблемы необходимы совершенствование законодательства и предоставление следователю правовых средств и возможностей противодействия адвокату, злоупотребляющему правом на защиту, и его четкая законодательная регламентация. Целесообразно закрепить в ч. 31 ст. 50 УПК РФ следующее положение: «В случае неявки по неуважительной причине на следственные действия, если защитник был должным образом уведомлен о проведении следственных действий в определенный день, а также совершения иных действий, направленных на необоснованное увеличение сроков расследования, он должен быть привлечен к ответственности в установленном порядке». Кроме того, необходимо дополнить ч. 1 ст. 20 Кодекса профессиональной этики адвоката п. 5 следующего содержания: «представление руководителя следственного органа, расследующего уголовное дело, представителем (защитником) по которому выступает адвокат, в адрес адвокатской палаты». Указанное дополнение позволит органу следствия без посредников обратиться в адвокатскую палату с жалобой на действия недобросовестного адвоката.

В результате введения указанных изменений у следователей появится способ противодействия незаконным действиям адвокатов, а у последних будет меньше поводов допускать такие нарушения.

Список литературы

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 52 (ч. 1). Ст. 4921.
2. Федеральный закон от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» // НПП «Гарант-сервис». URL: <http://base.garant.ru>.
3. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30 июня 2015 г. № 29 «О практике применения судами законодательства, обеспечивающего право на защиту в уголовном судопроизводстве» // НПП «Гарант-сервис». URL: <http://base.garant.ru>.
4. Кодекс профессиональной этики адвоката : принят I Всероссийским съездом адвокатов 31 января 2003 г. (ред. от 15.04.2021) // НПП «Гарант-сервис». URL: <http://base.garant.ru>.
5. Адвокатура : учебник для бакалавров / отв. ред. Ю. С. Пилипенко. М., 2014. С. 108–109.
6. Женина М. А. Теоретические и практические проблемы дисциплинарной ответственности адвоката : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.11. М., 2009.
7. URL: <https://apmo.ru/distsiplinarnaya-praktika/obzory/>.
8. URL: http://advokatrd.ru/disciplinary-practices/disciplinary-practices_344.html.
9. Предварительное следствие : учебник / [Р. Э. Адамян и др.]. 4-е изд., перераб. и доп. М. : Юнити-Дана, 2021.

Артемова В. В.¹,

заместитель начальника
кафедры предварительного расследования
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент

Макеева Н. В.²,

доцент кафедры предварительного расследования
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент

ОСОБЕННОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ И ПРОВЕДЕНИЯ СЛЕДСТВЕННОГО ЭКСПЕРИМЕНТА

Не все элементы обстановки и механизма дорожно-транспортного происшествия (ДТП) можно обнаружить с помощью непосредственного восприятия в ходе осмотра места происшествия, поскольку они могли не отобразиться в каких-либо визуально воспринимаемых следах. Поэтому для установления и уточнения механизма совершения ДТП, к примеру, в области объективной возможности водителя увидеть пешехода при существовавших на момент ДТП условиях следует проводить следственный эксперимент. В соответствии со статистическими данными, не менее 80 % следователей, специализирующихся на расследовании ДТП, подтверждают необходимость обязательного проведения следственного эксперимента при расследовании данного вида преступлений [1].

Следственный эксперимент позволяет установить такие обстоятельства ДТП, как видимость на конкретном участке дороги в определенные погодные условия, влияние состояния дорожного покрытия или освещенности для восприятия ситуации ДТП, продолжительность визуального восприятия водителем пешехода с момента возникновения опасности, скорость реакции водителя в зависимости от ранее перечисленных обстоятельств и его физических возможностей воспринимать обстоятельства ДТП и т. д. [2].

Наиболее существенная проблема проведения следственного эксперимента по факту ДТП заключается в создании идентичной обстановки, поскольку момент ДТП зачастую связан с сложно воссоздаваемыми плохим погодными условиями и темным временем суток, затрудняющим участие необходимых лиц при проведении опытных действий.

Важным этапом осуществления следственного эксперимента является подготовка к нему. Одним из аспектов подготовки является определение круга его участников, который определяется конкретной следственной ситуацией.

Важное значение для разрешения имеет проблема, заключающаяся в том, что следователи обращаются к лицам, обладающим специальными знаниями, не во

¹ © Артемова В. В., 2023.

² © Макеева Н. В., 2023.

всех случаях, когда это необходимо для объективного и полного раскрытия всех обстоятельств ДТП. Для участия в следственном эксперименте следует привлекать экспертов-автотехников, обладающих знаниями о конструктивных и функциональных особенностях автомобиля, а также психологов или психиатров, знания которых позволят объяснить поведение проверяемого лица в зависимости от его психических, психологических и психосоматических особенностей.

При подготовке к следственному эксперименту по факту ДТП также необходимо установить факт неизменности дорожной обстановки с момента ДТП, а именно отсутствие ремонта дорожного полотна, изменений разметки и т. д.

Проведение следственного эксперимента по обстоятельствам ДТП не предполагает обязательного участия понятых в том случае, когда применяются средства видеофиксации. Однако в таком случае необходимо пересмотреть выезд на место проведения следственного эксперимента такого количества специалистов-криминалистов, которые обеспечат видеофиксацию всех аспектов данного следственного действия. В случае проведения следственного эксперимента по факту сложного, многообъектного ДТП достижение исчерпывающего результата съемки может быть достигнуто лишь в процессе съемки с нескольких точек, т. е. необходимо привлечение нескольких экспертов. Отметим, что в случае привлечения понятых, их следует привлечь также в таком количестве, в котором каждое значимое опытное место будет находиться под их визуальным наблюдением [3].

Если место проведения следственного эксперимента предполагает опасность для его участников, необходимо привлечение ГИБДД МВД России, уполномоченных на оцепление участка дороги.

Непосредственное проведение опытных действий может быть поручено как подозреваемому или потерпевшему, так и техническому исполнителю. Отметим, что отечественный уголовно-процессуальный закон в отличие от зарубежного законодательства (к примеру) не закрепляет норм о процессуальном положении таких технических исполнителей, что является законодательным пробелом и требует доработки.

Рассмотрим особенности условий и приемов следственного эксперимента, осуществляемого при расследовании ДТП.

Во-первых, в случае, если есть такая возможность, то при проведении следственного эксперимента необходимо использовать транспортное средство, участвовавшее в ДТП. Если же оно получило существенные повреждения, следует осуществить подбор транспортного средства, максимально схожего по модели, году выпуска, пробегу, цвету, техническому состоянию, степени загруженности и т. д.

Во-вторых, часто при проведении следственного эксперимента по данному виду преступлений привлекаются статисты, в связи с тем, что одним из последствий данного преступления является причинение потерпевшему тяжкого вреда здоровью или смерти. Подбор статиста осуществляется по возрасту и полу, а также по таким физиологическим показателям, характеризующим скорость передвижения лица, как вес и рост. Также он должен быть одет и обут в сходную (по цвету, состоянию) с потерпевшим на момент происшествия одежду и обувь, иметь при себе те же предметы и аксессуары, например, сумку или зонт.

В-третьих, осуществление восстановления максимально схожей обстановки ДТП, в том числе по времени суток, погоде, степени освещенности, видимости в направлении движения, состоянию проезжей части (покрытие сухое, влажное, гололед и т. п.).

Ряд исследователей высказывают мнение о том, что для того чтобы максимально приблизить обстановку следственного эксперимента к реальной, сложившейся в ходе ДТП, данное следственное действие необходимо произвести непосредственно сразу после осмотра места происшествия, а некоторые экспериментальные действия, не требующие предварительной подготовки, к примеру, определение видимости, следует и вовсе включать в рамки другого следственного действия – осмотра места происшествия. Однако следует отметить, что действия экспериментального характера, как вспомогательные тактические приемы осмотра, и экспериментальные действия, предполагающие множественные повторения исследуемых действий в различных условиях, имеют различную сущность [4].

В-четвертых, при производстве следственного эксперимента необходимо обеспечить безопасность его участников, поскольку данное следственное действие зачастую проводится на проезжей части и связано с использованием источника повышенной опасности – автомобилем. По этой причине недопустимо идентичное воспроизведение всех событий, имевших место при реальном ДТП, поскольку это может послужить совершению нового, аналогичного прежнему преступления. Для обеспечения безопасности на проезжей части в ходе проведения данного следственного действия также привлекаются сотрудники ГИБДД МВД России.

В-пятых, в случае, если необходимость проведения следственного эксперимента по одному и тому же факту с различными участниками, с исключения влияния их показаний друг на друга, следует обеспечить проведение данного следственного действия с каждым из них лично [5].

Таким образом, можно сделать вывод о высокой доказательственной значимости результатов такого сложного следственного действия, как следственный эксперимент при расследовании ДТП, а его отсутствие в материалах уголовного дела справедливо может свидетельствовать о неполноте проведенного расследования. Одной из практических проблем следственного эксперимента является привлечение недостаточного количества специалистов и экспертов. Следует также указать на законодательный пробел, а именно на отсутствие регулирования процессуального статуса технических исполнителей (статистов) следственного эксперимента, достаточно часто фактически участвующих в следственных экспериментах, опытах при установлении обстоятельств ДТП, ввиду опасности для жизни и здоровья участников или в связи с гибелью или получения значительных травм потерпевших в результате ДТП.

Список литературы

1. Кольчурин А. Г. Особенности проведения следственного эксперимента при расследовании дорожно-транспортных преступлений // Юрист-Правоведь. 2019. № 4 (91). С. 119–122.

2. Афзалетдинова Г. Х. К вопросу о проведении следственного эксперимента при расследовании дорожно-транспортных преступлений // Право: ретроспектива и перспектива. 2020. № 4 (4). С. 51–56.

3. Анисимова Н. В. К вопросу о понятии «ходатайство» // Проблемы досудебного производства по УПК Российской Федерации : сборник статей. Руза : Московский областной филиал Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, 2015. С. 8–12.

4. Блинова Е. В. Обеспечение неразглашения данных предварительного расследования участниками уголовного судопроизводства со стороны защиты // Проблемы досудебного производства по УПК Российской Федерации : сборник статей. Руза : Московский областной филиал Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, 2015. С. 34–37.

5. АнтимONOва С. И. Некоторые вопросы использования технических средств для вызова участников уголовного процесса к следователю // Актуальные вопросы производства предварительного следствия в современных условиях совершенствования уголовно-процессуального законодательства : сборник научных трудов. М. : Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 2022. С. 37–39.

6. Предварительное следствие : учебник / [Р. Э. Адамян и др.]. 4-е изд., перераб. и доп. М. : Юнити-Дана, 2021.

Архипова И. А.¹,
заместитель начальника кафедры криминалистики
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент

ОСОБЕННОСТИ НАЗНАЧЕНИЯ И ПРОИЗВОДСТВА ЭКСПЕРТИЗ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ НЕЗАКОННОЙ ОХОТЫ

Расследование незаконной охоты предусматривает назначение и производство множества судебных экспертиз как на стадии предварительного следствия, так и на стадии проверки сообщения о преступлении. Неоднократно в криминалистической литературе обращалось внимание на важную роль судебной экспертизы [1, с. 121]. В следственной практике при расследовании рассматриваемой категории преступлений возникают случаи, когда следователь не может с достоверностью установить, какое животное было убито, хотя факт нелегальной охоты будет установлен. В частности, такая ситуация может возникнуть при обнаружении в лесу следов разделки туши животного при невозможности их идентификации по внешним признакам. Так, многие охотники разделяют крупных животных сразу на месте охоты, оставляя на месте внутренности, не пригодные для употребления в пищу или продажи. В таком случае следователю для установления видовой и групповой принадлежности убитого животного необходимо назначить судебную биологическую экспертизу. Некоторые ученые считают, что принадлежность животного по генетическому материалу может установить только генетическая экспертиза. Мы же считаем, что следователь должен исходить из возможностей учреждения, в котором будет назначаться экспертиза, а также наличие специалистов соответствующего профиля.

Для исследования эксперту могут быть предоставлены следующие материалы: кровь животного, кости, шкура, копыта, внутренности, куски мяса, иные биологические материалы.

На разрешение эксперту могут быть представлены следующие вопросы:

- к какому виду (группе) относится животное, которому принадлежит биологический материал, предоставленный на исследование;
- возможно ли определить пол животного? Если да, то какой был у данной особи?
- каков возраст убитого животного, указать наиболее точную цифру?
- имеются ли в крови животного следы отравляющих веществ? Если да, то указать каких именно?

Биологическое исследование следов, обнаруженных в процессе сбора доказательств, активно применяется при расследовании незаконной охоты на амурского тигра в Дальневосточном федеральном округе. Использование молекулярно-генетических методов исследования крови, экскрементов, шерсти позволяет идентифицировать конкретную особь животного.

¹ © Архипова И. А., 2023.

При установлении причины смерти животного следователь назначает судебную ветеринарную (зоологическую) экспертизу, обязательным условием которой является возможность предоставить эксперту труп животного или задокументированные результаты его вскрытия.

На разрешение эксперту могут быть представлены следующие вопросы:

- по какой причине наступила гибель животного?
- возможно ли определить время смерти животного?
- имеется в теле животного инородные тела?
- имеются ли следы внешнего физического повреждения?
- состоит ли в причинной связи смерть животного с фактом, того, что оно попало в капкан?

Баллистическая экспертиза представляет собой вид исследования, целью которого являются изучение и идентификация огнестрельного оружия, боеприпасов, следов применения, для установления обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела. Задачи судебной баллистики делятся:

- на идентификационные;
- классификационные;
- диагностические;
- ситуационные.

Как показывает практика, не все вопросы, которые может разрешить эксперт-баллист, необходимо указывать в постановлении о назначении экспертизы. Следователю необходимо поставить на разрешение эксперту только те вопросы, которые напрямую касаются расследуемого им преступления. Например, идентификационные вопросы направлены на установление групповой принадлежности оружия или боеприпасов по имеющимся материальным следам, т. е. соотнесения оружия и боеприпаса. Классификационная задача заключается в установлении относимости предмета к классу оружия, решение данного вопроса является первоочередным и наиболее важным. Диагностические задачи связаны с решением вопроса о техническом состоянии оружия, например, возможности выстрела из оружия без нажатия на спусковой крючок при определенных условиях или возможности поражения цели на определенном расстоянии. Диагностика оружия требуется в тех случаях, когда имело место быть незаконное использование оружия, что уже предусмотрено другими составами преступлений, например, против личности или имущественные преступления (убийство, разбой). Ситуационные задачи решаются для восстановления обстановки совершения преступления, например, для установления очередности выстрелов или траектории выстрела, что тоже может быть необходимо только при расследовании других преступлений, которые совершаются с использованием оружия. Чрезмерный объем вопросов, поставленных на разрешение эксперта, замедлит сроки производства данной экспертизы, эксперту придется отвечать на вопросы, которые не будут иметь значение для следствия, что особенно актуально в современных условиях загруженности экспертных учреждений.

Объектами исследования баллистической экспертизы по делам о незаконной охоте являются: огнестрельное оружие (охотничьи ружья, винтовки), патроны,

гильзы, пули. Следует заранее сделать оговорку, что идентифицировать стреляную пулю возможно только, если выстрел был произведен из оружия, имеющего нарезной канал ствола. В этом заключается основная проблема расследования незаконной охоты, т. к. большинство охотников использует гладкоствольные ружья, потому что оно проще в использовании и обслуживании. На близких расстояниях у него выше убойная сила, а также в данном оружии можно использовать различные виды боеприпасов (дробь, картечь). При этом идентификация гладкоствольного огнестрельного оружия по следам на снарядах основывается на ряде положений:

- 1) индивидуальности следообразующего объекта (поверхность канала ствола каждого экземпляра оружия индивидуальна);
- 2) относительной устойчивости следообразующего объекта – микрорельефа канала ствола, повторяемость в качественном и количественном выражении;
- 3) отображаемости микрорельефа канала ствола на снаряде в виде комплекса признаков (трасс), относительной стабильности процесса следообразования.

Некоторыми авторами предложена методика полной идентификации гладкоствольного оружия по картечи [2].

Рекомендуется также предоставлять в распоряжение эксперту процессуальные документы, в которых отображается, как и когда оружие поступило в распоряжение следователя, какие действия с ним производились (протокол осмотра места происшествия, протокол обыска (выемки), протокол осмотра предметов).

Примерный перечень вопросов, которые могут быть поставлены эксперту при исследовании огнестрельного оружия будет следующим:

- является ли представленный на экспертизу пистолет (револьвер, ружье и др.) огнестрельным (газовым, пневматическим и др.) оружием?
- пригоден ли он для стрельбы (производства выстрелов)?
- к какому виду, типу, образцу или системе (модели) он относится?
- каким способом изготовлено оружие?
- подвергались ли уничтожению маркировочные обозначения на оружии (патронах, отдельных деталях и др.)? Если да, то каким способом они удалены?
- внесены ли в конструкцию оружия изменения, если да, то каким способом (промышленным, самодельным, кустарным) и с какой целью?
- возможно использовать в оружие представленные на экспертизу боеприпасы (перечень, упаковка)?
- где и когда (завод-изготовитель, фирма, год выпуска) изготовлено представленное оружие?

Несколько иными будут вопросы, касаемо боеприпасов к оружию:

- являются ли предоставленные на экспертизу объекты боеприпасами, если да, то пригодны ли они для стрельбы?
- являются ли данные боеприпасы штатными к оружию (упаковка, перечень)?
- возможно ли установить по данным боеприпасам, где и когда они были произведены? Если да, то предоставить полную информацию об изготовлении боеприпаса;

- для самодельных боеприпасов необходимо уточнять способ изготовления, для охотничьих способ их снаряжения;
- вносились ли изменения в конструкцию штатного боеприпаса? Если да, то какого характера?
- составной частью какого патрона является представленная на экспертизу гильза?
- составной частью какого патрона является представленная на экспертизу пуля?
- в каком оружии (образец, модель, система) могла быть стреляна представленная на экспертизу гильза?
- не стреляна ли представленная на экспертизу гильза в представленном оружии?
- являются ли представленные на экспертизу металлические осколки фрагментами пули?

По делам о незаконной охоте в ряде случаев необходимо назначать охотоведческую экспертизу, производство которой следует поручить лицам, обладающим специальными познаниями в области охотоведения. На разрешение экспертизы можно ставить следующие вопросы:

- 1) какова причина и давность гибели животного? Вопрос разрешается совместно с экспертом-ветеринаром;
- 2) какое животное добыто? Его вид, род, семейство;
- 3) каков размер популяции данного вида животного (птицы) в данном регионе?
- 4) для добычи каких животных используются изъятые у подозреваемого оружие, боеприпасы, орудия и приспособления?
- 5) каков размер ущерба, причиненного государственному охотничьему фонду?
- 6) можно ли признать причиненный ущерб крупным?

Далее рассмотрим особенности назначения трасологических экспертиз по рассматриваемой категории преступлений. Так, в рамках осмотра места происшествия могут изыматься следы транспортных средств или следы обуви человека. Если на месте осмотра присутствовал эксперт-криминалист, то он может отпечатать их в гипсовом слепке. Гипсовые следы, хотя и являются наиболее точными, все равно могут отображать лишь приблизительно картину самого следа, в особенности, если он был сделан во влажной почве. Эксперт-криминалист может провести как сравнительное исследование двух объектов с целью идентификации оставленного следа, так исследовать только гипсовый слепок. Необходимо задать следующие вопросы:

- пригоден ли данный след для идентификации?
- каким видом автотранспортного средства он оставлен?
- мог ли данный вид транспорта оставить эти следы?
- каково направление, в котором двигалось транспортное средство?
- каким размером ноги оставлен данный след обуви?
- обувью какого типа (назначение, вид, модель, размер) образованы следы?

- каков механизм образования следов (образованы ли при ходьбе, беге, лицом, несшим значительный груз, и др.)?
- каковы отобразившиеся в следах анатомические особенности человека?
- оставлена ли дорожка следов конкретным лицом?

Обязательным является постановка на учет изъятых следов, а также проверка их по криминалистическим учетам.

Список литературы

1. Майлис Н. П. Использование специальных знаний в процессе организации расследования преступления // Вестник Московского университета МВД России. 2015. № 11. С. 19–126.
2. Бахтадзе Г. Э., Голенев В. С. Краткий экскурс в историю идентификации гладкоствольного огнестрельного оружия по следам на снарядах // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия «Право». 2019. № 1 (22). С. 77–91.

Барченкова Я. В.¹,
*преподаватель кафедры противодействия
преступлениям в сфере
информационно-телекоммуникационных технологий
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя*

ЛИЧНОСТЬ ПРЕСТУПНИКА КАК ЭЛЕМЕНТ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ МОШЕННИЧЕСТВА, СОВЕРШАЕМОГО ПРИ ПОМОЩИ СРЕДСТВ СОТОВОЙ СВЯЗИ

За пятидесятилетнюю историю своего существования понятие криминалистической характеристики преступлений прошло несколько фаз развития, которые обуславливались внедрением в сферу криминалистических исследований деятельностного подхода, моделирования, системно-структурного и других методов познания, углубленной разработкой научных основ методики расследования преступлений [1].

Существует мнение о нецелесообразности существования понятия криминалистической характеристики преступлений и выдвигались предложения заменить другими «старыми» или «новыми» категориями. Важно отметить, что значимость для раскрытия и расследования преступлений сведений о процессе их совершения в криминалистике отмечалась всегда. На сегодняшнем этапе развития общих основ криминалистической методики предметом дискуссии является вопрос о том, какая научная категория должна быть представлена в унифицированной форме, методологической основой для исследования отдельных видов преступной деятельности. При этом в настоящее время в научных кругах доминирующей является позиция, согласно которой такой категорией должна быть криминалистическая характеристика преступлений, несмотря на определенную противоречивость ее теоретических положений.

Ю. А. Ковтун и Д. Н. Рудов в своем исследовании [2, с. 61–64] на основе анализа множества существующих научных взглядов выделяют определенные черты и свойства, которые в совокупности дают относительно завершенное представление о сущности криминалистической характеристики преступлений, отличающие ее от других характеристик преступлений и криминалистических категорий. Ученые считают приведенные признаки требованиями, которые относятся к науке формирования криминалистических характеристик отдельных видов преступлений и обеспечивают выполнение ими своих функций.

Анализ научных работ за последние 10 лет, посвященных вопросам выявления и раскрытия мошенничества (в частности – трудов А. В. Шульги [3, с. 285], В. В. Крылова [4, с. 50–64], Н. В. Яджина [5, с. 4261–4265], Н. А. Архиповой [6]), криминалистической характеристики мошенничества, совершенного при помощи средств сотовой связи, являются открытой базой криминалистической ме-

¹ © Барченкова Я. В., 2023.

тодики расследования преступлений, которые могут и должны постоянно пополняться новыми сведениями, отражающими результаты криминалистического анализа преступлений, совершенных за последние годы.

При всей подвижности содержания криминалистической характеристики имеются определенные типовые элементы, обычно входящие в ее структуру.

Криминалистическая характеристика преступлений включает следующую информацию [6]:

- о способе совершения и сокрытия преступления;
- обстановке преступления (место, время, условия);
- орудиях и средствах преступления;
- механизме слеодообразования;
- личности потерпевшего;
- личности преступника.

Поскольку цель и другие субъективные факторы проявляются во всех указанных элементах, а в дроблении структуры криминалистической характеристики и в дублировании одних и тех же сведений нет целесообразности, то цель и мотивы мошенничества, совершенного с использованием средств сотовой связи, предлагается рассмотреть в контексте психологических черт личности преступника.

Важным фактором, который обязательно должен быть учтен при разработке криминалистической характеристики мошенничества, совершенного при помощи сотовой связи, является чрезвычайное разнообразие способов совершения данного преступления.

Личность преступника является центральным элементом криминалистической характеристики мошенничества, совершенного при помощи сотовой связи, поскольку предмет преступного посягательства, способ, его следовая картина всегда связаны с личностными характеристиками и закономерностями его поведения. Изучение личности преступника оптимизирует процесс выдвижения следственных версий и обеспечивает выбор наиболее оптимальных тактических приемов проведения отдельных следственных действий при расследовании мошенничества, совершенного при помощи средств сотовой связи. С помощью анализа поведения и психологии преступника можно установить действительные причины и условия совершенного деяния, оценить общественную опасность преступника, осуществить правильную уголовно-правовую квалификацию содеянного и, как следствие, назначить справедливое наказание. Хотя мошенничества, совершаемые при помощи средств сотовой связи, приобретают все большее распространение, однако изучению личности, которая совершает такие преступления, уделено недостаточно внимания, что, безусловно, усложняет процесс их расследования.

Учитывая указанное, приоритетным направлением исследований в области криминалистики является разработка научных положений относительно личности преступника как элемента криминалистической характеристики мошенничества, совершаемого с использованием средств сотовой связи.

Общетеоретические положения о личности преступника как элементе криминалистической характеристики мошенничества исследовали А. В. Архипов,

Ф. Н. Багаутдинов, А. Г. Безверхов, В. М. Горбанев, А. К. Щербаченко, И. С. Бардадым, Г. Р. Григорян, О. В. Ермакова, С. М. Зырянов, О. М. Иванова и др. ученые. Отдельные криминологические особенности преступников, совершающих мошенничества, совершенного с использованием средств сотовой связи, рассматривали в своих научных трудах А. Г. Кибальник, Н. Д. Ковбенко, С. М. Антошина, И. Н. Багера, В. Б. Батоев, И. С. Кириллов, А. П. Красников, А. С. Маркелова и др. Безусловно, проведенные исследования являются весомым вкладом в развитие теоретических основ криминалистической характеристики мошенничества, совершенного при помощи сотовой связи, однако в опубликованных трудах внимание сосредоточивалось, главным образом, на общих принципах методики расследования. Что же касается особенностей личности, которая причастна к мошенничеству с использованием средств сотовой связи, то она исследована недостаточно, что предопределяет как теоретические дискуссии, так и трудности в процессе расследования.

В научной литературе высказываются разнообразные точки зрения относительно определения сущности такого элемента криминалистической характеристики мошенничества, как личность преступника. Одни ученые определяют личность преступника как социально-биологическую систему, свойства и признаки которой отражаются в материальном мире и использует для раскрытия и расследования мошенничества (к числу таких свойств относятся: физические, биологические и социальные) [7, с. 28].

Предлагается следующая структура характеристики личности:

- социально-демографическая;
- морально-психологическая;
- физиологически-умственная (направленность и характер совершенного уголовного правонарушения, наличие опыта работы в интернет-сети, совершение уголовного правонарушения в составе группы организованной преступной группой и т. д.) [8, с. 8–10; 9, с. 4–11].

При этом предлагается изучать такое лицо по оставленным им следам, а также в процессе расследования мошенничества в зависимости от способа совершения.

По материалам обобщения 25 уголовных дел за 2020–2022 гг., было установлено, что к отдельным характеристикам социально-демографических признаков лиц, совершающих мошеннические действия в сфере сотовой связи, можно отнести следующие:

- 1) все мошенничества были совершены мужчинами (100 %);
- 2) средний возраст преступника составляет в 60 % от 25 до 35 лет, в 32,5 % – от 18 до 25 лет, более 35 лет – в 7,5 %;
- 3) 70 % лиц имели незаконченное высшее или законченное образование, 30 % лиц – среднее или среднее специальное образование;
- 4) 64 % человек были не женаты, 35 % – женаты;
- 5) значительное количество преступников нигде не работали и не учились (82,5 %), только 12,5 % – учились, а 5 % – официально работали;
- 6) у 95 % лиц отсутствовал предыдущий опыт преступной деятельности.

Что касается физиологически-умственной характеристики мошенников, то в большинстве случаев ими являются лица, владеющие навыками использования компьютерной техники и других электронных средств, умением работать в сети Интернет, мобильных приложениях, и в отдельных случаях, имеющих узкую специализацию, поскольку выполнить определенные действия при помощи сотовой связи с целью совершения мошенничества может ограниченное количество людей. К ним можно отнести:

- любителей, т. е. действующих самостоятельно, в домашних условиях и в свободное от работы время;
- высокообразованных специалистов, действующих в составе организованных преступных групп.

Необходимо подчеркнуть, что в состав группы мошенников обязательно входит один или несколько участников, которые являются программистами или хотя бы владеют знаниями и навыками в области компьютерных информационных технологий [10, с. 120–123].

Список литературы

1. Как не попасться к телефонным мошенникам? URL: <http://zaschita-prav.com/telefonnoe-moshennichestvo/>.
2. Ковтун Ю. А., Рудов Д. Н. Проблемные аспекты расследования мошенничеств, совершаемых с использованием мобильной связи // Проблемы правоохранительной деятельности. 2013. № 2. С. 61–64.
3. Шульга А. В. Хищения в условиях развития современных информационных технологий и рынка инновационных товаров. М., 2016.
4. Крылов В. В. Информация как элемент криминальной деятельности // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. 1998. № 4. С. 50–64.
5. Яджин Н. В. Психология мошенничеств, совершаемых с использованием средств сотовой связи // Концепт. 2015. Т. 13. С. 4261–4265.
6. Архипова Н. А. К вопросу об использовании возможностей средств мобильной связи в раскрытии и расследовании преступлений : сборник. Барнаул : Барнаульский юридический институт МВД России, 2014. № 10.
7. Атаманов Р. С. Основы методики расследования мошенничества в сети Интернет : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09. М., 2012.
8. Анищук Н. Операторы мобильного мошенничества // Финансы. 2011. № 6. С. 8–10.
9. Архипов А. В. Проблемы применения нормы о мошенничестве с использованием платежных карт // Уголовное право. 2017. № 1. С. 4–11.
10. Иванова О. М. К вопросу о совершенствовании уголовно-правовых норм о мошенничестве // Юрист-Правовед. 2016. № 5. С. 120–123.

Белавин А. В.¹,

*профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин
Международного юридического института,
кандидат юридических наук*

Савина Л. А.²,

*доцент кафедры основ правоохранительной деятельности
Института права и национальной безопасности
Российской академии народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации,
кандидат юридических наук, доцент*

ПРОБЛЕМЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЦИФРОВОЙ ИНФОРМАЦИИ В ДОКАЗЫВАНИИ

Активная цифровизация практически всех сторон деятельности человека, а также разработка возможности привлечения искусственного интеллекта оказывают свое влияние на появление новых преступных деяний и способов совершения преступлений.

Развитие современных информационных и коммуникационных технологий открывает новые возможности для совершения преступлений, прежде всего, в сфере экономики, против общественной безопасности и общественного порядка и др., представляя собой вызов всей правоохранительной системе и общественной безопасности.

Так, по статистике количество преступлений в области информационно-телекоммуникационных технологий за январь 2021 г. в России составило 37 200, что на 32,2 % больше по сравнению с аналогичным периодом прошлого года. Рост числа преступлений с использованием сети Интернет выросло на 51,3 %, а совершаемых при помощи мобильных средств связи увеличилось на 39 % [10, с. 3].

По прогнозам аналитиков, распространение бекдор в цепи поставок (алгоритм атак, в котором используется доверенное ПО для обхода киберзащиты и получения несанкционированного доступа к данным или управлению операционной системой компьютера в целом), взлом домашних систем для проникновения в офис, атаки на облачные платформы, а также мошенничества с мобильными платежами – далеко не полный перечень главных киберугроз в этом году.

Сегодня развитие компьютерных технологий в различных сферах приводит преступников к отказу от использования традиционных орудий совершения преступлений, в связи с чем сотрудникам органов предварительного расследования и специалистам ежедневно приходится сталкиваться с электронными носителями и содержащейся в их памяти компьютерной информацией. Поэтому все

¹ © Белавин А. В., 2023.

² © Савина Л. А., 2023.

чаще в качестве доказательств по уголовным делам выступает криминалистически значимая компьютерная информация. Если еще недавно ученые спорили о природе таких следов, то сейчас большинство авторов склоняются к мнению об отнесении их к материальным следам [1, с. 23; 2, с. 41; 3, с. 26; 4, с. 17; 5, с. 73; 8, с. 189; 9, с. 27].

Мы согласны с этой точкой зрения, т. к. компьютерная информация всегда опосредована через материальный носитель, без которого существовать не может. Его использование в уголовном судопроизводстве определило необходимость внесения в действующее законодательство ряда изменений, а именно в ст. 272 УПК РФ, где в примечании дано понятие компьютерной информации [13, с. 134].

Для компьютерной информации характерны криминалистически значимые специфические признаки, которые определяют особенности работы с электронными носителями информации.

Во-первых, быстрота обработки, простота уничтожения, способность к преобразованию в доступный для восприятия вид.

Во-вторых, создание, изменение, копирование и использование компьютерной информации осуществляется посредством микропроцессорных устройств, обладающих возможностью чтения (записи) соответствующих носителей.

В-третьих, способность к передаче по каналам связи, ее доступность для неопределенного круга пользователей одновременно.

В-четвертых, возможность нахождения такой информации только на электронном носителе (включая отдельные компьютеры и разветвленные информационные системы) в машиночитаемом виде.

В-пятых, ее значительный объем при малых размерах носителя, способность к сжатию, последующему восстановлению и дублированию, т. е. переносу с одного электронного носителя на другой, при котором копия полностью тождественна оригиналу, включая как саму информацию, так и метаданные.

В-шестых, наличие индивидуализирующих признаков – метаданных, включая дату и время создания файла, внесенных в него изменений, использованное программное обеспечение и пр.

Компьютерные средства часто фигурируют в материалах уголовных дел как вещественные доказательства, но следует отметить тот факт, что доказательственное значение чаще имеет именно информация, которая содержится в их памяти. Именно она из компьютеров, серверов, мобильных средств связи и т. п. становится объектом всестороннего исследования. Поэтому необходимо создавать и использовать компьютерные средства для фиксации информации как доказательств [11, с. 193].

Несмотря на все вышесказанное, имеющиеся на сегодняшний день монографические исследования и методические рекомендации, связанные с расследованием компьютерных преступлений, не носят комплексный характер. Они посвящены отдельным вопросам по созданию, фиксации и исследованию доказательственной компьютерной информации. В связи с этим возникают предложения о создании частной научной теории цифровой криминалистики, в которую должны войти электронные следы [3, с. 63].

Все это предопределяет появление самостоятельного раздела криминалистической техники – криминалистического исследования электронных носителей информации, направленного на обеспечение единообразного подхода к работе с данными объектами, к числу которых относятся любые устройства, конструктивно предназначенные для постоянного или временного хранения информации в виде, пригодном для использования в электронных вычислительных машинах, а также для ее передачи по информационно-телекоммуникационным сетям или обработки в информационных системах [12, с. 34].

В настоящее время законодателем активно внедряется использование цифровой подписи для идентификации и защиты электронного документооборота, которая имеет несколько элементов защиты компьютерной информации, и в первую очередь цифрового документа. Использование электронной цифровой подписи помогает снять ряд вопросов достоверности происхождения компьютерной информации. Так, для защиты авторских прав ряд зарубежных стран ее активно используют.

Наличие электронной цифровой подписи позволяет защищать информацию от несанкционированного вмешательства, а именно чтения, изменения или фальсификации. Помимо нее некоторые авторы предлагают внедрить и другие средства защиты электронного документооборота, например, внедрение электронного «водяного знака». Такие цифровые идентификаторы могут помочь при доказывании. В частности, определить было ли совершено несанкционированное вмешательство в электронный документ в виде фальсификации или изменения цифрового документа. Наличие цифровой подписи или цифрового «водяного знака» поможет своевременно установить владельца электронного документа или программы, что позволит доказать причастность к совершению преступления отдельных лиц.

Совершенствование уголовно-процессуальных норм для развития и возможности активного использования электронного документооборота является основной задачей, способствующей расширению возможностей уголовного судопроизводства по доказыванию. Переход с традиционной «бумажной» формы доказывания на электронный документооборот сопровождается рядом законодательных и материально-технических проблем, требующих своевременного разрешения. Именно использование современных технологий, разработка и внедрение новейших информационно-технологических решений позволит нашей уголовно-процессуальной деятельности повысить качество и сократить сроки осуществления правосудия. Внедрение современных средств и методов использования цифровой информации в доказывании, несомненно, отразится на качестве и оперативности расследования преступлений, проводимых судебных экспертиз и, как результат, обеспечит эффективное исполнение судебных решений.

Список литературы

1. Андреев Б. В., Пак П. Н., Хорст В. П. Расследование преступлений в сфере компьютерной информации. М., 2001.

2. Вехов Б. В. Компьютерные преступления. Способы совершения. Методики расследования. М., 1996.
3. Вехов В. Б., Смагоринский Б. П., Ковалев С. А. Электронные следы в системе криминалистики // Судебная экспертиза. 2016. № 2.
4. Волеводз А. Г. Противодействие компьютерным преступлениям: правовые основы международного сотрудничества. М., 2002.
5. Гаврилин Ю. В., Лыткин Н. Н. Использование компьютерно-технических следов в раскрытии и расследовании преступлений : монография. М., 2006.
6. Компьютерные технологии в юридической деятельности / под ред. Н. С. Полевого. М., 1994.
7. Крылов В. В. Информационные компьютерные преступления. М., 1997.
8. Маслов Н. В. Электронная криминалистика в сфере информационных технологий в юридической деятельности // Техническо-криминалистическое обеспечение раскрытия и расследования преступлений : сборник научных трудов. М. : Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 2021. С. 189–191.
9. Мещеряков В. А. Преступления в сфере компьютерной информации: основы теории и практики расследования. Воронеж, 2002.
10. Пикекатлет Н. Число преступлений в Интернете в России в 2021 году увеличилось на треть // Газета.ru. 2021. 11 марта. URL: https://www.gazeta.ru/politics/2018/03/11_a_11634385.shtml.
11. Россинская Е. Р. Теория информационно-компьютерного обеспечения криминалистической деятельности: концепция, система, основные закономерности // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2019. 2 (99). С. 193–202.
12. Россинская Е. Р. К вопросу о частной теории информационно-компьютерного обеспечения криминалистической деятельности // Известия Тульского государственного университета. Серия: Экономические и юридические науки. В 2 ч. 2016. Ч. 2. Вып. 3.
13. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : УПК : Федеральный закон № 174-ФЗ : принят Государственной думой 22 ноября 2001 г. : одобрен Советом Федерации 5 декабря 2001 г. // Кодексы и законы Российской Федерации. URL: <https://www.zakonrf.info/upk/>.

Блинова Е. В.¹,
старший преподаватель
кафедры предварительного расследования
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ РАССЛЕДОВАНИЯ СКЛОНЕНИЯ К ПОТРЕБЛЕНИЮ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ ИЛИ ИХ АНАЛОГОВ

Склонение к потреблению наркотических средств на практике, как правило, возбуждается либо по оперативным материалам, собранным в ходе оперативно-разыскной² деятельности или по заявлению пострадавших граждан (их родственников), сообщению, полученному из медицинского учреждения (телефонограмма).

Результаты оперативно-разыскных мероприятий (далее – ОРМ) после возбуждения уголовного дела легализуются в уголовном процессе следователем и образуют доказательственную базу по расследуемым уголовным делам (объяснение становится допросом, изъятое наркотическое средство трансформируется в вещественное доказательство и т. д.).

Неоднозначно решаются правоприменителем ситуации, когда расследуемое преступление совершено лицом в возрасте от 16 до 18 лет. Наиболее часто в уголовно-правовой литературе встречается мнение, что субъектом такого преступления в отношении несовершеннолетнего может быть лишь лицо, не младше 18 лет [5]. Реже встречается мнение о том, что по п. «а» ч. 3 ст. 230 УК РФ допустимо привлекать 16-летнее лицо.

Действительно, в уголовном законе указание на возраст отсутствует, значит, должно применяться общее правило определения субъекта преступления с точки зрения его возраста. Однако, как и мнения ученых противоречивы, так и приговоры встречаются, вынесенные в отношении лиц, не достигших 18 лет.

Неоднозначны также мнения правоприменителей в вопросе оценки процессуального статуса лица, в отношении которого обвиняемый совершал противоправные действия, направленные на вовлечение его в потребление наркотиков, а именно, отдельными правоприменителями такие лица признаются потерпевшими, другие же привлекают их к участию в уголовном процессе как свидетелей. Так, А. Н. Сусликов в своем исследовании по данному вопросу приводит приговор Лунинского районного суда Пензенской области по делу № 1-7/2018 и приговор Белинского районного суда Пензенской области по делу № 1-9/2018, в которых при общей схожести обстоятельств склонения к потреблению наркотических веществ следователем были приняты разные решения (признание склоненного к потреблению потерпевшим и свидетелем) [4, с. 65].

¹ © Блинова Е. В., 2023.

² Здесь и далее по тексту написание слова разыскной приводится в соответствии с нормами русского языка, за исключением употребления в нормативных правовых актах.

Очевидно, что при отсутствии имущественного ущерба следует рассматривать нанесение пострадавшему физического или морального вреда, доказать которые, несомненно, сложнее, но возможно.

В частности, доказательством могут послужить допросы не только непосредственно потерпевшего, но и его родственников (содержащие сведения о том, как чувствовал себя, как выглядел потерпевший после употребления наркотического вещества, к которому был склонен), а также специалиста врача-нарколога.

Целесообразно также назначить потерпевшему психолого-психиатрическую судебную экспертизу.

В п. 27 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 июня 2006 г. № 14 определено, что следует дополнительно квалифицировать по ст. 228.1 УК РФ действия подозреваемого, склонившего лицо к потреблению наркотических средств, если данные вещества он еще и сбыл последнему. При этом на практике не исключены случаи квалификации вышеописанных действий только по ст. 230 УК РФ [2].

Более сложным с точки зрения доказывания будет ситуация, когда склоняющее лицо не имело при себе запрещенного вещества, добилось согласия склоняемого потребить такое вещество, и когда, проявив заинтересованность, последнее в дальнейшем самостоятельно приобрело и употребило запрещенное вещество.

Обратившись к вышеприведенному постановлению Пленума Верховного Суда Российской Федерации, мы выясняем, что понятие склонения к употреблению наркотических средств или психотропных веществ включает в себя, в том числе, любые умышленные действия, даже однократного характера, если они направлены на возбуждение у другого лица желания к их потреблению, в том числе обман, психическое или физическое насилие, уговоры, дача совета, предложения, ограничение свободы и другие действия с целью принуждения к приему наркотических средств или психотропных веществ лица, на которое оказывается воздействие.

Наличие в действиях лица состава преступления не зависит от того, повлекли ли они возникновение у склоняемого лица возбуждаемого в нем желания или нет, т. е. преступление окончено вне зависимости, употребило ли склоняемое лицо наркотическое средство или нет.

Данное преступление считается оконченным с момента воздействия на лицо с целью побудить его к потреблению наркотических средств или психотропных веществ независимо от того, приобщилось ли склоняемое лицо к потреблению данных средств и веществ или отказалось от этого, либо это удалось предотвратить.

Состав преступления будет иметь место и в том случае, если установлен единственный факт склонения другого лица к потреблению.

При расследовании склонения к потреблению наркотических средств лицо обычно задерживают в следующих случаях:

- выявления факта склонения к потреблению наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов;
- наличия указания очевидцами на конкретное лицо, склонявшее другое лицо к потреблению наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов;

– в жилище подозреваемого обнаружены явные следы преступления (наркотические средства, психотропные вещества или их аналоги).

Проводя обыск в жилище подозреваемого, следователь рассчитывает обнаружить как сами наркотические средства, так и приспособления для их хранения и употребления, мобильные телефоны, на которых могла сохраниться переписка с лицом, склоненным им к потреблению [3, с. 12].

При проведении осмотра места происшествия как до, так и после возбуждения уголовного дела, следователь получает возможность не только обнаружить следы преступления, но и непосредственно воспринять обстановку совершения преступления.

При допросе подозреваемого следует выяснить следующую информацию:

- употребляет ли он сам наркотические средства, где и как их получает;
- зачем склонял других лиц к потреблению наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов;
- в случае, если склоняемое лицо является несовершеннолетним или малолетним, был ли известен ему этот факт.

По исследуемым преступлениям целесообразно проводить предъявление для опознания. Если потерпевший по субъективным причинам или из страха обоснованно не желает участвовать в таком следственном действии, опознание правонарушителя производят по фотографиям.

Наличие или отсутствие состояния наркотического опьянения или абстиненции у задержанного можно установить в процессе проведения освидетельствования. Очевидно, что оно должно быть поручено следователем специалисту – медику. На практике в процессе медицинского освидетельствования производят срезы ногтевых пластин, получают образцы крови, мочи, информативные также в разрешении вопросов о наличии вышеперечисленных состояний.

Потерпевшему может быть назначена судебно-медицинская экспертиза, в ходе которой будут разрешены вопросы о характере и степени тяжести вреда здоровью, причиненного в результате употребления наркотического средства, к которому тот был склонен, заражения ВИЧ-инфекцией. Указанной экспертизой также устанавливается причина смерти, если последствием преступления явился такой результат.

Поручение органу дознания на проведение ОРМ содержит требования следователя установить соучастников преступления, каналы поступления наркотических средств в незаконный оборот, а также лиц, ранее подвергавшихся подозреваемым склонению.

Список литературы

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : УПК : Федеральный закон № 174-ФЗ : принят Государственной думой 22 ноября 2001 г. : одобрен Советом Федерации 5 декабря 2001 г. // Кодексы и законы Российской Федерации. URL: <https://www.zakonrf.info/upk/>.

2. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 июня 2006 г. № 14 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных

с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами» // Российская газета. 2015. № 6721. 10 июля.

3. Быкова В. Г. Некоторые вопросы квалификации последующих действий субъекта, склонившего лицо к употреблению наркотических средств, психотропных веществ или иных аналогов // Наркоконтроль. 2020. № 1. С. 12–15.

4. Сусликов А. Н. Определение процессуального статуса лица, склоненного к употреблению наркотических средств // Сибирское юридическое обозрение. 2020. Т. 17. № 3. С. 63–67.

5. Предварительное следствие : учебник / [Р. Э. Адамян и др.]. 4-е изд., перераб. и доп. М. : Юнити-Дана, 2021.

Бобров В. К.¹,
 профессор кафедры уголовного процесса
 Московского университета
 МВД России имени В.Я. Кикотя,
 кандидат юридических наук, профессор,
 заслуженный работник
 Высшей школы Российской Федерации

ПРОЦЕССУАЛЬНЫЙ СТАТУС СЛЕДОВАТЕЛЯ НУЖДАЕТСЯ В ДАЛЬНЕЙШЕМ СОВЕРШЕНСТВОВАНИИ

В соответствии с Конституцией Российской Федерации высшей ценностью в Российском государстве является человек, его права и свободы, признание и защита которых возложена как на само государство, так и на органы, организации, уполномоченных должностных лиц.

В сфере уголовного судопроизводства одним из таких лиц, призванных обеспечивать защиту прав и интересов лиц, вовлеченных в сферу уголовно-процессуальных отношения, является следователь (п. 41. ст. 5 УПК РФ).

Роль следователя в реализации назначения уголовного судопроизводства неизмеримо высока. Вот почему проблеме повышения его статуса уделяется большое внимание на законодательном уровне.

В постсоветский период существенный прорыв в решении данной проблемы был сделан с принятием в 2001 г. первого в истории современной России Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (УПК РФ). В нем впервые были сформулированы основы процессуального статуса следователя, определено его место в системе органов и должностных лиц, осуществляющих уголовное судопроизводство.

Серьезные изменения, направленные на дальнейшее совершенствование статуса следователя и повышение его роли в уголовном процессе, были внесены с принятием следующих федеральных законов:

- от 5 июня 2007 г. № 87-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и Федеральный закон “О прокуроре Российской Федерации”»;
- 2 декабря 2008 г. № 226-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации»;
- 28 декабря 2010 г. № 404-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием деятельности органов предварительного следствия»;
- 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ «О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации»;

¹ © Бобров В. К., 2023.

- 3 июля 2016 г. № 322-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросу совершенствования порядка судопроизводства при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве»;
- 30 декабря 2021 г. № 501-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» (последняя ред.).

Вместе с тем несмотря на, казалось бы, большое внимание, уделяемое на законодательном уровне совершенствованию статуса следователя, до настоящего времени в уголовно-процессуальном законодательстве имеют место существенные пробелы, касающиеся его правового положения, которые снижают эффективность правоприменительной деятельности данного должностного лица в раскрытии и расследовании преступлений, в обеспечении защиты прав и интересов участников уголовного процесса в уголовном судопроизводстве.

Прежде всего обращает на себя внимание отсутствие в уголовно-процессуальном законодательстве четкого правового определения понятия «следователь». В первой редакции УПК РФ согласно п. 41 ст. 5 следователь определялся как должностное лицо, уполномоченное осуществлять предварительное следствие по уголовному делу. Данное понятие было продублировано в ст. 38 УПК РФ, регламентирующей статус следователя.

В 2002 г., в соответствии с Федеральным законом от 29 июня 2002 г. № 58-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации», понятие «следователь» было дано в новой редакции, согласно которой таковым является лицо, не только уполномоченное осуществлять предварительное следствие по делу, но также «иные полномочия», предусмотренные УПК РФ. Однако в ст. 38 УПК РФ такие изменения не были внесены. Понятие осталось в редакции 2001 г. Включив в понятие «следователь» осуществление им «иных полномочий», законодатель породил новую проблему для дискуссии: о соотношении полномочий, осуществляемых следователем в рамках «предварительного следствия» и «иными полномочиями».

Определяя следователя как должностное лицо, уполномоченное осуществлять предварительное следствие, законодатель упустил, что он также уполномочен принимать, проверять сообщения о любом совершенном или готовящемся преступлении и в пределах своей компетенции принимать по нему решение (ч. 1 ст. 144 УПК РФ). При наличии повода и основания – возбуждать уголовное дело и принимать его к своему производству (ст. 156 УПК РФ).

Таким образом, к компетенции следователя отнесено не только производство предварительного расследования, но и осуществление деятельности в рамках самостоятельной стадии – возбуждения уголовного дела. Вместе с тем это принципиальное положение, определяющее важнейшую часть содержания статуса следователя, в статусных нормах – в п. 41 ст. 5 и ч. 1 ст. 38 УПК РФ – четкого отражения не нашло. Из системного анализа этих норм следует, что следователь уполномочен осуществлять только предварительное следствие. Более того, согласно положению, сформулированному в пп. 1 и 2 ч. 1 ст. 38 УПК РФ, возбуждение уголовного дела является всего лишь одним из полномочий, осуществляемых следователем в рамках предварительного следствия.

Вместе с тем законодатель наделяет следователя широким комплексом процессуальных полномочий. Причем многие из них по степени важности, содержащихся в них предписаний, являются более значимыми, чем те, которые закреплены в ст. 38 УПК РФ. Следователь уполномочен принимать следующие решения по уголовному делу:

- возбуждать и прекращать уголовное дело и уголовное преследование;
- формулировать обвинение и привлекать лицо в качестве обвиняемого;
- составлять обвинительное заключение;
- направлять дело в суд.

Он вправе ставить вопрос о применении в отношении участников процесса меры процессуального принуждения, в том числе задержание, домашний арест, заключение под стражу, привод, отстранение от должности, наложение ареста на имущество и т. д. Следователь уполномочен производить различные следственные действия, в том числе затрагивающие конституционные права граждан. Он вступает в активные процессуальные отношения с другими участниками, уполномоченными осуществлять уголовное судопроизводство: руководителем следственного органа, органами дознания, прокурором, судом и т. д.

К сожалению, все они находятся в разных разделах, главах УПК РФ, должным образом не упорядочены и не систематизированы. Если сравнить процессуальный статус следователя, закрепленный в ст. 38 УПК РФ, с процессуальным статусом, например, прокурора (ст. 37 УПК РФ), руководителя следственного органа (ст. 39 УПК РФ) и других участников уголовного судопроизводства, то его правовое положение находится в явном проигрыше.

Важнейшей составляющей статуса следователя является его процессуальная самостоятельность, которая в наибольшей степени проявляется в его взаимоотношениях с иными органами и должностными лицами: руководителем следственного органа, прокурором, судом, органом дознания. О том, насколько уровень процессуальной самостоятельности следователя соответствует его процессуальному статусу, можно судить, прежде всего, по характеру взаимоотношений с указанными органами и лицами: носят ли они характер соподчинения или они строятся на основе равного партнерства с учетом роли и места каждого участника в системе уголовно-процессуальных отношений.

Понимая особую значимость следователя как одного из главных должностных лиц досудебного производства, законодатель после принятия нового УПК РФ предложил комплекс правовых и организационных новелл, направленных на повышение его роли в уголовном судопроизводстве, в том числе и на повышение его процессуальной самостоятельности.

Следователь включен в число участников уголовного процесса со стороны обвинения, обладающих властно-распорядительными функциями. Он выведен из тотального процессуального контроля со стороны прокурора (но, к сожалению, тут же передан под не менее жесткий контроль со стороны руководителя следственного органа).

И если в Концепции судебной реформы в Российской Федерации 1991 г. декларативность процессуальной самостоятельности следователя обосновывалась его двойной подчиненностью: руководителю следственного органа и начальнику

органа исполнительно власти, в структуру которого он входит в качестве его сотрудника [1], то сейчас впору говорить о тройной его подконтрольности (а следовательно, – и подчиненности), включающую ведомственный контроль со стороны руководителя следственного органа, прокурорский надзор и судебный контроль.

Не ставя перед собой в рамках настоящей статьи задачу рассмотреть все проблемы, касающиеся взаимоотношения следователя с указанными выше должностными лицами, остановимся лишь на некоторых из них.

Так, в соответствии с п. 5 ч. 2, ч. 3 ст. 38 УПК РФ, следователь наделен правом обжалования вышестоящему прокурору решений, указаний, требований надзирающего прокурора, адресованные следователю, если последний не согласен с ними. Он вправе обжаловать решение прокурора об отмене постановления о возбуждении уголовного дела, о возвращении уголовного дела для производства дополнительного следствия, изменении объема обвинения либо квалификации действий обвиняемых или пересоставления обвинительного заключения и устранения выявленных недостатков. Такое право рассматривается как важнейшая гарантия обеспечения процессуальной самостоятельности следователя. Однако это право обставлено необходимостью соблюдения целого ряда условий, которые в своей совокупности блокируют возможность реального осуществления такого права.

Во-первых, обжаловать решение прокурора следователь вправе только при наличии на то согласия руководителя следственного органа. Уже на этом этапе следователь сталкивается с первым блокирующим препятствием, связанным с тем, что нередко руководитель следственного органа, не желая идти на конфликт с надзирающим прокурором, под разными предлогами отказывает в даче такого согласия. Причем решение является окончательным и обжалованию не подлежит.

Во-вторых, если предположить, что жалоба следователя и дойдет до вышестоящего прокурора, из этого, однако, не следует, что он примет решение, соответствующее позиции следователя. В этом случае следователь вправе обратиться с согласия уже руководителя следственного органа федерального уровня с жалобой к Генеральному прокурору Российской Федерации (ч. 4 ст. 221 УПК РФ). Учитывая бюрократический характер подобного рода согласований в инстанциях и территориальные масштабы страны, не каждый следователь решится на этот длинный и сложный путь отстаивания своей позиции.

Следовательно, в споре между следователем и прокурором – двумя равноправными участниками, осуществляющими уголовное преследование, законодатель последнее слово оставляет за прокурором. В этой связи вполне уместен вопрос: можно ли рассматривать решение вышестоящего прокурора, противоречащее позиции следователя, как акт, разрешающий спор между следователем и надзирающим прокурором? Безусловно, ответ должен быть отрицательным. Отдача в решении спора приоритета одной из конфликтующих сторон противоречит сущности равноправия между сторонами спора.

Как справедливо отмечено в юридической литературе, конечное слово в разрешении такого спора должно принадлежать не одной из спорящих сторон, а независимому арбитру, коим в данном случае может быть только суд [2].

Как представляется, с учетом позиции законодателя на укрепление статуса следователя, спорным является оставление за прокурором полномочия, касающегося утверждения им обвинительного заключения перед направлением уголовного дела в суд.

В соответствии с ч. 6 ст. 220 УПК РФ (в ред. Федерального закона от 2 декабря 2008 г. № 226-ФЗ) это полномочие в настоящее время передано руководителю следственного органа. Именно он вместе со следователем несет ответственность за качество материалов уголовного дела.

И прежде, чем дать согласие о направлении дела в суд, руководитель вправе обязать следователя произвести дополнительное следствие, изменить объем обвинения и его юридическую квалификацию, пересоставить обвинительное заключение и т. д.

Сохранение еще одной подобной «фильтрации» материалов уголовного дела со стороны прокурора представляется как минимум излишней, а как максимум чревато существенными нарушениями принципов уголовного судопроизводства, ограничением доступа участников уголовного процесса, имеющих свои правовые интересы, к правосудию.

Нельзя обойти вниманием еще одну проблему, которая касается сохранения за прокурором функции поддержания обвинения в суде. Хотя она и возложена на прокурора основным законом страны, тем не менее современные реалии, касающиеся роли и места прокуратуры в уголовном судопроизводстве, таковы, что возложение обязанности по поддержанию обвинения в суде только на прокурора нельзя признать безупречными.

Лишение прокурора права возбуждения уголовного дела и производства предварительного расследования, сведения до минимума его процессуальных полномочий за качеством предварительного следствия привели фактически к тому, что он не владеет в полном объеме состоянием доказательственной базы, на которой строится обвинение лица, передаваемого в суд в качестве обвиняемого.

Вполне естественно, когда в ходе судебного разбирательства, осуществляемого в рамках состязательности сторон, досконально не зная сути содержания материалов уголовного дела и под «напором» активной позиции со стороны защиты, прокурор может быть вынужден отказаться от обвинения. Тем самым он перечеркивает весь кропотливый труд следователя и сводит все его старания к нулю. Даже суд бессилен противостоять мнению прокурора в таких случаях, поскольку отказ от обвинения обязывает прекратить уголовное дело или уголовное преследование.

Отказ прокурора от обвинения имеет негативные последствия еще для одного представителя стороны обвинения – потерпевшего. Такой отказ лишает потерпевшего права доступа к правосудию, поскольку его позиция в споре с прокурором при прекращении уголовного дела судом в расчет не принимается.

Решение данной проблемы мы видим в передаче функции поддержания обвинения в суде должностным лицам (следователю, руководителю следственного

органа), которые уполномочены осуществлять предварительное следствие, формировать доказательственную базу, выдвигать обвинение и выходить с этим обвинением в суд. Кто, как не следователь, лучше других знает расследованное им уголовное дело, а поэтому в полном соответствии с требованиями законности и обоснованности может поддержать обвинение в суде? Суд, выступая арбитром в споре между стороной обвинения и стороной защиты и вынося итоговое решение по уголовному делу, ставит точку не только по вопросу о виновности или невиновности подсудимого, но и в споре между прокурором и следователем по проблеме поддержания обвинения в суде.

После направления уголовного дела с обвинительным заключением в суд дальнейшее участие следователя в его рассмотрении и разрешении практически прекращается. Вместе с тем, в соответствии со ст. 252 УПК РФ, судебное разбирательство проводится только в отношении обвиняемого и лишь по предъявленному ему обвинению. Вполне естественно, что в ходе слушания уголовного дела могут быть выявлены нарушения, допущенные при производстве предварительного следствия, которые препятствуют рассмотрению дела в суде. Такие обстоятельства изложены в ст. 237 УПК РФ.

Они могут быть установлены в ходе подготовки уголовного дела к судебному заседанию, в ходе непосредственного слушания в суде первой и последующих инстанциях. Для их устранения суд возвращает дело, но не следователю, что было бы вполне логичным, а прокурору (п. 2 ч. 1 ст. 236 УПК РФ, п. 7 ч. 1 ст. 389.20 УПК РФ), который передает такое дело в соответствующий следственный орган. Как представляется, участие прокурора в процессуальных отношениях «суд-следователь» в качестве промежуточного звена является излишней инстанцией. Возвращение уголовного дела непосредственно следователю является более предпочтительным с точки зрения процессуальной экономии и обеспечения доступа к правосудию заинтересованных участников уголовного процесса.

Это далеко не полный перечень правовых проблем, решение которых позволит значительно укрепить процессуальный статус следователя и повысить его роль в осуществлении назначения уголовного судопроизводства.

Список литературы

1. Постановление ВС РСФСР от 24 октября 1991 г. № 1801-1 «О концепции судебной реформы в РСФСР» // СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=EXP&n=221794#04947514105363857>.
2. Багмет А. М., Цветков Ю. А. Сильное следствие и его противники. URL: http://lexrussica.ru/articles/article_101464.html?issue=lexrussica-4-2015.

Власов П. Е.¹,

*начальник отдела по исследованию
уголовно-процессуальных проблем
научно-исследовательского центра
по исследованию проблем расследования преступлений
органами предварительного следствия и дознания
Всероссийского научно-исследовательского
института МВД России,
кандидат юридических наук, доцент*

ПРИОРИТЕТНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

В открытом письме С. Возняк (создатель первого персонального компьютера) и И. Маск заявили о необходимости приостановки программы разработки искусственного интеллекта (нейросетей), т. к. он стал превозобладать над человеческим мышлением. Авторы задаются вопросами: «Должны ли мы позволять машинам наводнять наши информационные каналы пропагандой? Должны ли мы развивать нечеловеческие умы, которые в конечном счете могут превзойти нас численностью, перехитрить, сделать нас ненужными и заменить нас? Должны ли мы рисковать потерей контроля над нашей цивилизацией?».

Согласимся с некоторыми зарубежными авторами, полагающими что «полноценная последовательная цифровизация уголовного судопроизводства должна стать платформой для качественного изменения архитектуры (построения) уголовного судопроизводства и долгосрочных возможностей в интересах всего общества» [2, с. 217]. Использование научно-технических достижений (цифровых технологических решений) должно привести к совершенствованию организационных основ уголовно-процессуальной деятельности. При этом необходимо соблюсти такой баланс цифровой трансформации государственного управления [6], при котором сфера уголовно-процессуальных отношений гармонично дополнялась возможностями компьютерной и робототехники при соблюдении всех основополагающих принципов и сохранении всех процессуальных прав участников уголовного судопроизводства.

Статья 189.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (УПК РФ), введенная Федеральным законом от 30 декабря 2021 г. № 501-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» [9], предусматривает возможность проведения допроса, очной ставки и опознания путем использования одного из видов информационных (цифровых) технологий – систем видео-конференц-связи (далее – ВКС).

До момента введения в досудебное производство возможностей таких систем уголовно-процессуальный закон не содержал прямых предписаний производства следственных действий с использованием дистанционных технологий.

¹ © Власов П. Е., 2023.

Очевидно, что вопрос о применении информационных (цифровых) технологий на всех стадиях уголовного судопроизводства назревал давно и остается актуальным и по сей день. Использование современных технологий продиктовано ускоренным развитием средств дистанционной коммуникации, потребностями практики, интересами совершенствования уголовного судопроизводства, необходимостью внедрения современных достижений науки, техники и технологий в деятельность органов расследования для обеспечения эффективного решения поставленных задач.

В Российской Федерации, имеющей значительную территорию и достаточно высокий уровень внешней и внутренней миграции населения, использование систем ВКС в досудебном производстве особенно актуально для защиты законных прав и интересов участников уголовного судопроизводства, реализуемых посредством обеспечения соблюдения процессуальных сроков и сокращения процессуальных издержек, связанных с участием лиц в производстве расследования.

Непосредственное участие в подготовке «Предложений по внесению изменений в уголовно-процессуальное законодательство в части установления возможности производства процессуальных действий с использованием дистанционных технологий» по одному из законопроектов, предусматривающих возможность производства следственных действий в дистанционном формате, позволило автору настоящей работы сформулировать ряд концептуальных новелл, некоторые из которых были учтены законодателем при конструировании нормы ст. 189.1 УПК РФ.

Обосновывая научную позицию о целесообразности введения дистанционных режимов производства следственных действий на досудебных стадиях, нами указывалось, что острую нехватку законодательной регламентации применения информационных (цифровых) технологий, позволяющих дистанционно решать задачи уголовного судопроизводства на досудебных стадиях, правоприменители испытали в период введения ограничительных мер, связанных с распространением новой коронавирусной инфекции COVID-19.

Анализ действующего законодательства, имеющихся научных точек зрения [1, с. 62–64; 3, с. 45–52; 4, с. 2–6; 5, с. 17–20; 7, с. 12–15; 8, с. 109–117] по исследуемому вопросу позволяет, с учетом потребностей правоприменительной практики, сформулировать следующие приоритетные направления совершенствования правовой регламентации использования в досудебном производстве дистанционных возможностей информационных (цифровых) технологий.

Сразу отметим, что использование только систем ВКС явно недостаточно для обеспечения потребностей современного уголовного судопроизводства. Цифровая трансформация уголовно-процессуальных форм путем расширения сферы использования технологических решений, позволяющих решать задачи уголовного судопроизводства в новых реалиях, по нашему мнению, должно быть двунаправленным.

Первое направление – расширение спектра следственных и процессуальных действий (в настоящее время в УПК РФ отсутствуют правила производства иных процессуальных действий в дистанционных режимах), которые возможно проводить с использованием современных технических средств (технологических решений), в том числе позволяющих проводить их в дистанционном режиме.

Второе направление – введение и использование цифровых форм процессуальных документов, формирование материалов уголовного дела в формате электронных документов.

Использование соответствующих технических средств и программного обеспечения в уголовном процессе определяет ряд требований, основными из которых можно назвать их исправность и способность обеспечить надлежащее качество изображения и звука. Они должны обеспечивать тайну предварительного расследования.

Применение современных технологических решений должно обеспечивать:

- соблюдение всех принципов уголовного судопроизводства, общих условий производства следственных и процессуальных действий. При производстве недопустимо применение насилия, угроз и иных незаконных мер, а равно создание опасности для жизни и здоровья, участвующих в них лиц;

- соби́рание доказательств, отвечающих установленным законом критериям относимости, допустимости, достоверности и достаточности для разрешения по существу уголовного дела;

- соблюдение установленного процессуального порядка и возможность участия в процессуальных действиях всех лиц, предусмотренных УПК РФ.

Определяя круг следственных и иных процессуальных действий, которые возможно провести с использованием дистанционных технологий, необходимо учитывать, что это не повлияет на качество и сроки расследования. При этом процессуальный порядок производства следственных и иных процессуальных действий с использованием информационных (цифровых) технологий в дистанционном режиме должен быть призван соблюдению разумного срока уголовного судопроизводства.

Так, в процессуальной деятельности современные цифровые технологии могли бы найти отражение в законодательной регламентации привлечения в качестве обвиняемого и предъявлении обвинения в дистанционном формате, в процессе ознакомления с материалами уголовного дела, разрешении ходатайств – при дистанционном направлении таких материалов и подачи ходатайств, например, посредством направления их по цифровым каналам связи (по электронной почте), формировании материалов уголовного дела в цифровом формате.

Расширяя спектр следственных действий, производство которых возможно с использованием современных технологических решений, законодательно можно было бы предусмотреть возможность проведения проверки показаний, следственного эксперимента с использованием ВКС. Это можно сделать уже на современном этапе, причем серьезной трансформации процессуальных норм для этого не потребуется.

Кроме того, при проведении следственного эксперимента, для моделирования обстановки проверяемого события, возможно законодательно предусмотреть вероятность использования аппаратно-программных комплексов, таких, например, как ЛИДАР – технология измерения расстояния путем излучения света (от излучателя) и измерения времени его возвращения на приемник. Как прибор такое устройство представляет собой активный дальномер оптического

диапазона. Его использование в связке с соответствующим программным обеспечением (например, мобильные приложения «LidarScan», «JigSpace», «Canvas Lite» и др.) позволяет создавать графические трехмерные (3D-модели) отсканированных объектов. Подобные технологические решения для широкого круга пользователей были реализованы в смартфонах Apple iPhone 11 и более старших моделях. Использование сканеров Lidar возможно в ходе криминалистических осмотров – для последующего детального исследования предметно-вещной обстановки, идентификационных признаков и пр.

Беспилотные летательные аппараты (далее – БПЛА), беспилотные воздушные суда (далее – БЛС), получившие в последнее время стремительное развитие ввиду совершенствования процессов автоматизации и робототехники, нашли широкое гражданское применение. Использование таковых в зоне проведения Вооруженными Силами Российской Федерации специальной военной операции выявило их эффективность в решении боевых задач.

Такие «беспилотники», оснащенные современной видеозаписывающей и фотофиксирующей аппаратурой высокого разрешения, в случае должного нормативного закрепления порядка сертификации, регистрации или учета их в качестве БПЛА, используемых для уголовного судопроизводства, а также процессуального закрепления возможности проведения следственных действий с использованием таких устройств могут найти широкое применение в уголовном процессе.

Использование БПЛА возможно для организации проведения дистанционных осмотров места происшествия (при пожарах, стихийных бедствиях и пр.), когда следователь (дознатель) находится по месту производства расследования, а на мониторе наблюдает передаваемое с летательного аппарата изображение, после чего составляет протокол осмотра. Полученная видеозапись (передаваемого потокового видео) в качестве полноценного доказательства приобщается к материалам уголовного дела. В ходе судебного следствия, при необходимости, можно провести дополнительный осмотр места происшествия, проверку показаний на месте, не покидая зала суда.

Подводя итог, отметим, что в работе обозначены лишь некоторые приоритетные направления цифровой трансформации уголовного судопроизводства, а ее содержание, помимо прочего, призвано задать вектор последующих научных исследований в данной области знания, определить направления дальнейшей разработки законодательных новелл использования современных технологий в уголовном судопроизводстве.

Список литературы

1. Желтобрюхов С. П. О необходимости предоставления органу предварительного расследования возможности применения видео-конференц-связи на стадии досудебного производства // Российская юстиция. 2016. № 1. С. 62–64.
2. Масленникова Л. Н., Сушина Т. Е. Опыт цифровизации уголовного судопроизводства Федеративной Республики Германия и возможности его использования при цифровизации уголовного судопроизводства России // Актуальные проблемы российского права. 2020. № 6. С. 214–224.

3. Мусеилов А. Г., Орлова А. А., Власов П. Е. Проблемы правовой регламентации использования систем видео-конференц-связи в досудебном производстве // Научный портал МВД России. 2017. № 4 (40). С. 45–52.
4. Новиков С. А. Допрос с использованием систем видео-конференц-связи: завтрашний день российского предварительного расследования // Российский следователь. 2014. № 1. С. 2–6.
5. Поплавская Н. Н., Поплавский Д. В. Видео-конференц-связь в уголовном процессе // Российский следователь. 2017. № 6. С. 17–20.
6. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 22 октября 2021 г. № 2998-р «Об утверждении стратегического направления в области цифровой трансформации государственного управления» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2021. 44 (ч. III). Ст. 7467.
7. Селина Е. В. Электронное и дистанционное правосудие: вызовы времени и перспективы // Администратор суда. 2016. № 3. С. 12–15.
8. Щерба С., Архипова Е. Правовые основы применения видео-конференц-связи в уголовном судопроизводстве России и перспективы их совершенствования // Уголовное право. 2014. № 4. С. 109–117.
9. Федеральный закон от 30 декабря 2021 г. № 501-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2022. № 1 (ч. I). Ст. 70.

Гаврилов Б. Я.¹,
*профессор кафедры управления органами
расследования преступлений
Академии управления МВД России,
доктор юридических наук, профессор*

К ВОПРОСУ О ВВЕДЕНИИ В СТРУКТУРУ РОССИЙСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА УГОЛОВНОГО ПРОСТУПКА

В числе наиболее актуальных проблем российского законодательства в XXI в. обозначена гуманизация уголовно-правовой, включая уголовно-процессуальную политику России. Необходимость решения данной проблемы обуславливалась наряду с другими факторами тем, что на 1 января 2000 г. число содержащихся в местах лишения свободы граждан превысило 1 млн чел.

При этом значительная часть из них была осуждена или содержалась под стражей в период предварительного расследования и судебного разбирательства формально за тяжкие преступления, к которым законодатель того периода времени относил квалифицированные виды краж, включая предусмотренные ч. 2 ст. 158 УК РФ, например, кражу мешка картошки из сарая в подвальном помещении жилого дома или двумя подростками велосипеда от подъезда. Однако ежегодно суды в отношении порядка 120–125 тыс. осужденных, которым мера пресечения в ходе предварительного следствия и судебного разбирательства избиралась в виде лишения свободы, выносили приговоры или к лишению свободы с применением ст. 73 УК РФ (условно) или иные виды наказаний, не связанные с реальным лишением свободы. На сложившуюся негативную практику особое внимание обращал бывший руководитель службы исполнения наказаний Ю. И. Калинин [1].

Для решения этой проблемы от Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации потребовались разработка и принятие ряда федеральных законов по снижению уровня уголовной репрессии, непосредственное участие в разработке которых принимал автор в силу своего служебного статуса (до декабря 2007 г. занимал должность заместителя начальника Следственного комитета при МВД России, в 1997–2005 гг. член рабочей группы по совершенствованию уголовного и уголовно-процессуального законодательства при Комитете по законодательству и в н. в. член экспертной комиссии при Комитете по безопасности и противодействию коррупции Государственной Думы Российской Федерации).

Меры по гуманизации уголовного и уголовно-процессуального законодательства включали в себя ряд федеральных законов:

– от 9 марта 2001 г. № 25-ФЗ [2], положениями которого из содержания ст. 96 УПК РСФСР исключено правило о заключении под стражу в силу одной опасности совершенного преступления, к которым относились все виды квалифицированных краж, предусмотренных ч. 2 ст. 158 УК РФ, примеры чего приведены выше. Как следствие, в 1998–1999 гг. данная мера пресечения избиралась

¹ © Гаврилов Б. Я., 2023.

ежегодно в отношении 450 тыс. подозреваемых, обвиняемых. Внесение в уголовно-процессуальный закон указанных изменений обусловило одномоментное сокращение в 2000 и в 2001 гг. примерно на 100 тыс. числа таких граждан;

- от 31 октября 2001 г. № 133-ФЗ [3]. Его положения дифференцировали ч. 2 ст. 158 УК РФ путем снижения санкции с шести до пяти лет лишения свободы за основные виды краж, примеры которых приведены выше. В результате действия этой нормы число заключенных под стражу лиц сократилось еще порядка на 100 тыс.;

- последующее сокращение числа ежегодно заключаемых под стражу подозреваемых, обвиняемых граждан обуславливалось принятием УПК РФ, нормы которого заключение под стражу исключительно по судебному решению. Таким образом, принятые законодателем меры обеспечили снижение числа содержащихся в местах лишения свободы граждан на 1 января 2023 г. примерно до 460 тыс. или более чем в два раза, что безусловно способствовало сокращению уровня регистрируемой преступности;

- от 3 июля 2016 г. №323-ФЗ [4], с которым сегодня связан последующий этап гуманизации уголовной политики в России. Данным законом были фактически декриминализованы порядка 50 тыс. краж при размере похищенного до 2500 руб., 15 тыс. фактов нанесения побоев на бытовой почве и около 20 тыс. фактов неуплаты средств на содержание детей или нетрудоспособных родителей, не представляющих для российского общества и государства значительной общественной опасности. Оценивая результаты реализации данного закона, Председатель Верховного Суда Российской Федерации В. М. Лебедев отметил, что продолжением этих новелл должно стать введение «уголовно наказуемого проступка» [5], на что указывал Президент Российской Федерации В. В. Путин.

Реализуя данное предложение, постановлением Пленума Верховного Суда Российской Федерации в октябре 2017 г в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации был внесен проект федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с введением понятия уголовного проступка». Данный законопроект предусматривал отнесение к уголовным проступкам преступлений небольшой тяжести, санкция которых не предусматривала наказание в виде лишения свободы и при условии, что они совершены лицом впервые.

Однако данный законопроект был негативно воспринят как представителями научной общественности, так и правоприменителями. На него также поступил отрицательный отзыв Правительства Российской Федерации, основной причиной которого явилось несоответствие отдельных положений законопроекта нормам Конституции Российской Федерации, а также ограниченный перечень преступлений, подпадающих под категорию уголовного проступка. Законопроект не учитывал и опыт зарубежных государств, включая страны бывшего СССР, почти в половине из которых институт уголовного проступка действует достаточно длительное время.

О необходимости введения уголовно-правовой категории уголовного проступка говорят как представители научного сообщества: С. Г. Келина [6, с. 5–12],

С. В. Максимов [7], Г. А. Кригер [8, с. 7–8], Н. Ф. Кузнецова [9], Е. В. Рогова [10, с. 7–45], В. Н. Сизова [11, с. 24–26], В. Ф. Цепелев [12, с. 631–633], М. Д. Шаргородский [13] и др., так и практикующие юристы: В. В. Гордиенко [14, с. 3–5], Б. Я. Гаврилов [15, с. 131–136] и др., что, по их мнению, направлено, во-первых, на оценку данного вида противоправных деяний с учетом степени их общественной опасности, а также лица, его совершившего, а во-вторых, на знание реального состояния уровня российской преступности. Более того, предложение о введении уголовного проступка еще в 1974 г. было изложено в проекте Кодекса уголовных проступков, подготовленном рабочей группой В. И. Курляндского [16].

Одновременно следует учитывать и наличие противоположных точек зрения на проблему уголовного проступка. Так, Л. В. Головкин обосновывает отсутствие в России должных правовых оснований для этих изменений [17, с. 127–136]. Данную точку зрения подтверждает заместитель Председателя Верховного Суда Российской Федерации (в отставке) А. А. Толкаченко, отмечая при этом, что «в современных условиях введение уголовного проступка... и судопроизводство по нему не способны сами по себе оказать принципиального влияния на уголовную политику» [18, с. 137–150].

В научном сообществе имеют место и иные высказывания о возможности «реализации в России идеи выделения из преступлений уголовных проступков». В частности, судья Верховного Суда Российской Федерации (в отставке) В. В. Дорошков высказывает позицию о том, что для реализации предлагаемой реформы необходим анализ конкретной ситуации и выяснение причин – почему они были приняты либо отвергнуты. При этом от «того, какие преступления законодатель отнесет к уголовным проступкам, будет зависеть вектор уголовной политики государства на ближайшую перспективу» [19, с. 31–39].

Кроме приведенных выше факторов, наше предложение о возвращении в уголовное законодательства уголовного проступка обусловлено также чрезмерным количеством уголовно-правовых запретов. В силу указанного в 1992–2001 гг. ежегодно в суд направлялись уголовные дела в отношении более 1,5 млн граждан, к 2008 г. их число уменьшилось до 1,2 млн чел. и хотя в 2022 г. их число и сократилось до 724,3 тыс., однако криминализация общества остается значительной.

С учетом изложенных выше факторов в проекте федерального закона, внесенного в октябре 2020 г. постановлением Пленума Верховного Суда Российской Федерации в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации позиция его авторами была существенно изменена. Во-первых, значительно (до 112 составов) расширен перечень преступлений, подпадающих под категорию уголовного проступка, включая 55 преступлений в сфере экономики, в том числе 22 – в сфере экономической деятельности. Во-вторых, санкции за отдельные виды из них предусмотрены в виде лишения свободы до четырех лет [20].

В качестве еще одного существенного фактора о необходимости введения в УК РФ ранее наличествующего в законодательстве Российской империи про-

ступка сегодня выступает «малозначительность деяний», наличие которой обуславливает противоречивую судебную практику, примеры чего неоднократно приводились в указанных выше публикациях Б. Я. Гаврилова, Е. В. Роговой, В. Н. Сизовой и др. авторами.

Более того, складывающаяся в 2013–2016 гг. следственно-судебная практика не признавала преступлениями в силу малозначительности противоправные деяния, квалифицированные по ч. 2 ст. 158 УК РФ при размере похищенного от одной до трех тыс. руб., несмотря на то, что подобные кражи не могли быть квалифицированы по ст. 7.27 КоАП РФ. В 2018–2022 гг. в силу малозначительности следователями, дознавателями, органами дознания ежегодно выносились процессуальные решения об отказе в возбуждении уголовного дела по основаниям п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ порядка по 1,2 млн заявлений, сообщений о кражах, что прямо противоречит положениям ч. 1 ст. 148 УПК РФ, допускающей отказ в возбуждении уголовного дела за отсутствием состава преступления только лишь при установлении факта совершенного преступления и лица, к нему причастного. Именно такую трактовку отказа в возбуждении уголовного дела подтвердил и Конституционный Суд Российской Федерации в своем определении от 22 сентября 2022 г. № 2098-О [21]. Тем самым указанные выше противоправные деяния фактически не получили юридической оценки, что, с одной стороны, позволяет совершившим лицам избежать ответственности, а во-вторых, влечет за собой ограничение предусмотренного ст. 52 Конституции Российской Федерации права потерпевших на их доступ к правосудию и возмещение причиненного им ущерба. Следует также иметь в виду, что ежегодно прокурорами значительная часть таких процессуальных решений (от 1,2 до 2,6 млн) признается незаконными, необоснованными и отменяется.

Наличие института «отказных материалов» привело к значительному снижению уровня уголовно-процессуального реагирования органов предварительного расследования и дознания на сообщения о преступлениях, который за последнее десятилетие снизился в два раза даже увеличении регистрации их количества (в 2006 г. – 10,7 млн и в 2022 г. – 11,9 млн, а всех сообщений – с 20,5 млн до 34,7 млн), поскольку в 2006 г. были возбуждены 3,3 млн уголовных дел и вынесено 4,5 млн процессуальных решений об отказе в возбуждении уголовного дела, а в 2022 г. на 1,6 млн возбужденных уголовных дел пришлось уже 6 млн «отказных» материалов. Это влечет за собой искажение статистических показателей преступности, коэффициент которой в России на 100 тыс. населения в 2022 г. составил 1 400 преступлений. В Германии, Франции, Италии он превышает среднероссийский в четыре-пять раз, а в Швеции – в 8,5 раз, хотя криминологам вполне очевидно, что уровень безопасности личности и общественного порядка в них выше, чем в России, что наглядно показано в «тренде» преступности за 1980–2022 гг., согласно которому каждые 10 лет количество зарегистрированных преступлений в России увеличивалось примерно на один млн, однако, начиная с 2007 г., уровень регистрируемой преступности резко сократился, что отражено в приведенной ниже таблице.

Количество зарегистрированных преступлений за 1980–2022 гг. (в млн)

Период	Количество зарегистрированных преступлений
1980	1,028
1991	2,168
1999	3,002
2006	3,853
2010	4,4
2017	2,058
2019	2,024
2021	2,004
2022	1,966

В качестве вывода автор констатирует, что возвращение в российское уголовное законодательство такой уголовно-правовой категории, как уголовный проступок, призвано способствовать снижению уровня уголовной репрессии, а также должно обеспечить достоверность показателей преступности, что позволит государству адекватно реагировать на ее изменения.

Список литературы

1. Калинин Ю. И. Лесоповал с «человеческим лицом» // Российская газета. 2002. № 186.
2. Федеральный закон от 9 марта 2001 г. № 25-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации, Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР, Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации и другие законодательные акты Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_142908/.
3. Федеральный закон от 31 октября 2002 г. № 133-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации, Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_142908/.
4. Федеральный закон от 3 июля 2016 г. № 323-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности» // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_142908/.
5. Вячеслав Лебедев готовит «уголовный проступок». Председатель Верховного Суда Российской Федерации рассказал о гуманизации уголовного законодательства // Коммерсант. 2016. 21 сент.
6. Келина С. Г. Некоторые принципиальные идеи, лежащие в основе теоретической модели уголовного кодекса // Проблемы совершенствования уголовного закона. М. : ИГиП АН СССР, 1984.

7. Максимов С. В. УК на перепутье. Стоит ли форсировать работу над новым кодексом // Российская газета. 2011. 7 июня.
8. Кригер Г. А. Конституция СССР и совершенствование уголовного законодательства // Вестник Московского университета. Серия: Право. 1979. № 2.
9. Кузнецова Н. Ф. Преступление и преступность. М. : Московский университет, 1969.
10. Гаврилов Б. Я., Рогова Е. В. Уголовный проступок: концепция развития (мнение ученого и практика) // Публичное и частное право. 2016. № 4 (32).
11. Сизова В. Н. Эволюция системы наказаний за совершение уголовных проступков в российском уголовном законодательстве // Российская юстиция. 2020. № 9.
12. Цепелев В. Ф. Соотношение преступления и иных правонарушений: сравнительный аспект // Соотношение преступлений и иных правонарушений: современные проблемы : сборник статей. М. : ЛексЭст, 2005.
13. Шаргородский М. Д. Вопросы общего учения о наказаниях в период развернутого строительства коммунистического общества // Советское государство и право в период развернутого строительства коммунизма. Л. : ЛГУ, 1961.
14. Гордиенко В. В. Законодательные новеллы и их роль в повышении эффективности борьбы с преступностью // Российский следователь. 2011. № 16. С. 3–5.
15. Гаврилов Б. Я. Уголовный проступок в российском праве: пожелания законодателя или реалии российского общества // Человек: преступление и наказание. 2018. № 2.
16. Кодекс уголовных проступков : проект. М., 1974.
17. Головкин Л. В. Законопроект об уголовном проступке: мнимые замыслы и реальная подоплека // Закон. 2018. № 1.
18. Толкаченко А. А. К обсуждению проекта федерального закона в связи с введением понятия уголовного проступка, или чем может помочь постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 31 октября 2017 г. № 42 // Закон. 2018. № 1.
19. Дорошков В. В. К вопросу об уголовном проступке // Мировой судья. 2016. № 12. С. 31–39.
20. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 13 октября 2020 г. № 24 «О внесении в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации проекта федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с введением понятия уголовного проступка» // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_142908/.
21. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 22 сентября 2022 г. № 2098-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Песочного Игоря Олеговича на нарушение его конституционных прав частями третьей и четвертой статьи 195, частью первой статьи 198, частью первой статьи 205 и частью первой статьи 206 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Российская газета. 2022. № 5.

*Гладышева О. В.¹,
заведующий кафедрой уголовного процесса
Кубанского государственного университета,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист Кубани*

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ОРГАНОВ ДОСУДЕБНОГО ПРОИЗВОДСТВА: ПРОБЛЕМЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ И ПРИМЕНЕНИЯ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Процессуальному положению следователя и дознавателя посвящены многие научные работы [7; 14; 17], позволившие сформировать как теоретическую конструкцию, так и законодательную базу, включающую определение компетенции, полномочий и средств их реализации. Однако в поле активной научной дискуссии остается множество вопросов, затрагивающих процессуальную самостоятельность следователя, дознавателя, пределы ее осуществления [4; 12], процессуальные функции [13], совершенствование процессуального статуса [16] и др. В их числе находится вопрос об ответственности следователя [15], и, хотя роль дознавателя аналогична роли следователя, его ответственность практически в литературе не рассматривается.

Значимость научного разрешения проблемы наступления ответственности указанных должностных лиц очевидна: допускаемые в правоприменительной практике органов досудебного производства ошибки и нарушения (в самом широком смысле) требуют не только анализа и исправления, но и применения санкций к виновным и превентивных средств для их недопущения в будущем. Одним из таких средств выступают именно ответственность и потенциальная возможность ее применения.

Научная разработанность ответственности органов досудебного производства, несмотря на длительную историю, достаточно фрагментарна, и ее проблематика в разной степени привлекает ученых. Так, имеющиеся научные результаты в современной науке касаются в большей степени либо дисциплинарной, либо материальной ответственности, где преобладают вопросы регрессной ответственности следователя, дознавателя [1; 5; 9]. Часть работ посвящена уголовной ответственности следователя [3]. В то же время отметим, что, если в рамках применения дисциплинарной и уголовной ответственности изучаются отдельные проблемы, обусловленные процедурными и иными прикладными факторами [6; 11], то в отношении гражданской ответственности проблемы имеют фундаментальный характер и не могут быть успешно разрешены без учета особых характеристик уголовного судопроизводства, в числе которых:

1. Коллективная деятельность, поскольку многие процессуальные действия и решения принимаются и совершаются не индивидуально, а коллективом. Например, постановление следователя о возбуждении перед судом ходатайства о применении заключения под стражу (иной меры пресечения) согласовывается с руководителем следственного органа, аналогичное решение дознавателя –

¹ © Гладышева О. В., 2023.

с прокурором, а решение о заключении под стражу принимает суд. В результате получается, что лицо заключается под стражу не следователем или дознавателем, а судом. Напомним, что и обвинительное заключение готовится следователем, но обязательно утверждается прокурором. Однако регрессные иски, связанные с возмещением ущерба, причиненного выплатой компенсаций реабилитированному обвиняемому, заявляются исключительно в отношении следователя [18].

2. Условия работы следователя и иных должностных лиц органов досудебного производства не позволяют вплоть до заключительного момента говорить об определенности процессуальных выводов и действий. Многие из них совершаются на основании предположения, что прямо поддерживается законодателем (например, обыск производится при наличии оснований полагать). Кроме того, предъявление обвинения может осуществляться неоднократно, с корректировкой содержания квалификации предъявленного обвинения или с кардинальным его изменением.

3. Предположительный характер выводов органов досудебного производства *arriori* лишает логики привлечение следователя, иного должностного лица к какой-либо ответственности за ошибки в выводах и принятые на их основе решения.

Достаточно обширной является судебная практика о взысканиях материального ущерба и морального вреда, причиненного действиями сотрудников (следователей и дознавателей), по которым ответчиком выступает Российская Федерация в лице МВД России. Речь идет о взысканиях по основанию причинения имущественного ущерба неправомерными действиями, связанными с изъятием вещественных доказательств (представляющих собой материальные ценности), организацией их хранения и последующей передачи собственнику либо иному владельцу [19]. И если при установлении необходимых фактов арбитражные суды удовлетворяют иски и взыскивают причиненный ущерб за счет бюджета государства, то в порядке гражданского судопроизводства регрессные иски к следователям и дознавателям за причиненные убытки казне Российской Федерации, как правило, не удовлетворяются [20].

Имеются и иные примеры. В частности, в обоснование вины следователя в проведении незаконного уголовного преследования суд сослался на заключение служебной проверки и удовлетворил регрессный иск [21]. В другом гражданском деле суд принял во внимание наличие в предыдущей редакции ст. 1070 ГК РФ (до 3 декабря 2011 г.) указания на вступивший в законную силу приговор суда, которым должна быть установлена вина должностного лица органа предварительного расследования в причинении вреда незаконным уголовным преследованием, и отказал в удовлетворении регрессного иска [22]. Суд в целом отказался от обоснования вины должностных лиц органов предварительного расследования в причинении вреда и установлении незаконности их действий или решений по уголовному преследованию оправданного. Однако одновременно констатировал необходимость выплаты в порядке реабилитации и принял решение об удовлетворении регрессного иска [23].

Ярко демонстрируются проблемы правоприменения в следующих примерах:

«*Признание* (здесь и далее *курсив* наш – О. Г.) постановлением суда *незаконным* бездействия должностного лица следственного органа в нарушение сроков

ознакомления с заключениями экспертиз *не подтверждает виновное причинение* должностным лицом морального вреда истцу, ... не влечет безусловное право на возмещение причиненного морального вреда» [24].

«Именно тот факт, что С. был оправдан, за ним было признано право на реабилитацию, свидетельствует о *незаконном* возбуждении данного дела и проведении по нему расследования» и при этом «суд считает, что *не имеется* оснований для возложения материальной ответственности на ответчика О., так как ... *не доказана незаконность* действий должностного лица» [25].

Бездействие, а также решение о возбуждении уголовного дела были признаны незаконными, но вина должностного лица, а также незаконность его решений не установлена. Как представляется, налицо логическая ошибка: решение незаконно, а незаконность в деятельности должностного лица, его принявшего, — не установлена. В связи с этим уместны вопросы: а чья же это тогда вина? Если незаконность бездействия или процессуального решения установлена, то является ли это правонарушением и создает ли оно (правонарушение) основания для применения ответственности? А если создает, то для какого ее вида?

В действующих условиях ответы на поставленные вопросы будут далеко не однозначными.

Для более полной картины обратимся к формулировкам уголовного закона, который в ст.ст. 299–303 УК РФ определяет основания наступления уголовной ответственности, где обязательным признаком состава преступления выступает «заведомость» привлечения невиновного к уголовной ответственности, незаконного задержания подозреваемого, заключения под стражу или содержания под стражей, фальсификация доказательств и др. Отметим важный, на наш взгляд, фактор — уголовный закон перечисляет далеко не все варианты, когда вредные последствия могут наступить при производстве по уголовному делу.

В этой связи будет полезно обратиться к законопроекту, внесенному в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации [26] для корректировки содержания ст.ст. 1070 и 1100 ГК РФ в части оснований наступления материальной ответственности органов дознания и предварительного следствия. Авторами законопроекта предлагается формулировка п. 1 ст. 1070 ГК РФ, где дается перечисление процессуальных действий и решений, причинивших вред гражданину в случае, если они были незаконными: лишение (ограничение) свободы, в том числе незаконное осуждение, незаконное привлечение к уголовной ответственности, незаконное применение в качестве меры пресечения заключения под стражу или подписки о невыезде. Аналогичный подход (основанный на перечислении процессуальных действий и решений) предлагается и в абз. 3 ст. 1100 ГК РФ.

Такая формулировка дает повод для дискуссии.

Во-первых, нам представляется бесперспективным четкое указание на круг действий и решений, незаконность которых повлечет возложение обязанности материального возмещения причиненного ущерба. Дело в том, что уголовное судопроизводство — весьма подвижная, динамично и непрерывно развивающаяся система и такого рода подход может быстро привести к моральному устареванию законодательства и потребности постоянно дополнять этот список.

Во-вторых, включение в этот перечень незаконного привлечения к уголовной ответственности представляется проблематичным в силу неопределенности момента такого привлечения (особенно учитывая наличие многолетней научной дискуссии относительно того, с какого момента лицо считается привлеченным к уголовной ответственности [2; 8, с. 7; 10], и которая вряд ли может быть завершена в связи с тем, что создаются дополнительные факторы, препятствующие однозначному ответу, например, когда при производстве дознания обвинение вообще не предъявляется).

В то же время представляется конструктивным подход, в силу которого материальная ответственность наступает в связи с констатацией незаконности конкретных действий, а не результата уголовного дела в целом. Констатировать незаконность всего уголовного преследования, совершенных в его рамках действий и принятых решений только исходя из результата рассмотрения уголовного дела и принятия реабилитирующих решений, считаем неправильным. В этой части мы разделяем позицию авторов законопроекта, принятие которого концептуально должно изменить подход к определению оснований наступления гражданской ответственности должностных лиц органов досудебного производства.

Подводя итог, отметим главное:

1) ответственность следователя, дознавателя и иных лиц досудебного уголовного производства за допущенные ошибки и нарушения в настоящее время предусмотрена в дисциплинарной, гражданской и уголовной форме;

2) дисциплинарная ответственность предназначена для устранения и предотвращения в будущем процессуальных ошибок и нарушений, не составляющих преступления. Уголовная ответственность – для наказания должностных лиц, совершивших уголовно наказуемое деяние в ходе производства по уголовному делу. Лишь гражданская ответственность имеет не только репрессивный, но и компенсаторный характер, позволяя как создавать негативные последствия для нарушителя, так и возмещать в определенной степени причиненный им вред;

3) материальная ответственность, как представляется, должна носить индивидуальный характер и применяться в каждом случае установления факта незаконности принятого процессуального решения или незаконности производства процессуального действия, повлекших наступление вредных последствий для участников уголовного судопроизводства. Недопустимо применять дисциплинарную или гражданско-правовую ответственность в случаях, когда при установленном факте незаконности производства отдельных процессуальных действий или принятых решений имеется факт реабилитации обвиняемого (подсудимого);

4) предлагаем следующие изменения:

– дополнить ст. 21 УПК РФ новой частью 4.1 следующего содержания:

«4.1 Незаконные процессуальные действия (бездействие) и решения следователя, руководителя следственного органа, дознавателя, начальника подразделения дознания, органа дознания и прокурора влекут применение мер ответственности, предусмотренных действующим законодательством»;

– изложить ч. 1 ст. 1070 ГК РФ в новой редакции:

«Вред, причиненный гражданину в результате принятия незаконных процессуальных решений или незаконного производства процессуальных действий,

а также в случае бездействия в ходе уголовного судопроизводства, либо если вред, причиненный юридическому лицу в результате незаконного привлечения к административной ответственности в виде административного приостановления деятельности, возмещается за счет казны Российской Федерации, а в случаях, предусмотренных законом, за счет казны субъекта Российской Федерации или казны муниципального образования в полном объеме, независимо от вины должностных лиц органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры и суда в порядке, установленном законом».

Список литературы

1. Антонов И. А. Работа следователя: противоречия процессуального положения, решаемых задач и ответственности // Российский следователь. 2019. № 7. С. 15–19.
2. Бархатова Е.Н. Доктринальные вопросы уголовной ответственности в российском уголовном праве // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 8. С. 128–135.
3. Багмет А. М., Османова Н.В. К вопросу о процессуальной самостоятельности следователя на стадии возбуждения уголовного дела и законности принимаемых им решений // Российская юстиция. 2019. № 8. С. 31–34.
4. Вартанов А. Р. Проблемы процессуальной самостоятельности следователя по УПК РФ : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09. Краснодар, 2012.
5. Винницкий Л. В., Мулахметова Н. Е. О регрессной ответственности должностных лиц, виновных в незаконном уголовном преследовании // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. 2015. Т. 15. № 2. С. 49–54.
6. Грачев С. А. Проведение следственных действий с применением видеоконференц-связи: поправки внесены, эффективность под вопросом // Российский следователь. 2022. № 9. С. 18–22.
7. Гуляев А. П. Следователь в уголовном процессе. М. : Юридическая литература, 1981.
8. Ефремова Н. П., Кальницкий В. В. Привлечение в качестве обвиняемого : учебно-практическое пособие. Омск : Омская академия МВД России, 2007.
9. Кузнецова А. Д. Регрессная ответственность должностных лиц при реабилитации невиновного // Российский судья. 2021. № 7. С. 3–6.
10. Мядзелец О. А. Развитие института возмещения вреда, причиненного правоохранительными органами и судом (обсуждаем законопроект) // Российский судья. 2021. № 10. С. 49–53.
11. Набатов М. Б. Совершенствование порядка распределения дел по назначению органов дознания, следствия и суда в условиях цифровой реальности // Адвокатская практика. 2021. № 1. С. 48–53.
12. Огородов А. Н. Процессуальная самостоятельность следователя в уголовном судопроизводстве : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09. М., 2017.

13. Попов Д. П. Теоретические и эмпирические проблемы определения процессуальной функции следователя в уголовном судопроизводстве // Уголовная юстиция. 2018. № 11. С. 95–99.

14. Потапов Д. В. Проблемы взаимодействия следователя, руководителя следственного органа и прокурора в досудебном производстве по уголовному делу : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09. М., 2019.

15. Семенцов В. А. Уголовно-процессуальная ответственность следователя // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2020. № 4. С. 29–34.

16. Химичева Г. П. Некоторые замечания о реформе органов предварительного следствия в Российской Федерации // Вестник Московского университета МВД России. 2013. № 7. С. 60–63.

17. Шейфер С. А. Российский следователь – исследователь или преследователь? // Российская юстиция. 2010. № 11. С. 34–36.

18. Решение Железнодорожного районного суда г. Ульяновска по делу № 2-315/2013 // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru>.

19. Решение Арбитражного суда Нижегородской области от 7 октября 2022 г. по делу № А43-39061/2021; Решение Арбитражного суда Ростовской области от 27 сентября 2022 г. по делу № А53-1360/22 // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru>.

20. Решение Орджоникидзевского районного суда г. Новокузнецка Кемеровской области от 19 октября 2017 г. по делу № 2-1156/2017 // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru>.

21. Верховный Суд Республики Дагестан. г. Махачкала. 2019. Дело № 33-6603.

22. Советский районный суд. г. Орел. 2016. Дело № 2-1716.

23. Кировский районный суд. г. Махачкала. Республика Дагестан. 2019. Дело № 2-1735.

24. Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 16 февраля 2022 г. по делу № 2-948/2021 // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru>.

25. Решение Орджоникидзевского районного суда г. Новокузнецка от 19 октября 2017 г. по делу № 2–1156/2017. В удовлетворении требования о возмещении материального ущерба в порядке регресса отказано.

26. Проект федерального закона № 1091122-7 «О внесении изменений в статьи 1070 и 1100 части второй Гражданского кодекса Российской Федерации» (ред. от 12.01. 2021) // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru>.

*Глушач Д. В.¹,
старший следователь по особо важным делам
отдела по расследованию преступлений
общеуголовной направленности,
совершенных дистанционным способом
Главного следственного управления
ГУ МВД России по г. Москве*

МЕТОДИКА РАССЛЕДОВАНИЯ ДИСТАНЦИОННЫХ ХИЩЕНИЙ, СОВЕРШАЕМЫХ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ СРЕДСТВ МОБИЛЬНОЙ СВЯЗИ ПОД ПРЕДЛОГОМ РЕАЛИЗАЦИИ СОЦИАЛЬНЫХ ГАРАНТИЙ

Согласно данным ГИАЦ МВД России в 2022 г. показатели киберпреступности в целом остались стабильными. С использованием высоких технологий совершается каждое четвертое преступление. При этом в 2022 г. на территории Российской Федерации зарегистрировано на 27,6 % меньше дистанционных краж в соотношении с показателями 2021 г. Раскрываемость преступлений, совершенных с использованием IT-технологий, возросла на 4,4 % [3]. Несмотря на улучшение показателей раскрываемости, злоумышленниками систематически совершенствуются способы обмана граждан для эффективного достижения преступного результата.

Анализ дистанционных преступлений показал, что одним из признаков планирования или совершения преступления с использованием средств мобильной связи является представление злоумышленников работниками Пенсионного фонда Российской Федерации и использование в сознании объекта убеждения доверия к данному государственному учреждению.

Согласно практике расследования преступлений данной категории в специализированном отделе по расследованию преступлений общеуголовной направленности, совершенных дистанционным способом ГСУ ГУ МВД России по г. Москве, злоумышленники, действуя в составе преступного сообщества, представлялись работниками Пенсионного фонда Российской Федерации и предлагали гражданам воспользоваться правом получения бесплатных путевок на санаторно-курортное лечение. Вместе с тем злоумышленниками был применен способ убеждения потенциальной жертвы о возможности получения за нее денежной компенсации. Следовательно, после создания видимости намерения выплаты компенсации соучастниками осуществлялась реализация преступного плана в части получения сведений о банковской карте потенциальной жертвы, а именно ее полного номера, CVV-кода и срока действия.

Одним из способов обмана, позволяющих злоумышленникам осуществить транзакции по списанию денежных средств со счетов потерпевших, является получение одноразового пароля (в виде SMS-сообщения), который отправляется

¹ © Глушач Д. В., 2023.

банком на номер абонента, привязанный к банковскому счету. При этом потенциальному потерпевшему сообщаются ложные сведения о необходимости его регистрации в базе данных Пенсионного фонда путем сообщения злоумышленнику поступившего на мобильный телефон одноразового пароля. Полагая, что злоумышленник является работником фонда, потерпевший сообщает поступившие на его абонентский номер одноразовые пароли, в результате чего происходит подтверждение сформированных злоумышленником транзакций либо осуществляется доступ в банковское онлайн-приложение для получения информации об остатках денежных средств на счетах и их дальнейшего хищения.

Особое внимание следует уделить способу получения злоумышленниками сведений о потенциальных жертвах, в данном случае о лицах пенсионного возраста. С целью получения необходимой для совершения преступления информации (Ф. И. О. пенсионера и абонентский стационарный номер телефона) злоумышленниками активно используются устаревшие и актуальные телефонные справочники операторов городской стационарной связи. Данные справочники беспрепятственно приобретаются злоумышленниками в сети «Даркнет».

Конечной целью злоумышленников является фактическое распоряжение похищенными средствами. Для ее достижения преступники перед совершением дистанционного хищения открывают за денежное вознаграждение банковские счета на подставных лиц, которые чаще всего не осведомлены о преступных намерениях и соглашаются открыть счет в целях подработки, после чего передают полное управление им злоумышленникам. Следовательно, при наличии достаточных доказательств осведомленности названных лиц о преступной деятельности целесообразно квалифицировать их действия в соучастии с другими членами организованной группы или преступного сообщества.

Отдельным тактическим аспектом злоумышленников является введение следствия в заблуждение об их ролях при совершении преступления. Нередко при проведении осмотра места происшествия и обысковых мероприятий преступники пытаются разными способами скрыть принадлежность используемых в преступной деятельности абонентских устройств. В связи с этим целесообразно фиксировать в протоколах следственных действий принадлежность и пользователей абонентских устройств, что в ходе расследования упростит установление лиц, осуществлявших телефонные звонки потерпевшим.

По мнению В. А. Егорова, если установлено лицо, совершившее дистанционное хищение, в том числе целесообразно получить от него образцы голоса и речи [2].

С данным мнением следует полностью согласиться, т. к. в целях дальнейшей идентификации и сравнения голоса злоумышленника результативно проводить его допрос с применением видео- или аудиозаписи. При этом применение технических средств целесообразно в ходе допроса сразу после задержания лица, т. к. во время задержания злоумышленник находится в возбужденном психологическом состоянии и под натиском изъятых доказательств наиболее расположен к взаимодействию с правоохранительными органами. Дополнительным преимуществом допроса с применением технических средств является фиксация при-

знательных показаний, от которых в последующем злоумышленник, сформировав позицию защиты, может отказаться либо по надуманным основаниям указать на психологическое или физическое принуждение к их даче.

Следует отметить, что в случае категорического отказа злоумышленника от предоставления образцов голоса, целесообразно поручить данное процессуальное действие органу дознания путем проведения негласного оперативно-разыскного мероприятия «Получение образцов для сравнительного исследования», результаты которого необходимо в установленном порядке предоставить следователю для приобщения к материалам уголовного дела.

При назначении судебной-фоноскопической экспертизы целесообразно предоставить эксперту имеющиеся в деле записи телефонных переговоров потерпевшего и злоумышленника, а также образцы голоса последнего. Предварительно следует проверить наличие в кредитно-финансовых учреждениях добровольно представленных злоумышленником личных биометрических данных, которые также могут быть использованы экспертом при производстве экспертизы.

К обстоятельствам, подлежащим доказыванию, следует отнести установление местонахождения злоумышленника в момент совершения звонка потерпевшему. Зачастую преступниками при совершении звонков используются одноразовые sim-карты, от которых сразу после звонка они избавляются. При этом установить местонахождение злоумышленника возможно путем получения сведений о детализации звонков и интернет-траффика с его личного абонентского устройства, которое зачастую используется без опасений. При сопоставлении детализации звонков и интернет-траффика с одноразовой sim-карты и личного абонентского устройства злоумышленника определяется базовая станция, в радиусе действия которой были совершены звонки. Данные обстоятельства в совокупности с другими доказательствами дают основания полагать о совершении звонка одним и тем же лицом.

Особое внимание следует обратить на необходимость установления местонахождения (геолокации) злоумышленников в момент доступа к банковским счетам потерпевших и подставных лиц в момент совершения транзакций по списанию средств, а также счетам, используемым для финансирования организованной группы либо преступного сообщества. С помощью указанных сведений, истребуемых в кредитно-финансовых учреждениях, имеется возможность установить точное местонахождение злоумышленников в момент доступа к указанным счетам, а также получить информацию об абонентских устройствах, используемых ими для доступа.

Таким образом, предложенная методика расследования дистанционных мошенничеств, совершаемых с использованием средств мобильной связи, оптимизирует работу созданных специализированных отделов и отделений для расследования уголовных дел о дистанционных хищениях, в частности, способствует качественному и своевременному расследованию данного вида преступлений.

Список литературы

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 17.02.2023) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.
2. Егоров В. А. Криминалистическое обеспечение организации расследования мошенничества, совершенного с использованием средств связи // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2017. С. 168–177.
3. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь – декабрь 2022 года // Официальный интернет-сайт МВД России. URL: <https://мвд.рф/reports/item/35396677/>.

Голубенков А. Е.¹,
заместитель начальника 2-го «У» курса
факультета подготовки сотрудников полиции
для подразделений по охране общественного порядка
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

ОСОБЕННОСТИ РАССЛЕДОВАНИЯ МОШЕННИЧЕСТВ В СФЕРЕ КРЕДИТОВАНИЯ

К настоящему времени банковская система и цифровые банки находятся на самом высоком уровне своего развития, и экономика всей страны непосредственно «завязана» на данных сферах. Банковская сфера является относительно новой частью финансовой системы, что является основополагающим фактором возникновения и развития новых форм имущественных и экономических преступлений, в связи с чем она является одной из самых криминогенных в нашей стране [5, с. 262].

Сегодня банковская сфера, прежде всего, связана с такими преступными махинациями, как мошенничество в сфере кредитования. Анализ официальной статистики состояния преступности за 2022 г. Министерства внутренних дел Российской Федерации представляет следующие результаты: доля преступлений в сфере экономической деятельности в общем объеме экономических преступлений составляет 33,7 %, в 2015 г. – 26,7 %. Рост преступлений непосредственно связан с экономическим расслоением общества, кризисом, низким уровнем финансовой грамотности населения, неравномерным развитием регионов и неэффективностью системы безопасности.

В связи с данными факторами особо остро встает проблема закредитованности, и, как в следствие: появление и развитие кредитных преступлений, таких как мошенничество. За 2022 г. выявлено 230 704 преступлений, связанных с мошенничеством в сфере кредитования, из которых раскрыто 53 891 преступление. Эти данные свидетельствуют о том, что только малая часть лиц, совершивших мошенничество в сфере кредитования, привлекается к уголовной ответственности. Рассмотренные факты позволяют сделать вывод о том, что к настоящему времени существует проблема низкой раскрываемости данного вида преступлений, что связано с самой сущностью преступлений и трудности их раскрываемости.

Таким образом, мошенничество в сфере кредитования является значимой проблемой, которая представляет огромную угрозу финансово-кредитной безопасности страны, в связи с чем является актуальным рассмотреть вопросы о расследовании данного вида преступлений.

Для начала стоит рассмотреть свойственные установленному преступлению черты и признаки, на основе чего правоохранительные органы осуществляют расследование.

Сущность мошенничества в сфере кредитования определена ст. 159 Уголовного кодекса Российской Федерации (УК РФ) – это хищение денежных средств

¹ © Голубенков А. Е., 2023.

заемщиком путем представления банку и иному кредитору заведомо ложных и недостоверных сведений [1].

Стоит отметить, что данная уголовно-правовая норма является относительно новой и была введена в 2012 г., что было утверждено с целью разграничения видов преступлений в сфере кредитования для минимизирования ошибок на стадии возбуждения уголовного дела и улучшения эффективности качества расследования. Данная норма направлена на защиту отношений собственности и интересов банков и иных кредиторов от недобросовестных заемщиков и на установление нормального порядка функционирования банковской среды. Мошенничество в сфере кредитования совершается путем обмана и злоупотребления доверием, особенностью чего является то, что субъект преступления сам выбирает время, место и способ совершения преступления и только в самой меньшей степени его деятельность зависит от обстановки, которая вынуждает его отказаться от его разработанного плана.

В основном преступление совершается под видом подлинной сделки, где преступник выдает себя за добропорядочного человека, фальсифицирует документы и предпринимает все возможные меры с целью сокрытия следов преступления и невозможности в дальнейшем установить его личность. Анализ уголовных дел позволяет сделать вывод о том, что значительная часть данного вида преступления совершается способами, признаки которых не всегда очевидны [3, с. 15]. Поэтому их обнаружение и расследование требуют высокого уровня знаний технологий обработки информации.

Особое значение для расследования имеют элементы, которые составляют криминалистическую характеристику преступления. В рассматриваемом виде преступления к ним относятся:

- 1) предмет преступного посягательства;
- 2) способ совершения преступления;
- 3) механизм совершения преступления;
- 4) обстановка совершения преступления;
- 5) данные о свойствах личности субъекта преступления;
- 6) сведения об особенностях потерпевших.

Отправным действием в процессе расследования мошенничества в сфере кредитования является допрос потерпевшего, что имеет особую роль в связи с тем, что позволяет получить основную и наиболее значимую информацию о личности мошенника, способе, месте и времени совершения преступления. В этом отношении важно провести действие своевременно, чтобы не допустить влияние третьих лиц на потерпевшего, целью которых является заставить потерпевшего умалчивать о известных ему данных. Кроме того, здесь важно умение следователя преодолеть возможную установку лиц на утаивание и сокрытие информации, возникшей с желанием потерпевшего сохранить собственный имидж и показать свое поведение в лучшем свете.

Следующим этапом расследования является следственный осмотр, который проводится с целью обнаружения и изъятия предметов и документов, содержащих следы преступления [4, с. 80]. Местом совершения мошенничества в сфере

кредитования, как правило, являются места составления и получения документов, связанных с кредитным договором. Расследованию преступления на данном этапе препятствует несколько обстоятельств: во-первых, в основном от совершения преступления до его обнаружения проходит длительное время, что ведет к утрате следов и предметов доказательного характера; во-вторых, места совершения обычно являются многолюдными, что нарушает его сохранность. Потерпевший, приобщенный к данному этапу, может предоставить следствию немало важные факты, но, к сожалению, как показывает практика, следователи используют данный прием лишь в единичных случаях.

Одним из основных источников доказательственной базы является документация, изъятая в ходе следственного осмотра [6, с. 117]. Данные материалы позволяют установить средства, используемые для реализации преступного замысла, оценить уровень знаний и навыков мошенников, а самое главное установить способ подделки документов, обнаружить следы пальцев рук, получить информацию о подчеркике, подписавшего документ лица. Здесь следователю важно выполнять какие-либо действия с максимальной осторожностью, чтобы не допустить повреждения и уничтожения признаков подделки документов.

Важнейшим элементов расследования является моделирование ситуаций совершаемых преступлений, построение и разработка версий [2, с. 18]. В этом аспекте следователю необходимо точно анализировать все существующие факты, выдвигать только те версии, которые являются достаточно обоснованными и доказательными. Многообразие способов мошенничества в сфере кредитования создает сложную обстановку для решения таких задач, для установления способов совершения преступлений и причинно-следственной связи.

Как было указано выше, субъект преступления использует поддельные документы и представляется под видом иного лица, что составляет основную проблему при расследовании данных видов преступлений. Следователю необходимо собрать все сведения о движении денежных средств, представленных банковских счетов и номерах телефона. Кроме того, необходимо также проверять информацию о снятии денежных средств при помощи автоматизированных устройств самообслуживания, информацию с видеокамер, установленных на них и также относящихся к системе «Безопасный город».

Больше трудностей вызывает раскрытие идентификационных признаков посредством информационно-телекоммуникационной инфраструктуры. Часто используемый метод сокрытия IP-адресов не позволяет получить какую-либо важную информацию.

Таким образом, эффективность и полнота расследования рассматриваемого преступления в значительной степени определяются количеством и качеством информации, которой обладает следователь. На данный момент важной задачей является повышение эффективности раскрытия мошенничества в сфере кредитования, что возможно достичь при помощи использования электронного взаимодействия между органами внутренних дел и кредитно-финансовыми организациями, расширения возможностей информационно-аналитического обеспечения расследования при помощи банков данных, создания постоянно действующих оперативно-следственных групп, специализирующихся по данному направлению.

Список литературы

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 декабря 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 18.03.2023) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.
2. Карепанов Г. Н. Особенности расследования мошенничества совершаемых работниками банков в сфере кредитования : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.12. Екатеринбург : Уральский государственный университет, 2018.
3. Ливандовский Н. Криминалистическое расследование преступлений в сфере кредитования : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 554.04. Кишинев : Академия «Штефан чел Маре» МВД РМ, 2020.
4. Ерахтина Е. А. Основные этапы методики расследования мошенничества в сфере кредитования // Социально-экономический и гуманитарный журнал Красноярского ГАУ. 2015. № 2. С. 77–88.
5. Харалампиди Х. К. Мошенничество в сфере кредитования: криминалистическая характеристика // Эпомен. 2020. № 47. С. 261–266.
6. Нерсисян М. Г. Теоретические и методические аспекты судебной финансово-кредитной экспертизы : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.12. М. : Российский университет дружбы народов, 2020.

Горач Н. Н.¹,
 доцент кафедры предварительного расследования
 Московского университета
 МВД России имени В.Я. Кикотя,
 кандидат педагогических наук

Лаврова О. Н.²,
 заместитель начальника кафедры уголовного процесса
 Московского областного филиала
 Московского университета
 МВД России имени В.Я. Кикотя,
 кандидат юридических наук, доцент

ЦИФРОВИЗАЦИЯ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО СЛЕДСТВИЯ: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

В течение нескольких последних лет доказательства по уголовному делу зачастую получают посредством использования информационных технологий, которые, в свою очередь, могут быть представлены целой системой: как техническими средствами, так и программным обеспечением.

Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (УПК РФ) предусматривает возможность сбора электронных доказательств, аккумулируя значительный опыт применения в уголовном процессе технических средств, например, аудио- и видеозаписей, позволяющих объективно и точно фиксировать весь процесс доказывания. Одной из основных правовых норм в данном случае является ч. 6 ст. 164 УПК РФ, предусматривающая возможность применения технических средств и способов обнаружения, фиксации и изъятия следов преступления в ходе производства следственных действий. При этом фундаментом полного и точного сбора доказательств по уголовному делу в случае применения информационных технологий является цифровизация уголовного судопроизводства.

Цифровизация уголовного процесса представляет собой процесс развития уголовно-процессуальной деятельности, заключающийся в полном переходе на цифровой формат при осуществлении производства по уголовному делу, упрощении процесса доказывания, полном доступе к электронным базам информации правоохранительных органов, возможности владения полученной информацией, включая ее поиск, анализ и систематизацию по заданным параметрам, а также мгновенной передачи больших объемов информации на любые расстояния [1].

В. В. Колесник указывает, что отправной точкой начала цифровизации уголовного судопроизводства на территории России должны стать общественные отношения, позволяющие проводить инициирование процесса уголовного преследования. Первоначальными документами в цифровом содержании по уголовному делу являются заявление о преступлении, явка с повинной, сообщение

¹ © Горач Н. Н., 2023.

² © Лаврова О. Н., 2023.

о совершенном либо готовящемся преступлении, полученное из иных источников, постановление прокурора о направлении соответствующих материалов в орган предварительного расследования для решения вопроса об уголовном преследовании [2].

По мнению Б. Я. Гаврилова, «фиксация (в электронной форме) поводов к возбуждению уголовных дел считается одним из главных информационных толчков к цифровому началу уголовного судопроизводства, в связи с чем они могут являться первоначальными объектами цифровизации в уголовно-процессуальной сфере» [3].

Разработка современного программного обеспечения, которое является неотъемлемой частью цифровизации в сфере уголовно-процессуальной деятельности, должно способствовать адаптации предварительного следствия к современным условиям, в том числе способствовать в сборе доказательств.

Мы разделяем позицию Л. А. Воскобитовой о том, что для изучения цифровой копии уголовного дела участникам процесса должно предоставляться достаточное для его изучения время. В случае, если следователь (дознатель) не согласен с заявленной ими в ходатайстве продолжительностью изучения материалов уголовного дела, то участникам уголовного процесса должно быть предоставлено право обжалования решения следователя (дознателя) об отказе в удовлетворении ходатайства о продолжительности изучения цифровой копии уголовного дела [4]. По нашему мнению, благодаря такому подходу будет реально обеспечено право стороны защиты ознакомиться с материалами уголовного дела «без ограничения во времени», а также будут предупреждены факты злоупотреблений со стороны защиты по затягиванию процесса ознакомления с материалами уголовного дела.

Основные ключевые направления развития цифровизации уголовного процесса на территории Российской Федерации:

- 1) информационный прогресс;
- 2) гуманизация уголовного судопроизводства.

Достижения в данном направлении развиваются от искусственного интеллекта до создания огромной базы данных как одного из компонентов упрощения предварительного расследования и судебного разбирательства по уголовному делу. Обработка большого количества данных – основа цифровой трансформации уголовного процесса. Реализация потенциально новейших информационных технологий возможна лишь при наличии хорошо подготовленных кадров сотрудников органов предварительного расследования и судов. Эффективность системы управления программным обеспечением будет развиваться только за счет обучения цифровым технологиям участников уголовного процесса со стороны обвинения. При этом главной задачей является гуманизация уголовно-процессуальной деятельности, в том числе в анализируемой сфере [5].

В. С. Власова определяет цифровую этику как один из способов быстрого внедрения цифровизации в уголовное судопроизводство Российской Федерации. Она заключается в том, что должна содержать нормы, направленные на создание условий уважения и достоинства участников уголовного процесса в цифровой

среде. Ее отсутствие, по мнению автора, является главным затормаживающим фактором для успешной цифровизации уголовного процесса в наши дни [6].

Заметим, что отношения государства и цифрового уголовного судопроизводства не ограничиваются лишь распорядительными функциями. Основные компоненты в дальнейшем помогут выстроить законченную систему цифровизации уголовного судопроизводства, а именно обеспечить защиту и конфиденциальность материалов дела, а также надежность работы органов предварительного расследования и государственного контроля, а также судебных органов. Данные направления развития цифровизации уголовного процесса могут эффективно поддерживать друг друга, а также дополнять различными программными обеспечениями, например, технологиями виртуальной реальности (при осуществлении проверки показаний на месте), высокоскоростного Интернета (для передачи большого объема цифрового формата уголовного дела), искусственного интеллекта, способного создать огромную и эффективную экспертную базу и пр. [7].

Н. А. Богданович выделяет следующие компоненты данного шага в информационный прогресс цифровизации уголовного судопроизводства:

- 1) активное развитие ботов, которые помогут быстро находить необходимую информацию по уголовному делу;
- 2) дальнейшее развитие облачных технологий, что позволит сохранить материалы уголовного дела в случае его утраты или кражи;
- 3) создание большого приоритета базы данных, что позволит быстрее находить доказательства;
- 4) активное развитие устройств, работающих в онлайн-режиме, что позволит упрощенно работать с цифровым форматом уголовного дела;
- 5) развитие компонентов виртуальной реальности, что позволит наглядно изобразить все события преступления;
- 6) разработка информационных платформ для развития искусственного интеллекта;
- 7) разработка дальнейшего роста работоспособности баз данных – большого количества информации для обработки и анализа [8].

Важно отметить, что для успешного развития цифровизации уголовного судопроизводства необходимо наличие новых технологий, позволяющих эффективно находить доказательства, быстро реагировать на кибератаки, цель которых заключается в подмене или краже доказательств. Цифровизация будет способствовать упрощению предварительного расследования и судебного разбирательства по многоэпизодным преступлениям. При этом органам государственной власти стоит уделять внимание развитию аспектов, дающих возможность создавать отрасли технологического развития, значимые с точки зрения обеспечения национальной безопасности и снижения уровня преступности [9].

Некоторые авторы выделяют и третье направление цифровизации уголовного судопроизводства, так называемое цифровое правосудие.

По мнению Е. В. Марковичевой, данное направление связано с использованием искусственного интеллекта в принятии судебных решений, а именно появ-

ление роботов-судей, что, впрочем, вызывает определенные опасения возможности их атаки хакерами, что может привести к росту количества оправдательных приговоров, в т. ч. вынесенных лицам, действительно виновным в совершении преступлений [10].

По нашему мнению, если данное направление все же войдет в процесс цифровизации уголовного судопроизводства России, то должностным лицам органов, осуществляющих государственный контроль, необходимо пройти полную цифровую трансформацию, овладев необходимыми навыками владения технологией цифрового правосудия.

Проанализируем практику применения цифровых технологий в отечественном уголовном судопроизводстве.

В 2016 г. в УМВД России по Калининградской области было принято решение о создании информационного портала, который изначально содержал лишь сведения о совершенных преступлениях. В 2022 г. было проведено обновление программного обеспечения, и он приобрел следующие функции [11]:

- возможность составления процессуальных документов в стадии возбуждения уголовного дела;
- создания планов предварительного расследования уголовных дел с возможностью индивидуального контроля процессуальных сроков;
- составления расширенной базы сведений по уголовным делам, в т. ч. многоэпизодным;
- упрощенный поиск по базе данных информации, имеющей значение для дела (номера телефонов, адреса электронной почты, проживания, мест работы и пр.);
- внедрение программы для получения сведений о доказательствах (от кого было получено, дата, время и место получения, вид полученного доказательства, и др.);
- функции, позволяющие сравнивать доказательства между собой с целью их оценки.

Данные функции в большей степени стали вспомогательными инструментами для сотрудников органов предварительного расследования, но в то же время обновление коснулось и граждан, которым была предоставлена возможность внесения предложений по усовершенствованию информационного портала, подачи жалоб на незаконные действия (бездействия) сотрудников, а также использования расширенного поиска пропавших без вести людей. По нашему мнению, создание таких порталов, являясь одним из этапов цифровой трансформации российского уголовного судопроизводства, позволит упростить механизм составления процессуальных документов и сократить процессуальные сроки.

В судебных органах внедрение программного обеспечения произошло под названием «Цифровое российское правосудие».

В 2020 г. на всех субъектах Российской Федерации появилась возможность обращения в суд в цифровом формате, а также участия в судебных заседаниях посредством видео-конференц-связи.

Вместе с этим было произведено создание информационных порталов судебных органов, представляющих собой web-сайты с полным доступом, на главной

странице которого в отдельные блоки выведены функции, доступные как обычному пользователю, так и сотрудникам судебных органов. Гражданин имеет возможность выбрать необходимую ему функцию, а если у него возникают затруднения, то ему предоставляется возможность обратиться в службу технической поддержки для получения консультации.

Программное обеспечение «Цифровое российское правосудие» позволило гражданам и сотрудникам судебных органов в период распространения инфекции COVID-19 эффективно использовать данный сервис, что повлекло за собой полный переход на цифровой формат как обращений граждан, так и проведения судебных заседаний [12].

Таким образом, цифровизация уголовного процесса в России должна стать результатом успешного и целесообразного решения органов предварительного расследования и суда, который будет направлен, в первую очередь, на развитие доступности и эффективности правосудия для граждан.

Список литературы

1. Пастухов П. С. Электронное вещественное доказательство в уголовном судопроизводстве // Вестник Томского государственного университета. 2015. № 396. С. 149–153.
2. Колесник В. В. Об оптимизации формы уголовно-процессуального доказывания с использованием цифровых технологий // Вестник экономической безопасности. 2018. № 6. С. 37–39.
3. Гаврилов Б. Я. Возбуждение уголовного дела: мифы о справедливости и реализация права на доступ к правосудию // Справедливость и равенство в уголовном судопроизводстве : сборник статей. Ч. 1. СПб., 2016. С. 68–70.
4. Воскобитова Л. А. Функциональная модель уголовного судопроизводства // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2018. № 2 (42). С. 24–38.
5. Рудых А. А. О некоторых направлениях цифровизации расследования преступлений // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2019. № 3 (25). С. 70–79.
6. Власова В. С. К вопросу о приспособливании уголовно-процессуального механизма к цифровой реальности // Библиотека криминалиста. 2018. № 1. С. 9–18.
7. Ищенко П. П. О путях реформирования и цифровизации начального этапа предварительного расследования // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2019. № 8 (60). С. 89–99.
8. Богданович Н. А. Правовые аспекты формирования электронного уголовного дела: достоинства и недостатки (на примере зарубежного опыта) // Информационные технологии и право: Правовая информатизация : сборник статей / под общ. ред. Е. И. Коваленко. Минск : Национальный центр правовой информации Республики Беларусь, 2018. С. 91–95.
9. Мирзоев Г. Б. Размышления о будущем юридической профессии в условиях цифровых инноваций // Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата. 2020. № 3 (58). С. 5–8.

10. Марковичева Е. В. Влияние цифровых технологий на развитие уголовного судопроизводства // Правосудие. 2019. Т. 1. № 1. С. 98–107.
11. Софийчук Н. В. К вопросу о доступе граждан к правосудию в условиях цифровизации судопроизводства // Lex russica (Русский закон). 2020. № 11 (168). С. 71–80.
12. Солдаткина О. Л. Проблемы формирования понятийного аппарата концепции цифровизации правосудия // Информационное право. 2020. № 3. С. 23–27.
13. Предварительное следствие : учебник / [Р. Э. Адамян и др.]. 4-е изд., перераб. и доп. М. : Юнити-Дана, 2021.

Горлова Ю. А.¹,
*преподаватель кафедры предварительного расследования
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя*

О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ НА СТАДИИ ОКОНЧАНИЯ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ

Окончание предварительного следствия – это очень важный этап уголовного процесса, на котором следователи выявляют все обстоятельства преступления и собирают улики. Могут также возникнуть различные нарушения законодательства. Важно охарактеризовать этот этап и выделить его основные составляющие. Только так можно понять, какие именно нарушения могут возникнуть и как их устранить. Следователи должны придерживаться всех законов и правил, чтобы лицо, совершившее преступление было наказано по закону. Все нарушения должны быть устранены на этапе окончания предварительного следствия. Это поможет избежать дополнительных нарушений на более поздних этапах уголовного процесса. Однако существуют и другие нарушения, например, несвоевременное извещение сторон об окончании расследования. Они могут повлиять на правильность и законность проведения процесса привлечения к уголовной ответственности. Поэтому важно уделить внимание не только содержанию обвинения, но и всем процессуальным аспектам, связанным с его формированием.

В научной литературе более детально раскрывается структура этапа окончания предварительного расследования, которую можно представить следующим образом [9]:

1. Уведомительный – уведомление участников уголовного судопроизводства об окончании следственных действий (чч. 1, 2 ст. 215 УПК РФ).
2. Оценочно-технический – оценка, систематизация и оформление материалов дела (ч. 1 ст. 217 УПК РФ).
3. Ознакомительный – ознакомление участников уголовного процесса с материалами уголовного дела (чч. 3–5 ст. 215 УПК РФ, ст.ст. 216–218 УПК РФ).
4. Проверочный – разрешение ходатайств, заявленных участниками производства по уголовному делу (ст. 219 УПК РФ).
5. Заключительный – составление итогового обвинительного документа и согласование вопроса о направлении уголовного дела прокурору (ст. 220 УПК РФ).
6. Надзорный – утверждение обвинительного заключения прокурором и направление уголовного дела в суд либо принятие иного решения (гл. 31 УПК РФ).

Вышеперечисленные пункты можно считать этапами, последовательность которых выражает общий порядок производства по делу. В нашей стране каждый гражданин имеет право на доступ к правосудию и ознакомление с материалами уголовного дела. Оно является основополагающим в нашей правовой системе, нарушение которого может привести к незаконному приговору. В соответствии со ст. 215 УПК РФ необходимо уведомление обвиняемого с разъяснением ему

¹ © Горлова Ю. А., 2023.

права на ознакомление со всеми материалами уголовного дела как лично, так и с помощью защитника, о чем составляется протокол.

К сожалению, нередко возникают случаи, когда обвиняемый или другие заинтересованные лица не получают уведомления о своем праве на ознакомление с материалами дела. На помощь в таких случаях приходят протоколы о правах заинтересованных лиц, в которых фиксируются все права, гарантированные законом. Важно отметить, что необходимо дополнительно разъяснять обвиняемому и другим заинтересованным лицам их право изменить свою позицию в случае отказа от ознакомления с материалами дела. Только в этом случае можно говорить о том, что никакие права не были нарушены. Тем не менее часто бывает недостаточно просто разъяснять права заинтересованных лиц. Для того чтобы нарушения были исключены, необходимо систематически составлять протоколы о правах заинтересованных лиц, чтобы гарантировать качественное и полное ознакомление с материалами дела всем, кто имеет на это право.

Таким образом, соблюдение прав заинтересованных лиц – это один из главных принципов нашей правовой системы, и его нарушение грозит незаконными приговорами.

В уголовном судопроизводстве часто возникают нарушения, связанные с неправильным форматом материалов дела и недостаточным ознакомлением заинтересованных лиц с ними. Это ведет к неправильному судебному разбирательству. В судебной практике приводятся примеры таких нарушений и подчеркивается важность соблюдения процедур для защиты прав участников уголовного процесса.

В правосудии часто ошибаются, не включая результаты расследования в материалы дела. Данное типичное нарушение связано с недостаточной организацией процесса рассмотрения дела и несоблюдением установленных правил и процедур. Отсутствие единой системы представления документов может привести к непониманию и неточностям в определении фактов и обстоятельств дела, а также негативно повлиять на принятие правильного решения в процессе рассмотрения дела.

Кроме того, представление разного объема материалов обвиняемым является нарушением принципа равенства перед законом и может создать недоверие к суду и правосудию в целом. Поэтому важно обеспечить равное и справедливое представление материалов дела всем участникам процесса.

Для предотвращения таких нарушений необходимо строго следить за соблюдением правил и процедур при рассмотрении дела, организовывать единую систему представления документов и обеспечивать равное и справедливое представление материалов всем участникам процесса. Важно также проводить информационную работу среди сотрудников и участников процесса с целью повышения качества организации и проведения судебных заседаний.

В уголовно-процессуальном законе Российской Федерации необходимо установить более четкие и детальные требования к оформлению материалов уголовных дел. Кроме того, следует урегулировать порядок ознакомления нескольких обвиняемых с ними. Важным является также наличие копии процессуальных документов на этапе предварительного расследования. Суды считают заверение ко-

пии документа без оригинала нарушением. Важно понимать, что нарушения могут совершать и стороны, злоупотребляя правом на ознакомление. Предложено установить предельный срок ознакомления с материалами дела в УПК РФ, чтобы он соответствовал продолжительности предварительного расследования.

Д. С. Сарычев рассматривает вопросы, связанные с оформлением и доступом к материалам уголовного дела после завершения предварительного расследования. Отсутствие четких законодательных норм о наличии копий процессуальных документов становится причиной нарушений со стороны обвинения и защиты. Отмечается необходимость законодательного регулирования порядка предоставления доступа к материалам дела для обеспечения прав защиты обвиняемых и передачи дел на рассмотрение в суд, а также установления предельного срока ознакомления с материалами дела в УПК РФ, особенно со ст. 237 УПК РФ, для того, чтобы избежать задержек в процессе судебного разбирательства. Важно также, чтобы суд осуществлял контроль за своевременным вручением копии и разъяснением прав на ходатайства, чтобы не возникало нарушений прав защиты сторон. В этом случае судебная власть играет значимую роль в устранении возникших нарушений, что позволяет проводить судебный процесс более эффективно и справедливо.

Пленум Верховного Суда Российской Федерации подчеркнул важность организации работы следователей, пресекающих возникновение препятствий для рассмотрения дела [1]. Если же трудности возникли, судья обладает правом вернуть дело прокурору. Это позволяет обезопасить правовой процесс и гарантировать справедливость при рассмотрении дел. Поэтому следователи несут огромную ответственность за свою деятельность и должны контролировать свои действия.

Кроме того, важно обеспечить доступ к юридической помощи и консультациям для граждан, подвергшихся нарушениям в ходе уголовного расследования, а также расширить права защитников, чтобы они могли более эффективно защищать интересы своих клиентов.

Необходимо повышение квалификации сотрудников правоохранительных органов и судей по вопросам уголовного процесса, особенно в части защиты прав и свобод граждан. Кроме того, следует разработать более жесткий механизм контроля за действиями сотрудников правоохранительных органов, чтобы исключить возможность совершения ими нарушений.

В. П. Климчук, отмечая частые нарушения в связи с псевдомотивированным отказом в удовлетворении ходатайств, предлагает закрепить в УПК РФ обязанность следователя удовлетворять ходатайство, когда оно указывает на ошибки, допущенные в ходе предварительного следствия [5].

Стоит отметить, что важные нарушения могут возникать на стадии доследственной проверки и следствия. Однако именно на этапе окончания предварительного расследования они могут проявиться во всей своей силе и повлиять на результат уголовного дела.

Для предотвращения нарушений на этом этапе необходимо усилить контроль со стороны государственных органов, а также совершенствовать законодатель-

ство в части регулирования порядка производства по уголовным делам. В частности, это может включать в себя уточнение требований к доказательствам, установление строгих сроков для предоставления личных вещей и документов, а также более жесткое наказание за нарушения.

Таким образом, сохранение законности и справедливости на этапе окончания предварительного расследования является важным условием обеспечения прав и интересов участников уголовного судопроизводства и гарантией правосудия в целом.

Список литературы

1. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 5 марта 2004 г. № 1 «О применении судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Российская газета. 2004. 25 марта.
2. Алимамедов Э. Н. Деятельность следователя на этапе окончания предварительного следствия составлением обвинительного заключения : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09. М. : Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 2018.
3. Артамонов А. Н. Окончание предварительного расследования : учебное пособие. Омск : Омская академия МВД России, 2016.
4. Галкин О. В. Проблемы правовой регламентации изготовления и использования копий документов в уголовном судопроизводстве // Молодая наука – 2021 : сборник статей. – М. : МФЮА, 2021. С. 241–247.
5. Климчук В. П. Ошибки при окончании предварительного следствия и уголовно-процессуальные способы их устранения : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09. М. : Московский университет МВД России, 2003.
6. Кузовенкова Ю. А. Исторический аспект вынесения итоговых обвинительных решений в отечественном уголовном судопроизводстве // Юридический вестник Самарского университета. 2017. № 1. С. 71–75.
7. Россинский С. Б. Обвинительное заключение как правоприменительный акт, завершающий предварительное следствие по уголовному делу // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2018. № 2. С. 148–155.
8. Макеева Н. В., Макеев А. В. Процессуальный порядок и особенности допроса свидетеля. Калининград, 2004. С. 32.
9. Предварительное следствие : учебник / [Р. Э. Адамян и др.]. 4-е изд., перераб. и доп. М. : Юнити-Дана, 2021.

Горшкова Н. А.¹,
 заместитель начальника кафедры
 уголовного права и криминологии
 юридического факультета
 Владимирского юридического института
 ФСИН России,
 кандидат юридических наук

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫХ ОСНОВ В ОБЛАСТИ КРИМИНАЛИЗАЦИИ И ПЕНАЛИЗАЦИИ ПРЕВЫШЕНИЯ ДОЛЖНОСТНЫХ ПОЛНОМОЧИЙ: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ

Должностные преступления во все времена привлекали внимание ученых и практических работников. При этом особое место среди них всегда занимали преступления, связанные с превышением должностных полномочий, уголовная ответственность за которые установлена в ст. 286 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ). Данная норма неоднократно подвергалась редакции. Это свидетельствует о поиске законодателем наиболее оптимальных и эффективных способов уголовно-правового воздействия на должностных лиц, склонных преступным образом выходить за рамки предоставленных им должностных полномочий.

Существенное изменение структуры ст. 286 УК РФ произошло после принятия Федерального закона от 14 июля 2022 г. № 307-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации». Так, данная статья была дополнена следующими признаками, отягчающими ответственность (ч. 3 ст. 286 УК РФ):

- совершение данного преступления группой лиц, группой лиц по предварительному сговору или организованной группой;
- в отношении несовершеннолетнего;
- из корыстной или иной личной заинтересованности.

Были регламентированы такие новые особо квалифицирующие признаки, как превышение должностных полномочий, совершенные с применением пытки (ч. 4 ст. 286 УК РФ) и, если в результате пытки потерпевшему по неосторожности были причинены смерть или тяжкий вред здоровью (ч. 5 ст. 286). Появилось два пункта примечания к ст. 286 УК РФ, императивно закрепивших, что отныне следует трактовать в качестве пытки (п. 1) и что таковой отныне не является (п. 2).

Данные изменения обусловили череду трагических событий, связанных с деятельностью должностных лиц уголовно-исполнительной системы Российской Федерации по отношению к осужденным, подозреваемым и обвиняемым, содержащимся в различных исправительных учреждениях и следственных изоляторах. При этом нарушение прав осужденных, подозреваемых и обвиняемых сопровождалось не просто причинением им физического вреда со стороны

¹ © Горшкова Н. А., 2023.

сотрудников уголовно-исполнительной системы (УИС), но и выражалось в длительности и систематичности таких действий, которые по факту были оценены в качестве унижающего человеческое достоинство обращения, издевательств и пыток. Наиболее резонансными случаями стали факты превышения должностных полномочий сотрудниками УФСИН России по Ярославской, Брянской, Белгородской, Орловской, Саратовской, Владимирской и Иркутской областях [4].

В свою очередь определенный пробел в праве заключался в том, что действующая до 14 июля 2022 г. ст. 286 УК РФ не в полной мере охватывала вопросы квалификации пытки, совершаемой должностными лицами, а ст. 117 УК РФ «Истязания» также не совсем подходила под квалификацию соответствующих преступлений. На этот счет несколько лет велись активные дискуссии и консультации в научном сообществе и среди представителей различных общественных движений, в том числе отстаивающих права лиц, совершивших преступления.

В конечном счете на основании обозначенной комплексной социально-правовой пробельности в решении указанного вопроса и масштабного общественного резонанса по поводу фактов превышения должностными лицами своих полномочий посредством применения в отношении потерпевших пыток, законодатель решил пойти по пути реформ и существенно изменить содержание ст. 286 УК РФ в части установления общественно опасных деяний и мер ответственности за них.

В этой связи можно провести содержательный анализ законодательной пенализации, т. е. мер ответственности, которые также были обновлены в санкциях ст. 286 УК РФ.

Проанализировав санкции норм в предыдущей (до 14 июля 2022 г.) и новой редакции ст. 286 УК РФ, констатируем отсутствие усиления их карательного потенциала по чч. 1–3 ст. 286 УК РФ, даже несмотря на то, что перечень особо квалифицирующих признаков по ч. 3 ст. 286 УК РФ был существенно расширен. В этой связи полагаем, что законодатель оценивает установленный размер пенализации по указанным частям в качестве того, который объективно отражает соответствующий уровень общественной опасности данных преступлений. При этом «шаг санкции», т. е. увеличение сроков лишения свободы в зависимости от усиления общественной опасности самого преступления от части к части статьи в основном составляет три года; только между чч. 3 и 4 он равняется двум годам.

Для определения судебной пенализации, т. е. той, что отражает реально назначенное каждому осужденному наказание с учетом его персональных особенностей [1, с. 43], обратимся к официальным данным о деятельности судов Российской Федерации за период с 2019 по 2021 г. [5].

Согласно проведенному анализу наибольшей популярностью обладает условное осуждение (обобщенный показатель за три года составил 39,5 %), которое при этом не выступает видом наказания, а является по своей правовой сути «отложенной мерой наказания». Хотя карательный потенциал условного осуждения весьма отличается от видов наказания, оно все же «порождает определенные правоограничения, возникающие из самого факта осуждения лица» [2, с. 16]. О том, насколько целесообразно применять именно такое воздействие на виновных в совершении превышения должностных полномочий вопрос, конечно спорный,

поскольку официальная статистика, отражающая общее количество ежегодно осуждаемых по ст. 286 УК РФ, не свидетельствует об их однозначном уменьшении.

Штраф – вторая по популярности мера уголовно-правового воздействия на лиц, совершающих превышение должностных полномочий (33,8 % осужденных). Заметим, что он является одним из видов основного наказания только для чч. 1 и 2 ст. 286 УК РФ. Назначение штрафа в качестве основного вида наказания в основном популярно среди судов как при осуждении по основному составу ст. 286 УК РФ, так и по особо квалифицированному (в ред. до 14.07.2022). При этом и в том и в другом случае основная доля назначенных штрафов приходится на суммы свыше 25 тыс. до 100 тыс. руб. – 83,2 % и 80,8 % осужденных соответственно по чч. 1 и 3 ст. 286 УК РФ. Эти данные актуализируют проблему законодательного определения верхних и нижних границ штрафа, на которую обратил внимание в своем исследовании С.-М. Р. Симбагаев, указав на то, что при конструировании санкций норм особенной части стоит определять штраф так, «чтобы верхние и нижние границы наказания одного вида не пересекались за преступления, характеризующиеся разной общественной опасностью» [3, с. 12].

На втором месте по популярности при назначении наказания по ст. 286 УК РФ оказались суммы штрафов в границах свыше 5 тыс. до 25 тыс. руб.

На третьем месте – свыше 100 тыс. до 300 тыс. руб., которые в большинстве случаев назначались по ч. 2 ст. 286 УК РФ.

Обращаем также внимание, что минимальная сумма штрафа в размере 5 тыс. руб. за анализируемый период была назначена лишь единожды.

В связи с существенными изменениями законодательного подхода к оценке наказуемости основного (ч. 1 ст. 286 УК РФ) и квалифицированного (ч. 2 ст. 286 УК РФ) и особо квалифицированных составов (чч. 3–5 ст. 286 УК РФ) с 14 июля 2022 г. наказание в виде штрафа теперь может назначаться только за преступления, предусмотренные чч. 1 и 2 ст. 286 УК РФ. Считаем это совершенно оправданным, поскольку наиболее опасные формы проявления превышения должностных полномочий должны подлежать более строгой оценке как с точки зрения законодательного подхода, так и правоприменительного. Поэтому очевидно, что от практики назначения наказания в виде штрафа за рассматриваемое преступление судебные органы будут постепенно уходить.

Далее отметим, что лишение свободы является третьим по популярности видом уголовно-правового воздействия, примененного к осужденным за совершение превышения должностных полномочий (17,2 % осужденных за три года). Полагаем, что при всей строгости санкций указанной статьи, данные показатели являются весьма скромными. Это свидетельствует о существенном сдерживании судами карательного потенциала данного вида наказания.

Вместе с тем считаем целесообразным обратиться к анализу размеров данного наказания, которые определяли суды, поскольку данный критерий лежит в основе соотношения законодательной и судебной пенализации. За период с 2019 по 2021 г. при назначении лишения свободы суды, как правило, задействуют сроки этого наказания в границах до медианы санкции. Так, при квалификации по основному составу наиболее популярным сроком лишения свободы является

срок в пределах от одного года до двух лет (52,4 % осужденных). При квалификации по квалифицированному составу наиболее популярным сроком лишения свободы является срок в пределах от двух до трех лет (40 % осужденных). При квалификации по особо квалифицированному составу наиболее популярным сроком лишения свободы является срок в пределах от трех до пяти лет (48,2 %).

Среди наказаний, не связанных с изоляцией от общества, суды в большинстве назначали лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью. Этот вид наказания был назначен 2,1 % осужденным по ч. 1 ст. 286 УК РФ. Немногочисленны оказались и такие наказания, не связанные с изоляцией от общества, как обязательные работы и принудительные работы – 0,1 % и 0,07 % соответственно.

Таким образом, согласно законодательной пенализации, преступления, предусмотренные ст. 286 УК РФ, в ее действующей обновленной редакции особо квалифицированные составы, сопряженные с применением пытки, оцениваются законодателем в 60 % (ч. 4 ст. 286 УК РФ) и в 75 % (ч. 5 ст. 286 УК РФ). В рамках судебной пенализации отмечается, что большинству осужденных назначается условное осуждение (39,5 % от общего количества осужденных), а также штраф (33,8 %) в наиболее популярных размерах от 25 тыс. до 100 тыс. руб. Лишение свободы за соответствующие преступления, предусмотренные ст. 286 УК РФ, назначается лишь 17,2 % от общего количества ежегодно осуждаемых. Самым востребованным сроком лишения свободы выступает срок от трех до пяти лет.

Список литературы

1. Амосова А. А. Дифференциация уголовной ответственности за получение взятки и пенализация данного посягательства – «криминальный парадокс» цивилизованного общества // Российский следователь. 2021. № 5. С. 42–46.
2. Расторопов С. В. К вопросу о понятии и правовой природе условного осуждения // Человек: преступление и наказание. 2013. № 4 (83). С. 13–16.
3. Симбагаев С.-М. Р. Штраф как вид уголовного наказания: проблемы законодательной регламентации и практики применения : дис. ... канд. юрид. наук : 5.1.4. Грозный : Чеченский государственный университет имени А.А. Кадырова, 2022.
4. Дело о пытках осужденных в тюремной больнице под Саратовом. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/> ; Дело о пытках в колонии Ярославля. URL: <https://www.rbc.ru/story/5b5f122f9a7947dcb3ef9b39>.
5. Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации. Отчет о видах наказания по наиболее тяжкому преступлению (без учета сложения) за 12 месяцев 2019 г. – 12 месяцев 2021 г. (Форма 10.3). URL: <http://www.cdep.ru/-index.php?id=79&item=4894>.

Гриненко А. В.¹,
 профессор кафедры предварительного расследования
 Московского университета
 МВД России имени В.Я. Кикотя,
 доктор юридических наук, профессор,
 заслуженный юрист Российской Федерации,
 профессор кафедры уголовного права,
 уголовного процесса и криминалистики
 Московского государственного института
 международных отношений (университета) МИД России

ЕЩЕ РАЗ О СТАДИИ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА

В соответствии с п. 56 ст. 5 УПК РФ уголовное судопроизводство включает в себя не только судебное разбирательство, но и производство в рамках двух досудебных стадиях – возбуждение уголовного дела и предварительное расследование.

При этом согласно п. 9 ст. 5 УПК РФ досудебное производство начинается уже с момента получения сообщения о преступлении, т. е. включает в себя регистрацию поступившего сообщения, его проверку и принятие решения о возбуждении уголовного дела или об отказе в его возбуждении.

Соответственно первоначальная досудебная стадия именуется стадией возбуждения уголовного дела, и ее наименование в полной мере соответствует основному разрешаемому на ней вопросу – продолжать уголовное судопроизводство или отказаться от этого.

В уголовно-процессуальной науке в основном отстаивается «классическая модель» стадии возбуждения уголовного дела, которая прописана и в ныне действующем законодательстве. Алгоритм действий при этом следующий:

- 1) поступает сообщение о преступлении;
- 2) оно проходит регистрацию в учетных документах правоохранительного органа;
- 3) производится проверка в установленных законом порядке и сроках;
- 4) в результате принимается итоговое процессуальное решение данной стадии.

Стадия возбуждения уголовного дела в российском уголовном судопроизводстве имеет многовековую историю. Не вдаваясь с историко-правовые аспекты правоотношений, возникающих на начальном этапе уголовного судопроизводства, отметим лишь то, что предварительная проверка поступившего сообщения в тех либо иных формах и объемах производилась на протяжении практически нескольких веков.

Например, в соответствии со ст. 253 Устава уголовного судопроизводства 1864 г. [1] в случаях, «...когда признаки преступления или проступка сомнительны или когда о происшествии, имеющем такие признаки, полиция известится по слуху (народной молве) или вообще из источника не вполне достоверного, то во всяком случае, прежде сообщения о том по принадлежности, она

¹ © Гриненко А. В., 2023.

должна удостовериться чрез дознание: действительно ли происшествие то случилось и точно ли в нем заключаются признаки преступления или проступка». Это правило порождало проверки сообщений о преступлениях практически во всех случаях.

В УПК РСФСР 1922 [2] и 1923 гг. [3] уже появился самостоятельный разд. VII «Возбуждение производства по уголовному делу», в котором были раскрыты поводы к возбуждению уголовного дела (ст. 96 УПК РСФСР), порядок принятия сообщений о преступлениях, их проверки и принятия соответствующих решений (ст.ст. 97–101 УПК РСФСР).

Достаточно активно проверочные действия на стадии возбуждения уголовного дела проводились в соответствии с УПК РСФСР 1960 г. [4]. В частности, в ст. 109 УПК РСФСР было указано: «Прокурор, следователь, орган дознания и судья обязаны принимать заявления и сообщения о любом совершенном или готовящемся преступлении и принимать по ним решения в срок не более трех суток со дня получения заявления или сообщения, а в исключительных случаях – в срок не более десяти суток. По поступившим заявлениям и сообщениям могут быть истребованы необходимые материалы и получены объяснения, однако без производства следственных действий, предусмотренных настоящим Кодексом». Таким образом, была закреплена возможность и целесообразность осуществления проверочных действий, хотя сам перечень и порядок «истребования необходимых материалов и получения объяснений» установлен не был.

Весьма интересным было первоначальное закрепление порядка проверки сообщений о преступлениях в первоначальной редакции УПК РФ [5]. В ч. 1 ст. 144 данного акта была установлена обязательность не только приема, но и проверки любого поступившего сообщения о преступлении, однако способы проверки не были указаны. Лишь в последующих редакциях УПК РФ они были закреплены более или менее полно и наглядно. В настоящее время их можно разделить на три группы:

- 1) производство ряда следственных действий;
- 2) осуществления процессуальных проверочных действий, которые следственными не являются;
- 3) производство по поручению следователя, дознавателя оперативно-разыскных мероприятий.

Таким образом, в УПК РФ закреплён весьма широкий спектр проверочных действий, которые имеют место на стадии предварительного расследования. Цель их производства – не установление всех без исключения обстоятельств совершенного деяния, а только установление отдельных признаков преступления, позволяющих возбудить уголовное дело (а при отсутствии таковых – вынести постановление об отказе в его возбуждении).

Расширительное толкование стадии возбуждения уголовного дела вообще позволило некоторым авторам использовать понятие «доследственное производство» [6]. Вполне вероятно, что в рамках той процедуры, которая действовала в период действия уголовно-процессуального законодательства советского

и постсоветского периодов, это название и имело право на существование, однако это само по себе не является доводом, подтверждающим существование и дальнейшее расширение стадии возбуждения уголовного дела.

С другой стороны, выдающийся российский правовед Б. Я. Гаврилов, наоборот, предлагает избавиться от стадии возбуждения уголовного дела и заменить эту деятельность регистрацией сообщения о преступлении, после чего сразу же переходить к предварительному расследованию [7].

Нужно признать, что доводы и за, и против стадии возбуждения уголовного дела весьма глубоко обоснованы. Действительно, наличие стадии возбуждения уголовного дела позволяет еще до принятия решения о начале «основного» производства определить перспективы дальнейшего расследования и даже судебного разбирательства. В противовес этому, сам факт возбуждения уголовного дела становится обстоятельством, довлеющим над иными, последующими процессуальными решениями. Если уголовное дело возбуждено, то последующее его прекращение вызывает для следователя негативные последствия, поэтому следователь и иные должностные лица, представляющие сторону обвинения, приобретают явно выраженный обвинительный уклон.

Кроме того, есть хорошее высказывание, согласно которому «противоположности сходятся». Если представить себе, что на ныне существующей стадии возбуждения уголовного дела будет разрешено производить все следственные действия и принимать процессуальные решения, то она по сути ничем не будет отличаться от стадии предварительного расследования.

Подтверждением того, что стадию возбуждения уголовного дела можно устранить, ограничившись регистрацией сообщений о преступлениях и их последующей проверкой путем предварительного расследования, является и то, что именно таким образом организована и действует процедура досудебного производства как во многих странах «дальнего зарубежья», так и в государствах – членах СНГ (например, Казахстане, Армении).

Вместе с тем в отношении модели, предложенной профессором Б. Я. Гавриловым, имеется одно важное дополнение. Ученый полагает, что лицо, в отношении которого осуществляется уголовное судопроизводство, должно впервые знакомиться с содержанием выдвинутого в отношении него обвинения уже на этапе окончания предварительного расследования. Вместе с тем, если такое правило будет введено, то тем самым нарушится важный международный стандарт уголовного судопроизводства, согласно которому лицо, в отношении которого осуществляется уголовное преследование, имеет право знать, в чем оно подозревается, обвиняется, и иметь достаточное время и возможности для подготовки и осуществления своей защиты.

В этом плане на первое место выходит не момент начала досудебного производства, а то, когда в отношении лица будет начато уголовное преследование, в результате чего лицу должна быть предоставлена соответствующая информация и даны возможности. В этом случае наряду с регистрацией сообщения о преступлении должна быть установлена и формальная процедура выдвижения в отношении лица формального тезиса о подозрении в совершении преступления

(письменное развернутое уведомление). Не придется дублировать многие проверочные действия, которые ныне осуществляются на стадии возбуждения уголовного дела, а затем повторяются в ходе предварительного расследования.

Таким образом, можно разработать модель начала досудебного производства без стадии возбуждения уголовного дела, если заменить эту деятельность этапом возбуждения в отношении конкретного лица уголовного преследования (естественно, при наличии соответствующих оснований).

Список литературы

1. Устав уголовного судопроизводства от 20 ноября 1864 г. URL: <https://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/3137/?ysclid=lha7vc3s3k969541403>.
2. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР : утвержден постановлением ВЦИК от 25 февраля 1922 г. // Собрание узаконений РСФСР. 1922. № 20–21. Ст. 230.
3. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР : утвержден постановлением ВЦИК от 15 февраля 1923 г. // Собрание узаконений РСФСР. 1923. № 7. Ст. 106.
4. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР : утвержден Верховным советом РСФСР 27 октября 1960 г. // Ведомости Верховного совета РСФСР. 1960. № 40. Ст. 592.
5. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.
6. Зеленецкий В. С. Доследственное производство в уголовном процессе Украины : монография. Харьков : Кроссруд, 2009.
7. Гаврилов Б. Я. Реалии и мифы возбуждения уголовного дела // Уголовное судопроизводство. 2010. № 2. С. 7–10.

Гурдин С. В.¹,
доцент кафедры уголовного процесса
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент

ДОВЕРИЕ КАК СОСТАВНАЯ ЧАСТЬ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

В России термин «доверие» в уголовном судопроизводстве не представлен.

Однако при ближайшем рассмотрении и всестороннем, системном, глубоком анализе норм УПК РФ возможно прийти к выводу о том, что законодатель, не упоминая данный термин в его нормах, тем не менее рассчитывает по крайней мере на доверие к органам и должностным лицам не только со стороны остальных участников уголовного судопроизводства, но и общества в целом.

Основы такого доверия заложены в Конституции Российской Федерации, в которой определено и достаточно четко указано, что никто не имеет привилегий перед законом и не имеет их, представ перед судом, таким образом обеспечивается равенство каждого перед законом и судом.

Причем Российская Федерация, являясь государством правовым, предоставляет гарантии равенству прав, свобод человека и гражданина, не принимая во внимание его пол, цвет кожи, национальность, родной язык, на котором он разговаривает и других обстоятельств, которые являются важными для человека и гражданина, определяют его как личность, устанавливают социальный статус.

К таким обстоятельствам относятся: происхождение, имущественное положение, должность, место проживания, отношение к тому или иному типу религии, убежденности в чем-либо, принадлежности к каким-либо общественным объединениям.

Последовательно в развитие норм Конституции Российской Федерации законодатель уже в ст. 1 УПК РФ устанавливает, что на территории государства уголовное судопроизводство осуществляется именно в соответствии с положениями УПК РФ, который основан на основном законе страны – Конституции Российской Федерации и не может ей противоречить ни при каких условиях.

Хорошо заметно, что соблюдение установленного этим кодифицированным законодательством порядка уголовного судопроизводства является неукоснительным, обязательным, не терпящим отступления от него для всех, кто вовлечен в качестве его участников, но в первую очередь для судов всех инстанций, органов, специально созданных государством для того, чтобы они реализовывали свои полномочия по надзору за тем, как органы дознания и предварительного следствия исполняют предписания законов при производстве таких социально значимых видов деятельности, как дознание и предварительное следствие, реализующих другие свои полномочия в рамках процессуально-правового поля – органов прокуратуры, а также самих органов дознания, предварительного следствия.

¹ © Гурдин С. В., 2023.

Такое положение дел позволяет с уверенностью утверждать, что неукоснительное и точное исполнение закона указанными выше органами, выражающееся в данном случае в обязательном соблюдении порядка, который установлен законодателем и отражает его видение относительно того, каким должно быть уголовное судопроизводство в государстве, представляет собой крайне важное и незыблемое условие для достижения его назначения.

Действительно, твердая вера – уверенность участников уголовного судопроизводства в том, что органы и должностные лица, его осуществляющие, выполняют возложенные на них законодателем процессуальные обязанности и пользуются своими правами строго в рамках закона, соблюдают все предусмотренные законом процессуальные процедуры, а по большому счету может порождать у них чувство несомненности в том, что их права будут неизбежно защищены государством в лице упомянутых выше органов.

Несмотря ни на что надежно защищены будут не только установленные и тщательно оберегаемые государством от нарушений нормы и правила, образующие в своей совокупности права физических и юридических лиц, пострадавших от преступной деятельности, их основанные на законе интересы, но и тех лиц, которых ненадлежащим образом, т. е. в неустановленном законом порядке, органы дознания или следствия могли бы обвинить в совершении преступления, не имея для этого законных оснований.

У общества также будет постепенно вырабатываться чувство уверенности в том, что никто не может быть подвергнут неправодавшему осуждению или любому другому ограничению присущих каждому прав и свобод.

При таком положении дел возникают все предпосылки к тому, что в обществе вырабатывается более доверительное отношение к органам дознания, следствия, должностным лицам, а также к органам, которые призваны государством беспристрастно рассматривать и разрешать уголовные дела.

Общество, по сути, начинает обретать уверенность в том, что в соответствии с ч. 2 ст. 6 УПК РФ: «уголовное преследование и назначение виновным справедливого наказания в той же мере отвечают назначению уголовного судопроизводства, что и отказ от уголовного преследования невиновных, освобождение их от наказания, реабилитация каждого, кто необоснованно подвергся уголовному преследованию» [2, ст. 6].

Продолжая рассуждение, вспомним старинную русскую пословицу – «Доверяй, но проверяй» и слова В. И. Ленина: «Не верить на слово, проверять строжайше» [4, ст. 220], которые как нельзя лучше отражают и сегодня менталитет законодателя, наделяющего, с одной стороны, орган дознания, дознавателя, следователя правами и обязанностями, образующими их процессуальное положение, с той или иной степенью процессуальной самостоятельности. С другой стороны, каждый их шаг, по сути, контролируется начальниками органа дознания, подразделения дознания, руководителем следственного органа, прокурором и судом.

Так, именно следователь как должностное лицо наделяется законодателем правом осуществлять предварительное расследование в форме следствия по уголовному делу.

При этом анализ его полномочий, которые закреплены в ст. 38 УПК РФ позволяет утверждать, что законодатель словами: следователь уполномочен, по сути, доверяет ему самостоятельно выполнять необходимые процессуальные и следственные действия и принимать целый ряд решений.

При таком положении дел в полном соответствии с указанной выше статьей следователю доверено: «возбуждать уголовное; принимать уголовное дело к своему производству или передавать его руководителю следственного органа для направления по подследственности; самостоятельно направлять ход расследования, принимать решение о производстве следственных и иных процессуальных действий, за исключением случаев, когда в соответствии с УПК РФ требуется получение судебного решения или согласия руководителя следственного органа; давать органу дознания в случаях и порядке, установленных УПК РФ, обязательные для исполнения письменные поручения о проведении оперативно-розыскных мероприятий, производстве отдельных следственных действий, об исполнении постановлений о задержании, приводе, об аресте, о производстве иных процессуальных действий, а также получать содействие при их осуществлении» [2, ст. 38]. Обладает следователь и другими не менее существенными полномочиями.

В то же время целый ряд следственных действий производится в присутствии не заинтересованных в исходе дела лиц – понятых, которых дознаватель или следователь просто обязаны в силу требования закона привлечь для удостоверения факта производства, а также содержания, хода и результатов обыска, предъявления для опознания.

Возможно, что в эпоху развития средств видеофиксации участие понятых может показаться избыточным и в какой-то мере свидетельствовать о некотором недоверии к следователю или дознавателю со стороны не только законодателя, который ранее и доверил последним производить эти следственные действия, но и общества в целом.

Интересно, что при наложении ареста на имущество, производстве осмотра места происшествия, местности, жилища, иного помещения, предметов и документов, осмотре трупа и эксгумации, следственного эксперимента, выемки законодатель отдает участие понятых на усмотрение следователя или дознавателя, т. е. доверяет этим должностным лицам принять соответствующее решение.

Однако в том случае если последние не видят необходимости в понятых при производстве этих процессуальных и следственных действий, то применение средств видеофиксации обязательно, если возможно.

Если же применение этих средств невозможно, то в полном соответствии с ч. 1.1 ст. 170 УПК РФ: «следователь делает в протоколе соответствующую запись» [2, ст. 170].

В других случаях законодатель доверяет следователю и дознавателю еще больше, позволяя производить следственные действия и вовсе без участия понятых, оставляя при этом открытой возможность привлечь их к производству следственного действия по собственной инициативе или по ходатайству участников уголовного судопроизводства.

Большой шаг, по нашему мнению, в деле воспитания у граждан чувства защищенности, доверия к органам и должностным лицам, осуществляющим предварительное расследование, сделан законодателем посредством изложения положений ст.ст. 215 и 216 УПК РФ.

Так, в соответствии ч. 2 ст. 215 УПК РФ: «следователь уведомляет об окончании следственных действий, в том числе потерпевшего, гражданского истца, гражданского ответчика и их представителей» [2, ст. 215], но в соответствии с ч. 1. ст. 216 УПК РФ «знакомит потерпевшего, гражданского истца, гражданского ответчика и их представителей с материалами уголовного дела только по их ходатайству. При этом гражданский истец, гражданский ответчик или их представители знакомятся с материалами уголовного дела только в той части, которая относится к гражданскому иску и не более того» [2, ст. 216].

Причем материалы уголовного дела должны быть в обязательном порядке представлены для ознакомления обвиняемому и его защитнику.

Так, законодатель, по сути, ничуть не сомневаясь в добросовестности органов и должностных лиц, осуществляющих предварительное расследование, считает обязательным уведомить указанных выше участников об его окончании и одновременно предоставляет возможность не усомниться потерпевшему, гражданским истцу и ответчику в том, что их права и законные интересы соблюдены в полном объеме и будут защищены при дальнейшем движении уголовного дела.

Выразить свое безоговорочное доверие, например, следователю на этапе окончания предварительного следствия с обвинительным заключением они могут посредством заявления ходатайства об ознакомлении с материалами уголовного дела.

Аналогично данный вопрос решается при окончании дознания обвинительным актом или дознания в сокращенной форме обвинительным постановлением.

Отметим, что в свою очередь руководитель следственного органа уполномочен: «поручать производство предварительного следствия следователю; проверять материалы проверки сообщения о преступлении или материалы уголовного дела, отменять незаконные или необоснованные постановления следователя; давать следователю указания о направлении расследования, производстве отдельных следственных действий, привлечении лица в качестве обвиняемого, об избрании в отношении подозреваемого, обвиняемого меры пресечения, о квалификации преступления и об объеме обвинения, лично рассматривать сообщения о преступлении, участвовать в проверке сообщения о преступлении; давать согласие следователю на возбуждение перед судом ходатайства об избрании, о продлении, об отмене или изменении меры пресечения либо о производстве иного процессуального действия, которое допускается на основании судебного решения, лично допрашивать подозреваемого, обвиняемого без принятия уголовного дела к своему производству при рассмотрении вопроса о даче согласия следователю на возбуждение перед судом указанного ходатайства» [2, ст. 3]. Представленный перечень его полномочий гораздо шире, но и указанные позволяют определить его положение в процессуальной иерархии по отношению к следователю.

Аналогичным образом законодатель доверяет органу дознания, дознавателю, начальнику органа дознания и руководителю подразделения дознания, прокурору осуществлять свои функции в уголовном судопроизводстве, т. е. уполномочивает их на реализацию установленных УПК РФ прав и обязанностей.

Только по отношению к суду, подчеркивая его особо значимый процессуальный статус, закон употребляет термин «правомочен».

Потому что именно на суд законодатель одновременно возлагает и огромное доверие и ни с чем не сравнимую ответственность принимать решения, которые не просто юридически значимы, но и напрямую связаны с правами, свободами и законными интересами того или иного участника уголовного судопроизводства.

В соответствии со ст. 29 УПК РФ: «только суд, в том числе в ходе досудебного производства, правомочен принимать решения: об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога, запрета определенных действий; о продлении срока содержания под стражей, срока домашнего ареста, срока применения залога, срока запрета определенных действий; о временном помещении подозреваемого, обвиняемого, содержащегося под стражей, в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях; о производстве осмотра жилища при отсутствии согласия проживающих в нем лиц; о производстве обыска и (или) выемки в жилище; о производстве обыска, осмотра и выемки в отношении адвоката в соответствии» [2, ст. 3].

Кроме того, только суд правомочен: «признать лицо виновным в совершении преступления и назначить ему наказание; применить к лицу принудительные меры медицинского характера; применить к лицу принудительные меры воспитательного воздействия; отменить или изменить решение, принятое нижестоящим судом» [2, ст. 3].

Видно, что только суд правомочен принимать решения об ограничении конституционных прав граждан, которые в силу сложившихся обстоятельств вольно или невольно стали участниками уголовного судопроизводства и решения, связанные с изменением правового статуса лица, признанного виновным в совершении преступления – осужденного в связи с особенностями.

Суд первой инстанции является тем основополагающим звеном среди органов и должностных лиц, осуществляющих уголовное судопроизводство, которому все участники, а также граждане доверяют в большей степени, т. к. рассмотрение уголовного дела происходит, как правило, в открытом судебном заседании, т. е. гласно.

При этом в соответствии с ч. 5 ст. 241 УПК РФ присутствующие в открытом судебном заседании лица имеют полное право осуществлять аудиозапись происходящего, а также могут вести письменную запись.

Однако законодатель не останавливается на этом и очевидно в том числе в целях укрепления доверия к судебной системе государства допускает возможность с разрешения председательствующего в судебном заседании производить не только фотографирование, видеозапись, но и трансляцию событий, происходящих в открытом судебном заседании по радио, телевидению и даже в информационно-телекоммуникационной сети Интернет.

Само судебное разбирательство происходит в условиях равенства прав сторон обвинения и защиты, соблюдения других общих условий судебного разбирательства при неукоснительном соблюдении принципа законности, в соответствии с которым суд не имеет права применять любой федеральный закон, положения которого не соответствуют, противоречат УПК РФ, а если такое противоречие было выявлено в ходе производства по уголовному делу, решение принимается в соответствии с действующим уголовно-процессуальным законодательством.

Нельзя не сказать, что суд, обнаружив нарушение норм УПК РФ любым участником уголовного судопроизводства со стороны обвинения, осуществлявшим его на досудебных стадиях, неизбежно примет решение о признании не соответствующими закону, т. е. недопустимыми полученных таким образом доказательств.

Еще одним из важнейших элементов, призванных поднять уровень доверия к органам и должностным лицам, осуществляющим уголовное судопроизводство на всех его стадиях, является требование закона о том, что любое судебное решение, будь то определение суда или постановление судьи должно быть законным, обоснованным и мотивированным.

Возможно это только в том случае, если постановления, в которых были отражены решения органов и должностных лиц (прокурора, следователя, органа дознания, начальников органа и подразделения дознания, дознавателя), осуществлявших уголовное преследование обвиняемого в совершении преступления, также соответствовали тем же требованиям, что и решения суда.

Другим не менее важным принципом, указывающим на заинтересованность законодателя в доверии участников уголовного судопроизводства и граждан в целом к органам должностным лицам, его осуществляющим, является состязательность сторон (ст. 15 УПК РФ), в рамках которых еще раз подчеркивается на принципиальном уровне равноправие сторон перед судом, который не выступает ни на чьей стороне, а лишь как независимый арбитр создает надлежащие условия, необходимые для добросовестного исполнения своих процессуальных обязанностей и беспрепятственной реализации в полном объеме предоставленных им прав.

При более детальном изучении положений современного уголовно-процессуального законодательства в его неразрывной системной связи с нормами Конституции Российской Федерации можно обнаружить и другие процессуально-правовые конструкции, свидетельствующие о заинтересованности законодателя в формировании доверия как позитивного социального явления к должностным лицам и органам, осуществляющим уголовное судопроизводство со стороны его участников и общества в целом.

Существует множество точек зрения относительно того, что такое доверие.

Доверие рассматривается, как: «ожидание, предположение или вера (убеждение) в вероятность того, что будущие действия другого будут выгодными, благоприятными и, по крайней мере, не нанесут ущерба интересам другого» [3, с. 51] или определяется, как «надежда на то, что люди, от которых мы зависим, оправдают наши ожидания» [5, с. 43], причем последнее обязательно связано с такими

личными качествами, как порядочность, честность и вполне определенное проявление заботы.

В уголовном судопроизводстве доверие – это такое состояние убежденности его участников, при котором они уверены в том, что осуществляющие этот вид государственной деятельности должностные лица и органы добросовестно выполняют возложенные на них обязанности и надлежащим образом реализуют предоставленные им законом полномочия, защищая так права и законные интересы потерпевших от преступлений лиц и организаций, но и личность от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. 2016. № 31.
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 52 (ч. 1). Ст. 4921.
3. Купрейченко А. Б. Психология доверия и недоверия. М., 2008.
4. Ленин В. И. Об авантюризме // Полное собрание сочинений. 5-е изд. Т. 25. М. : Издательство политической литературы, 1969. С. 220.
5. Шо Р. Б. Ключи к доверию в организации: Результативность, порядочность, проявление заботы. М., 2000.

Данилкина В. М.¹,
доцент кафедры криминалистики
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент

Гущина С. В.²,
слушатель 5-го «Д» курса
Института-факультета подготовки сотрудников
для органов предварительного расследования
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ СЛЕДОВАТЕЛЕМ ПРИ ОСМОТРЕ МЕСТА ПРОИСШЕСТВИЯ В ХОДЕ РАСКРЫТИЯ И РАССЛЕДОВАНИЯ ДИСТАНЦИОННЫХ МОШЕННИЧЕСТВ

В настоящее время большая часть преступлений против собственности совершается при помощи информационно-телекоммуникационных технологий. При этом, согласно данным ГИАЦ МВД России, за период с января по декабрь 2022 г. увеличилось количество преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий на 0,8 % по сравнению с аналогичным периодом прошлого года [1]. Стоит также отметить, что количество зарегистрированных преступлений данных видов достаточно велико – 522 065, что составляет 26,5 % от общего числа зарегистрированных преступлений за период с января по декабрь 2022 г. [1].

В связи с высоким количеством зарегистрированных преступлений в данной сфере заслуживают внимание статистические данные об их раскрываемости. За период с января по декабрь 2022 г. было раскрыто 142 384 преступлений, что выше на 19,7 % по сравнению с аналогичным периодом прошлого года [1]. Таким образом, раскрываемость совершенных противоправных деяний составляет 27 %. Данный показатель все еще не сопоставим с раскрываемостью насильственных преступлений (убийств – более 86,5%, изнасилований – 96 %, причинения тяжкого вреда здоровью – 94 %).

По нашему мнению, необходимо рассмотреть количество совершенных преступлений за последние пять лет (без учета 2023 г., в связи с тем, что отчетный период не закончился). Берем данный промежуток времени, т. к. до 2017 г. преступления, совершенные с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, не выделялись в отдельную категорию в статистике.

¹ © Данилкина В. М., 2023.

² © Гущина С. В., 2023.

Рис. Преступления, совершенные в период с 2017 по 2022 г.

На приведенном выше рис. наблюдается количество зарегистрированных преступлений (синяя линия) в соотношении с раскрываемостью данных преступлений (оранжевая линия). Как мы видим, раскрываемость данных противоправных деяний крайне мала, но с каждым годом она увеличивается. Начиная с 2020 г., количество зарегистрированных преступлений мало увеличилось по сравнению с предыдущими годами.

Под дистанционным мошенничеством следует понимать хищение чужого имущества или приобретение права на чужое имущество путем обмана или злоупотребления доверием, осуществляемого при помощи информационно-телекоммуникационных технологий. Способы его совершения различны, по способу взаимодействия злоумышленника с жертвой можно выделить следующие:

- совершенные с использованием сети Интернет;
- совершенные с использованием средств связи.

При поступлении сообщения о совершении противоправного деяния, а именно по факту совершения дистанционного мошенничества, дежурной следственно-оперативной группе необходимо выехать на место совершения преступления. Данной группой руководит следователь/дознаватель, т. е. он обеспечивает согласованность действий всех участников следственно-оперативной группы. При прибытии на место необходимо установить очевидцев, пострадавших лиц, а также лиц, совершивших преступление. Поскольку дистанционное мошенничество осуществляется при помощи информационно-телекоммуникационных технологий, необходимо в рамках осмотра места происшествия произвести осмотр мобильного телефона либо другого электронного носителя информации (ноутбук, настольный персональный компьютер, планшет и т. д.), при помощи которого была осуществлена связь со злоумышленником. Перед началом осмотра электронного носителя информации необходимо получить письменное разрешение (согласие) потерпевшего на проведение данного следственного действия, которое необходимо в связи с тем, что на данном электронном носителе информации находятся персональные данные и в последующем при осмотре необходимо обеспечить конфиденциальность информации.

Осмотр электронного носителя информации может осуществлять компетентное лицо: специалист (эксперт), следователь/дознаватель, если имеет специаль-

ные знания в данной области. В случае невозможности осмотра электронных носителей информации непосредственно при осуществлении следственного действия они изымаются в ходе производства осмотра места происшествия с участием специалиста. При ходатайстве законного владельца изымаемых электронных носителей информации специалист либо следователь/дознатель вправе скопировать указанную информацию на другой носитель и передать законному владельцу, о чем делается запись в протоколе осмотра места происшествия.

Необходимо осуществить следующие действия следователя/дознателя при обнаружении мобильного телефона в рамках осмотра места происшествия:

1) сфотографировать sms-сообщения, поступившие от злоумышленников и от банка при подтверждении заявителем транзакций, журнал поступивших вызовов за период совершения преступления;

2) если был записан телефонный разговор, то изъять аудиозапись;

3) если в мобильном телефоне обнаружится вредоносная программа, то необходимо электронный носитель информации перевести в «Авиарежим» и изъять для последующего проведения компьютерно-технической экспертизы.

При осмотре места происшествия следователь/дознатель может получить необходимые сведения для расследования уголовного дела при помощи сети Интернет. Для этого необходимо воспользоваться бесплатными справочными интернет-ресурсами:

1) <https://xinit.ru/>, <https://sndeep.info/ru>, <https://www.imei.info/ru/?ref=ratrating.com> – предназначены для установления модели мобильного телефона, с которого были осуществлены мошеннические действия. Для того чтобы воспользоваться указанными сайтами, необходимо узнать IMEI номер, для этого на мобильном устройстве необходимо ввести *#06# либо зайти через настройки телефона. Данные действия можно осуществить только, если мобильный телефон разблокирован;

2) www.spravportal.ru, www.phonenum.info – предназначены для установления оператора связи по номеру с которого было осуществлено противоправное деяние;

3) <https://advisor.wmtransfer.com/description.aspx>, <https://www.mywot.com/ru/> – предназначен для установления вредоносного сайта, при переходе на который нельзя оставлять свои персональные данные (данные банковской карты);

4) <https://www.imena.ua/site/domains/whois>, <https://www.godaddy.com/> – предназначен для установления страны, где зарегистрирован вредоносный сайт;

5) <https://www.virustotal.com/gui/home/upload> – предназначен для проверки файлов или ссылок на вредоносное программное обеспечение.

Вышеуказанный перечень сайтов не является исчерпывающим, но поможет следователю/дознателю установить способ совершения дистанционного мошенничества (путем осуществления телефонного звонка либо при переходе по вредоносной ссылке и т. д.).

Отдельно следует рассмотреть программное обеспечение, которое обеспечивает безопасное извлечение и анализ данных с электронных носителей информации. МК Enterprise позволяет при обследовании мобильного телефона обходить и подбирать пароли на блокировку экрана исследуемого устройства, получать информацию с установленных на мобильном устройстве приложений, а также

извлекать данные из этого устройства, извлекать данные из облачных сервисов и др. «Мобильный криминалист. Эксперт Плюс» используется для извлечения информации с электронных носителей. Данное программное обеспечение позволяет извлечь и анализировать информацию с мобильных гаджетов, мультимедийных устройств, персональных компьютеров и облачных сервисов, подобрать пароль и извлечь данные из приложений Android-устройств и др. Программа «Мобильный Криминалист Десктоп» (МК Десктоп) позволяет извлекать, расшифровывать и анализировать ключевые данные из персональных компьютеров, ноутбуков и серверов на операционных системах Windows, macOS, Linux или образов жестких дисков в формате e01 с файловой системой NTFS. Полученные криминалистически важные данные могут передаваться по облачным системам «МК Эксперт», тем самым обеспечивая быстрое перемещение необходимых доказательств. Для того чтобы воспользоваться данным программным обеспечением, нужны специальные знания, поэтому необходимо в большинстве случаев назначать компьютерно-технические экспертизы. Существуют проблемы в техническом оснащении территориальных органов МВД России, недостаточной численности экспертов-компьютерщиков, поэтому при осмотре места происшествия не всегда будет возможность воспользоваться указанным программным обеспечением (МК Enterprise, МК Десктоп, МК Эксперт Плюс), но воспользоваться бесплатными интернет-ресурсами сможет каждый следователь/дознатель, если у него имеется мобильный телефон/смартфон, который имеет доступ к сети Интернет.

Указанный перечень информационных технологий не является исчерпывающим, т. к. в настоящее время технологии усовершенствуются и выходят на новый уровень, но надо также заострить внимание на том, что следователи/дознатели должны идти в ногу со временем и повышать свои профессиональные навыки в раскрытии и расследовании дистанционных мошенничеств.

Список литературы

1. Состояние преступности в Российской Федерации за январь – декабрь 2022 года // Официальный сайт МВД России. URL: <https://мвд.рф/reports/item/-35396677/>.

Емельянова Н. Ю.¹,
*преподаватель кафедры уголовного процесса
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя*

Ильяшевич Т. А.²,
*преподаватель кафедры уголовного процесса
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя*

ВОПРОСЫ ИНСТИТУТА ОБЪЕКТИВНОЙ ИСТИНЫ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

«Не дай вам Бог жить в эпоху перемен» – традиционно предписываемое древнекитайскому философу Конфуцию изречение. Несомненно, период изменений, обозначившийся сменой веков, принес много перемен в мировой порядок. Повсюду происходят природные бедствия, межгосударственные войны и межнациональные конфликты, вследствие чего гибнут, порой, целые страны, сменяются общественно-экономические формации, становится иной конституционная основа государств и, поддавшись влиянию происходящего, трансформируется законодательство.

Законодательство Российской Федерации – довольно юной, активно формирующейся, самостоятельной и независимой страны – наглядное выражение поиска «оптимального варианта» для достойного устройства и благосостояния нашего государства, поскольку тут имеются несомненные моменты демократичности, проявляющиеся, например, в декриминализации Особенной части УК РФ или наделении правами подозреваемого, обвиняемого для объективного расследования. К примеру, периодически меняется УПК РФ, сменивший УПК РСФСР в начале XXI в. Несомненно, будучи главным источником, регулирующим порядок привлечения к ответственности или освобождения от нее, закон закрепил ряд серьезных изменений, вследствие чего реформировалось правосудие в государстве.

В ст. 20 УПК РСФСР сказано, что «суд, прокурор, следователь, лицо, производящее дознание, обязаны принять меры для всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств дела, выявить как уличающие, так и оправдывающие обвиняемого, а также смягчающие и отягчающие его ответственность обстоятельства» [1]. Данная концепция не нашла своего формально-правового закрепления в относительно новом УПК РФ, что означает лишь одно: законодатель отказался от процессуальной системы, к которой традиционно тяготел отечественный правоприменитель. Разумеется, практическое проявление принятых изменений привело, как это свойственно научным кругам, к обширным дискуссиям и спорам о своевременности и необходимости, качественности и соответствии многовековому менталитету российского общества, вступившего в силу

¹ © Емельянова Н. Ю. 2023.

² © Ильяшевич Т. А., 2023.

1 января 2002 г. УПК РФ. Споры в большинстве своем касались именно вышеуказанного положения о самом процессе установления истины по конкретному уголовному делу. Только лишь спустя практически десятилетие, руководствуясь стремлением к «усилению гарантий, обеспечивающих справедливость правосудия...» [2], в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации был внесен проект федерального закона «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с введением института установления объективной истины по уголовному делу».

Размышляя о новации и традиционализме института истины, стоит, прежде всего, руководствоваться именно проанализированными положениями пояснительной записки [2], в которой инициаторами в доступной форме указываются те субъективные недочеты нынешней уголовно-процессуальной системы, на основании которых следует коренным образом изменить сложившееся положение вещей.

Представители законодательной инициативы, прежде всего, выделяют наиболее значимым тот факт, что действующая на сегодняшний день система «абсолютной состязательности», предусматривающий пассивность суда и наличие равноправных сторон, не только «не помогает установлению истины», но «склоняется к чуждому традиционному российскому уголовному процессу англо-американской доктрине».

Действительно, акцентировав на этом моменте наше внимание, инициаторы законопроекта невольно подталкивают к выводу о том, что англо-саксонская уголовно-процессуальная система вовсе не совершенна, равно как и чужда для российского общества, исходя из чего и следует коренным образом изменить эту систему и перейти, а точнее будет сказано, вернуться к романо-германскому устройству. Аргументируя свою точку зрения, инициаторы продолжают: «...романо-германская модель доказывания, к которой склоняется и российское уголовное судопроизводство, строится на превосходстве достоверного (объективно истинного) знания о событии преступления при принятии итогового процессуального решения» [2].

Возникает закономерный вопрос следующего характера: как воспринимать в таком случае объективную истину? Как принцип? Как процесс? Как цель или же, как результат?

На все указанные вопросы существуют различные вполне аргументированные ответы-концепции, зачастую перерастающие в целостные научные парадигмы со всеми вытекающими. Тем не менее расценивать установление объективной истины как цель и результат не следует, потому, как истинность включает процессуальную деятельность определенных УПК РФ участников процесса на всех стадиях уголовного судопроизводства, в том числе и уголовно-правовую оценку совершенного деяния. К тому же, ныне действующий УПК РФ, как отмечает И. Сухарев, комментируя необходимость принятия указанного ранее закона, предполагает установление истины как цели и результата комплексной деятельности уполномоченных должностных лиц [3, с. 37]. Именно поэтому институт объективной истины должен характеризоваться процессом, а не принципом, целью или же результатом соответствующей деятельности.

Важно отметить, что англо-саксонская процессуальная концепция, широко развитая в зарубежных странах, считает, что суд, осуществляя правосудие, в результате вынесет решение на основе доказательств, предоставленных ему на рассмотрение в судебном заседании. Это значит, что правосудие, по сути своей, зависит от юридической грамотности и возможности защитника отстоять свою позицию и значимость доказательственной базы, используемой для последующего оправдания подсудимого.

Англо-саксонская концепция напрямую противоречит романо-германскому представлению об уголовно-процессуальном устройстве, предполагающему, что суд, наблюдая за состязательностью сторон и оценивая доводы, примет решение на основании приведенных от обеих сторон, вступивших в правовой спор, доказательств, которые, в свою очередь, будут соответствовать действительности, т. е. быть истинными. В случае, если приведенные доказательства будут подвержены сомнению, беспристрастный суд на основании предусмотренных полномочий будет осуществлять деятельность по их устранению. Видится, что такое представление является наиболее оптимальным и отвечающим требованиям российского уголовно-процессуального мировоззрения.

Конечно, УПК РСФСР не предусматривал самостоятельного термина «объективная истина», однако в его нормах отмечалась важность установления истины: «требуют интересы, затруднит или же не препятствует установлению истины».

Итак, введение истины – не только возврат к привычному пониманию, но и создание связи между продуктивным советским законодательством и динамично формирующимся в правильном направлении российским уголовным процессом. Это введение, бесспорно, поспособствует формированию не только привычной романо-германской конструкции, наиболее приемлемой для страны, но и приспособит ее под условия, выдвигаемые государственным аппаратом управления, с одной стороны, и с другой – гражданским обществом. Поэтому с введением института объективной истины в УПК РФ образуется правовой консенсус, «процессуальный универсальный гибрид», обеспечивающий в должной мере деятельность всех участников уголовного судопроизводства и в равной мере помогающий осуществлять полноценное и беспристрастное правосудие в государстве.

Список литературы

1. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР (ред. от 18.05.95) // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru>.
2. Пояснительная записка к проекту федерального закона «О внесении изменений в уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации, в связи с введением института объективной истины по уголовному делу» // НПП «Гарант-сервис». URL: <https://base.garant.ru/09661/>.
3. Маслов И. В. Объективная истина в уголовном процессе // Уголовное право. 2016. № 2. С. 37–38.

Ендольцева А. В.¹,
*профессор кафедры уголовного процесса
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный работник
Высшей школы Российской Федерации*

О НЕКОТОРЫХ НАПРАВЛЕНИЯХ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И ЕЕ ПРАВОВЫХ ОСНОВ

Эффективность деятельности, связанной с правоприменением, зависит от многих обстоятельств, в том числе от надлежащей правовой ее регламентации.

Несмотря на динамичное совершенствование уголовно-процессуального законодательства, которое осуществляется с момента принятия УПК РФ и происходит уже более 20 лет, мы видим, что рано еще ставить точку в этом процессе. Есть необходимость и дальнейшего развития правового регулирования общественных отношений в сфере уголовного судопроизводства.

Уголовный процесс выстроен как сложная система, где государство в лице своих органов решает сразу несколько задач и выполняет в связи с этим сразу несколько функций, обеспечивая объективное расследование, поддержание обвинения, правосудие [2, с. 114]. При этом уголовно-процессуальная деятельность должна осуществляться в соответствии с базовыми правовыми предписаниями – принципами уголовного судопроизводства, которые в подавляющем своем большинстве имеют, как мы знаем, конституционно-правовую природу.

Центральным принципом современного уголовного судопроизводства является принцип состязательности сторон. Однако и законодатель, и правоприменители понимают, что на стадиях возбуждения уголовного дела и предварительного расследования состязательности быть не может, поскольку сторона обвинения в лице государственных органов и должностных лиц обладает процессуальной властью, а сторона защиты такой возможности не имеет. Поэтому в условиях несостязательного досудебного производства должна быть обеспечена реализация прав подозреваемого или обвиняемого, в частности, права на защиту, обжалование процессуальных действий и решений органов и должностных лиц, осуществляющих досудебное уголовное производство.

И если названные вопросы законодателем в целом урегулированы, и достаточно надлежащим образом выполнять правовые предписания, то ряд моментов еще требует внимания законодателя. Например, в ст. 108 УПК РФ «Заключение под стражу», определяющей порядок избрания меры пресечения в виде заключения под стражу, установлено обязательное участие в судебном заседании подозреваемого или обвиняемого и его защитника. В ст. 114 УПК РФ «Временное отстранение от должности» вообще ничего не говорится об участии сторон в судебном заседании, да и само судебное заседание по поводу избрания такой меры

¹ © Ендольцева А. В., 2023.

процессуального принуждения не регламентировано. При этом отсылки к ст. 108 УПК РФ, как это сделано в ст. 105.1 УПК РФ «Запрет определенных действий», ст. 106 УПК РФ «Залог», ст. 107 РФ «Домашний арест», не имеется.

Какой напрашивается вывод? Если уж состязательность сторон закреплена как принцип уголовного судопроизводства (они должны работать на всех стадиях уголовного процесса), то в уголовно-процессуальном законе должны быть максимально регламентированы возможности стороны защиты в досудебном производстве представить свою обоснованную точку зрения по тем или иным вопросам уголовно-процессуальной деятельности. Это еще предстоит сделать.

Уголовное судопроизводство сегодня характеризуется тем, что его назначением является защита прав и законных интересов потерпевших от преступлений, а также защита любого лица от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения его прав и свобод. Такая постановка вопросов не учитывает важнейших государственных задач, направленных на обеспечение и охрану общественного порядка, общественной безопасности, общественной нравственности, здоровья населения, экономической и экологической безопасности, конституционного строя и безопасности государства, интересов государственной службы и службы в коммерческих и иных организациях, военной службы, мира и безопасности человечества. При этом авторы отмечают, что уголовный процесс направлен на защиту и этих ценностей для человека и общества, он не может выполнить своего предназначения, не учитывая задач, стоящих перед уголовным законом [1, с. 35], охраняющим не только права личности, но и интересы общества и государства.

Следует вспомнить ст. 2 УПК РСФСР 1960 г., где кроме задач уголовного судопроизводства, связанных с быстрым и полным раскрытием преступлений, изобличением виновных и пр., было закреплено: «Уголовное судопроизводство должно способствовать укреплению законности и правопорядка, предупреждению и искоренению преступлений, охране интересов общества, воспитанию граждан в духе неуклонного соблюдения Конституции...».

Почему мы отказались от схожих положений в УПК РФ 2001 г., действующим в настоящее время?

Учитывая, что уголовно-процессуальная деятельность имеет публичный характер, в законе необходимо указать, что направлением уголовно-процессуальной деятельности и ее назначением является также охрана интересов общества и государства.

Публичный интерес состоит также в том, чтобы расходы государства на процессуальную деятельность, осуществляемую от его имени органами и должностными лицами, были сбалансированными. Поэтому одной из тенденций современного развития уголовного судопроизводства является поиск путей упрощения и ускорения процессуальной формы. Российское уголовно-процессуальное законодательство уже знает несколько таких процедур досудебного и судебного производства (дознание в сокращенной форме – гл. 32¹ УПК РФ, особый порядок судебного разбирательства – гл. 40, 40¹ УПК РФ).

Можно двигаться и дальше в этом направлении. Некоторые авторы предлагают вернуть в уголовный процесс протокольную форму досудебной подготовки

материалов, которая существовала в российском уголовно-процессуальном законе (гл. 34 УПК РСФСР 1960 г.), имеется в европейском законодательстве, а также в законодательстве некоторых постсоветских республик [3, с. 51–56; 4, с. 55–63]. Безусловно, копировать положения прежнего уголовно-процессуального закона нет необходимости, такую форму можно определить и с учетом достижений современного уголовно-процессуального закона.

Вместе с тем оптимизация уголовного судопроизводства связана не только с ускорением и упрощением самого производства по уголовному делу, но и ускорением организационных аспектов такой деятельности, в частности, связанной с предоставлением процессуальных документов, как правило, постановлений и прилагающихся к ним материалов, от одного субъекта уголовного процесса к другому.

Коснемся правоотношений следователя с руководителем следственного органа вышестоящего уровня при продлении срока расследования уголовного дела или согласовании с ним вопроса о продлении срока содержания под стражей обвиняемого. Сказанное далее касается и направления следователем в районный суд ходатайства об избрании меры пресечения или производстве следственного действия, ограничивающих конституционные права участников уголовного процесса.

В настоящее время в досудебном уголовном производстве в правоотношениях между его участниками в большинстве случаев не используется электронный документооборот. Такая ситуация свидетельствует о том, что уголовный процесс в названной его части отстает от уже сложившихся и неуклонно развивающихся тенденций в государственной деятельности, связанных с ее цифровизацией.

С 1 января 2017 г. в связи с введением в УПК РФ ст. 474¹ стало возможным использование в уголовном судопроизводстве электронных документов. На сегодняшний момент электронные документы в уголовном процессе – это реальность, по крайней мере, многие адвокаты активно пользуются возможностью подачи в суд электронных жалоб или ходатайств.

Однако несмотря на то что, судя по названию статьи, такой порядок распространяется на все уголовное судопроизводство, сегодня такие электронные документы (ходатайство, заявление, жалоба) могут использоваться только, если они адресованы суду. Значит, задача использования электронных документов участниками уголовного процесса в досудебном уголовном производстве еще не решена.

Вместе с тем в ст. 474¹ УПК РФ говорится о единой системе межведомственного электронного взаимодействия (далее – СМЭВ). Это федеральная государственная информационная система, предназначенная для организации информационного взаимодействия между информационными системами участников СМЭВ в целях предоставления государственных и муниципальных услуг и исполнения государственных и муниципальных функций в электронной форме [5].

Полагаем, что в СМЭВ должны быть интегрированы системы электронного документооборота участников уголовного процесса, являющихся представителями соответствующих государственных органов (органов предварительного расследования, прокуратуры и судов).

Это будет следующим, но очень важным шагом в деятельности по цифровизации уголовного судопроизводства. Во-первых, это позволит следователям избежать колоссальной потери времени на неоднократное ксерокопирование материалов уголовного дела, прилагаемых к обоснованию их ходатайств, исполненных в бумажном варианте, обращенных к другим участникам уголовного процесса. Если внутри одного ведомства, например, в Следственном комитете Российской Федерации или МВД России – это уже сделано или сделать не сложно, то по ходатайствам следователей в суд возникают вопросы. Во-вторых, такой шаг позволит минимизировать государственные расходы, связанные с бумажным исполнением документов. В-третьих, уголовный процесс будет идти «в ногу» со временем, не отставая от других видов государственной деятельности.

Отрадно, что в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации совсем недавно (в марте 2023 г.) внесен законопроект № 312970-8 [6] об использовании электронных документов в ходе досудебного производства по уголовному делу. В нем идет речь о возможности изготавливать копии обвинительного заключения и приложений к нему в форме электронного документа, заверенного усиленной квалифицированной электронной подписью. Там также указаны и другие процессуальные документы, которые возможно изготавливать в подобном формате. Надеюсь, что законопроект пройдет все необходимые этапы законотворчества, и предлагаемые изменения вступят в силу.

Возможно, это первый шаг к созданию в России электронных уголовных дел. Конечно, у такой формы уголовного дела имеются и противники, но технический и общественный прогресс на месте не стоит, и данная форма фиксации материалов уголовного дела, хотя бы по преступлениям небольшой и средней тяжести, не за горами.

В заключение хотелось бы сказать, что, конечно, имеются и иные направления дальнейшего развития российского уголовного судопроизводства. Они широко обсуждаются учеными и практиками (в частности, отказ от стадии возбуждения уголовного дела, проблемы использования цифровой информации в доказывании по уголовному делу, проведение следственных действий по уголовным делам о преступлениях, совершенных дистанционно, и т. д.).

Однако «коренные» изменения уголовно-процессуального законодательства, а значит, и уголовно-процессуальной деятельности, не должны быть поспешными, они требуют глубокой научной проработки, причем не только правоведов. Также, что не менее важно, должен быть просчитан экономический потенциал предлагаемых нововведений. Причем не только сиюминутный, а что более важно, на перспективу, в том числе и дальнюю.

Список литературы

1. Божьев В. П. Влияние Уголовного кодекса Российской Федерации на формирование норм и институтов уголовно-процессуального права // Новый уголовно-процессуальный закон: теория и практика применения : сборник статей / под ред. О. А. Галустяна, О. И. Цоколовой. М., 2003.
2. Головкин Л. В. Участие государства в уголовном судопроизводстве: от «равенства оружия» к реалистичным концепциям // Государство и право. 2020. № 6. С. 107–118.
3. Муризи А. В. Протокольная форма дознания как возможная процессуальная форма производства при рассмотрении дел, подпадающих под категорию уголовный проступков // Вектор науки ТГУ. Серия: Юридические науки. 2019. № 4 (39). С. 51–56.
4. Прокопова А. А. Протокольная форма досудебной подготовки материалов как возможная модель ускоренного производства (с учетом опыта Республики Казахстан) // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2019. № 2 (84). С. 55–63.
5. Постановление Правительства Российской Федерации от 8 сентября 2010 г. № 697 «О единой системе межведомственного электронного взаимодействия» // НПП «Гарант-сервис». URL: <https://base.garant.ru/199319/>.
6. Система обеспечения законодательной деятельности Государственной автоматизированной системы «Законотворчество». URL: <https://sozd.duma.gov.ru/-bill/312970-8>.

Ермаков С. В.¹,

заместитель начальника
кафедры предварительного расследования
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
доцент Департамента
международного и публичного права
Финансового университета
при Правительстве Российской Федерации,
кандидат юридических наук, доцент

Петрова О. В.²,

доцент Департамента
международного и публичного права
Финансового университета
при Правительстве Российской Федерации,
кандидат юридических наук, доцент

РАССЛЕДОВАНИЕ НЕЗАКОННОГО ОБРАЗОВАНИЯ (СОЗДАНИЯ, РЕОРГАНИЗАЦИИ) ЮРИДИЧЕСКОГО ЛИЦА (ст. 173.1 УК РФ)

Во многом криминальная экономика основана на схемах, в которых используются «фирмы-однодневки», зарегистрированные на подставных лиц, которые не имеют постоянного заработка, злоупотребляют алкоголем. За денежное вознаграждение данные лица готовы предоставить свои персональные данные для регистрации фиктивных юридических лиц. Организаторы преступных схем управляют по системе дистанционного банковского обслуживания средствами на счетах фиктивных организаций. Через счета указанных организаций осуществляются переводы денежных средств в интересах злоумышленников, в том числе при совершении хищений, незаконной банковской деятельности, уклонении от уплаты налогов и сборов, незаконном возмещении НДС и иных преступлений экономической направленности.

Учитывая общественную опасность данных деяний, в законодательстве установлена уголовная ответственность в связи с созданием «фирм-однодневок». Так, в Уголовном кодексе Российской Федерации (УК РФ) предусмотрены ст. 173.1 УК РФ «Незаконное образование (создание, реорганизация) юридического лица» и ст. 173.2 УК РФ «Незаконное использование документов для образования (создания, реорганизации) юридического лица».

Согласно данным ГИАЦ МВД России подразделениями экономической безопасности и противодействия коррупции в 2022 г. выявлено 2 948 преступлений, возбуждено 2 270 уголовных дел по ст. 173.1 УК РФ и 3 880 преступлений, возбуждено 2 705 уголовных дел по ст. 173.2 УК РФ.

¹ © Ермаков С. В., 2023.

² © Петрова О. В., 2023.

Расследование преступлений, предусмотренных ст. 173.1 УК РФ «Незаконное образование (создание, реорганизация) юридического лица» и ст. 173.2 УК РФ «Незаконное использование документов для образования (создания, реорганизации) юридического лица» начинается после принятия следователем решения о возбуждении уголовного дела исходя из имеющегося повода и материалов проверки сообщения о преступлении.

Возбуждаются такие уголовные дела зачастую как дополнительные преступления к мошенничествам, уклонению от уплаты налогов и др. Возможны ситуации непосредственного выявления сотрудниками подразделений экономической безопасности и противодействия коррупции случаев массовой регистрации организаций на одно и то же лицо, а также пресечения незаконной деятельности на профессиональной основе по созданию и продаже третьим лицам фиктивных организаций [1, с. 135].

На первоначальном этапе расследования могут складываться различные следственные ситуации:

1. Установлены подставные лица, при этом организаторы преступления не установлены.
2. Организаторы преступления установлены и признают свою вину.
3. Лица, совершившие преступление, установлены, однако вину не признают.
4. Установлены отдельные соучастники преступления, действовавшие совместно с неустановленными лицами.

Требуются разработка и внедрение в практику выверенных алгоритмов расследования преступления, включающих новые направления поиска доказательственной базы [2, с. 307].

В зависимости от сложившейся следственной ситуации следователем разрабатывается согласованный план расследования по уголовному делу, который предполагает производство следующих следственных и иных процессуальных действий по основным направлениям расследования:

1. Пресечение преступной деятельности:

- одновременные обыски в офисах, местах встреч, жительства фигурантов с целью обнаружения и изъятия печатей, уставов организаций, договоров, актов выполненных работ, накладных, счетов-фактур, банковских карт, флэш-карт, файлов в памяти ЭВМ с проектами документов интересующего следствие юридического лица, компьютеров, с которых управлялись счета фиктивных организаций, мобильных телефонов. В ходе таких мероприятий возможно обнаружение иных организаций с признаками фиктивности;

- допросы лиц, находившихся в метях осуществления преступной деятельности в качестве свидетелей;

- назначение компьютерных экспертиз с целью обнаружения на изъятый вычислительной технике, мобильных телефонах, электронных носителях информации, цифровых следов совершения преступления по представляющим интерес для следствия организациям и лицам.

2. ИФНС:

- выемка в ИФНС регистрационного дела организации, деклараций, материалов налоговых проверок;

- допрос сотрудника ИФНС, осуществляющего регистрационные действия о порядке и обстоятельствах создания или реорганизации юридического лица;
- допрос сотрудников ИФНС, проводивших камеральные проверки юридических лиц, обладающих признаками «фирм-однодневок», расчетные счета которых носили транзитный характер;
- осмотр документов, содержащихся в регистрационном деле, назначение судебной почерковедческой экспертизы, признание вещественными доказательствами;
- направление запроса в банк о предоставлении сведений о карте, счете, банке, с которых была произведена оплата государственной пошлины за регистрацию юридического лица.

3. Нотариат:

- выемка документов и допрос нотариуса (в случае удостоверения заявления о государственной регистрации юридического лица, выдачи доверенности);
- осмотр нотариальных документов, признание вещественным доказательством.

4. Подставное лицо:

- допрос подставного лица об обстоятельствах подготовки документов и регистрации юридического лица, целях его создания, соучастниках, их контактах и пр.;
- получение образцов подписи (почерка) для сравнительного исследования;
- выемка и осмотр мобильного телефона подставного лица с целью установления соучастников, используемых контактов в момент совершения преступления, признание вещественными доказательствами.

5. Банк:

- выемка юридического дела в кредитной организации на интересующее следствие юридическое лицо (содержит заявление на открытие счета, договор банковского счета (либо заявление о присоединении к договору), заявление на выдачу карты, карточку с образцами подписи и т. д.);
- допрос сотрудников банка об обстоятельствах открытия счета;
- допрос сотрудников банка о правилах дистанционного банковского обслуживания;
- запрос о предоставлении расширенной выписки об операциях по счету фиктивной организации с указанием IP-адресов пользователей системы «Банк-клиент»;
- осмотр выписки (может быть, как в печатном виде, так и на компакт-диске) с данными о совершенных операциях по счету, установление контрагентов фиктивной организации, использовавших в хозяйственной деятельности сделки с фирмами-однодневками, признание выписки вещественным доказательством;
- направление запроса интернет-провайдеру по IP-адресу с целью выяснения местонахождения компьютерной техники, откуда управлялись расчетные счета фиктивной организации. В случае установления адресов фактического местонахождения компьютера с программой «Банк-Клиент» осуществляется производство обысков и допрос лиц, обнаруженных в месте его производства. Изъятие

компьютерной техники в офисах целесообразно начинать с обнаружения, фиксации и изъятия следов пальцев рук с компьютеров, ноутбуков с целью идентификации конкретного лица – оператора ЭВМ.

6. Оперативное сопровождение расследования:

- направления поручения сотрудникам органа дознания о производстве выемки видеозаписей в ИФНС, в банках, у нотариуса (в случае коротких сроков хранения видеозаписи представляется невозможным ее получение);
- направление поручения оперативным сотрудникам о проведении оперативных мероприятий, нацеленных на установление лиц, сопровождавших подставное лицо к нотариусу, в ИФНС, в банк, в том числе получение данных от операторов сотовой связи об абонентах, находившихся в соответствующем месте в момент совершения определенных действий.

7. Подозреваемый:

- допрос подозреваемого, и последующая очная ставка с лицом, введенным им в заблуждение, с целью выяснения роли каждого лица в совершении преступления. В ходе проведения следственного действия рекомендуется применять видеозапись в целях предупреждения последствий отказа от показаний или изменения показаний в суде;
- наложение ареста на имущество в случаях, предусмотренных УПК РФ;
- сбор характеризующего материала на организаторов и подставных лиц, в том числе сведений об образовании, опыте работы, экономических знаниях.

Проведение грамотно спланированного комплекса следственных и иных процессуальных действий обеспечивает достаточность доказательств для предъявления обвинения в совершении преступлений, предусмотренных ст. 173.1 УК РФ «Незаконное образование (создание, реорганизация) юридического лица», ст. 173.2 УК РФ «Незаконное использование документов для образования (создания, реорганизации) юридического лица».

Список литературы

1. Малянова, К. П. Типичные следственные ситуации, формирующиеся в процессе расследования преступлений, связанных с незаконным образованием (созданием, реорганизацией) юридического лица // Юрист-Правоведь. 2020. № 4 (95). С. 134–136.
2. Назырова Н. А. Возникающие проблемы алгоритмизации расследования преступлений в сфере незаконного образования (создания, реорганизации) юридического лица // Отечественная криминалистика: вчера, сегодня, завтра : сборник научно-практических статей / под общ. ред. И. М. Комарова. М. : Юрлитинформ, 2020. С. 307–311.
3. Предварительное следствие : учебник / [Р. Э. Адамян и др.]. 4-е изд., перераб. и доп. М. : Юнити-Дана, 2021.

Есина А. С.¹,

*профессор кафедры предварительного расследования
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент,
почетный сотрудник МВД России*

Чиковани М. А.²,

*преподаватель кафедры предварительного расследования
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя*

ОСНОВНЫЕ ПОКАЗАТЕЛИ СОСТОЯНИЯ ЗАКОННОСТИ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СЛЕДОВАТЕЛЯ НА СТАДИИ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА

Следователь, реализуя принцип законности при производстве по уголовному делу в стадии возбуждения уголовного дела, сталкивается с рядом проблем, которые можно отнести скорее не столько к процессуальным, сколько к ведомственным. В соответствии со ст. 145 УПК РФ следователь по результатам проведенной проверки сообщения о преступлении вправе принять одно из процессуальных решений, в том числе и отказ в возбуждении уголовного дела. Данное решение принимается в случае отсутствия оснований к возбуждению уголовного дела, и его принятие следует считать законным, поскольку оно предусмотрено законодателем. Вместе с тем критерии ведомственной системы оценки деятельности следственных подразделений относит решение об отказе в возбуждении уголовного дела к отрицательным показателям. При этом следует отметить, что основания и принятие решений об отказе в возбуждении уголовного дела находятся под особым контролем со стороны прокурорского надзора. По имеющейся статистике Генеральной прокуратуры Российской Федерации вне зависимости от ведомственной принадлежности прокурорами отменены [7]:

1) постановление органов предварительного расследования об отказе в возбуждении уголовного дела: 2 035 927 (2019 г.), 1 809 511 (2020 г.);

2) постановление о возбуждении уголовного дела: 14 022 (2019 г.), 11 870 (2020 г.).

Несмотря на очевидное снижение количества отмененных постановлений, принятых органами предварительного расследования в порядке ст. 145 УПК РФ, следует критически оценивать данные цифры. Дело в том, что есть показатели, которые не учитываются в статистике, но имеют значение для объективного взгляда на состояние законности. Так, отдельные материалы доследственной проверки не содержали достаточных оснований для возбуждения уголовного дела и это было очевидно изначально. Однако в силу «разных» обстоятельств решение следователя об отказе в возбуждении уголовного дела было отменено

¹ © Есина А. С., 2023.

² © Чиковани М. А., 2023.

прокурором, но впоследствии при повторном вынесении решения об отказе прокурор признавал его законность и оставлял процессуальное решение в силе. Однако в статистику никакие поправки уже не вносятся.

Можно привести еще пример. Уголовное дело было возбуждено по указанию прокурора из отказного материала, но производство по делу впоследствии прекращается, попав в статистику прекращенных уголовных дел в досудебном производстве, тем самым снижая рейтинговые показатели деятельности органов предварительного следствия. В 35 % случаях прекращенные уголовные дела возбуждались по указанию прокурора, осуществляющего надзор, при отмене им постановления об отказе в возбуждении уголовного дела, согласно анализу 173 уголовных дел, расследованных в 2019–2021 гг. в форме предварительного следствия в г. Москве, г. Красногорске, Московской, Тверской и Тульской областях.

В данном случае мы отмечаем, что значимость статистических данных прокуратуры в вопросе оценки уровня законности на стадии возбуждения уголовного дела бывает относительной. При этом отдельные авторы, с нашей точки зрения, преувеличивают роль прокурорского надзора, исследуя проблемы законности, уповая только на средства прокурорского реагирования. Так, Ю. С. Пospelova утверждает «...значительное сокращение полномочий прокурора не позволяет прокурору эффективно добиваться законности в деятельности органов предварительного следствия» [4, с. 12]. Иными словами, автор полагает, что без прокурора органы предварительного следствия не в состоянии обеспечить законность в досудебном производстве. Мы не согласны с данным мнением. Не отрицая того, что прокурорский надзор необходим как дополнительная гарантия обеспечения законности, в качестве механизма исправления «ошибок» на рассматриваемой стадии тем не менее нельзя не считаться с компетентностью и профессионализмом субъектов расследования, исключать презумпцию порядочности следователя, нивелировать ответственность должностных лиц, органов предварительного следствия при реализации принципа законности. С этой точки зрения полагаем, что такие показатели, как количество уголовных дел, возбужденных из отказных материалов по указанию прокурора, по которым впоследствии состоялись оправдательные решения суда, или производство по уголовному делу было прекращено по различным основаниям, целесообразно учитывать в отчетах о деятельности прокуратуры, поскольку в этом случае картина состояния законности была бы более объективна.

Заметим, что уголовно-процессуальный закон не определяет перечень конкретных оснований, по которым прокурор отменяет процессуальные решения следователя, принятые в порядке ст. 145 УПК РФ. Указание в ст.ст. 146, 148 УПК РФ о том, что отменяется незаконное и необоснованное постановление, полностью соответствует требованию законодателя, изложенному в ч. 4 ст. 7 УПК РФ, где говорится о законности, обоснованности и мотивированности процессуальных решений. Вместе с тем отсутствие понятий (определений) перечисленных требований к процессуальным решениям на законодательном уровне позволяет прокурору оценивать их по своему внутреннему убеждению, которое зачастую основано на его личном опыте, уровне его знания, понимании и толковании норм

действующего законодательства, правоприменительной практике, складывающейся в конкретном территориальном регионе. Анализ отказных материалов позволяет утверждать, что, как правило, прокуроры в своем постановлении об отмене процессуального решения ссылаются на то, что постановление вынесено «необоснованно», «преждевременно» или «немотивированно», а значит – не законно. Не всегда в постановлении прокурора указываются конкретные обстоятельства, которые подлежат установлению в ходе дополнительной проверки, как того требует законодатель (п. 6 ст. 148 УПК РФ) [5].

Причины, по которым прокуроры отменяют процессуальные решения следователя, вынесенные в порядке ст. 145 УПК РФ, могут быть различны и не всегда это связано с нарушением закона. Подтверждением тому могут служить те же статистические данные.

Так, в отчете по основным результатам прокурорской деятельности отмечается, что возбуждено уголовных дел по результатам отмены постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела – 162 445 (2019 г.), 165 099 (2020 г.). Очевидно, что в остальных случаях (с учетом общего количества отмененных постановлений, данные о которых приведены выше) после отмены прокурором постановления об отказе в возбуждении уголовного дела проводилась дополнительная проверка, которая заканчивалась решением об отказе в возбуждении уголовного дела, которое оставалось в силе (в 2019 г. эта цифра составила 1 873 482, в 2020 г. – 1 644 412).

Были проанализированы данные Следственного департамента МВД России. По результатам проведенного мониторинга выполнения органами предварительного следствия системы МВД России межведомственного приказа Генпрокуратуры России № 147, МВД России № 209, ФСБ России № 187, Следственного комитета Российской Федерации № 23, ФСКН России № 119, ФТС России № 596, ФСИН России № 149, Минобороны России № 196, ФССП России № 110, МЧС России № 154 от 26 марта 2014 г. «Об усилении прокурорского надзора и ведомственного контроля за законностью процессуальных действий и принимаемых решений об отказе в возбуждении уголовного дела при разрешении сообщений о преступлениях» (ред. от 22.10.2020) за первое полугодие 2021 г. следователями системы МВД России было рассмотрено и разрешено 597 581 сообщений о преступлении, что на 3,1 % больше, чем за аналогичный период 2020 г. Возросло количество решений об отказе в возбуждении уголовных дел, принятых следователями (с 100 457 в 2020 г. до 112 583 в 2021 г. (что на 12,1 % больше). Из них количество решений об отказе в возбуждении уголовного дела по основаниям, предусмотренным пп. 1, 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ также увеличилось на 13,9 % (с 96635 до 110025) [1].

По нашему мнению, очевидно, что имеет место конфликт интересов, который влияет на итоговые показатели как деятельности прокуратуры, так и органов предварительного расследования. Для прокуратуры, чем больше показатель отмененных постановлений о возбуждении или об отказе в возбуждении уголовных дел, тем качественнее уровень состояния прокурорского надзора. Совершенно обратный результат мы наблюдаем при этих же статистических данных

для оценки деятельности органов предварительного следствия. Чем больше постановлений, вынесенных следователями в порядке ст. 145 УПК РФ, было отменено прокурорами, тем больше оснований говорить о низком уровне процессуального контроля со стороны руководителей следственных органов, о низком качестве доследственных проверок, проводимых следователями. Как показывает анализ статистических данных, не все цифры могут быть положены в обоснование вывода о низком уровне состояния законности на стадии возбуждения уголовного дела. Есть факторы, которые не учитываются и не поддаются учету при оценке деятельности следственных подразделений.

Полагаем, что критерии рейтинговой оценки деятельности органов предварительного следствия (применительно для стадии возбуждения уголовного дела), установленные ведомственными нормативными актами (оценка деятельности органов предварительного следствия системы МВД России изначально была интегрирована в общую систему по оценке органов внутренних дел, что было продиктовано существующей структурной подчиненностью следственного органа МВД России), следует пересмотреть.

Отметим, что несовершенство ведомственного регулирования оценки рейтинговых показателей органов внутренних дел и следственных подразделений, уже отмечалось в специальной литературе [2]. Применительно к деятельности следственных подразделений целесообразно выделить в отдельную позицию данные о количестве прекращенных уголовных дел, возбужденных из отказных материалов по указанию прокурора. Не может быть показателем нарушения законности и такие данные, когда решение об отказе в возбуждении уголовного дела отменялось прокурором неоднократно (каждый раз попадая в данные прокурорской статистики), однако в результате решение об отказе в возбуждении уголовного дела оставалось в силе, т. е. прокуратура в итоге признавала законность вынесенного решения.

В этой связи предлагается дополнить приказ МВД России [6], определяющий рейтинговые оценки эффективности деятельности подразделений службы предварительного следствия в системе органов внутренних дел, дополнительными позициями.

Список литературы

1. Аналитический обзор о состоянии работы по соблюдению органами предварительного следствия системы МВД России учетно-регистрационной дисциплины и законности, в том числе по материалам, по которым вынесены постановления об отказе в возбуждении уголовного дела // Следственный департамент МВД России. 2021. 30 нояб.
2. Крылов И. С. Проблемные вопросы, практика применения и пути совершенствования системы оценки деятельности органов предварительного следствия в системе МВД России (на примере СУ УТ МВД России по ПФО) // Информационный бюллетень Следственного департамента МВД России. 2015. № 2 (164) дсп. С. 156–165. URL: <https://wiselawyer.ru/poleznoe/102486-ocenka-rezultatov-predvaritelnogo-rassledovaniya-rossii>.

3. Миллер В. Ю. Оптимизация правовой организации стадии возбуждения уголовного дела: доктрина, практика, техника : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09. Нижний Новгород, 2019.
4. Пospelова Ю. С. Обеспечение законности уголовно-процессуальными средствами при раскрытии и расследовании преступлений : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09. Нижний Новгород, 2011.
5. Приказ Генпрокуратуры России № 147, МВД России № 209, ФСБ России № 187, Следственного комитета Российской Федерации № 23, ФСКН России № 119, ФТС России № 596, ФСИН России № 149, Минобороны России № 196, ФССП России № 110, МЧС России № 154 от 26 марта 2014 г. «Об усилении прокурорского надзора и ведомственного контроля за законностью процессуальных действий и принимаемых решений об отказе в возбуждении уголовного дела при разрешении сообщений о преступлениях» (ред. от 22.10.2020) : зарегистрировано в Минюсте России 4 августа 2014 г. № 33432 // Банк данных «Нормативно-правовые акты, зарегистрированные в Министерстве юстиции Российской Федерации». URL: <https://minjust.consultant.ru/files/10990>.
6. Приказ МВД России от 31 декабря 2013 г. № 1040 «Вопросы оценки деятельности территориальных органов Министерства внутренних дел Российской Федерации» // НПП «Гарант-сервис». URL: <https://base.garant.ru/77670729/>.
7. Статистические данные об основных показателях деятельности органов прокуратуры Российской Федерации за 2020 год // Генеральная прокуратура Российской Федерации. URL: <https://genproc.gov.ru/stat/data/>.
8. Предварительное следствие : учебник / [Р. Э. Адамян и др.]. 4-е изд., перераб. и доп. М. : Юнити-Дана, 2021.
9. Деятельность следователя по принятию и проверке сообщений о преступлениях : учебное пособие / [В. В. Артемова и др.]. М., 2009.

Жамкова О. Е.¹,
доцент кафедры уголовного процесса
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент

СТАДИЯ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ОБЩЕСТВА

Возбуждение уголовного дела – первая стадия уголовного процесса, включающая в себя совокупность различных последовательных действий и отношений, связанных с принятием первичной информации о преступлении, а также последующем рассмотрении и разрешении полученных данных. Ни одно уголовное дело не может миновать данный этап уголовного судопроизводства, а от качества уголовной-процессуальной деятельности, производимой на данном этапе, во многом зависит успех последующего расследования преступления и назначения справедливого наказания преступникам.

Развитие современных информационных технологий является естественным этапом эволюции современного общества, выступает необходимым инструментом жизни. Вместе с тем создание новых технологий способствовало возникновению неизвестных ранее видов преступлений, при совершении которых используются новые, отличные от традиционных способы и методы совершения противоправных действий. Поскольку преступная среда использует новейшие технологии в достижении своих преступных целей, то, как полагают многие исследователи, в условиях всеобщей цифровой трансформации должно меняться и уголовное судопроизводство. Опираясь на данный тезис в уголовно-процессуальной науке появились исследователи, которые полагают, что стадия возбуждения уголовного дела уже «изжила себя» и возникла необходимость совершенствования процессуальных способов раскрытия и расследования преступлений, в том числе совершенных с использованием информационных технологий.

Согласно мнению В. В. Кожокаря, исключение из УПК РФ норм о возбуждении уголовного дела призвано обеспечить реализацию положений ст. 52 Конституции Российской Федерации об обеспечении потерпевшим лицам права на доступ к правосудию и выполнение нормы о разумном сроке уголовного судопроизводства (ст. 6.1 УПК РФ) [2, с. 13].

Ученые, считающие стадию возбуждения уголовного дела «лишней» в современном уголовном судопроизводстве, ссылаются на опыт зарубежных стран, в которых данная стадия отсутствует как таковая. Например, ч. 1 ст. 179 Уголовно-процессуального кодекса Республики Казахстан (УПК РК) гласит, что уголовный процесс начинается, когда должностное лицо компетентного правоохранительного органа регистрирует заявление о противоправном деянии в специальном реестре. Началом также могут служить первые следственные действия.

Российскими учеными исследуются и предлагаются различные модели деятельности на первоначальном этапе уголовного судопроизводства с использова-

¹ © Жамкова О. Е., 2023.

нием информационных технологий, высказываются предложения о необходимости компьютерной оценки первоначальных заявлений о преступлении без вмешательства человека (искусственный интеллект), возможности автоматического возбуждения уголовного дела на основе выявления признаков преступления и др.

Отметим, что на обозначенную проблему существует и иная точка зрения, которую разделяет автор статьи. Так, например, ряд ученых выступают за сохранение первого этапа уголовного судопроизводства, не отрицая при этом необходимости его реформирования и совершенствования [1, с. 32–36]. Следует согласиться с мнением Е. В. Пьянзиной о том, что именно данная стадия уголовного процесса является процессуальной основой всего уголовного производства и таким важным этапом, без которого не может обойтись ни одно расследование [3, с. 73].

Представляется, что внедрение новых технологий в уголовное судопроизводство возможно произвести без крайних мер, без «уничтожения» правовых институтов, которые уже доказали свою необходимость и целесообразность. На сегодняшний день на этапе возбуждения уголовного дела проявлением цифровизации выступает возможность подачи электронного заявления через официальные сайты. При этом такие заявления распечатываются на бумажном носителе, и работа с ними ведется как с заявлениями, поданными в письменном виде. Существующие сервисы представляют возможность подать заявление о преступлении путем подачи обращения через официальный сайт МВД России или через сайт ГУ МВД России по г. Москве. Возможность подачи сообщения о преступлении анонсировалась также через Госуслуги (разд. «Безопасность и правопорядок»), однако на сегодняшний день такая возможность существует только для направления жалоб в Генеральную прокуратуру Российской Федерации.

Следует отметить, что форма, созданная для обращений граждан через сайт МВД России, не подходит для подачи сообщений о преступлении, поскольку, например, не имеет раздела, предусматривающего предупреждение заявителю об ответственности за заведомо ложный донос. Система также не позволяет идентифицировать заявителя и хотя содержит раздел с информацией об обратившемся, но не требует использования усиленной электронной подписи, что исключает возможность идентификации отправителя. Недостатком такого способа подачи информации о преступлении является тот факт, что данная информация поступает в канцелярию ОВД и работа с ними ведется не как с заявлениями о преступлении, когда после регистрации сообщения по КУСП у должностного лица имеется троя суток на рассмотрение информации (ст. 144 УПК РФ), а как с обращениями, которые в соответствии с приказом МВД России от 12 сентября 2013 г. № 707 рассматриваются в течение 30 суток. В результате, если должностным лицом в установленные сроки будет рассмотрено данное обращение и в нем не будут усмотрены признаки преступления, ему необходимо будет в соответствии с инструкцией распечатать это обращение и работать с ним как с письменным заявлением. На практике должностное лицо, которому отписано обращение для рассмотрения, составляет рапорт об обнаружении признаков преступления, которое в дальнейшем он регистрирует в КУСП и начинает проверку в порядке ст. 144 УПК РФ. Очевидно, что сама деятельность по проверке такого повода к возбуждению уголовного дела начинается не в день поступления обращения, а позже.

При проведении проверки сообщения о преступлении должностным лицом осуществляются различные процессуальные действия и проверочные мероприятия. Следует отметить то положительное, что несут с собой цифровые технологии в сферу уголовного судопроизводства. Прежде всего, их использование позволяет быстро и гораздо в большем объеме получить необходимую информацию как о заявителе, так и совершенном деянии. Например, через различные серверы и сайты можно получить данные о дате и месте получения паспорта, местах регистрации, судимости, принадлежащем оружии, случаях объявления в розыск через базы ИБДФ и ИБДР, что существенно экономит время и бывает крайне необходимой информацией при проверке сообщения о преступлении. Использование систем «Паутина», «Безопасный город» позволяют отслеживать передвижение автомобилей по всей стране, устанавливать их номера и владельцев. Использование указанных сервисов наравне с производством процессуальных и следственных действий, разрешенных на стадии возбуждения уголовного дела, позволяет установить достаточно оснований для возбуждения дела и выявить признаки преступления в максимально сжатые сроки.

Однако использование цифровых технологий не может заменить мыслительную деятельность сотрудника правоохранительных органов по оценке собранных данных, определения их достаточности для принятия процессуального решения в порядке ст. 145 УПК РФ.

Именно поэтому важно сохранить установленный законодателем порядок осуществления уголовного судопроизводства, начав его со стадии возбуждения уголовного дела. Актом возбуждения уголовного дела начинается публичное уголовное преследование от имени государства в связи с совершенным преступным деянием и создаются правовые основания для последующих процессуальных действий органов дознания, предварительного следствия и суда, что свидетельствует о его основополагающей роли, функции построения основы, базиса для следующих этапов и всего производства в целом. Цифровые технологии должны использоваться как средство, обеспечивающее совершенствование, полноту и качество уголовно-процессуальной деятельности на первом этапе уголовного судопроизводства.

Список литературы

1. Артемова В. В., Есина А. С. Порядок приема и регистрации сообщений о преступлениях нуждается в реформировании // Актуальные проблемы применения уголовно-процессуального законодательства в деятельности органов предварительного расследования : сборник статей. М. : Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 2017. С. 32–36.
2. Кожокар В. В. Возбуждение уголовного дела: вопросы теории и практики : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09. М. : Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 2016.
3. Пьянзина Е. В. К вопросу об определении сущности повода для возбуждения уголовного дела // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. 2011. № 40 (257). С. 73.

Заливин А. Н.¹,

*доцент кафедры уголовного процесса
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент,
заслуженный сотрудник
органов внутренних дел Российской Федерации*

Рыжаков А. П.²,

*кандидат юридических наук, профессор,
заслуженный работник
Высшей школы Российской Федерации*

ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ МЕТОДИКИ ПРОВЕРКИ СООБЩЕНИЙ О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ, СОВЕРШАЕМЫХ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ИНФОРМАЦИОННО- ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Сейчас трудно представить жизнь без Интернета. Именно интернет-пространство зачастую становится местом, в котором совершается множество преступлений. Владельцы и администраторы сайтов незаконно размещают на сайтах общественно опасную информацию, поддерживают работу сайта во времени и тем самым совершают преступления, в том числе тяжкие и особо тяжкие.

Интернет известен сейчас и детям. Тем не менее в настоящее время не все следователи четко представляют, как установить лицо, совершившее такого рода деяние (преступление), запрещенное уголовным законом, задокументировать факт преступной деятельности, доказать вину лица в совершении подобного преступления.

Недостаток же необходимых знаний у следователей и руководителей следственных органов, сложившейся практики привлечения к уголовной ответственности за совершение названных преступлений приводит к ситуации, когда руководитель следственного органа «сквозь пальцы» смотрит на факты незаконного отказа подчиненными им следователями в принятии заявлений о таких преступлениях, вынесения заведомо незаконных процессуальных решений, не обращает внимание на нарушение разумных сроков досудебного производства. На наш взгляд, это происходит еще и потому, что они не видят положительных перспектив в процессе установления ими лица, совершившего данное преступление, выяснении наличия у него прямого умысла.

Однако доказать, кто именно является регистратором доменного имени, провайдером хостинга, предоставившего владельцу сайта вычислительные мощности сервера, компанией, которая обеспечила администратору сайта доступ к сети Интернет (интернет-провайдера), обычно не составляет труда. Если, конечно, следователю известны методики проверки сообщений о совершаемых в интернете преступлениях.

¹ © Заливин А. Н., 2023.

² © Рыжаков А. П., 2023.

Некоторые сведения о домене (IP-адресе сайта, кто явился регистратором доменного имени, наименовании и адресе провайдера хостинга), а иногда даже о владельце сайта можно отыскать в той же сети Интернет. Например, на сайтах <https://www.reg.ru/> и <https://2ip.ru/whois/> и др. Получив официальный запрос, регистратор доменного имени и провайдер хостинга сообщат органу предварительного расследования и (или) суду IP-адреса и время (с точностью до секунды), когда был осуществлен доступ к личному кабинету (аккаунту), посредством доступа к которому сайт администрировался. После чего опять из тех же открытых источников следователь сможет взять сведения о том, какой именно интернет-провайдер обслуживает (ранее обслуживал) сообщенные ему IP-адреса. У последнего еще раз путем направления официального запроса следует потребовать информацию о лице, которому были выданы перечисленные в запросе IP-адреса. Выявленное данным образом лицо, как показывает практика, обычно и будет являться виновным в совершении преступления путем использования им возможностей искомого сайта.

На первый взгляд никаких сложностей с осуществлением указанных действий, а значит, и с установлением лица, совершившего преступление, в рассматриваемой ситуации нет. Тем не менее здесь упущен очень важный на практике момент – ответы на первые два запроса (регистратору и провайдеру хостинга) раньше 25 – 30 дней почтой России в следственный орган не поступят. При этом это минимальный срок исполнения запросов, соблюдения которого можно добиться, лишь постоянно обзванивая телефоны регистратора (провайдера хостинга), убеждая его в необходимости скорейшего направления ответа.

Последние (регистратор и провайдер хостинга) направлять ответ на электронный адрес органа внутренних дел зачастую отказываются. Обосновывают свое бездействие тем, что в их сообщении будет содержаться охраняемая законом тайна. Таким образом, ответ на третий запрос (интернет-провайдеру) следователем поступит, когда 30-суточный срок проверки уже закончится. При действующих временных ограничениях предельного срока стадии возбуждения уголовного дела, не «оптимизируя», а по сути, не нарушая требования УПК РФ, касающиеся ее сроков и оснований принятия процессуальных решений следователю, даже при самых благоприятных условиях своевременно осуществить проверку подобных сообщений о преступлении не представится возможности.

Даже самые добросовестные следователи в исследуемой ситуации вынуждены в целях «увеличения» срока проверки сообщения о преступлении по предварительной договоренности с руководителем следственного органа выносить незаконные постановления об отказе в возбуждении уголовного дела (направлении материала по подследственности), которые потом обычно отменяются. В следственных подразделениях их отменяет сам руководитель следственного органа.

При этом, в соответствии с п. 57 Инструкции о порядке приема, регистрации и разрешения в территориальных органах Министерства внутренних дел Российской Федерации заявлений и сообщений о преступлениях, об административных правонарушениях, о происшествиях [5] в таких случаях в оформляемом резолюцией письменном поручении исполнителю о проведении дополнительной про-

верки руководитель (начальник) территориального органа МВД России (руководитель следственного органа) указывает новый, не связанный с ранее законченным, срок проведения дополнительной проверки. Срок проверки, соответственно, начинает течь заново.

Указанное «нарушение» требований УПК РФ объективно невозможно устранить. Причем мы еще умалчиваем о том факте, что согласно ч. 3 ст. 144 УПК РФ направление запроса, куда бы он ни адресовался, не является основанием продления срока проверки сообщения о преступлении до 30 дней, что, по нашему мнению, искусственно созданное ограничение сроков проверки сообщений о преступлении в большинстве рассматриваемых случаев на местах игнорируется.

Полагаем, не в вышеописанных обстоятельствах заключается основная проблема, с которой сталкиваются следователи в ходе осуществления досудебного производства по рассматриваемым здесь видам преступлений. В настоящее время все чаще лица, совершающие деяния, запрещенные уголовным законом, пользуются VPN-сервисами. Последние даже от органов внутренних дел позволяют скрыть IP-адрес лица в сети Интернет, его местоположение, осуществление доступа к тем или иным сайтам и потоковым платформам. На сегодняшний день лишь ФСБ России имеет технические возможности установить владельца (администратора) сайта, который при его администрировании, оплате услуг регистратора доменного имени, провайдера-хостинга и интернет-провайдера применял VPN-сервис.

Следователям нередко проще проигнорировать правила, установленные разд. 7 УПК РФ, чем, как они полагают, возбудить уголовное дело о преступлении, раскрыть которое они не в состоянии, и тем самым ухудшить в отделе показатели «раскрываемости преступлений».

Мы считаем, что причиной такого рода восприятия сотрудниками сообщений о преступлениях, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, является также недостаток знаний в методике их проверки и расследования. Следователями и их руководителями при принятии ими решения о приеме заявления о преступлении зачастую не учитывается то обстоятельство, что преступление с использованием имеющейся на сайте информации совершается не только лицом, в свое время таковую на нем разместившим. Факт «закачивания» на сайт информации мог состояться несколько лет назад. По данному конкретному деянию срок привлечения к уголовной ответственности на момент осуществления досудебного производства мог истечь, что нетрудно доказать путем обнаружения архивных страниц сайта на платформах: <https://cachedview.com/>, <http://web-arhive.ru/> и <https://xseo.in/webarch>.

Однако в промежуток времени от незаконного размещения информации на сайте до момента обнаружения таковой органами внутренних дел тоже кем-то реализовывались преступные намерения. Это же лицо (его соучастник), к примеру, несколько раз в год оплачивал услуги провайдера хостинга по предоставлению вычислительной мощности сервера и места на нем как для файлов сайта, так и для файлов, в которых содержалась незаконная информация (например, контрафактные экземпляры объектов авторского права). Производил оплаты он

(они) для предоставления возможности доступа к указанным сведениям из любого места и в любое время по собственному выбору. Без совершения названных деяний преступление совершалось бы единожды в течение нескольких месяцев. После завершения оплаченного срока работы хостинга сайт автоматически был бы удален из сети Интернет. Таким образом, в дальнейшем данное преступление перестало бы совершаться и, возможно, осталось латентным.

Поэтому следователям в ходе проверки сообщения о преступлении, совершенном с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, их предварительного расследования следует устанавливать не только лицо, незаконно разместившее определенные сведения на сайте. Не менее значимо выявление лиц, непосредственно оплачивавших доведение этой информации до всеобщего сведения через провайдера хостинга.

Для получения данных сведений, в запросе к провайдеру хостинга следует требовать представления и указанной информации. После чего последний должен будет сообщить органу предварительного следствия все имеющиеся у него данные о банковских операциях по оплате услуг хостинга. Затем уже по запросу руководителя следственного органа, только по возбужденному уголовному делу либо суда может быть получена информация из банка о конкретном лице, чьи денежные средства в соответствующих целях поступили в банк. В результате будет установлен соучастник совершения преступления либо получено еще одно доказательство совершения преступления конкретным лицом и, что не менее важно, наличия у него прямого умысла на совершение преступления.

Между тем этот вопрос обычно упускается из поля зрения правоохранительных органов. Не уделяется ему должного внимания и в научных работах, посвященных методике расследования преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий [1, с. 50–54; 2, с. 13–15]. Вместе с тем негативные последствия сложившейся ситуации налицо, и авторы настоящей статьи о таковых уже неоднократно писали [3, с. 140–142; 4, с. 47–50].

Разрешению выявленной и продемонстрированной в настоящей публикации проблемы могло бы способствовать увеличение часов преподавания методики расследования искомой категории преступлений. Активизации деятельности, в частности, органов внутренних дел Российской Федерации, в этом направлении способствовала бы разработка специальных ведомственных методических рекомендаций досудебного производства по фактам совершения деяний, содержащих признаки преступления, совершенного с использованием сайтов в сети Интернет. Однако этого может оказаться недостаточно.

Нами предлагается в последующем проведение исследований на предмет необходимости создания на базе, к примеру, Главного управления МВД России по г. Москве специального оперативно-следственного отдела, сотрудникам которого ведомственным приказом был бы предписан прием, рассмотрение, разрешение сообщений о преступлениях, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, когда иные органы предварительного следствия не имеют технической и (или) правовой возможности установить местонахождение лица, совершившего искомое преступление, а значит, обычно – и место совершения преступления.

Данный аппарат мы бы предложили создать по аналогии с управлением «К» ГУ МВД России по г. Москве. Полагаем, в вопросе установления владельцев сайтов рассматриваемое подразделение должно быть обеспечено теми же техническими возможностями, что и аналогичные подразделения ФСБ России.

Эффективность предлагаемого отдела (управления) была бы выше, если законом его руководитель имел полномочия продлять срок проверки заявлений (сообщений) о преступлении до двух месяцев. В этой связи предлагается внести соответствующие изменения в ч. 3 ст. 144 УПК РФ. Там следует указать о возможности продления срока проверки до максимального – в случаях неполучения следователем ответа на своевременно направленный запрос.

Таким путем не только были бы ликвидированы факты вышеуказанных нарушений требований УПК РФ и ведомственных нормативных актов, но и досудебное производство осуществлялось в гораздо более сжатые (разумные) сроки. Серьезно бы улучшилась эффективность борьбы с преступлениями, совершенными с использованием современных информационно-телекоммуникационных технологий, нарабатывался опыт расследования отдельных видов рассматриваемой разновидности преступлений, устранялись типичные ошибки, совершаемые при этом органами предварительного следствия.

Список литературы

1. Газимуллин И. Ю. Некоторые организационно-тактические особенности противодействия преступлениям, совершаемым с использованием информационно-телекоммуникационных технологий // Право: ретроспектива и перспектива. 2022. № 1 (9). С. 50–54.
2. Григорян Г. Р. О социально-правовой сущности корыстных имущественных преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий // Российская юстиция. 2020. № 10. С. 13–15.
3. Заливин А. Н., Рыжаков А. П. Место и роль следственного органа в возникновении уголовно-процессуальных отношений // Следственный комитет Российской Федерации: второе десятилетие на службе Отечеству : сборник статей / под общ. ред. А. М. Багмета. М. : Московская академия Следственного комитета Российской Федерации, 2019. С. 140–142.
4. Заливин А. Н., Рыжаков А. П. О незаконных способах продления сроков // Особенности производства предварительного расследования на современном этапе развития уголовного процесса России : сборник статей / под общ. ред. А. Ю. Терехова, Р. М. Исаевой. Уфа : Уфимский юридический институт МВД России, 2019. С. 47–50.
5. Приказ МВД России от 29 августа 2014 г. № 736 «Об утверждении Инструкции о порядке приема, регистрации и разрешения в территориальных органах Министерства внутренних дел Российской Федерации заявлений и сообщений о преступлениях, об административных правонарушениях, о происшествиях» // Российская газета. 2014. 14 нояб.

Зезюлина Т. А.¹,

*заведующий кафедрой гражданско-правовых дисциплин
факультета подготовки следователей*

Московской академии

*Следственного комитета Российской Федерации,
кандидат юридических наук, доцент*

ОСОБЕННОСТИ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО МЕХАНИЗМА СДЕРЖИВАНИЯ ПРЕСТУПНОЙ АКТИВНОСТИ ЛИДЕРОВ (ОРГАНИЗАТОРОВ) ПРЕСТУПНЫХ ГРУППИРОВОК

Лидер (организатор) преступной группировки, обеспечивающий сплочение неограниченного количества лиц в целях последующего совершения преступления (преступлений), является субъектом, представляющим наибольшую общественную опасность, поскольку выступает необходимой составляющей организованной преступности, без преступной деятельности которого преступная группировка бы не сформировалась. Уголовно-правовое воздействие на лидеров преступных группировок является одним из самых мощных сдерживающих факторов по нейтрализации их преступной активности. Обусловлено это тем, что уголовная ответственность является самой суровой из всех видов юридической ответственности, что, несомненно, должно воздействовать на сознание граждан, удерживая их от преступной активности. Сознание и поведение лидеров незаконных преступных группировок в этом контексте не является исключением.

На сегодняшний день уголовное законодательство Российской Федерации идет по пути весьма тщательной и всеобъемлющей регламентации ответственности за все возможные способы групповой преступной активности граждан, в том числе и организованной. Так называемыми «классическими» нормами УК РФ, которые дошли до современного УК РФ из прошлого советского законодательного опыта, являются ст.ст. 208, 209, 210 УК РФ, предусматривающие ответственность за организованные формы преступного взаимодействия и за их организацию.

С течением времени начала происходить «эскалация организованных начал в преступности, рост угроз террористического и экстремистского характера» [4, с. 8–12]. Особенно это было актуально в конце 1990-х гг. и в 2000-х гг. Это повлекло за собой пересмотр уголовно-правовой политики по направлению противодействия организованной преступности и выделении в УК РФ норм, в которых стали отдельно содержаться указания на организацию террористического сообщества (ст. 205.4 УК РФ), организацию деятельности террористической организации (ст. 205.5 УК РФ), организацию экстремистского сообщества (ст. 282.1 УК РФ), организацию экстремистской организации (ст. 282.2 УК РФ). Последней законодательной новеллой стало включение Федеральным законом от 29 декабря 2022 г. № 586-ФЗ новой ст. 281.3 УК РФ, предусматривающей ответственность за организацию диверсионного сообщества и участие в нем [5].

¹ © Зезюлина Т. А., 2023.

В 2019 г. из ч. 1 ст. 210 УК РФ была выделена в самостоятельную ч. 1.1 норма об участии в собрании организаторов, руководителей (лидеров) или иных представителей преступных сообществ (преступных организаций) и (или) организованных групп в целях совершения хотя бы одного из указанных в ч. 1 ст. 210 УК РФ преступлений [6]. Такое решение законодателя представляется логичным с точки зрения юридической техники, т. к. в предшествующей редакции ч. 1 ст. 210 УК РФ цель собрания определялась как «совершение хотя бы одного из указанных преступлений», изложенных в той же диспозиции ч. 1 ст. 210 УК РФ [3, с. 54]. В рамках данного пакета изменений в УК РФ также была включена новая ст. 210.1, закрепившая ответственность за занятие высшего положения в преступной иерархии. Полагаем, что это еще одни значимые и необходимые законодательные меры уголовно-правового характера, которые позволили усовершенствовать практику превентивного воздействия на лидеров преступных группировок. Тем более, что современная реальность такова, что подобные преступные собрания и координация деятельности лидеров преступных группировок продолжают иметь место [7].

Все это в совокупности свидетельствует об особой обеспокоенности государства вопросами борьбы с лидерами преступной среды, в связи с чем отечественным законодателем отдельно проработана ответственность за организацию различных преступных организаций (сообществ), что, несомненно, выступает уголовно-правовым механизмом по сдерживанию преступной активности лидеров преступных группировок.

Виды и размеры законодательно закрепленных санкций в соответствующих статьях Особенной за преступления следующих категорий весьма суровые:

- 1) тяжкие – ч. 1 ст. 282.1, ч. 1 ст. 282.2 УК РФ;
- 2) особо тяжкие, где максимальный срок лишения свободы установлен в размере 15 или 20 лет – ч. 1 ст. 208, ч. 1 ст. 209, чч. 1, 4 ст. 210, ст. 210.1 УК РФ;
- 3) особо тяжкие, где установлено наказание в виде пожизненного лишения свободы – ч. 1 ст. 205.4, ч. 1 ст. 205.5, ч. 1 ст. 281.3 УК РФ.

Далее отдельно остановимся на наличии уголовной ответственности именно для лиц, занимающих высшее положение в преступной иерархии. Преступность их деятельности закрепляется в ч. 4 ст. 210 и ст. 210.1 УК РФ. Не рассматривая подробно юридическую характеристику данных составов преступлений, поскольку это выходит за пределы нашего исследования, отметим лишь ключевые проблемные аспекты, устранение которых будет способствовать улучшению уголовно-правового воздействия на подобных лидеров преступных группировок.

Во-первых, отсутствует официальное законодательное разъяснение термина «занятие высшего положения в преступной иерархии». В этой связи ученые подчеркивают, что существуют проблемы отнесения к таким лицам, например, «воров в законе», «положенцев» и «смотрящих», официальное определение которых также отсутствует [1, с. 14]. Для единообразия правоприменения видится необходимым реформировать постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10 июня 2010 г. № 12 «О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации) или участии в нем (ней)», добавив в него соответствующие разъяснения о типичных

криминообразующих признаках лиц, занимающих высшее положение в преступной иерархии. Если этого не сделать, то правовой вакуум будет продолжать существовать, а видение соответствующих уголовно-правовых признаков будет разниться, например, в разных регионах страны, что категорически недопустимо ввиду обязательного единства правовой системы и правоприменения. В конечном счете это может приводить к обжалованиям или отменам постановленных обвинительных приговоров.

Во-вторых, по ст. 210.1 УК РФ нет описания момента юридического начала и окончания занятия высшего положения в преступной иерархии. Полагаем, что если законодатель опирался на неписанные правила криминальной субкультуры, то оба этих процесса сопровождаются определенными ритуалами, в частности – «коронация». В этой связи не совсем понятно, каким образом криминальные ритуалы имплементируются в правовое поле. Ведь фактически такие правила подлежат развенчиванию и пресечению со стороны правоохранительных органов. Соответственно, полагаем, что для утративания указанного статуса лидером преступной группировки отбывтия назначенного наказания недостаточно. В самой криминальной среде он должен быть подвергнут лишению данного статуса, что само по себе будет свидетельствовать об упразднении его авторитета и отсутствия какого-либо влияния на криминальные процессы в будущем. Полагаем, что только такой подход будет способствовать нейтрализации преступной активности таких лиц.

В качестве мер уголовно-правового характера в области борьбы с деятельностью лидеров преступной среды отметим установление ответственности в отечественном уголовном законодательстве за преступления коррупционной направленности.

В общем значении к коррупционным деяниям относятся следующие преступления:

- злоупотребление должностными полномочиями (ст. 285 УК РФ);
- получение и дача взятки, посредничество во взяточничестве, мелкое взяточничество (ст.ст. 290, 291, 291.1, 291.2 УК РФ);
- служебный подлог (ст. 292 УК РФ);
- злоупотребление полномочиями (ст. 201 УК РФ);
- коммерческий подкуп (ст. 204 УК РФ);
- иные деяния, подпадающие под понятие «коррупция».

По последним данным, индекс борьбы с коррупцией в России вышел из области отрицательных значений, прибавив 29 пунктов [2, с. 29].

Стоит подчеркнуть, что реализация указанных уголовно-правовых постулатов была бы невозможна без соответствующей координации на самом высшем уровне. Так, при Президенте Российской Федерации функционирует Совет по противодействию коррупции, а также специальный отдел при Генеральной прокуратуре Российской Федерации. Указом Президента Российской Федерации от 16 августа 2021 г. № 478 был утвержден «Национальный план противодействия коррупции на 2021–2024 годы». Данные антикоррупционные меры, полагаем, положительно сказываются на направлении профилактики организованной

преступности, а также служат мерами по недопущению хаотичного вступления лидеров преступных группировок в коррупционные связи с представителями как государственной власти, так и коммерческих структур.

В этом направлении положительную роль играют и положения Федерального закона от 7 августа 2001 г. № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма», а также наличие уголовной ответственности за использование преступных доходов в государственной экономике и ответственность за легализацию (отмывание) доходов, полученных преступным путем (ст.ст. 174, 174.1 УК РФ).

В данном контексте противодействия деятельности лидеров преступных группировок стоит отметить наличие ст. 104.1 УК РФ «Конфискация имущества». Эта норма регламентирует принудительное обращение в собственность государства денег, ценностей и иного имущества, полученного в результате совершения отдельных видов преступлений, которые включены в исчерпывающий перечень. В этом перечне закреплены, в частности, преступления, предусмотренные ст.ст. 205.4, 205.5, 208, 209, 210, 282.1, 282.2 УК РФ. С учетом изменений, которые были описаны нами выше, полагаем, что в этот перечень в скором времени логичным образом должна быть включена и ст. 281.3 УК РФ. Кроме этого, конфискации подлежат деньги, ценности и иное имущество, используемые или предназначенные для финансирования терроризма, экстремистской деятельности, организованной группы, незаконного вооруженного формирования, преступного сообщества (преступной организации), на что прямо указано в п. «в» ч. 1 ст. 104.1 УК РФ.

При этом подчеркнем, что конфискация имущества не является видом наказания, это иная мера уголовно-правового характера, которая может применяться в дополнение к основному наказанию. Не исключено также и присоединение конфискации имущества к наказанию, даже если оно связано с выплатой виновным штрафа. Так, по чч. 1, 3, 4 ст. 210 УК РФ верхняя граница возможного штрафа предусмотрена в пять миллионов рублей (это самый максимальный потолок штрафа, который существует по уголовному закону согласно ч. 2 ст. 46 УК РФ).

В заключение подытожим все вышесказанное. Итак, уголовно-правовое воздействие на лидеров преступных группировок можно охарактеризовать в качестве комплексного института, воплощенного нормами как Общей, так и Особенной части УК РФ. При этом нами выделяются как собственно нормы уголовного закона, закрепляющие ответственность за организацию деятельности преступных формирований, так и смежные нормы, которые могут применяться для усиления ответственности лидеров либо для нейтрализации их дальнейшей преступной деятельности по управлению финансовыми потоками, кадрами и т. д.

В качестве предложения по совершенствованию уголовного законодательства и практики его применения в сфере борьбы с лидерами преступных группировок предлагается дополнить постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10 июня 2010 г. № 12 «О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации) или участия в нем (ней)» разъяснением о толковании понятия «занятие высшего положения в преступной иерархии» применительно к ст. 210.1 УК РФ, что

будет служить полезным инструментом в правоприменении, поскольку даст конкретный правоприменительный ориентир относительно понимания всех признаков данного правового статуса того или иного лидера преступной группировки.

Предлагается также дополнить ч. 1 ст. 104.1 УК РФ указанием на ст. 281.3 УК РФ, а также расширить сферу охвата состава, предусмотренного ст. 205.6 УК РФ о несообщении о преступлениях, связанных с организованной преступной деятельностью ст.ст. 205.4, 205.5, 208, 209, 210, 281.3, 282.1, 282.2 УК РФ.

Считаем целесообразным распространение правового института обеспечения отказа от преступной деятельности, включающего меры социально-правовой защиты не только на участников организованных групп и преступных сообществ, но и на организаторов, а также лидеров преступных группировок. Такой подход, на наш взгляд, позволит в конечном счете сформировать у определенных лидеров устойчивое мнение о своей правовой защищенности в случае добровольного принятия решения об окончательном прекращении своей преступной деятельности.

Список литературы

1. Алфимова О. А. Некоторые вопросы привлечения к уголовной ответственности по части 4 статьи 210 и статье 210.1 УК РФ, связанные с необходимостью определения некоторых понятий // Преступление, наказание, исправление : сборник тезисов. В 9 т. Т. 3. Рязань : Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний, 2021. С. 13–19.
2. Гриб В. Г., Тюнис И. О. Уголовно-правовые средства противодействия организованной преступности – международная проблема с национальным характером // Международное публичное и частное право. 2019. № 4. С. 27–30.
3. Мондохонов А. Н. Новеллы уголовного законодательства в сфере противодействия организованной преступности: комментарий и проблемы применения // Уголовное право. 2019. № 3. С. 53–58.
4. Пешков М. С. Меры безопасности в системе противодействия терроризму : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08. Красноярск : Красноярский государственный университет, 2006.
5. Федеральный закон от 29 декабря 2022 г. № 586-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2023. № 1 (ч. I). Ст. 33.
6. Федеральный закон от 1 апреля 2019 г. № 46-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части противодействия организованной преступности» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2019. № 14 (ч. I). Ст. 1459.
7. В Мытищах задержали 52 человека на сходке криминальных авторитетов // РБК. URL: <https://www.rbc.ru/society/07/02/2023/63e1ee1b9a79470ae12fb50e>.

*Ларионова Л. И.¹,
преподаватель кафедры уголовного процесса
Казанского юридического института МВД России*

ОБ ОРГАНАХ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО СЛЕДСТВИЯ В СИСТЕМЕ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ПО СТРАНИЦАМ НАУЧНЫХ ПУБЛИКАЦИЙ

Предварительному следствию в системе органов внутренних дел уже 60 лет. Конечно, это достаточно молодой возраст для органа исполнительной власти, который реализует одну из важнейших государственных функций – расследование преступлений. Вместе с тем за прошедшие годы образовалась определенная история создания и развития этих органов. В разные годы менялись процессуальные средства, процессуальный статус, обязанности сотрудников следственного аппарата – следователя. При этом меняющееся процессуальное положение следователя зависело не только от законодателя, что находило свое отражение в изменении соответствующих норм уголовно-процессуального закона, но и на ведомственном уровне, когда приказами Министра внутренних дел Российской Федерации совершенствовался процесс становления следственного аппарата. В качестве примера можно вспомнить приказ МВД России, устанавливающий требование к кандидату на должность следователя ОВД – наличие высшего образования.

Следует отметить, что в настоящее время предварительное следствие по уголовным делам производится не только следователями органов внутренних дел Российской Федерации, но и следователями Следственного комитета Российской Федерации, следователями органов федеральной службы безопасности. Процессуальный статус следователя как субъекта расследования был всегда притягательным для научного сообщества, становился предметом научных исследований. Многие интересные предложения, направленные на совершенствование его процессуального статуса остаются актуальными до сих пор. Например, А. П. Кругликов проанализировал положения Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (УПК РФ), а также взгляды ученых – процессуалистов и криминалистов по вопросам о сущности и содержании правового положения следователя в современном уголовном процессе России. По результатам проведенного им исследования автор пришел к обоснованному выводу о целесообразности включить в УПК РФ ст. 37.1 «Органы предварительного следствия» [1, с. 34].

Кроме того, А. П. Кругликов полагает, что поскольку следователь является субъектом органов предварительного следствия, то он должен иметь полномочие на производство расследования только в форме предварительного следствия, в связи с чем предлагает внести изменение в ч. 3 ст. 151 УПК РФ, а также исключить в п. 8 ст. 5 УПК РФ слово «следователем». Он является органом предварительного следствия, а не дознания. Производство дознания должно остаться прерогативой только органов дознания [1, с. 34]. Мы полагаем, что с автором приведенного тезиса следует согласиться. Смещение субъектов расследования

¹ © Ларионова Л. И., 2023.

вне зависимости от форм расследования приводит к размыванию границ между двумя формами расследования. Подобная позиция может привести к выводу о целесообразности сохранения двух форм расследования в целом. Представляется, что законодатель, устанавливая разные процессуальные процедуры для расследования преступлений различных категорий, предполагал и разных субъектов для реализации своих замыслов. Предложения о наделении следователя полномочиями на производство дознания может привести к выводам о расширении процессуального статуса следователя и иными полномочиями, ему не свойственными. Мы поддерживаем А. П. Кругликова и полагаем, что в случае передачи уголовного дела в следственное подразделение для дальнейшего расследования (вне зависимости от оснований подобной передачи) следователь осуществляет именно предварительное следствие.

Наиболее остро в настоящее время стоит проблема с кадрами в системе органов предварительного следствия системы ОВД. На эту проблему обратил внимание Министр внутренних дел Российской Федерации В. А. Колокольников, выступая 20 марта 2023 г. на расширенном заседании коллегии МВД России с участием Президента Российской Федерации В. В. Путина. Следует отметить, что не только руководители ведомства, но и ученые задумываются над проблемой сохранения и пополнения кадрового аппарата службы предварительного следствия профессиональными сотрудниками. Ю. Г. Овчинников и Н. Н. Загвоздкин на основе статистических данных и результатов социологических опросов пришли к выводу о критической кадровой ситуации, сложившейся в органах предварительного следствия в системе МВД России. Они отмечают: «...для того чтобы решить три наиболее важные, на наш взгляд, задачи сегодняшнего дня: (1) удержать опытных следователей; (2) привлечь на службу перспективную и амбициозную молодежь; (3) повысить престиж и авторитет профессии, необходимо, во-первых, увеличить денежное довольствие; во-вторых, “реанимировать” социальный пакет в части жилищного, медицинского, пенсионного и иного обеспечения; в-третьих, закрепить на законодательном уровне уголовно-процессуальные механизмы – в части повышения процессуальной самостоятельности и независимости следователя» [2]. Следует полностью согласиться с данными предложениями, поскольку в случае возможности реализации и разрешения поставленных задач проблема кадрового дефицита и поднятие престижа службы предварительного следствия в системе ОВД без сомнения была бы отчасти решена.

Интересна публикация Р. Д. Оздоева, которая была посвящена организации деятельности следственно-оперативной группы (СОГ) на месте происшествия, а также вопросам организации и эффективности взаимодействия следователя (как руководителя следственно-оперативной группы) с дежурной частью и участниками СОГ в процессе работы на месте происшествия. Автор отмечал, что «...в ходе осмотра следователь взаимодействует с дежурной частью опосредованно – через оперативного работника. Это имеет большое практическое значение, поскольку его внимание, сосредоточенное на осмотре места происшествия, не должно отвлекаться чисто технической стороной взаимодействия» [3].

Е. В. Степанов, исследовав проблемы предварительного расследования преступлений, совершенных на транспорте, пришел к выводу, что «...допускаются

многочисленные нарушения норм материального и процессуального права на стадии предварительного следствия, что требует повышенного внимания транспортных прокуроров». Автор полагает, что особенности транспортной системы накладывают специфичность и для расследования так называемых «транспортных преступлений», что предполагает особые знания, которыми должны обладать следователи, специализирующиеся на расследование преступлений данной категории [4].

Можно продолжать обзор научных публикаций, посвященных вопросам и проблемам органов предварительного следствия в системе органов внутренних дел Российской Федерации. Безусловно, не все проблемные вопросы еще разрешены и исследованы, в том числе и законодательного характера, но есть устоявшиеся, непоколебимые позиции.

Во-первых, предварительное следствие – это разновидность уголовно-процессуальной деятельности, которая урегулирована уголовно-процессуальным законодательством. От совершенствования норм УПК РФ зависит эффективность процессуальной деятельности данных органов.

Во-вторых, органы предварительного следствия существуют в некоторых ведомственных правоохранительных органах, что представляется обоснованным с учетом различной категории преступлений.

В-третьих, подразделения органов предварительного следствия некоторых ведомств имеют свой опыт и свои профессиональные кадры для успешной реализации государственной функции по расследованию преступлений.

В-четвертых, органы предварительного следствия при органах внутренних дел процессуально независимы, что предопределяет самостоятельность в принятии процессуальных решений, но и ответственность должностных лиц, возглавляющих данные подразделения.

В-пятых, уголовно-процессуальная деятельность органов предварительного следствия системы органов внутренних дел должна оставаться поднадзорна прокурору.

Список литературы

1. Кругликов А. П. Следователь – орган предварительного следствия в современном уголовном процессе России // Российская юстиция. 2017. № 7. С. 34–36.
2. Овчинников Ю. Г., Загвоздкин Н. Н. Проблемы кадрового обеспечения следственного аппарата органов внутренних дел Российской Федерации // Российская юстиция. 2020. № 7.
3. Оздоев Р. Д. Организация деятельности следователя с дежурной частью органа внутренних дел и с участниками следственно-оперативной группы (СОГ) при производстве осмотра места происшествия // Российский следователь. 2010. № 16.
4. Степанов Е. В. К вопросу о современном состоянии прокурорского надзора за предварительным следствием, осуществляемым следователями органов внутренних дел на транспорте (железнодорожном, воздушном, морском, речном) // Транспортное право. 2014. № 2.

Лелевкин Е. В.¹,

стажер по должности старшего преподавателя

кафедры уголовного процесса

Рязанского филиала

Московского университета

МВД России имени В.Я. Кикотя

ОСОБЕННОСТИ РАССЛЕДОВАНИЯ КОНТРАБАНДЫ СИЛЬНОДЕЙСТВУЮЩИХ ВЕЩЕСТВ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ИНФОРМАЦИОННО-ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Контрабанда, т. е. незаконное перемещение через таможенную границу Таможенного союза в рамках Евразийского экономического сообщества (ЕврАзЭС) либо Государственную границу Российской Федерации с государствами – членами Таможенного союза в рамках ЕврАзЭС сильнодействующих веществ, представляет собой сложное, многогранное и общественно опасное явление, поскольку сильнодействующие вещества находят свое легальное применение в различных отраслях промышленности, сельского хозяйства, здравоохранения и помимо этого являются предметом нелегальной транспортировки как отдельными лицами, так и различными преступными группами, для последующего незаконного сбыта либо употребления, увеличение масштабов которых происходит ежегодно.

Данному факту в значительной мере способствует отсутствие в законодательстве уголовной ответственности за незаконное приобретение и хранение сильнодействующих веществ без цели сбыта, возможность дистанционного приобретения (с использованием сети Интернет) указанных веществ и менее строгие меры контроля по сравнению с наркотическими средствами и психотропными веществами.

Указанные преступления посягают как на экономическую безопасность государства и на установленный законодательством порядок перемещения данных веществ через таможенную границу Таможенного союза в рамках ЕАЭС либо Государственную границу Российской Федерации с государствами – членами Таможенного союза в рамках ЕАЭС, так и на здоровье населения.

В Российской Федерации за деяния, связанные с контрабандой сильнодействующих веществ, установлена уголовная ответственность, предусмотренная ст. 226.1 УК РФ [1]. Указанная норма применяется во взаимосвязи с таможенным законодательством и законодательством о Государственной границе Российской Федерации.

Обращает внимание несоответствие трактовки диспозиции указанной статьи, в которой до настоящего времени имеется термин «таможенная граница Таможенного союза в рамках ЕврАзЭС», поскольку он противоречит Договору о прекращении деятельности ЕврАзЭС, подписанного в г. Минске 10 октября 2014 г., согласно которому с 1 января 2015 г. прекращается деятельность ЕврАзЭС,

¹ © Лелевкин Е. В., 2023.

и ч. 1 Договора о Евразийском экономическом союзе (подписан в г. Астане 29 мая 2014 г.), согласно которой Сторонами учрежден Евразийский экономический союз (далее – Союз, ЕАЭС) [2].

Изучением следственной практики установлено, что в ходе расследования уголовных дел о контрабанде сильнодействующих веществ, совершенной физическими лицами с использованием сети Интернет, органы следствия в основном сталкиваются со сложностями в доказывании таких элементов данного преступления, как субъективная сторона преступления и место совершения преступления.

В настоящее время большинство преступлений, связанных с контрабандой сильнодействующих веществ, совершаемых физическими лицами, осуществляется с использованием сети Интернет и международных почтовых отправлений. Это обусловлено простой доступной возможностью заказа дистанционным способом в интернет-пространстве различных сильнодействующих веществ, оплатой через электронные платежные системы, последующее незаконное перемещение сильнодействующих веществ посредством международных почтовых отправлений (далее – МПО) таможенную границу Таможенного союза в рамках ЕАЭС либо Государственную границу Российской Федерации и получением приобретателем. Такой способ исключает непосредственный личный контакт между продавцом (отправителем) и покупателем (получателем).

Приобретателями сильнодействующих веществ, содержащихся в составе различных лекарственных препаратов, смесях спортивного питания и других формах, являются, как правило, лица, увлекающиеся спортом и желающие быстрее набрать мышечную массу, либо лица, страдающие избыточным весом и желающие похудеть.

Механизм совершения контрабанды с использованием сети Интернет и перемещением посредством МПО происходит в несколько этапов: приискание покупателем товара на различных сайтах интернет-магазинов, анонимное общение с продавцом и получение инструкции о порядке заказа, оплаты и получения товара, оплата товара через различные электронные платежные системы, указание приобретателем почтового адреса для получения товара, его перемещение через таможенную границу или государственную границу и непосредственное получение покупателем МПО с сильнодействующими веществами.

В ходе общения при заказе товара операторы интернет-магазинов не дают конкретного ответа на вопрос о легальности оборота на территории Российской Федерации предлагаемых сильнодействующих веществ и о том, что оно ввозится из-за границы, либо оператор интернет-магазина сообщает приобретателю подробную инструкцию о мерах конспирации при совершении преступления (оформление заказа на других лиц, использование электронной почты на иностранных сервисах, удаление из памяти телефона переписки о заказе и т. д.) и последующем поведении после задержания сотрудниками правоохранительных органов (не знал, что посылка придет из-за границы, а также, что в ней находятся сильнодействующие вещества, и т.д.).

Фигуранты уголовных дел по данной категории преступлений при их задержании выдвигают несколько версий защиты:

- неосведомленность о том, что они приобретали и перемещали запрещенное вещество (заказывали лекарственное средство);
- неполучение информации о том, что предмет преступления поступит из другого государства и будет пересекать границу;
- отсутствие информации о том, что в приобретаемом товаре содержатся сильнодействующие вещества (утверждают о заказе смесей для спорта, снижения веса и т. д.), отказываются сообщить пароли для входа в мобильные устройства, а также удаляют информацию о переписке с оператором интернет-магазина.

При таких обстоятельствах доказать наличие умысла на перемещение запрещенного вещества и момент возникновения умысла на совершение преступления весьма проблематично.

Поскольку совершение контрабанды происходит с использованием интернет-ресурсов, то следы данного преступления носят виртуальный характер в отличие от классических, поэтому доказывание вины зависит от наиболее полного выявления данных следов, их фиксации и эффективного исследования.

Активное противодействие фигурантов и отсутствие исходной информации о средствах мобильной связи (коды, пароли, удаление переписки) существенно усложняют процесс расследования и доказывания вины фигурантов.

С учетом специфики механизма контрабанды с использованием интернет-ресурсов на каждом этапе совершения преступления и повышения эффективности расследования данной категории преступлений необходимо применять различные тактические приемы проведения отдельных следственных действий в сочетании с оперативно-разыскными мероприятиями как на стадии предварительной проверки, так и в процессе расследования уголовного дела.

Для достижения указанной цели следователю в обязательном порядке необходимо до начала процесса реализации оперативных материалов ознакомиться с ними, провести анализ на предмет наличия имеющихся доказательств субъективной стороны преступления и при необходимости дать определенные рекомендации оперативным сотрудникам по фиксации, изъятию либо сохранности следовой информации о преступлении; рассматривать вопросы о привлечении специалиста в области компьютерной техники при проведении первоначальных оперативно-разыскных мероприятий, связанных с изъятием мобильных устройств; использовать в процессе расследования полный комплекс технико-криминалистических возможностей (проведение экспертиз в различных учреждениях, привлечение специалистов в области компьютерной информации) для выявления и фиксации информации, находящейся в изъятых у фигурантов технических средствах, не ограничиваясь формальным назначением различного рода экспертиз в случаях удаления интересующей информации либо отсутствия информации о паролях для входа в мобильное устройство.

Установление и доказывание места и времени совершения преступления при перемещении сильнодействующих веществ почтово-багажными отправлениями на самолете, поезде, а также посылками посредством почтовых отправлений вызывает определенные трудности.

Вопросы, связанные с определением места совершения контрабанды, имеют значение как для квалификации преступления, так и для решения споров о подсудности.

Законодатель определяет таможенную границу как пределы таможенной территории ЕАЭС, в который на текущий момент входит пять государств, при отсутствии между ними таможенной границы. Государственная граница Российской Федерации представляет собой линию, ограничивающую пределы государственной территории, на которой действует государственный суверенитет Российской Федерации. Таким образом, таможенная и Государственная границы совпадают только по внешнему периметру ЕАЭС, внутри него таможенные границы между государствами – членами ЕАЭС отсутствуют.

Понятие «место совершения преступления» при совершении контрабанды, совершенной с использованием МПО, следует рассматривать с позиции определения таможенной территории (перемещение через таможенную границу Таможенного союза) и с позиции определения государственной территории (перемещение через Государственную границу).

Согласно п. 16 постановления Пленума Верховного суда Российской Федерации от 27 апреля 2017 г. № 12 «О судебной практике по делам о контрабанде», если предмет контрабанды перемещается на таможенную территорию под видом товара посредством регистрируемого международного почтового отправления (заказным письмом, бандеролью, мелким пакетом), местом совершения такого преступления является место, по которому с таким товаром совершаются операции, связанные с его выпуском (место международного почтового обмена).

Порядок и условия перемещения через таможенную границу ЕАЭС международных почтовых отправлений и пересылаемых в них товаров определены таможенным законодательством Таможенного союза.

Если указанный предмет контрабанды перемещается на таможенную территорию простым (нерегистрируемым) международным почтовым отправлением и установить точное место перемещения через таможенную границу либо Государственную границу такого почтового отправления невозможно, то местом совершения преступления следует считать: почтовый адрес получателя – в случае, когда почтовое отправление получено адресатом; адрес почтовой организации – когда почтовое отправление вручено получателю в почтовой организации или изъято в ней сотрудниками правоохранительных органов [3].

Исходя из разъяснений законодателя, происходит смешение понятий «место совершения преступления» и «место обнаружения преступления» применительно к совершению контрабанды с использованием МПО.

В российском законодательстве понятие «незаконное перемещение Государственную границу Российской Федерации с государствами – членами Таможенного союза в рамках ЕАЭС» не раскрыто.

Понятие «незаконное перемещение через таможенную границу» не может применяться к случаям совершения контрабанды с использованием МПО через Государственную границу Российской Федерации с государствами – членами таможенного союза в рамках ЕАЭС в связи с тем, что Государственная граница

проходит по единой таможенной территории и на ней отсутствует таможенный контроль.

В связи с этим можно сделать вывод о том, что местом окончания контрабанды с использованием МПО через Государственную границу Российской Федерации с государствами – членами Таможенного союза в рамках ЕАЭС будет являться место фактического пересечения границы (конкретный участок Государственной границы) предмета контрабанды.

Таким образом, требуются разработка и принятие нормативных правовых актов, регулирующих вопросы перемещения через Государственную границу Российской Федерации с государствами – членами Таможенного союза в рамках ЕАЭС предметов контрабанды с использованием МПО для надлежащей квалификации соответствующих деяний.

Кроме того, в связи с учреждением ЕАЭС и прекращением деятельности ЕврАзЭС необходимо внести соответствующие изменения в статьи Уголовного кодекса Российской Федерации, предусматривающие ответственность за контрабанду.

Список литературы

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 29.12.2022) // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/.
2. Договор о Евразийском экономическом союзе : подписан в г. Астане 29 мая 2014 г. (ред. от 24.03.2022) // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_163855/.
3. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 апреля 2017 г. № 12 «О судебной практике по делам о контрабанде» (ред. от 11.06.2020) // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_216048/.

Макеев А. В.¹,

*доцент кафедры организации судебной
и правоохранительной деятельности*

*Российского государственного университета правосудия,
кандидат юридических наук*

ДОПУСТИМОСТЬ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ РЕЗУЛЬТАТОВ ОПЕРАТИВНО-РАЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ДОКАЗЫВАНИИ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ

Использование результатов оперативно-разыскной деятельности (ОРД) в доказывании по уголовным делам осуществляется в соответствии с положениями УПК РФ, регламентирующим собирание, проверку и оценку доказательств (ст.ст. 86–88 УПК РФ).

Уголовно-процессуальным законодательством (ст. 89 УПК РФ) запрещается использование результатов ОРД, если они не отвечают требованиям, содержащимся в указанных нормах. Тем самым результаты ОРД могут выступать доказательствами по уголовному делу только при их полном соответствии требованиям, установленным УПК РФ. В частности, в ст. 74 УПК РФ определяется, что такое «доказательства». Таковыми, по мнению законодателя, являются «любые сведения, на основании которых суд, прокурор, следователь, дознаватель в порядке, установленном УПК РФ, определяет наличие или отсутствие обстоятельств, подлежащих доказыванию при производстве по уголовному делу, а также иных обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела».

Вместе с тем в уголовно-процессуальной науке существует много авторских точек зрения на рассматриваемое понятие. При этом существующее многообразие в современных научных подходах и точек зрения на сущность доказательств является следствием отсутствия в настоящее время соответствующих общепринятых философских и иных, в том числе правовых, концепций [1, с. 33].

Кроме того, в уголовно-процессуальном законодательстве установлен порядок собирания доказательств по уголовному делу. Согласно ст. 86 УПК РФ полномочия по сбору возлагаются на дознавателя, следователя, прокурора и суд путем производства следственных и иных процессуальных действий.

Основной способ собирания доказательств – это осуществление следственных действий, порядок проведения которых закреплен в действующем законодательстве [2, с. 184]. В связи с этим следует отметить, что указание на такое требование, как законность в отношении получения сведений обо всех подлежащих доказыванию обстоятельствах уголовного дела в самой формулировке такого понятия «доказательства» в целом означает отнесение отдельно взятой деятельности, которая заключается в собирании доказательств исключительно к правомочиям только определенно конкретных субъектов:

- органов, уполномоченных осуществлять предварительное расследование по уголовному делу;
- суда.

¹ © Макеев А. В., 2023.

При этом доказательствами по уголовному делу в таком случае могут быть признаны только сведения, которые, соответственно, были получены указанными субъектами. Стороне защиты право на сбор доказательств по делу не предоставлено. Это можно рассматривать как ущемление права на участие на условиях равноправия в состязании со стороной обвинения в суде.

Для того чтобы получить всестороннее и наиболее точное представление об обстоятельствах уголовного дела, суд должен иметь возможность в силу своих полномочий провести исследование имеющихся по уголовному делу доказательств, при чем – представленных обеими сторонами – защиты и обвинения. При этом можно усомниться в объективности принятого по делу решения в том случае, если не исследовались доказательства, предоставленные с обеих сторон, заинтересованных в исходе дела.

Использование результатов ОРД, по сути, состоят в переводе в уголовно-процессуальную форму результатов, полученных в ходе проведения оперативно-разыскных мероприятий (ОРМ), а именно, полученные от оперативных сотрудников материалы должны быть проверены на предмет их допустимости, достоверности, т. е. должна быть дана правовая оценка, а также сделано заключение о возможном использовании в дальнейшем при расследовании по уголовному делу в качестве доказательств.

Прежде чем использовать в качестве доказательств материалы, полученные в ходе ОРД, следует:

- 1) определить их отношение к обстоятельствам расследуемого дела;
- 2) проконтролировать их законность проведения ОРМ, в частности, порядок его проведения, включая фиксацию результатов;
- 3) осуществить в строгом соответствии с законом их легализацию путем производства необходимых процессуальных действий для признания их доказательствами (вещественными или иными документами).

По результатам проведенных действий принимается решение о возбуждении уголовного дела с учетом полученных доказательств в ходе ОРМ.

Следует отметить, что любая информация, которая находит свое отражение в материальном виде, в целом обладает физическими признаками, а также определенными свойствами. При этом следует отметить, что полученная при производстве ОРМ такого рода информация переносится в материалы уголовного дела в первоначальном виде, никак не в преобразованном. Как следствие, все последующие возможные следы уголовно наказуемого деяния – это уже продукт, который получен посредством элементарного отображения.

Вместе с тем в ст. 75 УПК РФ отражено такое понятие, как «недопустимые доказательства». При этом здесь же отмечено, что такие доказательства в последующем не могут быть положены в целом в основу обвинения. Кроме того, такой вид доказательств юридической силы не имеет и, соответственно, не используется в ходе расследования при доказывании.

Следует отметить, что допустимость доказательств непосредственным образом имеет зависимость от надлежащих источников сведений, которые в целом составляют содержание доказательств по уголовному делу.

Результаты ОРД, которые представляются для использования в доказывании по уголовным делам, должны позволять формировать доказательства, удовлетворяющие требованиям уголовно-процессуального законодательства, предъявляемым к соответствующим видам доказательств либо в целом. Кроме того, они должны [3, с. 36]:

- содержать сведения, имеющие значение для установления обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу;
- указывать на источник получения предполагаемых доказательств или предмета, который может стать доказательством;
- указывать на данные, позволяющие проверить в условиях уголовного судопроизводства доказательства, сформированные на основе оперативно-разыскных сведений.

Определяя порядок перевода результатов ОРМ в процессуальную форму, следует в первую очередь обратить внимание на то, как и от кого были получены материалы. Поэтому лицо, предоставившее материалы, должно быть допрошено об обстоятельствах их обнаружения, материалы приобщаются в качестве вещественных доказательств. После фиксации всех обстоятельств лицо, осуществляющее расследование по делу, принимает решение об их использовании в качестве доказательств, при этом, оформив их соответствующим образом (протоколами допроса, осмотра, приобщения в качестве вещественного доказательства, назначения экспертизы).

Результаты ОРМ, проведенных с ограничением конституционных прав граждан на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений, а также с проникновением в жилище против воли проживающих в нем лиц, могут быть использованы в качестве доказательств по уголовному делу, когда они получены по разрешению суда на проведение таких мероприятий и проверены следователем в соответствии с уголовно-процессуальным законодательством [4].

В случаях, не терпящих отлагательства, когда возникает угроза совершения тяжкого преступления, а также при наличии сведений об угрозе государственной, военной, экономической и экологической безопасности Российской Федерации результаты ОРД представляются органу дознания, следователю, прокурору и в суд незамедлительно. При этом оперативное подразделение обязано принять меры к предотвращению или пресечению преступления, а также к закреплению следов преступления.

В условиях роста преступности защита личности, общества и государства от противоправных посягательств затруднительна без активного использования результатов ОРД. В этих условиях недооценка фактических данных, полученных оперативными подразделениями, часто становится причиной приостановления нераскрытых уголовных дел в связи с неустановлением лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого, возврата уголовных дел на дополнительное расследование, переквалификации содеянного в сторону смягчения наказания, прекращения уголовных дел, сокрытия имущества, подлежащего конфискации.

Результаты ОРД, как и доказательства по уголовному делу, должны отвечать требованиям о допустимости, которое относится в целом к наиболее важному

требованию в уголовном судопроизводстве Российской Федерации, поскольку выступает тем самым гарантом, направленным на обеспечение прав, а также свобод участников уголовного процесса в целом.

Такое понятие, как «допустимость» результатов ОРД, непосредственным образом сказывается на исходе всего уголовного дела, а также на достоверности и законности всех полученных по уголовному делу доказательств. Именно в этом и состоит основа не только обоснованности, но и справедливости судебного решения.

Список литературы

1. Россинский С. Б. Дискуссионные вопросы методологии уголовно-процессуального познания. М. : Юрист, 2016. С. 33–34.
2. Худицкая Ю. П. Понятие доказательств в уголовном судопроизводстве. Хабаровск : ДВГУПС, 2013. С. 184.
3. Лапин Е. С. Оперативно-розыскная деятельность. Саратов : Научная книга, 2016. С. 36–37.
4. Макеева Н. В., Макеев А. В. Процессуальный порядок и особенности допроса свидетеля. Калининград, 2004. С. 32.
5. Предварительное следствие : учебник / под ред. Д. А. Иванова, А. С. Есиной. 4-е изд., перераб. и доп. М. : Юнити-Дана, 2021. С. 575.
6. Макеева Н. В., Макеев А. В. Использование результатов оперативно-розыскной деятельности при решении вопроса о возбуждении уголовного дела по незаконному сбыту наркотических средств бесконтактным способом с использованием информационно-телекоммуникационных сетей // Актуальные проблемы обеспечения кибербезопасности: сборник научных трудов. М. : Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 2018. С. 306.
7. Деятельность следователя по принятию и проверке сообщений о преступлениях : учебное пособие / [В. В. Артемова и др.]. М., 2009. С. 560.
8. Крюкова И. В., Алимamedов Э. Н. Фишинг как вид интернет-мошенничества // Наукосфера. 2021. № 2-2. С. 196–201.

Манова Н. С.¹,
*заведующий кафедрой уголовного процесса
Саратовской государственной юридической академии,
доктор юридических наук, профессор*

ВОЗМОЖНА ЛИ ПРОЦЕССУАЛЬНАЯ САМОСТОЯТЕЛЬНОСТЬ СЛЕДОВАТЕЛЯ В УСЛОВИЯХ СУЩЕСТВУЮЩИХ КОНТРОЛЬНЫХ ПОЛНОМОЧИЙ РУКОВОДИТЕЛЯ СЛЕДСТВЕННОГО ОРГАНА?

После принятия в 2007 г. Федерального закона № 87-ФЗ и последовавших за ним законов о внесении изменений и дополнений в УПК РФ, ученые-процессуалисты и практики активно заговорили о существенных новеллах в организации российского досудебного производства [7; 8, с. 94–119], т. к. изменения коснулись, прежде всего, норм, определяющих процессуальные полномочия прокурора и руководителя следственного органа, то наиболее острые дискуссии вызвали именно вопросы соотношения прокурорского надзора и ведомственного процессуального контроля.

В настоящее время, когда руководитель следственного органа стал не только ведомственным, но и процессуальным «начальником» следователя, многие ученые пришли к выводу о значительном ограничении процессуальной самостоятельности последнего [2, с. 31; 12, с. 281; 16, с. 5; 18; 20, с. 111–119], считая, что он стал полностью зависимым от руководителя следственного органа, «который в одном лице соединяет и процессуальные, и административные (в том числе дисциплинарные) полномочия по отношению к следователю» [15, с. 3–8]. Как пишет А. Н. Огородов, сегодня «ввиду необоснованно широких полномочий руководителя следственного органа процессуальная самостоятельность следователя окончательно превратилась в правовую фикцию» [11, с. 178].

Однако сами следователи и при анкетировании, и при неформальном интервьюировании, как правило, говорят о том, что не видят в расширении полномочий руководителя следственного органа ничего угрожающего их процессуальной самостоятельности [16, с. 5; 17, с. 86]. Они указывают на то, что ведомственный руководитель способен оперативно решать все возникающие при производстве по делу вопросы, своевременно реагировать на возникающие проблемы и выявленные нарушения.

По смыслу рассуждений некоторых авторов о процессуальной самостоятельности следователя, об уровне ее обеспеченности в современных условиях напрашивается вывод о том, что учеными, прежде всего, подразумевается существование неких неизбежных противоречий между следователем и его руководителем, наличие у них антагонистических позиций, при которых следователь не обеспечен возможностями отстаивать свою точку зрения. В. П. Божьев справедливо отмечал, «следователь и руководитель следственного органа представляют в уголовном процессе одну сторону – сторону обвинения. Поэтому, прежде всего,

¹ © Манова Н. С., 2023.

важно обеспечить их единство, взаимодействие, ответственность, а не внутреннюю состязательность» [4, с. 29].

Как представляется, при анализе гарантий процессуальной самостоятельности следователя и того, как отражается на ней его взаимоотношения с руководителем следственного органа, «следует исходить не столько из его возможности постоянно противостоять своему руководителю, сколько из того, насколько следователь в состоянии быстро и объективно расследовать преступление, принимать законные и обоснованные решения» [8, с. 96].

Значимым для обеспечения процессуальной самостоятельности следователя и одним из наиболее действенных инструментов контроля руководителя следственного органа за деятельностью следователя является право РСО проверять уголовные дела, находящиеся в производстве у следователя (п. 2 ч. 1 ст. 39 УПК РФ). Периодичность таких проверок зависит от инициативы руководителя следственного органа, данных о предвзятости следователя или его неопытности и т. п. В специальной литературе отмечается, «перегруженность» руководителя следственного органа процессуальными полномочиями по отношению к следователю ведет к формальному их использованию как на уровне районных следственных отделов, так и на уровне следственных управлений по субъектам Российской Федерации [11, с. 178]. Опубликованные данные о деятельности следственных подразделений действительно говорят о том, что проверка уголовных дел нередко носит эпизодический или формальный характер [17, с. 92]. Однако следователи отмечают и то обстоятельство, что отсутствие в законе оснований для осуществления проверки уголовных дел руководителем следственного органа вносит в их работу элемент неопределенности (они не знают, когда и какое уголовное дело потребуют на проверку, сколько времени будет идти проверка и т. д.), тем самым ограничивает право следователя самостоятельно направлять ход расследования (процессуальные действия приходится откладывать).

В этой связи представляется целесообразным предложение о необходимости внести изменения в п. 2 ч. 1 ст. 39 УПК РФ, изложив данную норму в следующей редакции: «проверять материалы проверки сообщений о преступлении, материалы уголовного дела по делам о тяжких и особо тяжких преступлениях, дел, по которым в качестве подозреваемого или обвиняемого привлечено лицо, ранее судимое, а также дел, возбужденных в отношении лиц, указанных в ч. 4 ст. 39 настоящего Кодекса. Проверка материалов уголовных дел, за исключением указанных в абзаце 2 настоящего пункта, осуществляется при наличии одного из следующих оснований: наличие жалобы на действие (бездействие) следователя; осуществление полномочий, предусмотренных п. 5, 8, 10 ч. 1, ч. 4 настоящей статьи; получение сообщения о нарушении прав участников уголовного судопроизводства по делу, находящемуся в производстве следователя, из иных источников» [8, с. 96–97].

Еще одним значимым полномочием руководителя следственного органа является его право давать следователю указания о направлении расследования, о производстве следственных и процессуальных действий, которое порой рассматривается как предоставление РСО всей полноты власти по организации

предварительного следствия, и в силу этого, как серьезное ограничение процессуальной самостоятельности следователя [11, с. 178–179]. При несогласии следователя с указаниями руководителя следственного органа он может обжаловать эти указания руководителю вышестоящего следственного органа, но принесение жалобы не приостанавливает их исполнение, за исключением случаев, прямо указанных в ч. 3 ст. 39 УПК РФ. В такой ситуации следователь вправе представить руководителю вышестоящего следственного органа материалы уголовного дела и письменные возражения на указания своего руководителя.

При этом УПК РФ не предусматривает положения о том, что при несогласии с позицией следователя руководитель вышестоящего следственного органа должен передать уголовное дело другому следователю. Тем самым он может оставить в силе указание нижестоящего руководителя, выполнение которого является обязательным для следователя, несмотря на сформировавшееся у него внутреннее убеждение [19, с. 692]. Подобное «принуждение» следователя к совершению действий, противоречащих его внутреннему убеждению, особенно тогда, когда речь идет о прекращении дела или направлении его в суд с обвинительным заключением, недопустимо.

Необходимость правовой регламентации порядка рассмотрения руководителем вышестоящего следственного органа возражений следователя (отсутствие в ч. 3 ст. 39 УПК РФ определенного правового механизма рассмотрения руководителем вышестоящего следственного органа жалобы следователя на указания его непосредственного начальника, отсутствие в законе срока рассмотрения жалобы, которые отрицательно сказываются на эффективности предварительного расследования, на обеспечении процессуальной самостоятельности следователя) неоднократно отмечалась в специальной литературе [1, с. 327–328; 2, с. 29–94; 3, с. 82–87; 6, с. 3–9; 10, с. 210]. А. Н. Огородов в связи с этим полагает, что «ч. 4 ст. 124 УПК РФ является не только очередной неэффективной, исключительно продекларированной законодателем гарантией процессуальной самостоятельности следователя, но и нормой, фактически не применимой для обжалования следователем решения руководителя следственного органа» [11, с. 182].

Учеными высказывались различные предложения по законодательному изменению данной ситуации, в том числе предлагалось закрепить в УПК РФ возможность обжалования указаний и решений руководителя следственного органа надзирающему прокурору, предоставив последнему полномочия по отмене обжалуемого акта руководителя следственного органа либо по передаче дела другому следователю [13, с. 25].

По нашему мнению, для урегулирования данной проблемы вполне достаточно дополнить ч. 3 ст. 39 УПК РФ положением следующего содержания: «Руководитель вышестоящего следственного органа не позднее трех суток со дня направления следователем в его адрес возражений на указания руководителя следственного органа и материалов уголовного дела выносит мотивированное постановление, содержащее одно из следующих решений: 1) признать возражения обоснованными и отменить указания руководителя следственного органа; 2) признать возражения следователя необоснованными и передать уголовное дело другому следователю».

Обнаружив при проверке уголовных дел или отдельных процессуальных документов нарушения закона, руководитель следственного органа обязан принять меры к их устранению. Прежде всего, он должен разъяснить следователю, в чем заключаются допущенные им нарушения, предложить ему правильное решение [9, с. 386]. Если же решение следователя облечено в форму постановления, которое, по мнению руководителя следственного органа, не отвечает требованиям закона и вынесено необоснованно, то он отменяет данное решение следователя.

Как отмечал более тридцати лет тому назад профессор В. Т. Томин, решение задачи обеспечения процессуальной самостоятельности следователя заключается в том, чтобы при наличии противоречий между следователем и его руководителем найти баланс между единством и согласованностью действий должностных лиц, ведущих процесс, и требованием соблюдения их процессуальной самостоятельности [14, с. 4–5]. Полагаем, что в настоящее время в условиях кадрового дефицита и недостаточного качественного состояния следственного корпуса руководитель следственного органа оказывается основным «рубежом» противодействия нарушениям уголовно-процессуального закона, допускаемых подчиненными ему следователями. Считаем необоснованным, излишне категоричным мнение о том, что руководитель следственного органа во всех случаях попытается скрыть нарушения закона, допущенные следователем. Он осуществляет постоянный мониторинг за деятельностью подчиненных работников, и именно он в состоянии минимизировать допускаемые следователем нарушения при производстве расследования. Безусловно, что контроль руководителя следственного органа неизбежно влечет определенное ограничение процессуальной самостоятельности подчиненных ему следователей, в то же время он положительно сказывается на эффективности следственной деятельности. Поэтому в целом изменения законодательства в части расширения процессуальных полномочий руководителя следственного органа следует признать адекватными потребностям правоприменительной практики.

Список литературы

1. Александров А. С., Круглов И. В. Несвоевременные мысли по поводу преобразования процессуально-правового положения следователя // Пробелы в российском законодательстве. 2008. № 1.
2. Балакшин В. С. Независимый-зависимый следователь // Законность. 2011. № 10.
3. Бегиев Х. Б. Право на обжалование решений прокурора и руководителя следственного органа как гарантия соблюдения процессуальной самостоятельности следователя // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2010. № 1.
4. Божьев В. П. О властных субъектах уголовного процесса в досудебном производстве // Российский следователь. 2009. № 15.
5. Борисов С. А., Шейфер С. А. О самоидентификации следователей как участников уголовного процесса // Российский следователь. 2011. № 17.

6. Быков В. М. Следователь как участник уголовного процесса со стороны обвинения // Законность. 2012. № 7.

7. Малышева О. А. Досудебное производство в российском уголовном процессе: проблемы реализации и правового регулирования : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.09. М. : Академия управления МВД России, 2013.

8. Манова Н. С. Обеспечение процессуальной самостоятельности следователя в системе контрольно-надзорных отношений на досудебном производстве // Актуальные проблемы обеспечения прав участников уголовного судопроизводства. М., 2016.

9. Николаева М. И. К вопросу о процессуальной самостоятельности следователя // Ученые криминалисты и их роль в совершенствовании научных основ уголовного судопроизводства : сборник научных статей. Ч. 2. М., 2007.

10. Новиков Е. А. Руководитель следственного органа в российском уголовном судопроизводстве: процессуальные и организационные аспекты : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09. М. : Московский университет МВД России, 2009.

11. Огородов А. Н. Процессуальная самостоятельность следователя в уголовном судопроизводстве : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09. М. : Университет прокуратуры Российской Федерации, 2017.

12. Победкин А. В., Новиков Е. А. Некоторые проблемы содержания процессуальных полномочий руководителя следственного органа // Вестник Воронежского государственного университета. Серия «Право». 2008. № 2.

13. Попова Т. Ю. Уголовно-процессуальный статус руководителя следственного органа : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09. Челябинск : Южно-Уральский государственный университет, 2012.

14. Томин В. Т. Острые углы уголовного судопроизводства. М., 1981.

15. Халиулин А. Г. Правовое регулирование досудебного производства по уголовным делам нуждается в исправлении системных ошибок // Законы России: опыт, анализ, практика. 2008. № 11.

16. Халиулин А. Г. О роли прокурора в уголовном судопроизводстве // Проблемы применения уголовно-процессуального законодательства : сборник научных трудов. М., 2009.

17. Шабунин В. А. Руководитель следственного органа: нормативное регулирование и практика осуществления процессуальных функций и полномочий : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09. Саратов : Саратовская государственная юридическая академия, 2013.

18. Шадрин В. С. Желаемое и действительное в досудебном производстве российского уголовного процесса // Уголовная юстиция: связь времен : сборник научных статей. СПб., 2010.

19. Шамардин А. А. К вопросу о реформе предварительного расследования в связи с созданием Следственного комитета при Прокуратуре РФ // Избранные труды. Оренбург : ОГАУ, 2007.

20. Шейфер С. А. Следственная власть: история и современность // Уголовная юстиция: связь времен : сборник научных трудов. М. : Акцион-Медиа, 2012.

Маслов Н. В.¹,
*преподаватель кафедры криминалистики
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя*

Суворов А. С.²,
*старший преподаватель кафедры
судебно-медицинской экспертизы
Медицинского института непрерывного образования
Российского биотехнологического университета*

ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ ПРОВЕДЕНИЯ БИОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

В каждом конкретном исследовательском случае, принимая во внимание индивидуальные свойства объекта исследования и вопросы, на которые необходимо найти ответы, а также экспертные задачи, происходит выбор научных и практических методов, эвристических и алгоритмических разработок конкретного эксперта, лежащих в основу судебно-экспертной деятельности. Это позволяет утверждать, что методологические основы как научной, так и судебно-экспертной деятельности в области биологической экспертизы в целом идентичны, и, в случае их соответствия нормам действующего законодательства и общей этики, экспертом могут быть применены практически любые, удовлетворяющие указанным критериям и правилам обращения с предметами, составляющими доказательную базу, методы.

Методы судебно-экспертной работы различны по своему составу, взаимным связям и сочетаниям, имеют границы достоверного применения, свою собственную логическую последовательность реализации и интерпретации результатов применения [1, с. 77; 2, с. 73].

Каждый отдельно взятый индивидуальный метод может быть охарактеризован принадлежностью к какой-то конкретной области знания и применяться для решения определенного набора экспертных задач. В части проведения некоторых исследований методические основы их закреплены в соответствующих нормативных документах. При этом сами методы, как алгоритмы познавательной деятельности с точки зрения экспертной работы, являются, скорее, теоретическим руководством, поскольку на практическом уровне в рамках решения реальных экспертных задач, как правило, используется комбинация нескольких методов, по мнению эксперта, наиболее полно отвечающая конкретной постановке указанных в постановлении о проведении биологической экспертизы вопросов [3, с. 67; 4, с. 287]. Среди правоведов вопрос допустимости использования всего многообразия научно-практических методов в рамках проведения биологических экспертиз вызывает некоторые разночтения. В то время, как часть ученых

¹ © Маслов Н. В., 2023.

² © Суворов А. С., 2023.

высказывается за то, чтобы предоставить экспертному сообществу возможность выбора наиболее релевантного для каждой конкретной экспертной задачи метода, другая часть утверждает, что в целях дальнейшего уголовно-правового использования результатов проводимых экспертиз допустимо использование лишь тех методов, которые перечислены в законодательных актах.

В рамках сегодняшнего правового поля и та, и другая точки зрения имеют под собой законодательную основу, что вызвано не урегулированностью правовых норм в области закрепления методологических основ экспертной деятельности в отдельных ее направлениях. Таким образом, можно сделать заключение, что методологическая основа проводимых экспертных исследований должна базироваться на принципах допустимости и законности, соответствия морально-нравственным нормам общества, не допускать возможности ущемления прав, свобод и достоинства граждан, а также в точности соответствовать процессуальным нормам [5, с. 136; 6; 7, с. 215]. С этой точки зрения любой избираемый для экспертных исследований метод должен быть безопасен для жизни и здоровья граждан, и при реализации экспертных мероприятий необходимо строгое соблюдение техники безопасности. Определяющее значение при выборе метода экспертного исследования стоит отдавать критерию научной проработанности и обоснованности метода, поскольку именно эти его составляющие определяют достоверность результатов, лежащих в основу заключения эксперта, при этом им стоит обращать внимание на точность результатов, находящуюся в зависимости от точности и разрешающей способности используемых инструментальных средств.

Результат должен соответствовать критериям повторяемости и проверяемости научного эксперимента, т. е. он может быть получен при использовании в условиях инструментария, имеющего аналогичные настройки, разрешающую способность и прочие параметры, что определяется как выбором метода, так и соответствию инструментальной базы исследований необходимым настроенным параметрам, диктуемым различными стандартизирующими документами.

Одним из самых важных критериев выбора того или иного метода экспертного исследования является его относимость к конкретной экспертной задаче с точки зрения ее эффективного решения [8, с. 498; 9, с. 212]. В то же время назначающим судебно-биологические экспертизы субъектам правоохранительной деятельности стоит оптимизировать подход к выбору типа экспертного исследования исходя из критериев продуктивности получения относимой и допустимой доказательной базы в разумные сроки, а также с учетом стоимости выполняемых исследований для налогоплательщиков. В рамках решения задач настоящего исследования мы бы хотели рассмотреть ряд организационных и методологических аспектов проведения различного рода экспертных исследований следов биологического происхождения на примере ольфакторного метода, исследующего запаховые следы человека.

Запаховые следы человека обладают хорошо выраженными признаками индивидуальности, а также практически не подвержены изменениям на протяжении всей человеческой жизни. Именно эти факторы делают их информационным

источником, используемым в следственных целях криминалистическими методами. Сам ольфакторный метод далеко не нов, он вобрал в себя лучшие отечественные, еще времен ВНИИ МВД СССР, методы (начало разработкам в области ольфакторологии, или криминалистической одорологии было положено в конце 70-х гг. прошлого века), развитые и обогащенные международным опытом в экспертно-криминалистическом центре МВД России в более позднее время. Однако несмотря на общую известность, сам метод получил широкое использование после создания научной базы и обоснования конкретных методик проведения исследований с помощью собак-детекторов [1, с. 76; 10, с. 109].

Сущностной методической основой для ольфакторного анализа является комплекс действий, подразумевающих оптимальное и систематизированное использование подготовленных собак-детекторов и экспертов-специалистов в рамках процедур «гарантированного контроля адекватности сигнального поведения собак-детекторов в выявлении криминалистических признаков по запаховым следам, что обеспечивает достоверность результатов анализа запаховых следов, получаемых в каждом конкретном исследовании». Не стоит скрывать, что криминалистическая одорология на всем протяжении своего существования имеет ряд как сторонников, так и противников. Последние утверждают, что сами детекторы – т. е. собаки – плохо подвержены настройке, и их сигналы не могут быть всегда однозначно интерпретированы. В то же время сторонники этого метода указывают на достаточно высокую точность получаемых результатов, что отвергает критику сложности интерпретации сигналов детекторов, а статистика практического использования в доказывании по уголовным делам экспертиз запаховых следов человека (по данным ЭКЦ МВД России в последние два десятилетия проводится от 400 до 700 исследований в год), лишь подтверждает эффективность современных методов исследования запаховых следов человека, существенно шагнувших вперед со времен образования криминалистической одорологии. Многие ученые полагают, что сам термин «криминалистическая одорология» уже остался в прошлом, поскольку изменились подходы к решению экспертных задач и методы [11, с. 265; 12, с. 394]. Методологические основы данного вида экспертиз разработаны с учетом того, что лица, состоящие в родственных отношениях, могут иметь сходные запаховые характеристики. Ученым удалось добиться кинологической дифференциации запаховых следов близких родственников, причем экспериментальная статистика превысила все ожидания. При надлежащем хранении образцов запаховых следов была достигнута их идентификация через более чем 20 лет после отбора образцов.

Все это свидетельствует о правильности тезиса об индивидуальности запаховых следов человека и возможности идентификации по ним в рамках проводимых экспертиз. Использование следов крови в качестве образцов запаха свело вероятность ошибки при проведении исследований методом ольфакторного анализа до ничтожно малых значений [13, с. 128; 14, с. 106]. С организационной точки зрения использование для проведения экспертного исследования с целью идентификации лица, чей запаховый след предположительно представлен в качестве образца следов крови, является предпочтительным для обеспечения высокой достоверности результата экспертизы и использования ее в доказывании

по уголовному делу в процессе судопроизводства. Именно следы крови обладают наиболее полным из всех возможных типов следов биологического происхождения комплексом ольфакторных характеризующих индивидуума данных, их возможно подвергнуть относительно несложной консервации. Кроме того, следы крови легче поддаются обнаружению в ходе осмотров, досмотров и обысков, что определяет их организационную значимость при проведении экспертиз запаховых следов человека.

Такой организационно-методологический подход имеет сугубо научную основу. В силу уже давно доказанной генотипической уникальности индивидуумов им присущ индивидуальный специфический набор органических кислот, синтезируемых организмом в процессе жизнедеятельности [15, с. 250]. Запаховые следы, оставляемые, как правило, в двух формах – на предметных носителях или в виде шлейфа, могут быть собраны, поскольку представляют собой молекулы продуктов обмена в организме, и, следовательно, могут быть в необходимых для идентификации молекулярных количествах собраны для дальнейшего исследования, а также обработаны и сохранены с соблюдением необходимых технологий.

Таким образом, мы можем сделать вывод о том, что сам ольфакторный метод исследования запаховых следов человека, являясь одним из методов научного познания, обладает всеми необходимыми свойствами, описанными нами выше, чтобы признать его достоверным и относимым с точки зрения использования в экспертных заключениях при доказывании по уголовным делам. Этот метод также находится в полном соответствии с требованиями действующих нормативных актов и уголовно-процессуального закона.

Список литературы

1. Маслов Н. В., Суворов А. С. Воздействие биологического повреждающего фактора: инфекционные осложнения при травматических телесных повреждениях // Вопросы установления тяжести вреда, причиненного здоровью человека в результате воздействия биологического повреждающего фактора : сборник статей. М. : РИОР, 2021. С. 75–80.
2. Катаев А. С., Кадочников Д. С., Маслов Н. В. О профессиональном стандарте «Врач – судебно-медицинский эксперт» // Медицинский вестник МВД России. 2021. № 5 (114). С. 71–74.
3. Маслов Н. В. К вопросу обеспечения расследования преступлений, совершенных лицами с психическими отклонениями // Раскрытие и расследование преступлений: наука, практика, опыт : сборник научных статей. М. : Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 2020. С. 65–68.
4. Маслов Н. В., Абдурагимова Т. И. Осмотр места происшествия как один из способов выявления лиц, ранее привлекавшихся в уголовной ответственности, в том числе и лиц, ранее судимых в уголовной юрисдикции // Оптимизация предварительного следствия : сборник научных статей. М. : Московская академия Следственного комитета Российской Федерации, 2016. С. 286–289.

5. Актуальные вопросы криминалистики (общие положения криминалистики) : учебно-методическое пособие // [В. В. Агафонов и др.]. Тула, 2018. С. 135–154.

6. Маслов Н. В. Медико-криминалистическая оценка инфекционных осложнений при травматических телесных повреждениях // Ломоносов-2022 : сборник статей. М. : МАКС Пресс, 2022.

7. Маслов Н. В. Экспертно-криминалистическая деятельность в условиях цифровой трансформации: информационные технологии применения специальных знаний при производстве судебных экспертиз и противодействия киберугрозам // Теория и практика судебной экспертизы: международный опыт, проблемы, перспективы (к 20-летию образования Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя) : сборник научных трудов / сост. В. В. Бушуев. М. : Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 2022. С. 214–219.

8. Маслов Н. В. Судебная экспертиза как элемент защиты прав и законных интересов граждан и юридических лиц: современные информационные технологии применения специальных знаний при производстве судебных экспертиз, в том числе при производстве судебно-медицинских экспертиз // Роль права в обеспечении благополучия человека : сборник докладов. В 5 ч. Ч. 4. М. : Издательский центр Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 2022. С. 498–499.

9. Маслов Н. В. Криминалистика и судебная экспертиза: современные информационные технологии применения специальных знаний при производстве судебных экспертиз // Сборник научных статей по итогам Недели Российской науки в Рязанском филиале Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя : сборник научных статей. Рязань : Рязанский филиал Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, 2021. С. 212.

10. Маслов Н. В., Суворов А. С. Некоторые медико-криминалистические особенности диагностики повреждения одежды человека, причиненные выстрелами из охотничьего оружия 12-го калибра патронами с пыжом-контейнером и без него, в уголовном судопроизводстве, и отдельные вопросы раневых инфекций при огнестрельной травме // Вопросы установления тяжести вреда, причиненного здоровью человека в результате воздействия биологического фактора : сборник статей. М. : РИОР, 2020. С. 108–113.

11. Маслов Н. В. Современный подход в применении специальных знаний в уголовном процессе при производстве судебных экспертиз // Уголовное судопроизводство: современное состояние и стратегия развития : сборник научных трудов / под ред. О. В. Химичевой. М. : Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 2020. С. 265–267.

12. Маслов Н. В. Некоторые вопросы использования специальных знаний в практике правоприменения // Криминалистика – прошлое, настоящее, будущее: достижение и перспективы развития : сборник научных трудов / под общ. ред. А. М. Багмета. М. : Московская академия Следственного комитета Российской Федерации, 2019. С. 393–395.

13. Маслов Н. В., Савина Л. А., Мозговая Д. А. Современный подход в применении специальных знаний в уголовном процессе // Обеспечение прав и закон-

ных интересов участников уголовного судопроизводства : сборник научных трудов / под ред. О. В. Химичевой. М. : Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 2019. С. 127–130.

14. Маслов Н. В. Применение специальных знаний в процессуальной деятельности субъектов юрисдикции // Российский и международный опыт производства судебных экспертиз : сборник научных трудов. М. : Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 2017. С. 105–112.

15. Суворов А.С., Маслов Н.В. Некоторые медико-криминалистические особенности диагностики повреждения одежды человека, причиненные выстрелами из охотничьего оружия // Обеспечение прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства : сборник научных трудов / под ред. О. В. Химичевой. М. : Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 2019. С. 249–251.

Матюшенко С. В.¹,
*старший преподаватель кафедры уголовного процесса
Омской академии МВД России,
доктор педагогических наук, доцент*

ПРОИЗВОДСТВЕННАЯ ПРАКТИКА СЛУШАТЕЛЕЙ КАК ФЕНОМЕН ФОРМИРОВАНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ УМЕНИЙ У БУДУЩИХ СОТРУДНИКОВ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО СЛЕДСТВИЯ

Процесс обучения в образовательной организации высшего образования предусматривает такой вид обучения, как практика. Среди разных видов практики особое место занимает практика производственная. Под ней принято понимать практику по получению профессиональных умений и опыта профессиональной деятельности [1].

В связи с тем, что производственная практика – неотъемлемый элемент учебного процесса в образовательной организации высшего образования, то и при подготовке кадров для органов предварительного следствия все обучающиеся направляются на производственную практику. Согласно рабочей программе по специальности 40.05.01 «Правовое обеспечение национальной безопасности», специализация – уголовно-правовая, форма обучения очная под производственной, в том числе преддипломной, практикой в Омской академии МВД России, понимается составная часть основной профессиональной образовательной программы, которая обеспечивает закрепление и углубление теоретических знаний, приобретение и совершенствование профессиональных умений и навыков, формирование компетенций в процессе выполнения определенных видов работ, связанных с будущей профессиональной деятельностью (далее – производственная практика). Ключевая цель данной практики – сформировать у обучающегося профессиональные умения работы по специальности, набраться опыта в решении реальных служебных задач.

Слушатели 5-го курса Омской академии МВД России проходят данную практику непосредственно в подразделениях предварительного следствия МВД России. В частности, в 2022 г. 19 следственных подразделений МВД России принимали 101 практиканта из академии.

Согласно рабочей программы производственной, в том числе преддипломной практики, целями практики являются:

- получение обучающимися профессиональных умений и опыта профессиональной деятельности;
- приобретение умений и навыков педагогической деятельности;
- сбор материалов по теме выпускной квалификационной работы;
- апробации теоретической части в практической деятельности.

Если мы внимательно посмотрим на цели производственной практики, то увидим, что в течение практики, которую слушатели проходят в подразделениях

¹ © Матюшенко С. В., 2023.

предварительного следствия МВД России, должны овладеть несколькими видами культуры и, соответственно, множеством профессиональных умений, необходимых для будущего сотрудника предварительного следствия.

Наиважнейшем видом культуры в этих условиях становится правовая культура следователя. Под ней будем понимать совокупность умений по организации и производству расследования преступлений; производства следственных и иных процессуальных действий. При этом должны произойти формирование и развитие у обучающихся следственного мышления, деловых, личных, морально-волевых и нравственных качеств следователя, профессионального самосознания.

Как показывает анализ, данная культура у слушателей, приходящих на производственную практику, уже не только имеется, но и фиксируется как необходимая и преобладающая. Понятно, что этому способствует вся система организации учебного процесса в образовательной организации высшего образования МВД России. Изначально вся логика и процедура подготовки кадров для предварительного следствия направлена именно на складывание правовой культуры, потому что так предполагает специальность 40.05.01 «Правовое обеспечение национальной безопасности».

В этих условиях производственная практика способствует полному закреплению тех умений, которые проявились при приобретении первоначального опыта следственной работы. Появилась также возможность обучающимся стать «профи» путем впитывания в себя профессионального опыта старших коллег и демонстрации ими необходимых профессиональных умений. В частности, за время прохождения практики слушатели изучили:

- оперативную обстановку в регионе и следственную практику расследования отдельных видов преступлений;
- деятельность следственного подразделения, специализирующегося на расследовании преступлений отдельных видов;
- организацию работы следователя, порядок и формы взаимодействия следователя с работниками органов дознания, прокуратуры, адвокатуры, суда при расследовании преступлений отдельных видов.

При этом особое внимание было уделено формированию умений по раскрытию преступлений, совершенных в сфере IT-технологий. Данная деятельность была организована как необходимость ответа на вызовы времени, так и во исполнении решения оперативного совещания у начальника Омской академии МВД России от 31 мая 2021 г. по вопросу о рассмотрении решения итоговой коллегии МВД России от 4 марта 2021 г. № 1км/1 «Об итогах оперативно-служебной деятельности органов внутренних дел Российской Федерации в 2020 году и задачах на 2021 год». По итогу 14 слушателей были закреплены за наставниками, специализирующимися на расследовании преступлений, совершенных в сфере IT-технологий. Остальные 87 слушателей в течение недели изучали особенности расследования преступлений с использованием информационно-телекоммуникационных технологий (особенности проверки сообщений о преступлении, специфику взаимодействия с органом дознания, особенности формулирования запросов и производства отдельных следственных действий, форму и содержание ключевых решений по уголовному делу). Тем самым у слушателей появились

новые умения оценки и расследования преступлений с использованием информационно-телекоммуникационных технологий.

Исходя из целей практики, на втором месте определяется педагогическая культура, которая предполагает совокупность умений и навыков по обучению и воспитанию людей. К сожалению, возможностей формирования педагогической культуры у будущих сотрудников предварительного следствия, даже на первоначальной стадии, минимальны. Отсутствие в процессе обучения образовательной организации высшего образования МВД России специальной дисциплины, затрагивающей вопросы педагогики в ОВД, не позволяют обучающимся понять сущность и необходимость наличия данной культуры у сотрудников полиции. Как вариант ликвидации такой ситуации, в рабочую программу введен раздел 5 «Педагогическая деятельность».

Для реализации данного раздела кафедрой уголовного процесса Омской академии МВД России была разработана памятка с подробным описанием порядка выполнения разных видов работ, с приложением полнотекстовых методических материалов. Ниже представлены данные материалы.

**Памятка
по заполнению раздела 5**

№ п/п	Необходимо сделать	Вариант заполнения дневника
1	Изучить рекомендованные источники	Изучил следующие источники: 1. 2. 3. Выяснил, что под правовым воспитанием понимают... При правовом воспитании используют следующие формы, средства и методы формирования правовой культуры: 1. 2. 3.
2	Составить педагогическую характеристику участников уголовного судопроизводства	Изучил личности ... и ... как участников уголовного судопроизводства. Составил педагогическую характеристику на следователя... Составил педагогическую характеристику на несовершеннолетнего подозреваемого...
3	Разработать воспитательную беседу с несовершеннолетними о законопослушном поведении	Разработал план воспитательной беседы с несовершеннолетними на тему: ...

№ п/п	Необходимо сделать	Вариант заполнения дневника
4	Провести воспитательную беседу с несовершеннолетними о законопослушном поведении	Провел воспитательную беседу с несовершеннолетними (школы, гимназии, лица) № ... о законопослушном поведении на тему: Присутствовало ... человек. Были заданы следующие вопросы: ...
5	Разработать вариант правового информирования об изменениях в уголовном законодательстве Российской Федерации	Разработал выступление об изменениях в уголовном законодательстве Российской Федерации на тему: ...
6	Выступление с сообщением об изменениях в уголовном законодательстве Российской Федерации	Выступил ... числа перед коллегами... . С выступлением на тему: Присутствовало ... человек. Были заданы следующие вопросы: ...

Выполняя данные задания, практиканты формируют у себя педагогические умения общения с разными категориями граждан, их педагогической оценки, составления педагогической характеристики на гражданина, проведения воспитательных бесед, а также осуществляют профилактическую деятельность по предупреждению преступности. Тем самым происходит первичное становление педагогической культуры у будущих сотрудников предварительного следствия. Таким образом, решается и цель производственной практики как приобретение умений и навыков педагогической деятельности, и появляется понимание, что такое педагогическая культура и зачем она нужна.

Оценка производственной практики как феномена формирования профессиональных умений у будущих сотрудников предварительного следствия заключается и в решении следующей цели практики – как сбор материалов по теме выпускной квалификационной работы, а также апробации ее теоретической части в практической деятельности. Данная цель направлена на формирование культуры научной деятельности, которая предполагает совокупность умений, направленных на сбор данных, проведение научного исследования и интерпретацию полученных результатов с помощью научных методов познания. Следует отметить, что мы не можем сказать, что она не присутствует у практикантов, потому что с разными видами научной деятельности они сталкиваются как в процессе обучения, так и в ходе принятия участия в научно-исследовательской работе обучающихся в вузе, т. е. первоначальное представление об этой деятельности у практикантов имеется.

Именно данная цель производственной практики, как показывает анализ анкетирования практикантов, позволяет сформировать устойчивый интерес к научной деятельности. В результате у слушателей наблюдается появление следующих умений:

- создание базы данных;
- анализ собранной эмпирики;
- проведение анкетирования и интерпретация полученных ответов;
- разработка программы исследования;
- проведение научного исследования.

Таким образом, в течение производственной практики слушатели становятся обладателями не только разного вида культур, необходимых в профессиональной деятельности, но и «обрастают» новыми умениями, шлифуют уже имеющиеся и подтверждают существующие.

Список литературы

1. URL: https://moeobrazovanie.ru/chto_takoe_proizvodstvennaya_praktika.html.

Мезенцев И. В.¹,

старший преподаватель

кафедры управления следственной деятельности

(Высшие академические курсы)

факультета повышения квалификации

Санкт-Петербургской академии

Следственного комитета Российской Федерации

ПОРЯДОК ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЯВКИ С ПОВИННОЙ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Вопрос предназначения явки с повинной не так однозначен, как кажется на первый взгляд. Аспект данного понятия в уголовном и уголовно-процессуальном законодательстве неодинаков. В литературе вопросы применения явки с повинной затрагиваются чаще всего, как модель признания вины без учета результативности предоставленной информации [2, с. 14–15; 3, с. 22–23].

В Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации (УПК РФ) этому понятию посвящены ст.ст. 140 и 142, характеризующие явку с повинной как добровольное заявление о преступлении, являющееся поводом для возбуждения уголовного дела.

Согласно ст. 142 УПК РФ явка с повинной представляет собой обращение гражданина о совершенном им преступлении в добровольной форме. Лицо может сообщить о преступлении как им совершенном, так и совершенном при его участии. Исходя из этого, можно сделать вывод, что помимо самого исполнителя явку с повинной могут составить лица, ставшие участниками преступления. Например, не достигшие возраста уголовной ответственности либо лица, на чье недоносительство рассчитывал злоумышленник. К ним же, на наш взгляд, относятся пособники и подстрекатели.

Не исключено, что к таким лицам могут относиться и те, на чье молчаливое согласие рассчитывает субъект, совершая преступление. Изучая судебную практику, можно найти примеры, когда действия похитителя, совершающего кражу чужого имущества, в присутствии своей жены, родственника, друга трактуют как тайное хищение чужого имущества. В данном случае считается, что случайные участники являются свидетелями, хотя и не препятствующие совершению преступления.

Наибольший интерес вызывает способ получения явки с повинной. Данная процедура отражена в ст.ст. 141 и 142 УПК РФ и представляет собой, по сути, получение должностным лицом устного или письменного заявления о преступлении, которое подписывается обратившимся лицом. Такую явку с повинной также могут подписать законные представители, переводчики, защитники. К лицам, принимающим заявление, относятся представители органа дознания, дознаватели, следователи и руководители следственного органа. Сотрудник обязан подписать устное заявление после сверки документов заявителя и правильности отражения личных данных. Аналогичное правило применяется и при поступлении явки с повинной письменной формы.

¹ © Мезенцев И. В., 2023.

Возможно ли получение явки с повинной прокурором или судом? Данный вопрос законодательно не урегулирован. Однако учитывая тот факт, что прокурор вправе принимать обращения, в том числе заявления о преступлениях, регистрация в органах прокуратуры добровольного сообщения о преступлении не противоречила бы закону. Другое дело возможности суда. Они ограничены в данном вопросе. Действия суда, согласно п. 13 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 ноября 2016 г. № 55, заключаются лишь в передаче сообщения подсудимого о преступлении руководителю органа предварительного расследования. Прокурор в отличие от суда вправе провести проверку, взять соответствующие объяснения, приобщить справки. Полученное им сообщение при определенных условиях имеет все признаки явки с повинной.

Остается неурегулированным вопрос, возможно ли получение явки с повинной после возбуждения уголовного дела? Действительно, законодателем этому явлению в уголовном судопроизводстве отводится лишь роль повода к возбуждению дела и, следовательно, ее значение лишь в информации, на основании которой собираются доказательства, являющиеся основой уголовного дела. Однако имеется практика возбуждения уголовных дел в условиях неочевидности и по фактам совершения преступлений в отношении неустановленных лиц. Подготовленное лицом заявление о его причастности к данному преступлению и поданное в органы расследования в условиях нераскрытого преступного деяния может относиться к явке с повинной.

Уголовный кодекс Российской Федерации (УК РФ) представляет явку с повинной как некие обстоятельства, которые смягчают вину и соответственно влияют на снижение наказания (ст. 61 УК РФ). При этом значение этих обстоятельств для раскрытия уголовного дела роли не играет. Полагаем, что такое обстоятельство должно иметь смысловое значение, помогающее установлению истины и исключать формализм, выражающий лишь выражение признания вины.

Верховный Суд Российской Федерации по-другому оценивает значение явки с повинной. В п. 10 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 ноября 2016 г. № 55 она определяется как добровольное заявление о преступлении в устной или письменной форме, которая служит основанием для проведения проверки, в порядке ст. 144 УПК РФ. При этом сведения из этого сообщения могут быть признаны доказательством при ходатайстве в суде стороной обвинения. Для признания такого сообщения допустимым доказательством необходимо выполнить ряд условий. Например, разъяснить заявителю право пользоваться услугами защитника (адвоката), не свидетельствовать против самого себя, подавать жалобы (обращения) на необоснованные и незаконные действия (бездействия) органов следствия и дознания.

Вместе с тем такое разъяснение должно гарантировать немедленное соблюдение этих прав. Право на защиту может быть обеспечено вызовом адвоката, предварительной консультацией, участием при составлении явки с повинной. Право на обжалование действий следственных органов и органов дознания путем вызова надзирающего прокурора, предоставлением телефонных услуг, канцелярских принадлежностей, наличием в здании отдела полиции, исправительного учреждения и другого органа стенда с образцами жалоб, реквизитами надзирающих и контролирующих органов, суда.

При этом администрация учреждения обязана предоставить заявителю конфиденциальность его обращения. К примеру, согласно ч. 4 ст. 15 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации (УИК РФ) письма, адресованные в прокуратуру и другие органы, не подлежат вскрытию.

При выполнении всех вышеперечисленных условий и подтверждении их в суде сведения, отраженные в явке с повинной, могут являться доказательством даже в условиях отказа от нее подсудимым. Косвенно подтверждая этот факт, Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации в своем определении от 25 июня 2020 г. по уголовному делу № 5-УД20-53, оценивая явку с повинной Д. В. Вересняка, от которой он отказывался, признали ее недопустимым доказательством только потому, что необходимые права ему не разъяснялись, защитник на этой стадии отсутствовал [1].

Продолжая анализировать проблемы оценки явки с повинной, суду следует разобраться с причинами отказа от нее подсудимого, поскольку от этого зависит судьба доказательства. Доводы подсудимого о даче им показаний либо добровольного сообщения в результате недозволенных методов со стороны правоохранительных органов необходимо тщательно исследовать. В этом случае на сторону обвинения ложится бремя опровержения, поскольку наверняка этот вопрос уже рассматривался на стадии досудебного производства и факт неправомерности подтверждения не нашел.

Каким еще значением может обладать явка с повинной? В условиях уголовного законодательства добровольное сообщение о преступлении служит основанием для освобождения от уголовной ответственности по ряду преступлений. Так, в примечании к ст. 291 УК РФ сказано, что лицо, давшее взятку, освобождается от уголовной ответственности, если оно активно способствовало раскрытию (расследованию) преступления, имело место вымогательство взятки либо после совершения преступления добровольно сообщило в орган, имеющий право возбудить уголовное дело, о даче взятки. Исходя из этого, явка с повинной в данном случае служит основанием для вынесения решения о прекращении уголовного преследования и мотивирует лицо на сотрудничество с органами следствия.

Подводя итог, можно сделать вывод о многогранности явки с повинной. Добровольное сообщение о преступлении не только помогает в успешном раскрытии и всестороннем рассмотрении дела, но и предоставляет ряд льгот для лица, создающих выгодные условия по назначению наказания, а также по освобождению от него.

Список литературы

1. Определение Суда Кассационной Инстанции Верховного Суда Российской Федерации от 25 мая 2020 г. № 5-УД20-53 // Банк судебных решений Верховного Суда Российской Федерации. URL: https://www.vsrfr.ru/stor_pdf.php?id=1896468.
2. Быховец Н. И. Явка с повинной и ее реализация в оперативно-розыскной деятельности : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08. М., 2006.
3. Классен М. А. Явка с повинной в уголовном судопроизводстве России : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09. Челябинск, 2012.

Мичурин В. С.¹,
*доцент кафедры деятельности
органов внутренних дел в особых условиях
учебно-научного комплекса специальной подготовки
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук*

АНАЛИЗ НАРУШЕНИЙ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ НОРМ, ДОПУСКАЕМЫХ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО СЛЕДСТВИЯ

Важная роль в укреплении законности и правопорядка принадлежит органам предварительного следствия. Их деятельность строго регламентирована уголовно-процессуальным законом. Соблюдение норм материальных и процессуальных законов составляет обязанность перед государством и личностью, за нарушение которой к ним могут быть применены различные санкции, а доказательства, полученные с нарушением уголовно-процессуальных норм, признаны недопустимыми. Кроме того, от законности и обоснованности принимаемых ими решений зависит не только качество самого предварительного следствия, но и надлежащий порядок осуществления судебного разбирательства. Серьезные недостатки в работе органов предварительного следствия снижают эффективность всего уголовного судопроизводства. Нарушения уголовно-процессуальных норм не могут быть оправданы даже стремлением раскрыть преступление и изобличить виновных. К сожалению, на практике еще не изжиты факты нарушений, обусловленных погоней за показателями и «не принимается во внимание, что количеству обратно пропорционально качеству: безграничная погоня за статистикой неминуемо сказывается на самом расследовании» [2, с. 168–169].

Анализ правоприменительной практики свидетельствует, что основные нарушения уголовно-процессуальных норм, так или иначе связаны с отступлениями от требований уголовно-процессуального закона, а также с неправильным толкованием его положений. Во многом такого рода нарушения обусловлены также организационными просчетами, низкой требовательностью к соблюдению исполнительской дисциплины, безответственностью и слабым уровнем профессиональной подготовки сотрудников органов предварительного следствия. Надо отметить, что большая часть нарушений уголовно-процессуальных норм носит латентный характер, что свидетельствует о недостаточно эффективной деятельности по их выявлению и устранению со стороны контролирующих и надзирающих субъектов.

Вместе с тем не все нарушения уголовно-процессуальных норм имеют явный коррупционный окрас. На страницах юридической печати справедливо отмечается, что причины многих из них кроются в недостатках формирования штатов, профессиональной подготовке, процессуальной загруженности и даже в пробелах законодательной регламентации деятельности органов предварительного

¹ © Мичурин В. С., 2023.

следствия. Сокращение штатной численности сотрудников органов внутренних дел, на которые возложен наибольший объем уголовно-процессуальной деятельности, по сравнению со всеми другими правоохранительными органами, на фоне отсутствия стойкой тенденции к уменьшению преступности ведет к возрастанию процессуальной нагрузки, что порождает волокиту, медлительность, снижает эффективность дальнейшего производства по уголовному делу. Либо, напротив, вызывает стремление к ложной эффективности путем ускорения и упрощения уголовно-процессуальной деятельности. В некоторой степени такая практика создает благоприятную среду для различного рода злоупотреблений, порождающих уголовно-процессуальные нарушения, наносит ощутимый вред борьбе с преступностью, затрагивает права и свободы участников уголовного судопроизводства [1, с. 113–114]. Поэтому актуальным следует признать анализ нарушений, которые допускаются в ходе предварительного следствия, что позволяет принять меры, направленные на их минимизацию и полное устранение.

Попытаемся обозначить характерные нарушения уголовно-процессуальных норм, которые допускаются органами предварительного следствия. Первым и наиболее распространенным видом нарушений являются односторонность и неполнота предварительного следствия. Отметим, что такая формулировка очень часто используется прокурорами при возвращении уголовных дел для производства дополнительного расследования. Однако до настоящего времени имеют место случаи, когда, указывая такое нарушение, как основание для возвращения уголовного дела, сущность его не раскрывается. Односторонность и неполнота предварительного следствия являются оценочным понятием, т. е. понятием нормами уголовно-процессуального закона не регламентированным. Попробуем выделить основные нарушения, которые рассматриваются в качестве указанного основания.

Во-первых, следователем не проверяются все версии, которые были выдвинуты в ходе производства предварительного следствия. Такое нарушение выражается в том, что следователь разрабатывает только одну версию, как правило, связанную с виновностью лица в совершении преступления, что соответственно приводит к тому, что расследование признается проведенным «однобоко». При таком нарушении могут быть искажены отдельные факты, что приводит к нарушению прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства. Если такое нарушение не будет выявлено в ходе изучения материалов уголовного дела прокурором и уголовное дело с обвинительным заключением направлено в суд, то оно может повлечь принятие неверного решения судом.

Во-вторых, к односторонности и неполноте предварительного следствия можно отнести невыполнение следственных действий, которые необходимо было провести в ходе предварительного расследования, непринятие всех мер к установлению похищенного имущества, к установлению личности, местонахождения соучастников преступления и др.

В качестве второго вида нарушений уголовно-процессуальных норм следует выделить группу нарушений, которые принято считать существенными нарушениями уголовно-процессуального закона. К наиболее распространенным нарушениям подобного рода относятся следующие:

- нарушение права подозреваемого либо обвиняемого на защиту;
- отсутствие при производстве следственных и иных процессуальных действий переводчика, когда его участие является необходимым;
- нарушение прав несовершеннолетних при производстве расследования, что выражается в том, что следственные действия проведены без участия законного представителя.

К существенным нарушениям также следует относить факты, когда участникам процесса не разъяснены их права и обязанности, права нарушены либо незаконно ограничены при производстве по уголовному делу и т. д. Кроме того, среди существенных нарушений уголовно-процессуального закона можно отметить нарушения так называемых «процедурных» моментов. К таким нарушениям относятся:

- непринятие уголовного дела следователем к своему производству;
- отсутствие поручения руководителя следственной группы на проведение следственных действий;
- нарушение сроков предварительного следствия.

Третий вид нарушений уголовно-процессуальных норм составляют нарушения, связанные с возбуждением уголовного дела и его дальнейшему расследованию по изначально неправильно квалифицированному составу преступления. Вопрос квалификации преступлений отсылает нас к уголовному законодательству и правилам квалификации, установленным как в теории уголовного права, так и в правоприменительной деятельности. Теория квалификации опирается в первую очередь на правильное определение элементов состава преступления, а также установление всех обстоятельств совершенного деяния. Особое значение правильное определение всех элементов состава преступления имеет при разграничении сходных деяний. В качестве примера можно привести отграничение таких преступлений, как убийство и причинение тяжкого вреда здоровью, повлекшее смерть потерпевшего. В данном случае неправильная квалификация основана на неверном определении объекта преступления и субъективной стороны преступления.

В заключение следует рассмотреть четвертый вид – иные нарушения уголовно-процессуальных норм, не включенные к рассмотренным нами ранее. К ним следует относить те нарушения, которые не связаны с нарушением прав участников процесса, но также могут повлечь за собой вынесение неверного решения по уголовному делу либо создать препятствия для его рассмотрения в суде. Таким нарушением является недостаточное изучение личности лица, совершившего преступление, а в некоторых случаях и личности потерпевшего. Можно отнести также неустановление всех обстоятельств, которые могут влиять на назначение наказания, а именно смягчающих и отягчающих обстоятельств. Нельзя исключать и нарушения, связанные с небрежным отношением к составлению процессуальным документам, что может повлечь за собой признание полученного доказательства недопустимым либо исказить суть проведенного следственного или иного процессуального действия. Стоит упомянуть нарушения, допускаемые при составлении обвинительного заключения. Они выражаются

в том, что не все лица могут быть указаны в списке лиц, которые подлежат вызову в судебное заседание, а также отсутствуют сведения о движении уголовного дела, исковых требованиях. Достаточно распространенным является отсутствие подписи процессуального руководителя о согласии с принятым решением о направлении уголовного дела в суд.

Итак, на основании проведенного в настоящей статье исследования следует сделать вывод о том, что, стремясь не допустить нарушение той или иной уголовно-процессуальной нормы, следователь должен не только хорошо знать действующий закон, но и быть убежденным в строжайшем соблюдении и исполнении его норм. К сожалению, некоторые молодые специалисты приходят на практическую работу, не имея подобной твердой установки. Нередко имеет место быть и другое положение, когда уже с приобретением опыта, знаний, повышением профессионального уровня происходит определенная переоценка ценностей. Правовые нормы начинают рассматриваться следователем с недопустимой позиции: целесообразно ли их исполнять. Снижая эффективность предварительного следствия, нарушения уголовно-процессуальных норм приводят и к другим отрицательным последствиям. Обусловлено это тем, что от законности и обоснованности принимаемых органами предварительного следствия решений зависит не только качество самого расследования, но и судебного разбирательства, а в отдельных случаях постановление законного, обоснованного и справедливого приговора.

Список литературы

1. Мичурина О. В. Коррупционные аспекты нарушений уголовно-процессуальных норм государственными органами и должностными лицами, осуществляющими досудебное производство по уголовному делу // Право: история и современность. 2019. № 2. С. 112–117.
2. Судницын А. Б. Задачи предварительного расследования: правовая природа, система, проблемы реализации и пути совершенствования : монография. Красноярск : Сибирский юридический институт МВД России, 2019.

Мичурина О. В.¹,
*профессор кафедры уголовного процесса
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
доктор юридических наук, профессор*

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ В КОНТЕКСТЕ ПОВЫШЕНИЯ ЕГО ЭФФЕКТИВНОСТИ

Одной из важнейших проблем современной уголовно-процессуальной науки является поиск наиболее эффективных процедур предварительного расследования. Руководствуясь этим, законодатель вынужден продумывать новые решения, способные ускорить и упростить предварительное расследование, оптимизировать его формы, усовершенствовать отдельные институты. Вместе с тем такие нововведения не должны идти в разрез с надлежащим обеспечением прав участников уголовного судопроизводства. Говоря об ускорении и упрощении предварительного расследования, недопустимо забывать о его качестве, которое, по мнению Е. С. Кудряшовой, «сочетает всестороннее, полное и объективное исследование фактических обстоятельств уголовного дела с быстротой принятия законного и обоснованного итогового решения, при неуклонном обеспечении прав и законных интересов участников процесса и соблюдении законности» [4, с. 20–21]. Эффективность предварительного расследования в таком случае непременно должна обладать не только количественными, но и качественными характеристиками, чтобы в стремлении к скорости и упрощению не забыть о законности, соблюдении прав, свобод и законных интересов его участников.

Наиболее часто упоминаемым критерием эффективности предварительного расследования традиционно считается его быстрота. В целях оптимизации уголовного судопроизводства, результативности использования его средств и инструментария, доступных государственным органам и должностным лицам, а также в качестве способа борьбы с нарушениями процессуальных сроков, законодателем была введена ст. 6.1 УПК РФ, устанавливающая принцип осуществления уголовного судопроизводства в разумный срок. Вместе с тем эта мера не смогла кардинальным образом изменить ситуацию с продлением сроков предварительного расследования. В исследованиях последних лет обращается внимание, что фактически каждое четвертое уголовное дело заканчивается следствиями органов внутренних дел с превышением установленного ст. 162 УПК РФ срока два месяца. Причем в большинстве случаев срок предварительного следствия продлевался до трех месяцев и далее [1, с. 4].

Вопрос продления срока предварительного расследования, в том числе такой его формы, как дознание, очень уязвим в правильности его решении. Со стороны видится лишь стремление следователя или дознавателя затянуть процедурно производство по уголовному делу по причине нежелания активно работать, слабостью квалификации или каких-то еще негативных причин. Особенно обостренно

¹ © Мичурина О. В., 2023.

это воспринимается в тех процедурах, которые считаются более ускоренными в системе российского уголовного судопроизводства. Вместе с тем ориентироваться только на критерий быстроты, когда оценивается эффективность, не всегда было бы правильным. Традиционная для отечественного уголовного судопроизводства дифференциация предварительного расследования на две формы (предварительное следствие и дознание) сложилась, исходя из степени тяжести преступлений. Дознание осуществляется по преступлениям небольшой и средней тяжести, а предварительное следствие – тяжким и особо тяжким. Вряд ли более эффективной была бы унификация процессуальной формы предварительного расследования, когда по уголовным делам обо всех категориях преступлений осуществлялся бы единый режим производства в форме предварительного следствия, отягощенного своими долгими сроками и иными процедурными особенностями. Столь же малоэффективно, а в некоторой степени даже нереально для достижения назначения уголовного судопроизводства, когда по тяжким и особо тяжким преступлениям производилось бы более упрощенное и быстрое по своему процессуальному режиму дознание.

При этом нельзя отвергать тот факт, что российское уголовное судопроизводство одно из наиболее долгих и заформализованных. В юридической литературе справедливо отмечено, что наличие бюрократических по форме и затратных по содержанию институтов, характерных для отечественного досудебного производства, в сочетании с жесткими сроками и бумажным документооборотом неизбежно порождают следственное и судебное затягивание уголовных дел [2, с. 98]. Именно это остается одним из главных препятствий формирования эффективного функционально-правового построения предварительного расследования. В системе уголовного судопроизводства большинства зарубежных государств присутствуют различные модели ускоренных процедур расследования. С определенной долей условности дознание тоже можно признать таковым, если его сравнивать с предварительным следствием. Сокращенный вид дознания, регламентированный гл. 32.1 УПК РФ, даже лидирует в таком сопоставлении. По замыслу законодателя, сокращенное дознание должно осуществляться быстрее и с меньшими затратами сил и средств, нежели обычное дознание, и тем более предварительное следствие. Причем его ускорение и удешевление достигаются не только сокращением срока производства по уголовному делу, но и путем упрощения процедуры доказывания. Вместе с тем такое упрощение обязательно должно быть уравновешено системой гарантий, обеспечивающих законное и обоснованное привлечение лиц к уголовной ответственности. Исследуя же практику производства сокращенного дознания, новеллы закона и мнения ученых по этому вопросу, можно с уверенностью сказать, что подобных гарантий совсем недостаточно. Эффект процессуальной экономии благодаря сокращению временных, материальных, интеллектуальных и иных затрат при подобном упрощении процессуальной формы вступает в противоречие с объективным установлением обстоятельств преступления, а также обеспечением прав и законных интересов участников процесса, что совершенно недопустимо и ничем не может быть оправдано.

Следует признать, что умеренное упрощение существующих уголовно-процессуальных процедур действительно необходимо отечественному уголовному судопроизводству. Процессуальная экономия тут является основным инструментом достижения назначения уголовного судопроизводства в максимально короткие сроки, но говоря о ней, чрезвычайно важно видеть взаимосвязь между рациональным использованием процессуальных сил и средств и качеством предварительного расследования. Именно процессуальные сроки призваны обеспечить ускоренность процесса, ведь действие, выполненное правоприменителем за пределами установленного для него УПК РФ срока, будет незаконным, а полученные в результате этого действия доказательства юридически ничтожными. Здесь мы должны отметить одну из важных особенностей процессуальных сроков как одной из форм обеспечения эффективности уголовного судопроизводства – их объективность и независимость от воли участников процесса. Хотя в известных случаях процессуальные сроки могут продляться и даже прекращаться, но это в большей степени вопрос к законодателю, которому и предоставлено право нормативного регулирования данных механизмов с целью обеспечения эффективности процесса. Правильный «расчет» сроков, заложенный в уголовно-процессуальном законодательстве, самым прямым образом влияет на эффективность уголовного судопроизводства. Ошибочное установление того или иного процессуального срока может привести либо к «волоките», либо к неоправданному ускорению. Процессуальные сроки, с одной стороны, призваны избавить уголовное судопроизводство от чрезмерной торопливости и нарушений прав участников уголовного судопроизводства, а с другой – его бесконечности. Последнее не в меньшей степени отражается на правах участников.

Внедрение информационных технологий, обеспечивающих дистанционное осуществление уголовно-процессуальных процедур, без всякого сомнения является одним из оптимальных способов повышения качества уголовно-процессуальной деятельности, позволяя ей выйти на более современный уровень, отвечающий стремительно меняющимся реалиям жизни, связанным, в том числе, с появлением новых технических устройств. И не только в плане эффективности деятельности государственных органов и должностных лиц, но и удовлетворенностью участников уголовного судопроизводства в достижении назначения уголовного судопроизводства, а следовательно, реализации права граждан на быстрый доступ к правосудию.

Передовые информационные технологии в той или иной степени нашли успешное применение в отдельных процедурах предварительного расследования. Совершенно очевидно то, что использование систем видео-конференц-связи при производстве следственных действий или электронных документов значительно упрощает и ускоряет уголовно-процессуальную деятельность. Такой формат дает возможность обмениваться информацией и обрабатывать ее в интерактивном режиме. Он приближает дистанционную коммуникацию к реальным условиям живого общения и снимает отдельные проблемы, связанные с невозможностью непосредственного физического участия лица при производстве по уголовному делу. К примеру, использование почтовой связи для отправления

и получения процессуальных документов в бумажном формате давно ведь никого не удивляет. Нет в ней и каких-либо значительных рисков для ущемления прав участников уголовного судопроизводства. Напротив, такая дистанционная коммуникация позволяет в полной мере реализовать участнику свои права (к примеру, право на обжалование или заявление ходатайства) при нахождении на значительном удалении от следователя, руководителя следственного органа, дознавателя, прокурора или суда. При направлении и получении процессуальных документов посредством информационных систем мы уже упираемся в обозначенные уголовно-процессуальным законом условия, связанные с наличием технической возможности (ст. 471.1 УПК РФ). Аналогичное условие отражено и для использования систем видео-конференц-связи (ст.ст. 189.1, 241.1, 278.1 УПК РФ).

Кроме того, анализ норм УПК РФ показывает, что нормативная возможность использования информационных систем в суде выше, чем она установлена для предварительного расследования. Это касается как возможности использования электронных документов, так и систем видео-конференц-связи. Почему бы на предварительном расследовании не расширить их использование, распространив, помимо допроса, очной ставки и предъявления для опознания, и на другие следственные действия, к примеру, освидетельствование или проверку показаний на месте? Ведь Федеральным законом от 29 декабря 2022 г. № 610-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» для суда были сняты ограничения по судебным действиям. Иные процессуальные действия на предварительном расследовании при определенных условиях тоже могли бы стать дистанционными, а именно: ознакомление с материалами уголовного дела, подача заявлений, жалоб, ходатайств, уведомление участников уголовного судопроизводства и пр.

Цифровое неравенство проявляется также в том, что в настоящее время не все участники уголовного судопроизводства могут иметь возможность подписать процессуальный документ с помощью электронной подписи. Если не брать в расчет должностных лиц, осуществляющих уголовно-процессуальную деятельность, адвоката, эксперта или специалиста, то не все потерпевшие, подозреваемые (обвиняемые), свидетели и понятые имеют хоть какой-то из видов электронной подписи. Пока это направление не будет надлежащим образом отработано на государственном уровне, электронный документооборот на предварительном расследовании так и останется лишь в перспективе.

Таким образом, информационные технологии решают вопрос повышения эффективности предварительного расследования, выполняя вспомогательную роль, но сейчас могут быть использованы лишь избирательно при наличии технической возможности, исходя из усмотрения органа предварительного расследования или волеизъявления самого участника. Если для процессуального обращения такое волеизъявление очевидно (ч. 1 ст. 474.1 УПК РФ), то для использования систем видео-конференц-связи оно явно не прослеживается – в ч. 1 ст. 189.1 УПК упоминается лишь, что следователь, дознаватель вправе провести допрос, очную ставку, опознание путем использования систем видео-конференц-связи. Ни слова не упоминается о согласии участника следственного действия на дистанционный формат его производства.

При этом нами осознается экстраординарность дистанционного формата предварительного расследования. Нельзя переводить все уголовное судопроизводство в подобный режим. В этом нет никакой необходимости. При переходе от традиционного формата предварительного расследования к полностью дистанционному в зоне риска может оказаться все накопленные достижения уголовного судопроизводства. Мы полностью поддерживаем позицию Л. В. Головки, что ни одна подлинная уголовно-процессуальная гарантия не может быть заменена никакими технологическими паллиативами, поскольку реальное виртуальному не равноценно [3, с. 54].

Таким образом, под эффективностью предварительного расследования следует понимать его способность к обеспечению защиты прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, и защиты личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод в максимально короткие сроки, с наименьшими затратами сил и средств участников и в то же время с неукоснительным соблюдением их прав, свобод и законных интересов. В самом остром парадоксе современного уголовного судопроизводства – разрешении конкуренции между повышением эффективности уголовно-процессуальной деятельности и надлежащим обеспечением прав участников, вовлеченных в этот процесс, последнее имеет более первостепенное значение.

Список литературы

1. Андриенко Ю. А. Обеспечение следователем быстроты и полноты предварительного расследования : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09. Омск : Омская академия МВД России, 2022.
2. Гилязутдинов Р. К. Проблемы повышения эффективности досудебного производства // Закон и право. 2019. № 2. С. 97–99.
3. Головки Л. В. Изменение подходов к применению видео-конференц-связи в уголовном процессе Франции: от санитарно-технологического к ценностно-процессуальному дискурсу // Законность. 2022. № 6 (1052). С. 52–54.
4. Кудряшова Е. С. Обеспечение качества дознания в уголовном судопроизводстве : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09. – Нижний Новгород : Нижегородская академия МВД России, 2020.

Нгуен Дык Фук¹,
*начальник кафедры юриспруденции
 Академии народной полиции СРВ,
 кандидат юридических наук, профессор*

СТАДИИ СОВЕРШЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПО УГОЛОВНОМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕСПУБЛИКИ ВЬЕТНАМ

Как и другие виды деятельности человека в обществе, преступная деятельность происходит в соответствии с определенными процессами. Однако не все преступления, указанные в Уголовном кодексе Социалистической Республики Вьетнам (УК СРВ) 2015 г., проходят последовательные этапы совершения преступления, а только, совершенные по прямой умышленной вине, имеют стадии совершения. Преступления, совершенные в форме косвенной умышленной вины и по неосторожности не имеют стадии совершения преступления. Лицо, совершившее преступление по неосторожности, не осознает общественную опасность своего деяния и возможности наступления опасных для общества последствий (преступление, совершенное по небрежности), либо предвидит возможность наступления опасных для общества последствий, но полагает, что они не наступят или их можно предотвратить (преступление, совершенное по легкомыслию). Поэтому, совершая преступления, оно не определяет цель, прежде чем действовать, а также не желает совершать его, поэтому не направляет свои действия на совершение определенного преступления.

Лицо, совершившее преступление с косвенным умыслом, предвидело возможность наступления общественно опасных последствий, не желало, но сознательно допускало их либо относилось к ним безразлично. Поскольку наступление опасных для общества последствий нежелательно, при совершении преступления отсутствует деятельность по приготовлению к преступлению, а также покушение на преступления [2, с. 129].

Что касается преступления, совершенного с прямым умыслом, то лицо осознает опасный характер своего поведения и направляет его на совершение определенного преступления, в то же время лицо также предвидит последствия поведения, которое собирается совершить, и желает наступления этих последствий. Поэтому деяние лица в силу прямой умышленной вины проходит этапы умышленного совершения преступления.

Обычно прямое умышленное преступление проходит следующие стадии:

1. Обнаружение умысла – первоначальное психологическое развитие в сознании и мыслях лица, выражающее волю и намерение совершить преступление [3, с. 225]. Оно может быть выражено жестами, голосами, но в основном это приготовление, которое происходит во внутренних мыслях лица, не раскрывая их вовне. Исходя из определения преступления, закрепленного в ст. 8 УК СРВ 2015 г., это опасное для общества деяние, т. е. оно должно выражаться в конкретных объективных действиях. Поэтому уголовное законодательство Вьетнама

¹ © Нгуен Дык Фук, 2023.

не ставит вопрос об уголовном ответственности для лица, намеревающегося совершить преступления [4, с. 15]. Однако выявление преступных намерений лица или определенной группы лиц будет иметь большое значение для предупреждения и борьбы с преступностью, а именно:

- убедительными воспитательными мерами, воздействуя на людей, намеревающихся совершить преступления, они заставляют их осознать опасность преступления для общества, если они его совершат, и тем самым отказаться от намерения совершать преступления;

- применять специальные меры по устранению условий, других объективных факторов для предотвращения совершения преступлений и ограничения последствий для общества.

2. Приготовление к преступлению.

После возникновения намерения совершить преступление, если лицу ничто не помешает, оно начнет готовиться к совершению преступления – создавать необходимые условия для совершения преступления (подготовка инструментов, средств, сбор необходимой информации и документов и планирование). Таким образом, поиск, подготовка, приобретение орудий и средств, создание необходимых условий для совершения преступления – это конкретные объективные действия, имевшие место в действительности, все они направлены на достижение определенной цели и подвергают угрозе посягательства конкретные общественные отношения, охраняемые уголовным законом.

3. Покушение на преступление: необходимые условия подготовлены, преступник приступает к совершению преступления, но по объективным причинам, не зависящим от его воли, преступление не может быть доведено до конца [1, с. 33].

4. Оконченное преступление: время не зависит от того, достиг ли лицо своей цели. Преступление признается оконченным, т. е. юридически завершенным, удовлетворяющим всем признакам состава преступления.

Таким образом, умышленное преступное деяние обычно проходит через все стадии, т. е. совершением объективных деяний, закрепленных в уголовном законе. Однако, согласно положениям уголовного законодательства СРВ, лицо, намеревающееся совершить преступление, не несет уголовной ответственности, поэтому оно не определяется как стадия умышленного преступления. Кроме того, практика предупреждения и борьбы с преступностью также показывает, что не в каждом конкретном случае лицо достигает результатов преступления, а в силу объективных причин, не зависящих от его воли, преступное деяние останавливается на разных стадиях и на каждой из них имеет различные характеристики и степень общественной опасности.

Исходя из вышеприведенного анализа, понятие стадий совершения преступления можно дать следующим образом:

Стадии совершения преступления – это этапы процесса совершения преступлений умышленно, которые отражают характер и опасность преступления в разное время, включая приготовление к преступлению, покушение на преступление и оконченное преступление [5, с. 29].

Регулирование стадий умышленного совершения преступления необходимо для того, чтобы правильно определить степень общественной опасности преступления, а также уголовную ответственность и индивидуализировать наказание для преступника.

Список литературы

1. Динь Ван Кье. Стадии умышленного совершения преступления // Закон. 2019. № 2. С. 33.
2. Уголовное право. Общая часть. Академия народной полиции, 2019. С. 129.
3. Ле Кам. Комментарий к Уголовному праву 2015 г. Ч. 1. Издательство Народной полиции, 2018. – С. 225.
4. Нгуен Нгок Ань. Характеристика стадий умышленного совершения преступления // Журнал Народной полиции. 2019. № 7. С. 15.
5. Нгуен Нгок Хоа. Понятие стадий умышленного совершения преступления // Журнал Народной полиции. 2018. № 11. С. 29.

Новиков А. М.¹,
профессор кафедры уголовного процесса
Московской академии Следственного комитета
Российской Федерации

Хорьяков С. Н.²,
доцент кафедры уголовного процесса
Московской академии Следственного комитета
Российской Федерации,
кандидат юридических наук, доцент

СООТНОШЕНИЕ ПРЕДМЕТА И ПРЕДМЕТОВ ДОКАЗЫВАНИЯ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Еще в 1910 г. И. Я. Фойницкий высказывался о необходимости установления события преступления, сведений о личности преступника, обстоятельств, уличающих и оправдывающих субъект преступления, на основании которых разрешается вопрос о привлечении лица к уголовной ответственности [7, с. 233], тем самым говорил о важности предмета доказывания.

Предмет доказывания как совокупность обстоятельств, подлежащих установлению, зафиксирован в современном уголовно-процессуальном законодательстве (ст. 73 УПК РФ) и включает в себя следующие элементы:

1. Событие преступления – все признаки объекта и объективной стороны преступления (время, место, способ и др.).

2. Виновность лица в совершении преступления, форма его вины, мотивы, т. е. обязательные и факультативные признаки субъективной стороны преступления. Она предполагает психическое отношение преступника к содеянному им и к последствиям совершенного деяния. Для доказывания виновности лица необходимо установить, что данное преступление совершено именно этим субъектом, установить форму вины (умысел или неосторожность) и определенный вид вины (для умысла – прямой или косвенный, для неосторожности – легкомыслие или небрежность). Далее необходимо установить факультативные признаки субъективной стороны: мотив (побудить к действиям), цель (предполагаемый желаемый конечный результат) и эмоции (психологическая окраска общественно опасного поведения). Иногда мотив и цель являются не факультативными, а обязательными признаками субъективной стороны, что определяется диспозициями статей Уголовного кодекса Российской Федерации (УК РФ) в соответствии с квалификацией преступного деяния. Необходимо также рассмотреть вопрос о том, обладает ли данное лицо признаками специального субъекта преступления.

В соответствии с постановлением Президиума Верховного Суда Российской Федерации от 27 июня 2007 г. № 33П07 приговор по уголовному делу о покушении на убийство изменен, действия осужденного переквалифицированы с ч. 3

¹ © Новиков А. М., 2023.

² © Хорьяков С. Н., 2023.

ст. 30, подп. «в» и «и» ч. 2 ст. 105 УК РФ на ч. 3 ст. 30, ч. 1 ст. 105 УК РФ, т. к. первоначально не был доказан мотив преступления (п. 2 ч. 1 ст. 73 УПК РФ) и поэтому выводы суда о виновности осужденного по ч. 3 ст. 30, подп. «в» и «и» ч. 2 ст. 105 УК РФ не соответствуют установленным фактическим обстоятельствам уголовного дела [1].

3. Обстоятельства, описывающие личность виновного – характеристика субъекта преступления. При описании необходимо установить анкетные данные, факты из биографии, привычки и особенности поведения, судимости, состояние на учетах у врачей нарколога и психиатра, что также входит в круг обстоятельств, способствующих совершению преступления.

4. Характер и размер вреда, причиненного деянием виновного. Преступлением может быть причинен один или несколько видов ущерба: моральный, физический, имущественный. В зависимости от характера и его размера зависит квалификация преступления, тяжесть наказания, признание или непризнание физического или юридического лица потерпевшим.

Характер и размер вреда в основном доказываются с помощью производства судебных экспертиз, но так происходит не всегда.

5. Обстоятельства, исключающие преступность и наказуемость деяния. В данном случае необходимо установить, действовало ли лицо в следующих условиях (ст.ст. 37–42 УК РФ):

- крайней необходимости;
- необходимой обороны;
- обоснованного риска;
- физического или психического принуждения;
- задержания лица, совершившего преступление;
- исполнения приказа или распоряжения.

6. Обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание. Они перечислены в ст.ст. 61 и 63 УК РФ, при этом список обстоятельств, отягчающих наказание, является исчерпывающим в отличие от перечня обстоятельств, смягчающих наказание, который является открытым.

7. Обстоятельства, влекущие освобождение от уголовной ответственности и наказания (ст.ст. 75, 76, 78, 90 УК РФ):

- деятельное раскаяние;
- примирение с потерпевшим;
- истечение сроков давности;
- применение к несовершеннолетнему лицу принудительных мер воспитательного воздействия и др.

8. Обстоятельства, подтверждающие, что имущество, подлежащее конфискации в соответствии со ст. 104.1 УК РФ, получено в результате совершения преступления или является доходами от иного имущества, либо использовалось или предназначалось для использования в качестве орудия преступления, либо для финансирования терроризма, организованной группы, незаконного вооруженного формирования, преступного сообщества (организации).

Кроме того, согласно ч. 2 ст. 73 УПК РФ, подлежат выявлению также обстоятельства, способствовавшие совершению преступления.

Изучив ряд представлений о принятии мер по устранению обстоятельств, способствовавших совершению преступления (других нарушений закона), следует отметить, что по большинству из них поступают ответы от соответствующих организаций и должностных лиц о привлечении должностных лиц, допустивших нарушения закона.

В юридической науке принято различать общий, особый и индивидуальный предметы доказывания. Перечень обстоятельств (ст. 73 УПК РФ) един для большинства уголовных дел и не зависит от квалификации преступления, за исключением дел в отношении несовершеннолетних (ст. 421 УПК РФ), о применении принудительных мер медицинского характера (ст. 434 УПК РФ) и некоторых других дел, которые имеют специфические отличия в предмете доказывания.

В отношении несовершеннолетних лиц общий предмет доказывания дополняется обязательным установлением их возраста, условий жизни и воспитания, уровня психического развития, а также степени влияния старших по возрасту лиц и иных особенностей личности (ст. 421 УПК РФ). Если возникают подозрения, что несовершеннолетний ограниченно вменяемый, то это также подлежит установлению.

Для установления условий жизни и воспитания запрашиваются характеристики с места учебы и работы, допрашиваются родители. На практике зачастую встречаются случаи внесения в отдел по делам несовершеннолетних при отделах полиции представлений с требованием предоставления следователю акта проверки жилищных условий несовершеннолетнего лица.

Уровень психического и интеллектуального развития проверяется практически по всем уголовным делам с участием несовершеннолетних лиц путем назначения комплексной психолого-психиатрической судебной экспертизы.

В науке уголовно-процессуального права существует точка зрения относительно того, что обстоятельства, перечисленные в ст. 421 УПК РФ, входят в общий предмет доказывания и не обладают спецификой. Так, возраст лица, совершившего преступление, в любом случае подлежит установлению (п. 3 ч. 1 ст. 73 УПК РФ), поскольку субъектом преступления может быть только лицо, достигшее возраста наступления уголовной ответственности (ст. 20 УК РФ). Условия жизни и воспитания несовершеннолетнего лица, влияние ставших по возрасту лиц также можно отнести к п. 3 ч. 1 ст. 73 УПК РФ [4, с. 224–225]. Однако законодатель не случайно сделал акцент именно на них, т. к. эти условия формируют несовершеннолетнего как личность, являются основой его социализации и развития. К тому же, предмет доказывания, указанный в ст. 421 УПК РФ, не заменяет, а дополняет, конкретизирует общий предмет доказывания.

По делам о применении принудительных мер медицинского характера общий предмет доказывания полностью заменяется на указанный в ч. 2 ст. 434 УПК РФ. В таких случаях к установлению времени, места, способа совершения преступления, причиненного вреда, а также субъекта преступления прибавляется установление сведений, связанных с психическими расстройствами преступников.

Необходимо устанавливать их наличие или отсутствие в прошлом, в момент совершения уголовно наказуемого деяния и после него, а также то, связано ли психическое расстройство лица с опасностью для него самого и других лиц. Особый предмет доказывания в таких случаях обусловлен тем, что законодатель стремится улучшить состояние психических больных в целях предупреждения совершения ими новых общественно опасных деяний.

Индивидуальный предмет доказывания зависит от вида преступления (против собственности, личности и др.), а также связан с тем, что каждое из уголовных дел обладает собственной спецификой. Такие правила установлены для производства предварительного следствия. Особенностью обладает усеченный предмет доказывания в дознании сокращенной формы. Так, в ст. 226.5 УПК РФ указывается, что достаточно собрать доказательства, направленные на установление события преступления, характера и размера причиненного вреда, виновности лица в совершении преступления.

Таким образом, по общему правилу необходимо исследовать все объективные и субъективные признаки конкретного деяния, но список обстоятельств, подлежащих установлению, не является исчерпывающим, он может дополняться и уточняться в зависимости от категории дела.

Некоторые известные процессуалисты (С.Ф. Шейфер, В. А. Лазарева, И. Б. Михайловская) в своих трудах выделяют в предмете доказывания главные и дополнительные (вспомогательные) факты. При этом первые рассматриваются как обстоятельства, которые подлежат доказыванию в первую очередь, они подтверждают, что состав преступления характеризуется всеми четырьмя элементами. Для этого необходимо установить событие преступления, т. е. является ли оно преступлением, совершено ли конкретным лицом, есть ли его вина. Объясняется выделение главных факторов тем, что при их отсутствии выяснение других (дополнительных) обстоятельств доказывания утрачивает смысл [8, с. 41].

П. А. Лупинская [3, с. 24] и И. Б. Михайловская [5] определяют главный факт, как обстоятельства, подтвержденные доказательствами, связанные с событием преступления, виновностью или невиновностью лица, с наступившими в результате совершения преступления последствиями в виде ущерба. И. Б. Михайловская также указывает, что все обстоятельства, подлежащие установлению, должны быть собраны, проверены и оценены в логической последовательности, с чем можно согласиться, но выделение главного факта, как верно подмечает А. В. Победкин [6], может вызвать у правоприменителя расположенность к тому, что вспомогательные факты доказывать необязательно.

А. Р. Белкин поддерживает точку зрения тех авторов, которые отрицают само понятие «главный факт», т. к. все обстоятельства, включаемые в предмет доказывания, считаются в равной мере подлежащими доказыванию [2, с. 46].

Главный факт составляют обстоятельства, относящиеся к составу преступления, но это не означает, что все остальные факты можно устанавливать по выбору и пренебрегать ими. Например, при назначении наказания обязательно должны учитываться смягчающие и отягчающие вину обстоятельства, характе-

ристика личности подсудимого; для предъявления гражданского иска необходимо устанавливать размер ущерба и т. д. Однако все это имеет смысл, когда установлен состав преступления. Если же он не установлен, то основания для привлечения лица к уголовной ответственности отпадают.

В суде в первую очередь исследуются вопросы, связанные с составом преступления (пп. 1–4 ч. 1 ст. 299 УПК РФ): было ли деяние (событие преступления), совершил ли его подсудимый (субъект), виновен ли он, является ли деяние преступлением, правонарушением или малозначительным событием? Ну установление ответов на вопросы и нацелен главный факт. Однако следует помнить, что остальные обстоятельства, указанные в статье 73 УПК РФ, также подлежат доказыванию. Важно соблюдать логическую последовательность действий.

В науке также существует понятия «промежуточный факт» и «вспомогательный факт». Они не закреплены в законе, поскольку в каждом уголовном деле они не одинаковы и специфичны, нацелены на установление предмета доказывания, и также подлежат доказыванию, позволяют сделать выводы о наличии или отсутствии обстоятельств главного факта.

Совокупность доказательств, необходимых для установления предмета доказывания, определяется субъектами по своему внутреннему убеждению.

Далее необходимо остановиться на характеристике пределов доказывания. Они носят оценочный характер.

Под пределами доказывания в юридической науке понимаются:

- совокупность доказательств, необходимая и достаточная для правильного рассмотрения и разрешения уголовного дела по существу;
- границы, в пределах которых происходит процесс доказывания;
- полнота всех установленных обстоятельств и глубина познания каждого отдельно взятого доказательства;
- объем необходимых следственных и иных процессуальных действий, необходимых для получения доказательств.

Пределы доказывания как границы позволяют считать установленным как предмет доказывания в целом, так и отдельные его обстоятельства. Они считаются не достигнутыми, если имеющиеся доказательства не позволяют полностью удостоверить какое-либо обстоятельство доказывания или доказанность данного обстоятельства вызывает сомнения.

В науке уголовно-процессуального права встречаются позиции относительно существования максимальных и минимальных пределов доказывания. Под ними понимается соответственно наибольшее и наименьшее количество доказательств, которое требуется собрать для рассмотрения и разрешения уголовного дела. В УПК РФ данные понятия не закреплены по той причине, что все доказательства свободно оцениваются на основе внутреннего убеждения (ст. 17 УПК РФ). Единственным исключением является положение ч. 2 ст. 77 УПК РФ: в случае, когда обвиняемый признает вину в совершении уголовно наказуемого деяния (что может быть положено в основу обвинения), но оно должно подкрепляться совокупностью имеющихся в уголовном деле доказательств.

Закрепление в УПК РФ максимальных и минимальных пределов доказывания нецелесообразно также потому, что заранее не возможно предположить какое

количество доказательств возможно и нужно собрать по каждому уголовному делу.

Минимальным пределом доказывания в современном понимании считается установление всех обстоятельств, входящих в предмет доказывания. При этом каждое из них должно быть именно надежно установленным, подтверждаться совокупностью логичных, взаимодополняющих и взаимообусловленных доказательств, устраняющих противоречивость и восполняющих пробелы в процессе доказывания.

Неоправданно увеличенные пределы доказывания в свою очередь вызывают затягивание процесса расследования, так называемую «волокиту». К ним можно отнести факты, которые не относятся к обстоятельствам дела, подтверждающие уже достоверно установленные, или не требующие доказывания вообще (общеизвестные, преюдиционные факты) и др.

Существуют правила, позволяющие верно определить пределы доказывания, среди которых можно выделить:

- обоснование каждого обстоятельства, имеющего значение для уголовного дела;
- оценивание доказательств, по внутреннему убеждению, недопустимость их механического повторения с целью увеличения их количества;
- знание о преюдициях и презумпциях;
- установление обстоятельств полно, всесторонне и объективно.

Пределы доказывания присущи не только стадии предварительного расследования. В ст. 252 УПК РФ закреплены пределы судебного разбирательства, сводящиеся к исследованию обстоятельств, связанных с обвиняемым и по предъявленному обвинению, а в ст. 226.5 УПК РФ указывается, что при производстве дознания в сокращенной форме доказательства собираются в объеме, достаточном для установления состава преступления.

Нельзя отождествлять понятия «предмет доказывания» и «пределы доказывания», поскольку первое определяет, что именно подлежит познанию, а второе устанавливает оптимальные границы (глубину) познания и обоснования обстоятельств, входящих в предмет доказывания.

Исходя из вышеизложенного, необходимо сделать вывод о том, что предмет доказывания представляет собой указанные в уголовно-процессуальном законодательстве обстоятельства, подлежащие установлению с помощью доказательств, добываемых в процессе доказывания, в целях правильного рассмотрения и разрешения уголовного дела. Правильное определение пределов доказывания способствует собиранию и исследованию доказательств в объеме, необходимом для формирования у субъекта доказывания перехода от вероятного к достоверному выводу относительно предмета доказывания.

Список литературы

1. Постановление Президиума Верховного Суда Российской Федерации от 27 июня 2007 г. № 33П07 // НПП «Гарант-сервис». URL: <https://base.garant.ru/1790571/>.

2. Белкин А. Р. Теория доказывания в уголовном судопроизводстве. М. : Норма, 2007.
3. Лупинская П. А. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации : учебник / отв. ред. П. А. Лупинская, Л. А. Воскобитова. 3-е изд., перераб. и доп. М. : Норма : Инфра-М, 2019.
4. Манова Н. С. Уголовный процесс : курс лекций. М. : Экзамен, 2005.
5. Михайловская И. Б. Суды и судьи. Независимость и управляемость : монография. М. : Проспект, 2016.
6. Победкин А. В. Уголовно-процессуальный закон России: на пути к отечественным нравственным ценностям // Судебная власть и уголовный процесс. 2017. № 4. С. 62–70.
7. Фойницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства. Т. 2 / под ред. А. В. Смирнова. СПб. : Альфа, 1996.
8. Шейфер С. А. Доказательства и доказывание по уголовным делам : монография. М. : Норма : Инфра-М, 2014.

Нуйкин С. Ю.¹,
старший преподаватель
кафедры предварительного расследования
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат исторических наук

Найденова О. М.²,
слушатель Института-факультета подготовки сотрудников
для органов предварительного расследования
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

РАЗГРАНИЧЕНИЕ МОШЕННИЧЕСТВА В СФЕРЕ КРЕДИТОВАНИЯ И НЕИСПОЛНЕНИЕ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ, ВЫТЕКАЮЩИХ ИЗ КРЕДИТНОГО ДОГОВОРА: АСПЕКТЫ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ

Одной из тенденций развития современного российского права является правовое регулирование сферы кредитования, в связи с чем в настоящее время приобретает актуальность вопрос охраны и защиты всех элементов кредитных правоотношений. Ответственность за правонарушения в указанной сфере устанавливаются гражданским, уголовным и административным законодательствами. Однако на практике до настоящего времени сохраняются проблемы, связанные с квалификацией неправомерных действий сторон в области кредитных отношений. Так, одни и те же действия квалифицируются по-разному различными правоприменителями. Если одни относят их к гражданско-правовым деликтам, другие усматривают в том же правонарушении признаки состава уголовно наказуемого деяния.

Как показывает судебно-следственная практика, с вступлением в законную силу нового Уголовного кодекса Российской Федерации (УК РФ) возникла проблема разграничения мошенничества в сфере кредитных отношений и гражданско-правовых деликтов. Так, в 2012 г. УК РФ дополнен квалифицированным составом ст. 159.1 УК РФ, что явилось специальной нормой по отношению к общему составу мошенничества (ст. 159 УК РФ) [1].

С появлением данной нормы вопросы разграничения вышеуказанных аспектов так и остались открытыми, разъяснений Пленума Верховного Суда Российской Федерации по данному вопросу также не появилось, хотя согласно пояснительной записке к проекту Федерального закона от 29 ноября 2012 г. №207-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» нововведение (ст. 159.1 УК РФ) «снизит число ошибок и злоупотреблений во время возбуждения уголовных дел

¹ © Нуйкин С. Ю., 2023.

² © Найденова О. М., 2023.

о мошенничестве, будет способствовать повышению качества работы по выявлению и расследованию таких преступлений, правильной квалификации содеянного органами предварительного расследования и судом, более четкому отграничению уголовно наказуемых деяний от гражданско-правовых отношений» [2].

Данные Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации показывают, что в период с 2019 г. прослеживается тенденция к снижению числа осужденных лиц за совершение деяний, предусмотренных ст. 159.1 УК РФ. Так, за 2019 г. за данный вид мошенничества осуждено 2 178 чел., за 2020 г. – 1 866 чел., за 2021 г. – 1 314 чел. При этом ч. 1 ст. 159.1 УК РФ является наиболее применяемой на практике по сравнению с другими.

Как мы полагаем, снижение числа уголовных дел, дошедших до суда, связано со следующими причинами:

- недоказанность умысла лица, получившего кредит, на совершение мошеннических действий;
- лицо, явившееся заемщиком, хоть и производило действия, направленные на возврат кредиторской задолженности, но в маленьких размерах;
- несмотря на предоставление недостоверных сведений, лицо осуществляет погашение кредиторской задолженности.

В свою очередь, мы считаем целью настоящей статьи определение критериев разграничения преступлений в сфере кредитования, а именно мошенничества в сфере кредитования (ст. 159.1 УК РФ) и неисполнения обязательств, вытекающих из кредитного договора, урегулированных в сфере гражданских правоотношений.

Стоит отметить, что гражданское право как отрасль частного права является в части сферы кредитования основой для уголовного законодательства. Расследование преступлений, а тем более разграничение мошенничества в сфере кредитования и гражданско-правовых деликтов невозможно без наличия специальных познаний в области гражданского права, и правоприменитель при квалификации уголовно-правового деяния должен исходить из определенных законодателем гражданско-правовых категорий.

Так, в целях правильной оценки, а в дальнейшем и квалификации действий заемщика при получении кредита необходимо правильно определить объект преступного посягательства, способ совершения такого деяния, оценить действия лица с точки зрения направленности умысла, а также признаки, указывающие на хищение денежных средств. С этой целью правоприменителю необходимо выполнить весь комплекс проверочных мероприятий по установлению фактов: имеет ли неисполнение обязательств, вытекающих из кредитного договора, признаки мошенничества. Такие действия должны содержать обязательно два условия: умысел на хищение данных денежных средств и предоставление ложных и (или) недостоверных сведений. При отсутствии хотя бы одного из вышеуказанных условий будет исключать квалификацию по ст. 159.1 УК РФ. Причем умысел должен быть направлен не только на хищение, как таковое, но и на предоставление таких сведений [7].

Говоря о признаках состава преступления, предусмотренного ст. 159.1 УК РФ, следует отметить, что непосредственным объектом являются общественные отношения, обеспечивающие охрану отношений в сфере кредитования. В свою очередь УК РФ не содержит определения кредитных правоотношений и отсылает правоприменителя к нормам гражданского законодательства, являющихся правовой основой в сфере кредитования. Правовой основой выступает § 2 гл. 42 разд. 4 Гражданского кодекса Российской Федерации (ГК РФ) [3].

В свою очередь, стоит отметить, что процедура кредитования как в Российской Федерации, так и за рубежом основана на кредитном договоре. Исходя из определения, содержащегося в ст. 819 ГК РФ, кредитный договор является видом договора, по которому банк или иная кредитная организация (кредитор) обязуются предоставить денежные средства (кредит) заемщику в размере и на условиях, предусмотренных договором, а заемщик обязуется возвратить полученную денежную сумму и уплатить проценты за пользование ею, а также предусмотренные кредитным договором иные платежи, в том числе связанные с предоставлением кредита.

Таким образом, состав рассматриваемого автором преступления, а именно мошенничества в сфере кредитования, основывается на гражданско-правовых отношениях между кредитором и заемщиком. Следовательно, субъектный состав данного преступления сформулирован на основе гражданско-правовых категорий. Необходимо также отметить, что предметом данного состава преступления по смыслу п. 13 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30 ноября 2017 г. № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» являются исключительно наличные или безналичные денежные средства, которые выступают в качестве заемных в процессе кредитования [4].

В данном случае стоит понимать, что на практике часто квалифицируется деяние неправильно. Так, потерпевшими по ст. 159.1 УК РФ могут выступать только те банки или иные кредитные организации, которые подпадают под признаки «юридического лица», содержащегося в ст. 50 ГК РФ, и которые имеют право на проведение такой банковской операции, как размещение привлеченных во вклады средств от своего имени и за свой счет. Это связано с тем, что одной из форм данной операции являются операции по размещению денежных средств по кредитным договорам [6].

Субъектом преступления и второй стороной кредитного договора выступает заемщик. Пленум Верховного Суда Российской Федерации № 48 дает определение данной категории, под которой понимается лицо, обратившееся к кредитору с намерением получить, получающее или получившее кредит в виде денежных средств от своего имени или от имени, представляемого им на законных основаниях юридического лица. Отметим, что ГК РФ не содержит толкование указанной категории.

Возвращаясь к диспозиции нормы ст. 159.1 УК РФ, отметим, что способом совершения указанного преступления является предоставление заведомо ложных (или) недостоверных сведений заемщиком банку или иному кредитору. Так,

предоставление кредитору заведомо ложных или недостоверных сведений выражается в обстоятельствах, наличие которых предусмотрено кредитором в качестве условия для предоставления кредита (как пример, это сведения о месте работы, доходах, финансовом состоянии индивидуального предпринимателя или организации, наличии непогашенной кредиторской задолженности, об имуществе, являющемся предметом залога). Заведомость в данном случае предполагает тот факт, что лицо уже в момент предоставления данных сведений знает об их ложности или недостоверности. Отметим также, что без наличия совершения деяния указанным способом, состав преступления отсутствует.

Субъективная сторона совершения преступления играет решающую роль в разграничении уголовно наказуемого деяния и гражданско-правового отношения. Для того чтобы квалифицировать деяние как мошенничество, необходимо, прежде всего, установить в каждом конкретном случае умысел лица: а именно, какую цель оно преследовало; планировало ли возвращать денежные средства кредитору; в связи с чем им были сообщены недостоверные (ложные) сведения кредитору.

Таким образом, мы приходим к обоснованному выводу о том, что, осуществляя заключение кредитного договора, у заемщика еще до заключения или вовремя заключения кредитного договора должен возникнуть умысел на хищение денежных средств, и это будет служить основанием определения признака субъективной стороны состава преступления, предусмотренного ст. 159.1 УК РФ. Одновременно с этим следует указать, что при неисполнении обязательств по кредитному договору в виде погашения задолженности, если у лица умысла на совершения хищения не было, либо он появился уже после заключения такого договора, указанные действия следует дополнительно квалифицировать по ст. 177 УК РФ при наличии соответствующих к тому оснований, указанных в диспозиции.

Следует отметить, что хищение по смыслу постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 декабря 2003 г. № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» – это совершенные с корыстной целью противоправные безвозмездное изъятие и (или) обращение чужого имущества в пользу виновного или других лиц, причинившие ущерб собственнику или иному владельцу этого имущества [5].

Исходя из данного разъяснения, считаем необходимым выделить следующие признаки хищения:

- корыстная цель;
- противоправность;
- безвозмездность изъятия;
- чужое имущество, обращение его в пользу виновного или других лиц;
- причинение вреда собственнику.

Исходя из вышесказанного, обязательным элементом хищения является корыстная цель, которая, согласно п. 26 Пленума Верховного суда Российской Федерации № 29, выражается в стремлении изъять и (или) обратить чужое имущество в свою пользу либо распорядиться указанным имуществом как своим

собственным, в том числе путем передачи его в обладание других лиц, круг которых не ограничен, т. е. необходимо понимать, что действия направлены и выражены в стремлении недобросовестного заемщика извлечь выгоду имущественного характера. В рассматриваемом виде мошенничества в сфере кредитования у заемщика возникает желание присвоить сумму кредита, что говорит о прямом умысле. Как было указано ранее, важной особенностью является то, что он формируется заранее.

Таким образом, отсутствие корыстной цели свидетельствует об отсутствии состава мошенничества как преступления. Примером может служить тот случай, когда заемщик предоставляет заведомо ложные сведения не в целях присвоить денежные средства себе, а в целях получить такие средства на льготных основаниях. Такие действия не будут квалифицированы по ст. 159.1 УК РФ, а могут и, по нашему мнению, должны быть квалифицированы по ст. 176 УК РФ «Незаконное получение кредита», но при наличии соответствующих к тому оснований и признаков.

Противоправность, являясь признаком любого преступления, выражается в запрещенности деяния уголовным законом, что также отличает преступления от гражданско-правовых деликтов. Она состоит в отсутствии права на завладение денежными средствами кредитора в порядке, нарушаемом российское законодательство, а именно нормативно-правовую основу процедуры кредитования.

Безвозмездность изъятия денежных средств выражается в том, что заемщик извлекает их из фактического владения кредитора и не имеет целью в надлежащем порядке возместить взятые денежные средства. Его цель обратить данные денежные средства в свою пользу или пользу иных лиц, т. е. нарушить содержание права собственности на такие денежные средства, чем наносится вред их собственнику. В процессе квалификации правоохранительным органам надлежит установить такое намерение, что отличает намерение лица уклониться от платежа или отсрочить возвращение. Его установление представляется довольно сложным процессом. Обстоятельствами, указывающими на него, являются, например, отсутствие у заемщика реальной возможности вернуть взятые денежные средства, использование для уклонения от исполнения таких обязательств причин, которые не подтверждены документально, либо создание видимости исполнения обязательств по кредитному договору путем предоставления поддельных платежных документов.

Стоит отметить, что если заемщик выполнил один или несколько платежей, то говорить здесь о наличии цели на обращение денежных средств в свою пользу нельзя и соответственно невозможно квалифицировать по статье мошенничество в сфере кредитования.

В случае установления правоохранительными органами умысла, направленного на создание видимости выполнения обязательств по кредитному договору путем внесения платежа, квалификация будет по ст. 159.1 УК РФ.

Таким образом, мы полагаем, что между невыполнением договорных обязательств и мошенничеством в сфере кредитования различие состоит именно в том, что лицо не берет на себя обязательства, а преследует корыстную цель, т. е. заемщик, осознавая недостоверность или ложность предоставляемых сведений,

желает безвозмездно обратить денежные средства в свою пользу. Однако в каждом конкретном случае необходимо устанавливать, существуют ли у лица объективные причины не исполнять обязательства по договору и надлежащее исполнение оказалось невозможным вследствие непреодолимой силы, т. е. чрезвычайных и непредотвратимых при данных условиях обстоятельств (важно понимать, что именно способ и умысел играют роль).

При этом сторона, не исполнившая обязательства по договору, несет гражданско-правовую ответственность, т. е. лицо, не исполнившее обязательство по договору, при отсутствии у него умысла на его неисполнение, не подлежит уголовной ответственности, однако подлежит гражданской ответственности за свои действия.

Список литературы

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 25.03.2022) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.
2. Законопроект № 53700-6» // Система обеспечения законодательной деятельности. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/53700-6>.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (ч. 2) от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ (ред. от 01.07.2021) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.07.2021) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 5. Ст. 410.
4. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30 ноября 2017 г. № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» (ред. от 15.12.2022) // Российская газета. 2017. № 280. 12 нояб.
5. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 декабря 2002 г. № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» (ред. от 15.12.2022) // Российская газета. 2003. № 9. 18 янв.
6. Комментарий к Федеральному закону от 2 декабря 1990 г. № 395-1 «О банках и банковской деятельности» (постатейный) / [Д. Г. Алексеева и др.]. URL: <https://www.consultant.ru/law/review/other/xm2022-07-06.html?ysclid=lgb7mtyouh-574155932>.
7. Подустова О. В., Соколова М. В., Капитонов В. Ю. Организация деятельности правоохранительных органов по обеспечению возмещения потерпевшим вреда, причиненного преступлением // Актуальные проблемы предварительного расследования : сборник научных статей. СПб. : Санкт-Петербургский университет МВД России, 2022. С. 147–152.
8. Предварительное следствие : учебник / [Р.Э. Адамян и др.]. 4-е изд., перераб. и доп. М. : Юнити-Дана, 2021.

Нуркаева М. К.¹,

доцент кафедры уголовного процесса

Уфимского юридического института МВД России,

кандидат юридических наук

МЕРЫ ПО СОВЕРШЕНСТВОВАНИЮ ПРАКТИКИ ПРИМЕНЕНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫХ НОРМ ОБ ОТДЕЛЬНЫХ ВИДАХ ИММУНИТЕТОВ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ ДОЗНАНИЯ

Иммунитет необходимо считать самостоятельным уголовно-процессуальным институтом, который сосредоточивает в себе систему норм, связанных с регламентированием специального порядка уголовного судопроизводства в отношении специальных субъектов дипломатического или должностного статуса, а также специального порядка производства отдельных процессуальных действий в отношении свидетелей.

Важным представляется то, что сущность иммунитета не связана с запретом уголовного судопроизводства в отношении определенных категорий субъектов, а лишь устанавливает его особый порядок с целью охраны общественных отношений, связанный с выполнением указанными лицами должностных функций или дипломатических обязанностей. Таким образом, рассматриваемая категория представляется институтом со сложной правовой природой, который включает в себя разнородные отношения, связанные с реализацией различных задач, будь то специальный порядок уголовного судопроизводства или процедура производства процессуальных действий в отношении свидетеля, который вправе отказаться от свидетельствования против самого себя или своих близких родственников.

В уголовно-процессуальной науке выделяют достаточное количество классификаций различных иммунитетов. Так, исходя из положений уголовно-процессуального законодательства, заслуживают внимания классификации, связанные с принадлежностью иммунитета определенному субъекту, а также классификация, на основании которой выделяют дипломатический, служебный и свидетельский иммунитет. Необходимо заметить, что в структуре каждого названного вида следует выделять еще и подвиды. Таким образом, изучение классификаций иммунитетов в уголовно-процессуальной деятельности позволяет вычленить отдельные виды иммунитетов, определить их степень реализации в рассматриваемых общественных отношениях, выявить проблемные аспекты, а также определить пути их решения. Важным представляется то, что отношения, связанные с реализацией отдельных уголовно-процессуальных норм об иммунитетах, касаются многих субъектов уголовного процесса. Кроме этого они возможны на любой стадии уголовного судопроизводства, в том числе в ходе предварительного расследования в форме дознания.

Свидетельский иммунитет является одним из самых распространенных категорий в структуре уголовно-процессуального законодательства. Необходимо от-

¹ © Нуркаева М. К., 2023.

метить, что указанная правовая категория является межотраслевой, т. к. регламентируется не только Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации (УПК РФ), но и иными нормативными правовыми актами, которые строятся на положениях ст. 51 Конституции Российской Федерации. Следует заметить, что уголовно-процессуальное законодательство содержит в себе легальное определение свидетельского иммунитета (ст. 5 УПК РФ). Законодатель определяет его, как право лица не давать показания против себя и своих близких родственников, а также в иных предусмотренных случаях. Законодатель связывает их с личностной принадлежностью свидетеля к определенной деятельности или нахождения на определенной государственной должности. Таким образом, в уголовно-процессуальном законодательстве появились нормы, которые запрещают допрашивать в качестве свидетелей отдельные категории субъектов (судей, адвокатов, священнослужителей, депутатов и др.). Вместе с тем в научном сообществе развернулись бурные дискуссии о реализации свидетельского иммунитета в отношении отдельных категорий субъектов, например, священнослужителей и адвокатов о ставших им известных фактах совершенных или готовящихся тяжких и особо тяжких преступлениях.

Вместе с тем свидетельский иммунитет преследует цели обеспечения основных значительных благ, таких как тайна исповеди, адвокатская тайна, тайна семьи, и поэтому названную категорию следует расценивать как потребность общества. Нормы о свидетельском иммунитете применяются на всех стадиях уголовно-процессуальной деятельности, в том числе при осуществлении дознания. Дознаватели наделены обязанностью обеспечить доведение до привлекаемых к делу лиц их прав о наличии у них свидетельского иммунитета, в случае несоблюдения указанной процедуры полученные без такого разъяснения доказательства неизбежно будут призваны недопустимыми.

Уголовно-процессуальное регламентирование дипломатических и служебных иммунитетов имеет важное значение для деятельности дознавателя. Указанная важность проявляется в том, что на основании международных нормативных правовых актов, а также действующего уголовно-процессуального законодательства субъекты дипломатических отношений обладают дипломатическим иммунитетом, причем это касается не только непосредственных субъектов таких отношений, но и обеспечивающий персонал. Кроме того, на указанных субъектов распространяется иммунитет на проведение в отношении их имущества различных процессуальных и следственных действий. Дознаватель при осуществлении своей деятельности должен это учитывать и обеспечивать.

Важность представляют отношения, которые возникают, исходя из уголовно-процессуальных положений, предусмотренных гл. 52 УПК РФ о категориях лиц, в отношении которых применяется особый порядок производства по уголовным делам. Указанные нормы составляют должностной иммунитет, который касается субъектов, прямо определенных законодателем в перечне ст. 447 УПК РФ. Необходимо отметить, что положения названной главы в полной мере касаются деятельности дознавателей, т. к. там закрепляется особый порядок осуществления уголовного преследования в отношении таких лиц, начиная от стадии возбужде-

ния уголовного дела. Следует особо выделить закрепленные специальные процедуры осуществления в отношении таких субъектов следственных действий, что также должно учитываться дознавателями при их осуществлении.

На сегодняшний день назрела необходимость обеспечения эффективной законодательной системы, которая регламентирует реализацию отдельных уголовно-процессуальных иммунитетов. Анализ законодательства и научных исследований позволил сформулировать определенные направления совершенствования законодательства, которое регламентирует вопросы уголовно-процессуальных иммунитетов, в том числе реализуемых в деятельности дознавателя.

Первым направлением следует считать вопросы, связанные с положениями о свидетельском иммунитете, которые отражены в положениях ст.ст. 5, 56 УПК РФ, а также ряда иных нормативных правовых актов. Анализ деятельности территориального органа внутренних дел и практики применения названных законодательных положений в деятельности дознавателей группы дознания отделения МВД России по Октябрьскому району Оренбургской области позволили выявить следующие проблемы:

Для начала проанализируем проблематику применения уголовно-процессуальных положений, которые регламентируют свидетельский иммунитет. По нашему мнению, сегодня уже назрела необходимость систематизации уголовно-процессуального законодательства относительно реализации свидетельского иммунитета. Следует указать, что необходимо согласиться с теми авторами научных исследований, которые обращают внимание на необходимость придания свидетельскому иммунитету принципиального статуса, закрепив его в положениях гл. 2 УПК РФ [4, с. 258–262]. Так, Конституция Российской Федерации закрепляет базовые демократические принципы, которые являются фундаментом осуществления различных общественных отношений. Они охватывают различные общественные отношения, в том числе и возникающие в рамках уголовного судопроизводства. Одним из таких базовых принципов является принцип свидетельского иммунитета. Отметим, что он имеет свое распространение не только на отношения, связанные с уголовным преследованием, но и на иные отношения, связанные с гражданскими, административными и иными отношениями, что только подчеркивает его несомненную важность.

Таким образом, считаем необходимым ввести в гл. 2 УПК РФ ст. 10.1 «Свидетельский иммунитет». Следует изложить указанную норму в следующем порядке:

«1. Свидетель имеет право не свидетельствовать против самого себя или своих близких родственников (супруг, супруга, родители, дети, усыновители, усыновленные, родные братья и родные сестры, дедушка, бабушка, внуки).

2. В случае согласия свидетеля дать показания он должен быть предупрежден о том, что его показания могут быть использованы в качестве доказательств по уголовному делу, в том числе и в случае его последующего отказа от этих показаний».

Реализация названных изменений поможет возвести свидетельский иммунитет в ранг принципиальных уголовно-процессуальных положений, что приведет к безусловному их исполнению, в том числе в ходе осуществления предварительного расследования в форме дознания.

Следующим возможным шагом реформирования уголовно-процессуальных положений о свидетельском иммунитете следует признать необходимость пересмотра перечня близких родственников, в отношении которых имеется свидетельский иммунитет. Так, как уже отмечалось, к таким родственникам относятся супруг, супруга, родители, дети, усыновители, усыновленные, родные братья и сестры, дедушка, бабушка, внуки. Вместе с тем в уголовно-процессуальных исследованиях освещается тот факт, что в сегодняшнем обществе происходит некоторая переоценка семейных традиций, что влечет за собой неминуемое изменение регулирования различных отраслей общественных отношений [1, с. 107–108]. Так, сегодня отдельные семьи предпочитают не оформлять свои отношения посредством регистрации брака, что влечет формальное отсутствие такого иммунитета. Мы полностью поддерживаем точку зрения, в соответствии с которой указанный вопрос подлежит обязательному урегулированию в структуре уголовно-процессуальных норм.

Таким образом, в современных условиях, когда институт брака трансформируется и часто приобретает форму сожителства, такая гарантия позволила бы обеспечить право не давать показания против сожительствающего лица. Для реализации идеи необходимо внести изменения в ст. 5 УПК РФ, закрепив понятие свидетельского иммунитета как право лица не давать показания против себя, своего супруга, близких родственников и близких лиц.

Следует согласиться с О. А. Ветровой, которая предлагает дополнить уголовно-процессуальное законодательство положениями о возможности отказа от дачи свидетельских показаний в случае если предусмотренные действующим законодательством меры безопасности не могут обеспечить его личную безопасность, а также безопасность его близких родственников и лиц, либо применение мер безопасности невозможно по каким-либо иным причинам [3, с. 70–76].

Многие ученые указывают на необходимость обеспечения государственной защиты свидетелю в связи с давлением на него со стороны защиты [2, с. 143–145]. Такие действия выражаются в угрозах, звонках, преследовании, даже уничтожением имущества или похищением близких свидетелю людей, с целью недопущения дачи свидетелем информации, уличающей преступника в преступном деянии. С этой целью отечественным уголовно-процессуальным законом предусмотрены меры обеспечения защиты прав граждан, содействующих уголовному судопроизводству при осуществлении дознания, например, могут быть изменены данные о личности свидетеля. Таким образом, внесение указанных изменений позволит не только обеспечить права свидетелей, но и подстегнуть развитие отношений, связанных с применением в отношении участников уголовного судопроизводства различных мер безопасности.

Вторым направлением совершенствования законодательного регулирования иммунитетов следует признать необходимость пересмотра положений о должностном и дипломатическом иммунитете.

Так, по нашему мнению, следует согласиться с исследователями, которые предлагают сократить перечень лиц, которые обладают иммунитетом в соответствии со ст. 447 УПК РФ. Так, А. С. Шаталов отмечает, что, основываясь на руководящих принципах по борьбе с коррупцией Совета Европы, эксперты-оценщики

этой организации высказались, в частности, за сокращение в законодательстве категорий лиц, на которых распространяется специальная процедура привлечения их к уголовной ответственности, а также за ее упрощение. Они рекомендовали пересмотреть положения законодательства о снятии с них иммунитетов с целью его упрощения, выработать методические рекомендации для сотрудников правоохранительных органов и судей по применению названных положений законодательства, установить конкретные и объективные критерии для их применения палатами Федерального Собрания Российской Федерации, Конституционным Судом Российской Федерации или квалификационной коллегией судей при рассмотрении запросов о снятии иммунитетов, а также гарантировать, чтобы решения, принимаемые по этому поводу, были свободны от политических мотивов и основаны только на обстоятельствах соответствующего запроса и лежащего в его основе расследования [5, с. 128–138].

В заключение отметим, что на сегодняшний день назрела необходимость обеспечения эффективной законодательной системы, которая регламентирует реализацию отдельных уголовно-процессуальных иммунитетов. Анализ законодательства и научных исследований позволил сформулировать определенные направления совершенствования названных общественных отношений применительно к свидетельскому иммунитету и иммунитету, который предусматривается положениями гл. 52 УПК РФ. Так, по нашему мнению, целесообразно возвести положения о свидетельском иммунитете в ранг принципиального положения, закрепив его в структуре гл. 2 УПК РФ.

Кроме того, важность представляют изменения, связанные с перечнем близких родственников, который фигурирует в ст. 5 УПК РФ и который используется при определении возможности не свидетельствовать против близких родственников. Однако в сегодняшнем обществе происходит некоторая переоценка семейных традиций, что влечет за собой неминуемое изменение регулирования различных отраслей общественных отношений, к примеру, многие граждане осуществляют сожительство, не заключая брак. Вместе с тем такой категории, как сожитель, в положениях уголовно-процессуального законодательства нет. Мы полностью поддерживаем точку зрения, в соответствии с которой указанный вопрос подлежит обязательному урегулированию в структуре уголовно-процессуальных норм.

Следует также задуматься о необходимости реформирования отношений, связанных с применением положений ст. 447 УПК РФ, которая регламентирует перечень субъектов, в отношении которых устанавливается особый порядок уголовного судопроизводства. Следует согласиться с исследователями о необходимости его сокращения, что будет способствовать реализации эффективности антикоррупционной составляющей, в том числе в деятельности органов предварительного расследования.

Список литературы

1. Богданова С. С. Свидетельский иммунитет в российском уголовном судопроизводстве // Вестник магистратуры. 2019. № 6-1 (93). С. 107–108.

2. Вейс В. О., Смушкин А. Б. Допрос в рамках обеспечения безопасности свидетелей // Эволюция современной науки : сборник научных трудов. В 4 ч. Ч. 3. Уфа : Аэтерна, 2016. С. 143–145.

3. Ветрова О. А. Свидетельский иммунитет: проблемы развития процессуального института // Современное уголовно-процессуальное право – уроки истории и проблемы дальнейшего реформирования : сборник научных статей. Орел : Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова, 2020. С. 70–76.

4. Прокофьева С. М. Актуальные проблемы свидетельского иммунитета в уголовно-процессуальном доказывании // Уголовное судопроизводство России: Проблемы и перспективы развития : сборник научных трудов. СПб. : Санкт-Петербургский университет МВД России, 2020. С. 258–262.

5. Шаталов А. С. Специальные субъекты в уголовном судопроизводстве России: порядок уголовного преследования // Журнал российского права. 2016. № 1 (229). С. 128–138.

Петраков С. В.¹,
 заведующий кафедрой
 управления следственной деятельности
 (Высшие академические курсы)
 факультета повышения квалификации
 Санкт-Петербургской академии
 Следственного комитета Российской Федерации,
 кандидат юридических наук, доцент

СПОСОБЫ ИДЕНТИФИКАЦИИ ЛИЦ, СОВЕРШАЮЩИХ ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПОСРЕДСТВОМ СЕТИ ИНТЕРНЕТ

Изучение данных, представленных на интернет-сайте МВД России о количестве преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации, свидетельствует о том, что в 2022 г. сохранился высокий уровень данных преступлений, раскрываемость которых низкая. Одной из общеизвестных причин этому является дистанционный способ совершения преступлений. В силу этого физического контакта между субъектом деяния и потерпевшим (при его наличии) или предметом воздействия не происходит при выполнении объективной стороны преступления. Соучастники преступления также могут взаимодействовать удаленным способом. Это усложняет работу правоохранительных органов по идентификации лиц, совершающих преступные деяния. Диссертационные исследования по соответствующим темам, раскрытые именно в криминалистическом аспекте, не дают полного комплекса мероприятий, направленных на идентификацию преступников [1, с. 12; 2, с. 18–19]. В связи с этим в данной статье раскроем ряд способов по установлению данных о соответствующих лицах, которые могут реализовываться органами предварительного расследования как самостоятельно, так и совместно с оперативными подразделениями.

Сгруппируем отдельные способы идентификации, а затем раскроем каждый из них:

- показания потерпевшего;
- перевод общения потерпевшего с преступником в национальные социальные сети / отправка фотографий из национальных социальных сетей (иностран- ных социальных сетей, представители которых зарегистрированы в Российской Федерации);
- анализ фотографий, полученных от преступника;
- поисковые средства в Telegram;
- логгирование;
- анализ контактов аккаунта преступника, а также его активности в социаль- ной сети.

Раскроем подробно данные способы:

1. Показания потерпевшего являются актуальными как в ситуации, когда преступник прекратил общение, так и в ситуации продолжающего общения посредством сети Интернет. У потерпевшего помимо обстоятельств совершенных

¹ © Петраков С. В., 2023.

действий необходимо выяснить, каким образом состоялось удаленное знакомство и общался ли он с лицом в какой-либо иной социальной сети (мессенджере)? Возможны ситуации, когда лица начали общение в какой-либо, и преступник предложил перейти на общение в Telegram. Если данный факт имел место, то необходимо выяснить название социальной сети и сохранившейся переписки, фотографий. При установлении названия необходимо установить, включена ли она в реестр социальных сетей, ведущийся Роскомнадзором. Доступ для проверки по реестру можно получить на интернет-странице по адресу: <https://530-fz.rkn.gov.ru/>. Например, социальная сеть Likee. При наличии сохранившихся данных о пользователе (преступнике) необходимо обратиться к ее представителю в России для получения данных об этом пользователе, имеющих в распоряжении социальной сети. Для получения контактных данных возможно обращение в Роскомнадзор.

2. Перевод общения потерпевшего с преступником в национальные социальные сети имеет место быть в ситуации продолжающегося удаленного общения преступника с потерпевшим. Первоначально возможна отправка каких-либо ссылок на фотографии с личной странички потерпевшего из национальной социальной сети в мессенджер, в котором общаются он и преступник. После этого необходимо отправить запрос в администрацию национальной социальной сети. Характер запрашиваемой информации следователям известен. Здесь важен сам факт отправки ссылки на актуальную фотографию с личной странички. При переводе общения в национальные социальные сети необходима активная роль следователя и его обращение за помощью в оперативные подразделения, имеющие опыт проведения данных мероприятий. В этой ситуации важным является то, чтобы потерпевший исключил дальнейшее инициативное общение с преступником посредством сети Интернет.

3. Анализ фотографий, полученных от преступника, актуален как в ситуации прекратившего общения (если фотографии ранее были отправлены), так и ситуации продолжающегося общения. В последнем случае это будет дополнением к методу, приведенному выше. Анализ фотографий направлен на получение метаданных снимка (если они имеются), а также на изучение окружающей обстановки (дома, улицы, достопримечательности) для возможной дальнейшей идентификации места посредством поисковых ресурсов в сети Интернет. В настоящее время часть социальных сетей и мессенджеров удаляет метаданные из снимков. Вместе с тем остаются еще ряд социальных сетей, которые их сохраняют.

4. Поисковые средства в мессенджере Telegram также актуальны для обеих ситуаций общения с преступником. Для этого необходимо установить ID личной странички преступника. Это возможно определить или в Web-версии мессенджера (в адресной строке), или путем пересылки сообщения Telegram-боту `userinfobot`, или путем пересылки никнейма (указан после @) Telegram-боту `aid id checker`. Дальнейшие поисковые мероприятия возможно проводить по установленному ID. Тактически важным является использование Telegram-ботов, не передающих в личную страничку искомого лица сообщение о производимых командах по установлению его данных, например, Telegram Analyst (в очень редких

случаях возможна идентификация номера телефона и IP-адреса, посредством которого лицо получило доступ), TgScanRobot и TeleSINT (установление открытых групп, в которых искомый пользователь может состоять, и изучение содержания данной группы). Немаловажным является использование оплаченной подписки на данные боты. По более полному перечню ботов, а также для оказания практической помощи по их использованию следователь может обратиться к оперативным подразделениям, специализирующимся на выявлении соответствующих преступлений или к организациям, оказывающим соответствующую специализированную помощь (например, «Интернет-розыск», «Ти Хантер»). Руководитель компании «Интернет-розыск» И. С. Бедеров оказывал методическую помощь в проведении занятий по использованию соответствующего инструментария.

5. Логгирование является самым сложным как с технической и организационной, так и с психологической стороны при получении данных для получения данных, позволяющих идентифицировать преступника. Данный способ возможен в ситуации продолжающегося общения между преступником и потерпевшим. Его использование возможно при предварительном обсуждении следователя (при возбуждении уголовного дела), оперативного сотрудника и потерпевшего. Так же как и в продолжении общения с преступником с переводом общения в национальные социальные сети обязательным условием является запрет дальнейшего общения непосредственно потерпевшим. Реализация данного способа возлагается непосредственно на оперативные подразделения, которые могут привлечь соответствующих технических специалистов. Фактически использование его возможно в рамках следственного эксперимента, но в настоящее время это маловероятно в силу как неготовности правоприменительной практики, так и организационного аспекта (длительность проведения данного мероприятия). Поскольку при реализации данного способа не исключается факт выявления логгирования со стороны преступника, то его целесообразно использовать в самом крайнем случае (например, при общении лиц в мессенджере Telegram). Альтернативой использования данного способа может являться отправка фотографий потерпевшего с его личной странички в национальной социальной сети. Существенным минусом при этом может являться длительность получения информации от администрации социальной сети и возможность реализации преступником своих целей при общении с другими потерпевшими.

6. Анализ контактов аккаунта преступника вытекает из обязательно выдвигаемой версии, что преступник параллельно ведет переписку с несколькими потерпевшими. Данный способ возможно полноценно реализовать при общении в национальной или иностранной социальных сетях, представительство (филиал или уполномоченное юридическое лицо) которых присутствуют на территории России. В этой ситуации необходимо затребовать по судебному решению от администрации персональные данные «друзей» из личной странички преступника, переписку за конкретный период. После этого – организовать установление контактов с потенциальными потерпевшими и реализацию вышеуказанных способов с ними.

Несмотря на сложность идентификации лиц, совершающих преступления удаленным способом, необходимо помнить, что преступнику, как и любому человеку, свойственно допускать ошибки и при комплексности использования способов идентификации, возможно получение данных о личности субъекта преступления.

Список литературы

1. Кот Е. А. Расследование преступлений, совершенных в сети Интернет, связанных с побуждением несовершеннолетних к суициду : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.12. Калининград : Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта, 2022.

2. Кутузов А. В. Методологические основы раскрытия и расследования преступлений экстремистской направленности с использованием информационно-телекоммуникационной сети Интернет : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.12. Ростов-на-Дону : Ростовский юридический институт МВД России, 2022.

Победкин А. В.¹,
начальник кафедры уголовной политики
Академии управления МВД России,
доктор юридических наук, профессор

«КОНТЕКСТ СОБЫТИЙ» И ПРИНЦИПЫ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

Проблемы уголовно-процессуальной правоприменительной практики определяются тремя основными причинами:

- 1) недостаточный уровень нравственного воспитания должностных лиц, осуществляющих судопроизводство;
- 2) невысокий уровень юридической подготовки [9, с. 3–9];
- 3) несовершенство уголовно-процессуального законодательства.

Несмотря на неочевидность следующего утверждения, однако, все три указанные причины тесно взаимосвязаны. Безнравственность, бездуховность, отсутствие чувства совести, стыда способны загубить самый лучший закон при его применении, а закон, который не основан на нравственных началах, гасит в должностных лицах лучшие нравственные порывы, превращает их из «призванных» в чиновников, выполняющих рутинную техническую работу. Слабая подготовка правоприменителя также не дает возможности правильно истолковать уголовно-процессуальное законодательство, усмотреть в нем истинный смысл и применить норму с учетом ее нравственного содержания и конкретных обстоятельств.

Реагируя на резонансные случаи или массовую ошибочную правоприменительную практику, законодатель стремится максимально детализировать уголовно-процессуальное законодательство, фактически превращая его едва ли не в административный регламент [7, с. 101–111; 8, с. 42–46]. Стесненный его рамками правоприменитель зачастую и не имеет возможности действовать, исходя из лучших нравственных качеств, по совести, особенно в ситуациях, которые прямо законом не урегулированы. Склонность должностных лиц, осуществляющих судопроизводство, действовать исключительно согласно буквальному толкованию нормы хорошо известна. Мало кто готов взять на себя ответственность поступить согласно духу закона, применить аналогию права, тем более, что Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (УПК РФ), в отличие от иных процессуальных кодексов, не содержит указания на возможность применения аналогии. Представляется, что, тем самым, законодатель поддерживает ошибочную позицию, согласно которой аналогия как способ преодоления пробелов в уголовно-процессуальном праве недопустима [2, с. 36].

Очевидно, однако, что урегулировать все мыслимые ситуации в динамичном процессе невозможно. Аналогия – ординарный юридический прием, без которого не обойтись ни в одном юридическом процессе, включая и уголовный. Достаточно длительная юридическая подготовка в образовательных организациях и направлена на то, чтобы выпускник был способен не только прочесть закон

¹ © Победкин А. В., 2023.

и буквально его истолковать, но и понять смысл нормы, использовать различные виды толкования и, мало того, учитывать обстановку, в которой предстоит применить правовую норму. Именно так! Применение нормы права без учета конкретных обстоятельств (в том числе и жизненного непроцессуального характера) означало бы игнорирование традиционных отечественных духовно-нравственных ценностей, которые могут оказаться незаменимыми при толковании процессуальной нормы, применении аналогии, обеспечении доверия населения и участников судопроизводства к принятому уголовно-процессуальному решению.

К сожалению УПК РФ, который принимался под попеременным кураторством Совета Европы и Американской ассоциации юристов, не содержит понятий, означающих такие ценности, а его содержание (особенно в первоначальных редакциях) ориентировано на формализм, прагматизм и договоренности. Немудрено, что он и практика его применения не снискали массового доверия населения страны, что ежегодно подтверждается данными, приводимыми в докладах Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации.

Заметим, что Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации (КАС РФ) предусматривает, что принципом судопроизводства является не только законность, но и справедливость. Характерно, что и законность, и справедливость обеспечиваются не только точным, но и соответствующим обстоятельствам административного дела правильным толкованием и применением нормативных правовых актов (ст. 9 КАС РФ).

Позитивно, что законодатель считает справедливость принципом административного судопроизводства. Однако точное и соответствующее обстоятельствам дела толкование и применение норм права обеспечивает скорее все же законность. Справедливость – понятие сложное и многогранное, оно связано не только с обстоятельствами конкретного дела, но и с жизненными обстоятельствами в широком смысле.

Учет жизненных обстоятельств в рамках «кодекса-регламента» невозможен. Вот почему механически распространять на нормативные акты уровня законов правила, обязательные для инструкций, не следует.

Некоторые авторы стремятся применить к УПК РФ положения Методики проведения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов [13] (далее – Методика) и видят в кодексе целый спектр норм, влекущих коррупционные риски [11, с. 214–220].

Положения Методики применимы к уголовно-процессуальному законодательству с учетом того, что у властных должностных лиц, даже при использовании законодателем понятий оценочного характера или требующих толкования, нет никакой свободы усмотрения. Конечно, в УПК РФ следовало бы указать, что любое процессуальное решение принимается только на основании достаточных доказательств, что исключило бы возможность принятия процессуальных решений, в том числе и ограничивающих права и свободы человека, на основании сведений, не являющихся доказательствами. Однако достаточность доказательств всегда определяется на основании внутреннего убеждения и применительно к конкретным обстоятельствам. Правильное решение, соответствующее

обстановке, только одно, и правоприменитель обязан его найти. Равно не является коррупционным фактором использование в УПК РФ термина «вправе» применительно к должностным лицам, осуществляющим уголовное судопроизводство. Следователь вправе (например, произвести очную ставку) исключительно в том случае, когда для этого имеются основания, т. е. необходимость принятия решения обуславливается установленными обстоятельствами. Употребление в тексте УПК РФ категорий оценочного характера (по Методике – «юридико-лингвистическая неопределенность») также не свидетельствует о коррупционности нормы, поскольку принятие справедливых решений в уголовном процессе только и возможно при наличии категорий оценочного характера. Любая процессуальная ситуация уникальна, правила уровня административного регламента не способны обеспечить принятие универсальных справедливых решений в конкретной обстановке. Потому и в Уголовном кодексе Российской Федерации (УК РФ) принятие справедливого решения способно обеспечить не абсолютно, а относительно определенные санкции. Властные участники уголовного процесса обязаны адекватно оценить сложившуюся ситуацию, установить все значимые обстоятельства и принять процессуальное решение на основании внутреннего убеждения, руководствуясь совестью.

В. Д. Зорькин возводит диалектичность в число одного из основных правил адекватного толкования нормы права: «...контекст событий ... обязан принимать во внимание любой честный юрист-правоприменитель» [3], «выявлением конституционного смысла нормы Конституционный Суд приспособляет ее к меняющимся условиям общественного развития, придает ей более полное правовое наполнение, отвечающее новым реалиям» [4], «...заложенный в конституционном тексте глубокий правовой смысл позволяет адаптировать этот текст к меняющимся социально-правовым реалиям в рамках принятой в мировой конституционной практике доктрины «живой Конституции» [5].

Уголовно-процессуальное право, конечно, тоже «живое право» и при его применении нужно учитывать контекст событий. Однако этому сегодня препятствует стремление законодателя придать тексту УПК инструктивный характер, чем резко снижается регулирующий потенциал общих норм, в частности принципов уголовного процесса.

К сожалению, принципы уже не являются значимыми категориями ни для законодателя, ни для правоприменителя. Они не учитываются при совершенствовании УПК РФ, не являются ключевым фактором при применении аналогии, поскольку судебная практика идет по пути буквального толкования нормы, а правила применения аналогии властным участникам процесса или неизвестны, или их применение оценивается как слишком рискованное.

Уголовно-процессуальное право не сводится к перечню детальных процедур. Право – идейное явление. Должностные лица, решающие человеческие судьбы в ходе уголовного судопроизводства, – не чиновники, не операторы, и не представители сферы оказания услуг, как иногда пишут в литературе. Так, например, Ю. А. Цветков пишет, что следственная деятельность «не юридический шаманизм, не разновидность искусства и даже не социальное служение – это такая же

точно операционная деятельность, как и любая иная деятельность по производству товаров и оказанию услуг, которая подчиняется одним и тем же экономическим законам» [12, с. 3]. При таком взгляде на уголовно-процессуальную деятельность вряд ли возможно обеспечить справедливость решений, от которых зависят судьбы участников процесса, а нередко, их близких родственников и последующих поколений.

Читатель вправе задать вопрос: правомерно ли ставить задачу обеспечивать в уголовном процессе справедливость с учетом неопределенности этого понятия, его очевидной оценочности? Представляется, что явная и основная проблема современного отечественного уголовного судопроизводства, состоящая в недостаточном доверии жителей страны к его результатам, не может быть решена до тех пор, пока оно не будет основано на понятных, традиционных для россиян ценностях, в числе которых патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, высокие нравственные идеалы, приоритет духовного над материальным, гуманизм, милосердие, справедливость, коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение, историческая память и преемственность поколений [14].

Право, не основанное на таких ценностях, работать не будет. И. А. Ильин трактовал справедливость как антитезу равенству «...справедливость совсем не требует равенства. Она требует предметно-обоснованного неравенства ... справедливость есть искусство неравенства. В ее основе лежит внимание к человеческой индивидуальности и к жизненным различиям. Но в основе ее лежит также живая совесть и живая любовь к человеку» [6, с. 17–18]. Ключевым в понимании справедливости выдающимся мыслителем лежит идея о том, что никаких критериев справедливости, кроме ощущения ее найти, невозможно. Это очень точно. И все же понятие «справедливость» лежит в области соответствия представлений о должном в конкретной ситуации и применительно к конкретному человеку, обществу, народу. Справедливо – это значит в полном соответствии с реальным миром, потребностями добра, ожиданиями людей.

Система идей, на основании которых осуществляется уголовно-процессуальная деятельность, должна быть понятна из текста закона или прямо сформулирована. Умение толковать закон, в том числе с учетом конкретной общественно-политической ситуации, контекста событий, конечно, искусство, которому нужно учиться, без которого нельзя обойтись и которое невозможно заменить пусть даже очень точным исполнением «инструкции для правоприменителя». Задача законодателя – создать для такого искусства необходимые условия.

Однако выполняют ли принципы, предусмотренные гл. 2 УПК РФ, роль общих правил, способных обеспечить учет контекста событий, справедливость, правду, торжество духовного над материальным, отношение должностных лиц к уголовно-процессуальной деятельности как к служению, носящему едва не сакральный характер? Увы, ответ может быть только отрицательным. Принципы уголовного судопроизводства сегодня или обычные регулятивные нормы, или дублирование конституционных прав и свобод человека, или идеи, распространяющиеся только на отдельные стадии, а содержание некоторых и вовсе неверно ориентирует относительно заявленных в названии принципа понятий (например,

принцип законности, не требующий соблюдать уголовно-процессуальный закон; или принцип независимости судей, не защищающий их от незаконного влияния руководителей судов и вышестоящих судебных инстанций).

Между тем отечественные духовно-нравственные ценности должны ясно усматриваться из содержания уголовно-процессуального закона, которое в свою очередь определяется соответствующими заявленными законодателем категориями высокой степени общности. Такое решение позволит правоприменителю не только правильно применять нормы права, но и культивировать в себе отношение к уголовному процессу как сфере, прежде всего, с нравственным содержанием.

В уголовный процесс нужно вернуть истину, а идею о необходимости стремления к ней включить в число принципов уголовного судопроизводства. Пришло время переболеть представлениями об истине в уголовном судопроизводстве как причине нарушений прав участников уголовного судопроизводства, и, тем более, пыток, применяемых к обвиняемым (подозреваемым). Причины нарушений уголовно-процессуального закона не в стремлении к истине, а в безнравственности правоприменителя и слабой юридической подготовке.

В системе принципов уголовного судопроизводства надо найти место принципу совести. Отрадно, что совесть названа законодателем фактором, которым необходимо руководствоваться при оценке доказательств, однако совесть имеет более мощный одухотворяющий нравственный потенциал. Принцип совести неразрывно связан с принципом законности. Законность, которая должна заключаться в требовании неуклонного соблюдения уголовно-процессуального законодательства всеми его участниками, предполагает, что нарушение закона – деяние бессовестное. При этом адекватное толкование процессуальной нормы, в свою очередь, невозможно без опоры на совесть, позволяющей учесть «контекст событий».

Принципами уголовного судопроизводства следует считать идеи гуманизма (включая гуманное отношение к потерпевшему и каждому члену общества, а не только к обвиняемому и подозреваемому), милосердия (исключительно к искренне раскаявшимся, вина которых доказана в полноценном уголовно-процессуальном порядке, без каких-либо изъятий), нравственности уголовного судопроизводства, свободы оценки доказательств. Эти идеи придают уголовно-процессуальной деятельности не чиновничий, а духовно-нравственный смысл, поднимая деятельность должностных лиц, осуществляющих уголовное судопроизводство, до уровня служения стране и ее народу.

Отдавая должное традиционному представлению о необходимости различать понятия целей, задач, принципов уголовного судопроизводства, рискуем предложить не сужать понимание принципов уголовного процесса до идей, которые определяют лишь существенные характеристики самой уголовно-процессуальной деятельности, отличаясь этим от целей, задач уголовного процесса. В. Т. Томин соотношение целей и принципов объясняет понятно и образно: «Единство, конечно, есть, но это единство в составе противоречия. Часть принципов конструируются метасистемой как раз для того, чтобы оградить общество и лично-

сти, его образующие от негативных последствий слишком энергичной деятельности по достижению цели уголовного процесса» [10, с. 19]. Это так, учитывая, однако, что любые принципы представляют собой систему, где каждый ее элемент влияет на другие, обуславливает их правильное применение и препятствует искажению. Цель – идея, безусловно, принципиального уровня и при широком взгляде на принципы выступает одним из них. Идея, претендующая на роль принципа, может быть положена в основу любых уголовно-процессуальных категорий, в том числе целей, задач, назначения уголовного судопроизводства. Главное, чтобы она подчиняла себе весь его порядок, задавала верный вектор законотворческой работе по совершенствованию уголовно-процессуального права.

Представление о принципах как идеях по возможности максимальной степени общности, воплощающих представление народа о важнейших духовно-нравственных ценностях, позволяет однозначно решить вопрос о допустимости исключений из принципов, которые некоторыми специалистами считаются нормальным явлением [1, с. 14]. Разве можно допустить исключения из справедливости, истины, гуманизма, совести? Ответ очевиден.

Принципы уголовного судопроизводства соответствуют своему статусу только при условии, что являются идеями, основанными на духовных ценностях, уважении к праву, определяют содержание всего уголовно-процессуального права, соответствуют социальному назначению уголовного судопроизводства, сформулированы в доступной для обычного человека форме.

Только такое понимание принципа позволит учитывать «контекст событий» в ходе каждого конкретного уголовного судопроизводства, обеспечить законное и справедливое производство и его результат.

Список литературы

1. Безруков С. С. Принципы уголовного процесса : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.09. М. : ВНИИ МВД России, 2016.
2. Власенко Н. А. Об аналогии в современном процессуальном праве // Российская юстиция. 2005. № 7.
3. Зорькин В. Д. Право – и только право // Российская газета. 2015. 24 марта.
4. Зорькин В. Д. Из выступления на IX Всероссийском Съезде судей. URL: www.supcourt.ru.
5. Зорькин В. Д. Буква и дух Конституции // Российская газета. 2018. 10 окт.
6. Ильин И. А. Поющее сердце. Книга тихих созерцаний // Поющее сердце. О сопротивлении злу силою. М. : АСТ, 2020.
7. Победкин А. В. Уголовно-процессуальный кодекс: форма живого права или «бездушная» инструкция // Библиотека криминалиста. 2017. № 3 (32).
8. Россинский С. Б. УПК Российской Федерации: воплощение «высокого» предназначения уголовно-процессуальной формы или «памятка» для безграмотных правоприменителей // Законы России: опыт, анализ, практика. 2021. № 6.
9. Россинский С. Б. Что может быть практичнее хорошей теории // Юридическое образование и наука. 2018. № 9.

10. Уголовный процесс России. Проблемные лекции : учебное пособие / науч. ред. В. Т. Томин, А. П. Попов и И. А. Зинченко. Пятигорск : РИА-КМВ, 2014.

11. Угольникова Н. В. Юрико-лингвистическая неопределенность норм уголовно-процессуального права как коррупционный риск // Современное уголовно-процессуальное право – уроки истории и проблемы дальнейшего реформирования. 2021. Т. 2. № 1 (3).

12. Цветков Ю. А. Управление в следственных органах. Курс лекций : учебное пособие / под ред. А. И. Бастрыкина. М. : Юнити-Дана, 2019.

13. Методика проведения антикоррупционной экспертизы нормативных актов и проектов нормативных правовых актов : утверждена постановлением Правительства Российской Федерации от 26 февраля 2010 г. № 96 «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2010. № 10. Ст. 1084.

14. Основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей : утверждены Указом Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовных нравственных ценностей. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202211090019?ysclid=lh363q74e0671041421>.

Попенков А. В.¹,
старший преподаватель
кафедры предварительного расследования
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРИНЦИПА СОСТЯЗАТЕЛЬНОСТИ СТОРОН В ДОСУДЕБНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ

Законодатель в ст. 15 гл. 2 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (УПК РФ) в качестве одного из принципов уголовного судопроизводства закрепил принцип состязательности сторон.

С момента принятия действующего УПК РФ и по сей день данный принцип активно исследуется в трудах ученых-процессуалистов. Так, различные аспекты его теоретического выражения и реализации на практике отражены в работах С. Д. Оспанова, В. П. Смирнова, А. Давлетова, Н. Н. Полянского, Т. Ю. Вилковой, А. Э. Амасьянца и многих др.

Особый научный интерес к исследуемому принципу объясняется в первую очередь тем, что, как отметил Д. С. Оспанов, «принципы уголовного судопроизводства выражают сущность процесса, направляют уголовно-процессуальную деятельность» [1, с. 107–116] – следовательно, наличие принципа состязательности сторон в действующем уголовно-процессуальном законодательстве фактически обуславливает существование в нашем государстве состязательной модели уголовного процесса, которая, учитывая гуманистически-демократические тенденции современного общества, является наиболее приемлемой.

Принцип состязательности различным образом трактуется в трудах ученых. Так, к примеру, В. П. Смирнов высказал точку зрения, в соответствии с которой принцип состязательности «заключается в построении процессуального порядка судебного разбирательства и исследования доказательств таким образом, что сторонам обеспечена возможность активно отстаивать свои права и интересы» [2]. Данное определение, на наш взгляд, основано на толковании термина «состязательность», который С. И. Ожегов определял, как «процесс, в котором обе стороны могут активно защищать свои права» [3]. Действительно, основой принципа состязательности является возможность каждой стороны, участвующей в уголовном процессе свободно и активно собирать доказательства и предоставлять их в суде, отстаивая свою точку зрения.

Именно с возможностью свободно собирать доказательства связывает принцип состязательности А. Давлетов, выделяя при этом слаженности его практической реализации. Ученый отмечает: «предоставив участникам дела, разделенным на две части, право на собирание доказательств творцы Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации не создали механизм действительного равенства субъектов и не превратили участников в истинные стороны состязательного уголовного процесса» [4, с. 51].

¹ © Попенков А. В., 2023.

В то время, как, к примеру, А. Э. Амасьянц, развивая изложенную выше позицию, отошел от предложенного толкования термина и связал принцип состязательности сторон с обеспечением прав участников уголовного процесса, отметив, что «взяв состязательность за основу уголовно-процессуального права, законодатель возложил на данные нормы надежду, связанную с деятельностью защитника» [5, с. 42–48].

Каждая из представленных выше точек зрения раскрывает отдельные характеристики исследуемого принципа, однако не отражает его общей целостной характеристики. Это обусловлено в первую очередь тем, что законодатель не определил его сущностной характеристики, а лишь указал на обязательность создания судом условий для его реализации. Аналогичной позиции придерживаются Е. А. Курнышева и И. В. Ильин [6, с. 130–134].

В связи с чем наиболее удачным трактованием принципа состязательности, на наш взгляд выступает определение, представленное О. Б. Виноградовой и С. П. Портянкиной в качестве «классического» и раскрывающее данный принцип как действия, состоящие в «оспаривании сторонами уголовного процесса излагаемых точек зрения относительно виновности подсудимого в совершении преступления, реализуемые путем представления суду соответствующих доказательств, а также их исследовании» [7, с. 264–268].

Однако и данное определение нельзя назвать идеальным, т. к. в нем фигурирует такой участник уголовного процесса, как «подсудимый», «появляющийся» только в судебной стадии уголовного судопроизводства в то время, как принцип состязательности присущ и досудебной стадии производства по уголовному делу.

Для более четкого отражения сущности исследуемого принципа обратимся к конструкции его законодательного закрепления в норме УПК РФ. Так, ч. 1 ст. 15 УПК РФ закрепляет положение, в соответствии с которым уголовное производство осуществляется на основе состязательности сторон. Анализируя данный принцип, представляется логичным, что уголовное судопроизводство осуществляется двумя сторонами – защиты и обвинения, а его смысл сводится к так называемому спору между этими сторонами, в результате которого должна «родиться» истина о виновности или невиновности лица. Схожее видение данного положения мы можем видеть в трудах А. М. Нестеровой [8, с. 50–52].

Часть 2 ст. 15 УПК РФ выражает принцип состязательности сторон через обязательность разделения функциональных обязанностей по осуществлению обвинения, защиты и разрешения уголовного дела по существу между различными органами и должностными лицами, не допуская при этом их слияния в каком-либо виде. Данное положение, дополняя рассмотренное выше, обеспечивает реализацию принципа состязательности и сохранения состязательной модели всего уголовного процесса. Иными словами, если сторона обвинения и суд будут действовать с заведомым обвинительным уклоном – сообща собирать доказательства и рассматривать их, то нарушится принцип равноправия сторон, что, в свою очередь, может повлечь превращение модели уголовного процесса в обвинительную или инквизиционную, а это является недопустимым с позиции соблюдения прав человека и гражданина в современном обществе. Данное умозаключение находит свое подтверждение в п. 3 ст. 15 УПК РФ, подтверждающей, что суд

выступает независимым органом, не являющимся ни стороной защиты, ни стороной обвинения, а его предназначение состоит в обеспечении реализации сторонами своих прав и законных обязанностей.

Отдельно необходимо отметить роль п. 2 постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 29 июня 2004 г. № 13-П [9], дающего объяснения относительно разграничения функциональных обязанностей между стороной обвинения, защиты и судом. В соответствии с данным положением сторона обвинения осуществляет не только сбор доказательств, которые подтверждают виновность лица в совершении преступления, но и обеспечивает реализацию конституционных прав граждан по защите от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения и иных нарушений их прав и свобод.

На основании вышеизложенного можно сделать вывод, что принцип состязательности, разграничивающий участников уголовного судопроизводства, преследует две глобальные цели – сохранить состязательную модель уголовного процесса и максимально обеспечить реализацию прав, свобод и законных интересов каждого его участника.

Заключительное положение принципа состязательности закреплено в п. 4 ст. 15 УПК РФ и, как отмечалось рядом ученых – Т. З. Зинатуллин, С. Д. Шестаковой, Л. В. Виницким и др. – содержит в себе еще один принцип уголовного процесса – принцип равноправия. Дебаты относительно соотносимости данного принципа с принципом состязательности ведутся в уголовно-процессуальной науке уже достаточно давно, и данный вопрос до сих пор нельзя назвать окончательно разрешенным. На наш взгляд, в данном случае необходимо исходить из положений уголовно-процессуального закона: если законодатель закрепил равенство сторон как составную часть состязательности, то и принцип равноправия входит в принцип состязательности, как его составная часть. Относительно сущности данного положения справедливо отмечали Д. Д. Лобанова и В. В. Суров – «если две стороны состязаются для установления реальной истины по делу, эта состязательность должна выражаться в равных возможностях» [10, с. 99–103].

Однако не согласимся с авторами в том, что «состязательный характер судебного процесса напрямую связан с равноправием сторон», т. к., на наш взгляд, не справедливо говорить в данном ключе только об указанном положении. Принцип состязательности может быть достигнут только с учетом всех четырех положений, закрепленных законодателем в соответствующей статье УПК РФ, и несоблюдение хотя бы одного из данных положений может привести к нарушению принципа состязательности и, как следствие, справедливому ходу всего уголовного процесса по конкретному делу.

Таким образом, на основании всего вышеизложенного можно сделать вывод о том, что в современном уголовно-процессуальном праве принцип состязательности сторон являет собой основополагающее начало производства по уголовному делу, выражающееся в четырех основных положениях, реализуемое на обеих его стадиях. При этом на стадии досудебного разбирательства оно, в большей мере, связано с возможностью обеих сторон собирать доказательства, подтверждающие или опровергающие вину подозреваемого/обвиняемого.

На стадии судебного разбирательства сопряжено с предоставлением данных доказательств суду и их исследованием. Сущность же рассматриваемого принципа заключена в регламентированном споре между сторонами обвинения и защиты относительно виновности лица и нейтральной ролью суда в процессе данного спора.

Список литературы

1. Оспанов С. Д. Соотношение целей и задач уголовного судопроизводства // Совершенствование государственной политики противодействия правонарушающему поведению : сборник научных трудов. Омск : Омская академия МВД России, 2002. С. 107–116.
2. Смирнов В. П. Противоборство сторон как сущность принципа состязательности уголовного судопроизводства // Государство и право. 1998. № 3.
3. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка. М. : Мир и образование : Оникс, 2012.
4. Давлетов А. Право защитника собирать доказательства // Российская юстиция. 2003. № 7. С. 51.
5. Амастьянц А. Э. Уголовно-процессуальные проблемы принципа состязательности в уголовном судопроизводстве // Евразийская адвокатура. 2013. № 2 (3). С. 42–48.
6. Курнышева Е. А., Ильин И. В. Теоретические аспекты принципа состязательности в российском уголовном процессе в контексте международного права // Вестник Нижегородского университета имени Н. И. Лобачевского. 2017. № 1. С. 130–134.
7. Виноградова О. Б., Портянкина С. П. Реализация принципа состязательности в уголовном судопроизводстве // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. 2020. Т. 5. № 2 (73). С. 64–268.
8. Нестерова А. М. Состязательность сторон как принцип уголовного судопроизводства в Российской Федерации // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2017. № 7-2. С. 50–52.
9. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 29 июня 2004 г. № 13-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений статей 7, 15, 107, 234 и 450 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы» // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_48286/.
10. Лобанова Д. Д. Реализация принципа состязательности сторон в уголовном процессе // Молодой ученый. 2021. № 8 (350). С. 99–103.
11. Предварительное следствие : учебник / [Р. Э. Адамян и др.]. 4-е изд., перераб. и доп. М. : Юнити-Дана, 2021.

Правкина И. Н.¹,

заведующий кафедрой государственно-правовых дисциплин

Московской академии

Следственного комитета Российской Федерации,

кандидат юридических наук, доцент

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВОГО МЕХАНИЗМА ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ

Проблема обеспечения безопасности дорожного движения и совершенствования ее организационно-правовых форм являются одним из приоритетных направлений, проводимой российским государством, правовой политики. Дорожно-транспортные происшествия (ДТП), а также совершение административных правонарушений в области безопасности дорожного движения оказывают деструктивное воздействие на социально-экономическое развитие государства и общества в целом, в связи с чем повышение уровня безопасности дорожного движения выступает в качестве правовой стратегии, успешная реализация которой оказывает существенное влияние на эффективное функционирование механизма государства.

Несмотря на то что теорией административного права накоплено большое количество монографической литературы, посвященной проблемам повышения уровня безопасности дорожного движения, а также эффективности действующих нормативных правовых актов в данной сфере [1, с. 11], тем не менее, решение комплекса задач, обеспечивающих конструктивную реализацию стратегии обеспечения безопасности дорожного движения является чрезвычайно значимым как в теоретическом, так и практическом аспектах.

Кроме того, актуальность настоящей проблемы была обозначена Президентом Российской Федерации В. В. Путиным на ежегодном расширенном заседании коллегии Министерства внутренних дел Российской Федерации. Так, в качестве одной из «актуальных задач было указано повышение безопасности дорожного движения. Кроме того, было отмечено снижение смертности на дорогах почти вдвое за последние десять лет, а также указано на необходимость укрепления положительных тенденций продолжения реализации федерального проекта «Безопасность дорожного движения». Особое внимание при этом должно уделяться техническому оснащению трасс, повышению культуры поведения на дорогах, а также предупреждению детского травматизма и смертности» [2].

Так, федеральный проект «Безопасность дорожного движения» направлен на достижение к 2024 г. целевого показателя сокращения смертности в результате ДТП в 3,5 раза по сравнению с 2017 г. – до уровня, не превышающего четырех человек на 100 тыс. населения (к 2030 г. – стремление к нулевому уровню смертности). В настоящее время наблюдается позитивная тенденция сокращения смертности [3]. Позитивные результаты апробации указанного федерального проекта обусловлены правильным выбором комплекса мероприятий, а также правового инструментария, необходимых для реализации стратегии обеспечения безопасности дорожного движения.

¹ © Правкина И. Н., 2023.

Еще одним основополагающим документом, принятие которого обусловливается целями повышения уровня безопасности дорожного движения, является Стратегия безопасности дорожного движения в Российской Федерации на 2018–2024 гг. Указанный документ содержит, прежде всего, основные направления реализации данной стратегии, комплекс задач, объективация которых обеспечивает достижение поставленной цели, основные принципы и показатели состояния безопасности дорожного движения, а также риски и угрозы в данной сфере. В качестве базовых идей, положенных в основу данного стратегического документа, можно выделить, во-первых, идею защищенности от ДТП лиц, которые становятся участниками дорожного движения, во-вторых, идею развития и совершенствования координационных связей между федеральными, региональными органами государственной власти и органами местного самоуправления по вопросам организации обеспечения дорожного движения, и, в-третьих, идею контроля за состоянием безопасности дорожного движения и на основе официальной статистической информации выработки конкретных предложений и мероприятий, необходимых для конструктивной реализации данной стратегии. В связи с этим становится очевидно, что решение проблем, связанных с обеспечением безопасности дорожного движения, являются импульсом развития современного Российского государства, совершенствования правовой практики, а также повышения уровня правосознания лиц, являющихся субъектами дорожного движения.

В контексте рассматриваемой проблемы необходимо отметить, что совершенствование организационно-правового механизма обеспечения безопасности дорожного движения оказывается невозможным без учета факторов, препятствующих данному процессу. К числу таких детерминант можно отнести, во-первых, низкую дисциплинированность участников дорожного движения, во-вторых, снижение регулятивного потенциала правовых норм, обеспечивающих соблюдение правил дорожного движения, в-третьих, недооценивание роли институтов гражданского общества и общественных организаций в процессе оказания непосредственного влияния на формирование нетерпимого отношения к лицам, нарушающим действующие нормативные правовые акты в области обеспечения дорожного движения, и, в-четвертых, несвоевременное обнаружение изменения технического состояния транспортных средств, его агрегатов и механизмов. В этой связи обнаружение и выработка методов, комплекса средств нивелирования данных проблем являются индикатором организационно-правовых преобразований в области безопасности дорожного движения.

Необходимо отметить, что характер и степень влияния, которое оказывает реализация стратегии обеспечения безопасности дорожного движения на правовую практику, обуславливается теми базовыми установками, которые положены в основу конструирования и реализации данной стратегии. Если реализация данной стратегии определяется исключительно целевыми установками без анализа наличных правовых средств, то те изменения в механизме обеспечения безопасности дорожного движения, к которым она приведет, не всегда будут носить позитивный характер. Так, в случае если достижение цели повышения безопасности дорожного движения и снижения уровня ДТП со смертельным исходом будет со-

проводиться исключительно интенсификацией регулятивного потенциала административно-правовой нормы, то та идеальная модель, которая будет заложена в процессе конструирования стратегии, не в полной мере объективируется во внешней среде.

Комплексная оценка состояния безопасности дорожного движения дает основание полагать, что обеспечение совершенствования ее механизма не является одномоментным актом и сопровождается поэтапным преобразованием всех элементов, входящих в этот механизм. В связи с тем, что механизм обеспечения безопасности дорожного движения является подсистемой такой сложно организованной системы, как механизм государства, то ее качественное преобразование возможно только путем реформирования отдельных компонентов, органично включенных в данную подсистему. Таким образом, базовыми компонентами, качественное преобразование которых обеспечивает совершенствование организационно-правового механизма обеспечения безопасности дорожного движения, являются идеологическая, организационная и правовая составляющие.

Идеологический компонент отражает систему устоявшихся идей, взглядов и аксиологических ориентиров, отражающих отношение правовых акторов на устоявшуюся систему обеспечения безопасности дорожного движения. К числу основных мер, обеспечивающих изменение идеологического компонента, можно отнести, во-первых, повышение уровня правосознания граждан, в том числе посредством правовой пропаганды и правового воспитания как среди несовершеннолетних детей, которые становятся участниками дорожного движения, так и их родителей, законных представителей, во-вторых, охрана и защита базовых правовых ценностей, а также укоренение в сознании граждан идеи нетерпимости к совершению административных правонарушений и созданию угроз безопасности дорожного движения, и, в-третьих, реализация стратегии гуманизации в рамках той правовой политики, которую проводит Российское государство, выражающееся в признании прав и свобод человека высшей ценностью.

Организационный компонент представляет собой комплекс методов, приемов, средств и способов управления деятельностью тех субъектов, которые органично вовлечены в процесс обеспечения безопасности дорожного движения. К числу основных мероприятий, способствующих качественному преобразованию организационного компонента, следует отнести, во-первых, усиление координационных мер федеральных, региональных органов государственной власти и органов местного самоуправления по вопросам предотвращения ДТП, снижения уровня тяжести их последствий, уменьшения риска дорожно-транспортного травматизма, а также снижения уровня потребления алкогольной продукции, во-вторых, совершенствование процесса цифровизации системы обеспечения безопасности дорожного движения, в-третьих, повышение квалификации сотрудников подразделений, обеспечивающих безопасность дорожного движения, в-четвертых, укрепление институтов гражданского общества с целью контроля за соблюдением действующего законодательства как должностными лицами, обеспечивающими безопасность дорожного движения, так и участниками дорожного движения, в-пятых, упрощение бюрократических процедур, оптимиза-

ция численности управленческого аппарата и концентрация внутриведомственного контроля на тех показателях, которые представляет собой чрезвычайную значимость в процессе обеспечения дорожного движения.

Правовой компонент включает в себя комплекс нормативных правовых актов в сфере безопасности дорожного движения. Необходимо отметить, что в современном Российском государстве право определяет организацию и функционирование всех элементов его механизма и их компонентов. В связи с этим именно правовое начало лежит в основе функционирования идеологического и организационного компонентов механизма обеспечения безопасности дорожного движения. Совершенствование указанного механизма определяется, во-первых, своевременным внесением изменений и дополнений в действующее законодательство, регулирующее организацию дорожного движения, во-вторых, преодолением рассогласованности правовых норм в данной области, и, в-третьих, воплощением принципа справедливости при назначении наказания за совершение административного правонарушения, обеспечением соразмерности наказания характеру и степени совершенного правонарушения.

На основании вышесказанного можно сделать следующие выводы:

1. Совершенствование организационно-правового механизма обеспечения безопасности дорожного движения является основным приоритетным направлением правоохранительной политики, осуществляемой современным Российским государством.

2. Чрезвычайная значимость проблемы обеспечения безопасности дорожного движения определяется целями, задачами, основными направлениями и принципами повышения уровня безопасности в действующих правовых документах стратегического характера в сфере безопасности дорожного движения.

3. Совершенствование организационно-правового механизма обеспечения безопасности дорожного движения носит комплексный характер и сопровождается преобразованием идеологического, организационного и правовых компонентов, органично включенных в него.

4. Выбор основных мероприятий, необходимых для преобразования организационно-правового механизма обеспечения безопасности дорожного движения, не носит произвольного характера, а определяется целевыми установками и характером правовых средств, используемых Российским государством в процессе реализации стратегии обеспечения безопасности дорожного движения и характером.

Список литературы

1. Калюжный Ю. Н. Обеспечение безопасности дорожного движения в Российской Федерации: концептуальные организационно-правовые основы : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.11. М. : Академия управления МВД России, 2020.

2. Расширенное заседание коллегии МВД России. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/70744>.

3. Паспорт федерального проекта «Безопасность дорожного движения». URL: <https://mintrans.gov.ru/documents/8/9757>.

Прохорова Е. А.¹,
заместитель начальника
кафедры уголовного процесса
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент

НАЗНАЧЕНИЕ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА: В ПОИСКАХ СМЫСЛА

Одно из существенных отличий Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации 2001 г. (УПК РФ) от Уголовно-процессуального кодекса РСФСР 1960 г. (УПК РСФСР), состоящее в отказе от регламентации задач и провозглашении назначения уголовного судопроизводства, вызвало огромный, неугасающий на протяжении более 20 лет интерес в науке.

С учетом постепенного внедрения идеи приоритета прав личности во все сферы государственной и общественной жизни, нашедшей отражение в Декларации прав и свобод человека и гражданина [4], Конституции Российской Федерации, Федеральном законе «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод» [5], соответствующая смена уголовно-процессуальной ценностной парадигмы представлялась на первый взгляд уместной и обоснованной. Ученые-процессуалисты, в том числе и автор настоящей статьи, исходили из того, что задачи быстрого и полного раскрытия преступлений, изобличения виновных и обеспечения правильного применения закона не утратили своей актуальности с принятием УПК РФ, однако их вектор сместился с абстрактного укрепления законности на охрану интересов конкретного человека.

Вместе с тем дальнейшее развитие уголовно-процессуального законодательства и более глубокое, комплексное его изучение показали, что истинный смысл назначения уголовного судопроизводства несколько отличается от первоначального его толкования.

Оптимистичное предположение, что формулировка ст. 6 УПК РФ не исключает защиты не только частных интересов потерпевших и подозреваемых, обвиняемых, но и публичных интересов каждого человека, в том числе не имеющего прямого отношения к совершенному или готовящемуся преступлению, не нашло своего подтверждения ни в многочисленных изменениях УПК РФ, ни в правоприменительной практике.

Исключение установления истины из целей доказывания, широкое распространение согласительных процедур в виде дознания в сокращенной форме, особого порядка судебного разбирательства, прекращения уголовного преследования в зависимости от постпреступного поведения подозреваемого или обвиняемого, направленного на заглаживание причиненного вреда, и отношения к этому потерпевшего свидетельствуют о расширении диспозитивных начал в уголовном процессе.

¹ © Прохорова Е. А., 2023.

Следует признать, что в отличие от советского уголовного судопроизводства, которое призвано было способствовать укреплению социалистической законности и правопорядка, предупреждению и искоренению преступлений, охране интересов общества, а значит, защите интересов как государства, так и каждого гражданина, современный уголовный процесс, как справедливо заметил А. В. Победкин, «больше не защищает граждан, находящихся за рамками конкретных уголовно-процессуальных отношений», он индифферентен «к потребности каждого гражданина страны осознавать себя защищенным от преступлений» [3, с. 100–101].

Подобная ситуация, помимо того, что противоречит исторически сложившимся духовно-нравственным ценностям российского народа, среди которых важное место занимают государственность, социальная справедливость, ориентированность на коллективное сознание [1, с. 47], не соответствует функции государства по защите граждан от преступлений, вытекающей из положений Конституции Российской Федерации и норм уголовного закона, а также природе публичных отраслей права.

Гарантируемая ст. 45 Конституции Российской Федерации государственная защита прав и свобод человека и гражданина подразумевает и защиту от преступных посягательств, причем не только и не столько потерпевших, конституционные права которых уже нарушены совершенными в отношении них противоправными деяниями, сколько всех иных лиц путем ограждения их от аналогичных деяний.

Данная идея нашла отражение и в Уголовном кодексе Российской Федерации (УК РФ). Важнейшим признаком преступления, отличающим его от иных нарушений закона, является общественная опасность (ч. 1 ст. 14 УК РФ), проявляющаяся в воздействии преступного посягательства не только на права конкретного лица, но и на соответствующий спектр общественных отношений, а «направленность деяния на охраняемые уголовным законом социальные ценности и причиненный им вред» являются ключевыми критериями определения «характера общественной опасности преступления» [6]. Соответственно, ограничение назначения уголовного судопроизводства защитой прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, значительно сужает охранительную функцию уголовного закона и нарушает диалектическое единство уголовного материального и процессуального права.

Более того, анализ п. 1 ч. 1 ст. 6 УПК РФ позволяет прийти к выводу, что и потерпевшего уголовное судопроизводство защищает не от преступления, а от нарушения прав и свобод, принадлежащих ему как участнику уголовного процесса, действиями государственных органов и должностных лиц, которые должны обеспечивать их реализацию. Аналогичный ответ может быть дан и на вопрос, от кого и чего следует защищать личность, указанную в п. 2 ч. 1 ст. 6 УПК РФ.

А если учесть, что назначение представляет собой цель, предмет стремления [7], получается, что уголовно-процессуальная деятельность направлена на защиту лиц, в нее вовлеченных, от субъектов, ее осуществляющих, и никаких иных представлений о желаемых результатах этой деятельности уголовно-процессуальный закон не предусматривает. Помимо абсурдности такого умозаключения,

несложно заметить и возведенное в ранг принципа недоверие к следователю, дознавателю, прокурору и суду, стремление которых нарушить права потерпевших и подозреваемых, обвиняемых, как необходимое условие обоснованности их защиты, по сути, презюмируется в анализируемой статье.

Если же учесть, что не по всем уголовным делам есть лица и организации, потерпевшие от преступлений, назначение уголовного судопроизводства выглядит еще и однобоким, состоящим исключительно в ограждении лица от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения его прав и свобод и лишенным внешне привлекательного обрамления в виде соблюдения баланса интересов сторон.

Наконец, совсем бессмысленным видится содержание ч. 1 ст. 6 УПК РФ, когда по уголовному делу нет потерпевших, а лицо, подлежащее наделению статусом подозреваемого, обвиняемого, не установлено. Получается, что в таких случаях уголовное судопроизводство вообще лишено какой-либо цели, а без цели не может быть и самой деятельности.

Основная причина рассматриваемой ситуации видится в неправильной постановке приоритетов в формулировке назначения уголовного судопроизводства, искажающей его смысл.

Охрана прав личности в сфере уголовного судопроизводства является важной задачей, которая была закреплена в УПК РСФСР и остается актуальной в настоящее время. При этом она не может быть признана основной и единственной целью уголовного процесса, поскольку частные интересы в публичных отраслях права занимают важное, но не главенствующее место.

Уголовное судопроизводство представляет собой деятельность, направленную на реализацию норм материального уголовного права, выявление и привлечение лиц, совершивших преступления, к уголовной ответственности и восстановление нарушенных прав потерпевших или устранение (минимизацию) последствий совершенного преступления иным способом.

Следует согласиться с мнением Н. С. Мановой о том, что «уголовный процесс всегда был и остается узаконенным способом (средством) борьбы с преступностью и осуществления правосудия по уголовным делам» [2, с. 88], и признать, что именно цель борьбы с преступностью как общественно опасным явлением должна быть определена в качестве назначения уголовного судопроизводства. При этом защита прав лиц, вовлеченных в этот процесс и имеющих в нем свои личные (частные) интересы, должна рассматриваться как непереносимое условие реализации этой цели, обеспечивающее законность способов ее достижения.

Список литературы

1. Агутин А. В. Ценностно-смысловое ядро и либеральное мировоззрение российского уголовного судопроизводства // Вестник экономической безопасности. 2019. № 1. С. 46–52.
2. Манова Н. С. Цели (назначение) российского уголовного судопроизводства и средства их достижения // Правовые институты и методы обеспечения эко-

логической и природоресурсной безопасности в России, странах СНГ и Европейского союза: законодательство, социальная и экологическая эффективность : сборник научных статей / под ред. Н. Т. Разгельдеева. Саратов: Саратовский источник, 2019. С. 87–89.

3. Победкин А. В. Вернуть уголовному судопроизводству России воспитательные задачи // Вестник Московского университета МВД России. 2016. № 4. С. 100–104.

4. Постановление Верховного Совета РСФСР от 22 ноября 1991 г. № 1920-1 «О Декларации прав и свобод человека и гражданина» // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_3788/.

5. Федеральный закон от 30 марта 1998 г. № 54-ФЗ «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней» // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_18263/.

6. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22 декабря 2015 г. № 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» (ред. от 18.12.2018) // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_190932/.

7. Толковый словарь русского языка. URL: <https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=34727>.

Радченко К. Н.¹,
доцент кафедры уголовного права
и криминологии юридического факультета
Владимирского юридического института
ФСИН России,
кандидат юридических наук

ОСОБЕННОСТИ СОВЕРШЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С ЛЕГАЛИЗАЦИЕЙ (ОТМЫВАНЕМ) ДЕНЕЖНЫХ СРЕДСТВ ИЛИ ИНОГО ИМУЩЕСТВА, ПРИОБРЕТЕННЫХ ДРУГИМИ ЛИЦАМИ ПРЕСТУПНЫМ ПУТЕМ

Актуальность темы связана с тем, что легализация (отмывание) денег находится под пристальным вниманием со стороны государства, т. к. имеет определенное отрицательное отношение и ведет к соответствующим угрозам для него. Это обосновывается соответствующим связующим аспектом, в рамках которого в процессе незаконной легализации денег, которые непосредственно были получены недобросовестно и незаконно, происходит на уровне государства утечка национальной валюты из страны, что также приводит к негативному курсу валют. В результате на уровне государства создается угроза как национальной, так и международной безопасности, а следовательно, и происходит снижение налоговых доходов, которые поступают в бюджет.

Процессы легализации денежных средств очень сильно отражаются на банковской сфере, можно сказать, что данная структура является наиболее уязвимой.

Таким образом, банковская сфера наравне с государством должна искать пути решения для борьбы с данным негативным явлением. В частности, в настоящее время банки стараются изучать своих клиентов более тщательно, анализировать финансовые риски и иметь достоверную информацию в отношении своих клиентов.

На основании ст. 7 ФЗ-115 банки и другие финансовые организации, которые имеют непосредственное отношение к вопросам, касающимся операций с денежными средствами, а также другого рода имущества, должны отражать в своей деятельности определенные критерии, которые помогут выявлять статус клиентов и их осуществляемых операций с деньгами.

В настоящий момент данный метод не всегда помогает бороться с незаконными доходами от отмывания денег и сопутствующих операций по ним. Это также может быть связано с тем, что многие мошенники действовали не от своего лица, а через предшествующих лиц или сторонних компаний, что при проверке подозреваемых не выявляло факта отмывания денежных средств.

Исходя из вышесказанного, все организации, ведущие финансовую деятельность или просто получающие непосредственно прибыль, обязаны предоставлять соответствующему органу всю информацию о проведенных сделках. Такая информация включает в себя ее непосредственное назначение, причину совершения, когда была совершена, на какую сумму и т. д.

¹ © Радченко К. Н., 2023.

Если же сам уполномоченный орган потребует такую информацию от организации, то они также незамедлительно должны ее предоставлять.

Если уполномоченные органы, к примеру банк, замечают посторонние и подозрительные операции, они должны сразу же блокировать средства или же другое имущество клиента. Делать это нужно незамедлительно. При обнаружении факта мошенничества банки обязаны проверять клиентов не реже одного раза в три месяца, находится ли их деятельность в списке опасных организаций, куда переводятся средства.

При обнаружении таких фактов банк может применить следующие действия:

- разорвать все действующие договора с таким клиентом;
- расторгнуть договор по причине непредоставления необходимой банку информации о клиенте, о его операциях и сделках;
- расторгнуть договор, если проверяемые сделки имели незаконное основание;
- при необходимости отменить сделку от имени клиента.

Стоит отметить, что банковской сфере запрещается заключать договоры на открытие счета без информированности клиента и без его личного присутствия. Это необходимо для получения всей информации о клиенте, чтобы пройти идентификацию личности.

Исключением являются случаи, когда банк открывает повторный счет, а идентификация уже была пройдена. Если же по какой-то причине сотруднику банка покажется, что счет открывается клиентом по факту мошенничества в вопросах отмыwania денежных средств, то он имеет право отказать в открытии счета до выяснения обстоятельств и предоставления необходимой достоверной информации от клиента.

Стоит также отметить, что процесс легализации денежных средств, а также всевозможных активов, инвестируемых в экономику страны, имеют криминальное происхождение. В частности, как уже было отмечено ранее, это особенно влияет на теневую экономику, тем самым снижает финансовую стабильность государства и ее безопасность. В процессе образования таких преступных действий может происходить так называемая «подпитка» легализованной деятельности благодаря использованию или же вложению преступного капитала в легальный бизнес. Это может усугубить и затруднить работу правоохранительных органов, т. к. им будет труднее раскрывать данные преступления, а если и у них получается расследовать дело, во многих случаях даже после пресечения деяния все возобновляется вновь.

На основании п. 5 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 7 июля 2015 г. № 32 был выявлен основной признак легализации денежных средств. Под ним понимается определенное деяние, которое намеренно выдают за правомерность. Это касается вопросов владения, пользования и распоряжения имуществом, которое было добыто исключительно преступным путем.

Могут также возникнуть определенные действия и обстоятельства, которые будут иметь вид правомерности использования имущества. К ним можно отнести следующие:

- приобретение недвижимости и предметов роскоши;
- возврат имущества, приобретенного бесконтрольно или преступным путем, с целью получения значительной выгоды в этой сфере;

- формирование причин появления денег или иных имущественных прав (гражданско-правовые договоры, основные бухгалтерские документы и т. д.);
- использование расчетных или личных счетов компаний-однодневок, не зная об источнике уголовного преступления, для обналичивания денежных средств, в том числе с участием рядового персонала;
- совершение внешнеэкономических и финансовых операций с участием контрагентов, зарегистрированных в оффшорной зоне;
- использование электронных способов оплаты для финансовых операций и т. д.

Стоит отметить, что легализация денежных средств, которые были получены преступным путем, могут посредством определенных действий иметь правомерную направленность. Это может возникнуть в случаях перевода денег или же путем обмена. Так, по своей сущности это приравнивается к сокрытию или же утаиванию подлинности представленных отношений к данным денежным средствам или другого имущества, которые были получены преступным путем и ими пользовались, утаивая источник и местонахождение данного имущества [6].

Можно сказать, что процесс легализации преступных методов имеет особенность сложной организованной структуры, которая представляется как процесс, отражающий определенные операции во множественных интерпретациях.

Существует несколько способов отмывания преступных доходов. Самая популярная является трехэтапная модель отмывания денег преступным путем.

Она включает в себя три последовательных процесса легализации:

- развертывание;
- разделение;
- консолидацию.

Данные действия можно выполнять как повсеместно, так и отдельно.

Денежные средства могут быть отправлены в зарубежные страны путем онлайн-переводов, т. е. источник средств может находиться совсем в другом месте. Сюда можно отнести различного рода учреждения финансовой направленности, розничную торговлю и т. д. Все они могут находиться как в пределах страны, так и за рубежом [3, с. 89].

Стоит отметить, что в процессе передачи денег, особенно крупных сумм, может произойти идентификация наличных, которые имеют нелегальную направленность. Но если преступник в ходе совершения преступления проводит махинацию путем сложного механизма финансовых операций, в виде серии действий, он может скрыть следы данных доходов.

Это связано с тем, что при переводе крупной суммы денег большим количеством подходов могут быть обнаружены другие сопутствующие действия и финансовые операции. При большом многообразии операций соответствующие органы могут потеряться в правдивой информации, и тогда найти незаконные действия будет достаточно трудно.

Цель консолидации – создать процесс легализации непосредственно в стране, который юридически виден, приобретая криминальное значение.

Так операции, которые производят преступники в ходе легализации денежных средств преступным путем, принимают форму достоверного источника и не относятся к уголовному преступлению. В совокупности этот процесс достаточно серьезно влияет на экономику, вступая во взаимоотношения с банковской сферой как получение денежных средств легальным способом. Если правоохранительные органы не смогут обнаружить нелегальность данных действий на первых двух этапах, то в дальнейшем им еще сложнее будет найти различия между легальными и нелегальными денежными средствами [2, с. 50].

Другой способ представляет собой четырехэтапную модель отмывания денег. Он включает в себя следующие этапы:

1. Для начала происходят определенные действия, непосредственно касающиеся денежных средств. Преступник может сам переводить средства или использовать в сделке третье лицо. Но в данном случае необходимо выполнение одного условия – наличие счета в банке у брокера.

Так, многие государства проводят операции по нахождению данных посредников и минимизации таких операций.

2. Снятие денежных средств с данного счета.

Если банк заподозрит неправомěrность операции по снятию, то он информирует правоохранительные органы о незаконном обороте денежных средств. За рубежом обычно наличные выводят в обменниках или казино.

3. Скрыть факт преступления.

Обычно выполняются следующие действия:

- обычно счет открывается через банк вдали от места работы или проживания преступника;
- новая компания или другое учреждение определяет действия для легального перевода денег из-за рубежа в принимающую страну;
- подземная система с использованием банковских счетов.

4. Интеграция денежной массы. Данный этап включает в себя полученные денежные средства либо в бизнес, нелегальной направленности либо на покупку какого-либо имущества.

Теневой бизнес в традиционном понимании отражается в осуществлении хозяйственной деятельности, посредством получения определенных финансовых средств организаций, без сопутствующей регистрации и лицензии, а также отказ от данной регистрации и предоставления необходимой информации о балансе компании в налоговую инспекцию, сокрытие или уничтожение бухгалтерских документов и различного рода операций.

В настоящее время встречаются организации, которые не отражают аспекты своей финансовой деятельности в соответствующие органы.

По правилам все полученные доходы и передвижение средств должно фиксироваться в ФНС России. Так, многие просто нарушают свои обязанности и скрывают доходы, не платя определенные налоги.

Необходимо применять сложные меры и инструменты выявления информации о неправомєрных действиях.

Существующее в настоящее время законодательство, которое отражает работу ФНС России, не в полной мере контролирует деятельность организаций.

Поэтому большое количество компаний регистрируют на один адрес, чтобы не платить налоги.

Популярны также теневые методы манипулирования уклонением от уплаты налогов, которые не отражаются в бухгалтерской отчетности действующих легитимных компаний. Основная задача которых – надежно скрыть расчеты.

Наиболее распространены расчеты необъяснимой наличностью. В большинстве случаев наличные деньги выпадают из бухгалтерского учета из-за связи оптовой и розничной торговли, где появляется большая часть поддельных документов. Структура оптовой и розничной торговли превышает установленный лимит кассы, а оплата наличными превышает установленную сумму. Касса, в которую поступают средства, неправильно оформлена, кассовый учет не ведется.

Швейцарский эксперт К. Мюллер предложил четырехсекторную модель легализации валюты. Она отражает четыре сектора, в которых расписаны процессы отмывания денежных средств.

Согласно двухэтапной модели основными этапами легализации являются отмывание и переработка денег.

Существует множество распространенных программ отмывания денег, включая казино, операции с наличными деньгами и программы иностранных инвестиций / обратного обмена. Вот некоторые из принципов работы:

Принцип работы программы казино состоит в том, чтобы конвертировать наличные деньги в фишки, которые конвертируются в наличные после того, как они были сыграны или удерживались отмывателем только в течение короткого периода времени [1, с. 45].

Кассовый бизнес-план используется для отмывания крупных сумм наличных денег. Есть много компаний, которые обрабатывают большинство транзакций с наличными деньгами и позволяют использовать незаконные средства для законных деловых операций.

План иностранных инвестиций был создан потому, что многие страны поощряют инвестиции в компании, расположенные за рубежом. Лицо, занимающееся отмыванием денег, передает средства иностранному инвестору, а затем он возвращает средства, вкладывая средства в собственный бизнес лица, занимающегося отмыванием денег [4, с. 32].

Единственный выход – использовать локальную тему расчета с пластиковыми картами. На первом этапе такую систему можно ввести с помощью стимулирующих мер, например, дав налоговый кредит компании, чтобы компенсировать ее затраты на приобретение соответствующего оборудования, а затем усилить его административными принудительными мерами. Для документирования розничной торговли на массовых рынках, прежде всего индивидуальными предпринимателями, можно ввести чековую книжку, выданную налоговыми органами, и обязательную процедуру выдачи отрывного чека покупателю за каждую покупку.

Отмывание денег от недвижимости происходит, когда она покупается за наличные средства, а затем снова продается – обычно через короткий промежуток времени. Любая полученная прибыль будет связана с продажей и являться законной. Заработная плата в конверте выплачивается, когда в компании могут

быть незарегистрированные сотрудники без трудового договора и регистрации, и им выплачивают наличными «грязными» деньгами [2, с. 48].

Налоговая амнистия может легализовать ранее неизвестные средства или активы. Произошло это в так называемой налоговой гавани. Интерпол также определяет такие программы, как методы получения кредитов, прибыльный бизнес, казино и развлекательные компании, различные банки и агентства по обмену валюты, поддельные банкноты и авиабилеты.

Учитывая вышесказанное, можно отметить, что в стране проводится большая комплексная работа на законодательном уровне по внедрению международных стандартов. В то же время необходимо применять практические методы компенсации легализации доходов, полученных преступным путем. Например, мониторинг и проверка всех транзакций систематизированы, автоматизированы отчеты супервизии, расширенный анализ и т. д.

Список литературы

1. Бажанов С. В. Экономико-правовые факторы, подлежащие учету при разработке родовой криминалистической методики расследования преступлений, связанных с незаконным выводом банковских активов за рубеж // Российская юстиция. 2018. № 8. С. 43–47.
2. Васильев Э. А., Надейкина О. А. Современная оперативная обстановка в сфере борьбы с экономической преступностью // Российский следователь. 2019. № 8. С. 60–61.
3. Лавроненко Р. А. Актуальные проблемы противодействия легализации преступных доходов в банковской сфере // Безопасность бизнеса. 2018. № 2. С. 47–52.
4. Фадеев В. А. Современные средства борьбы с легализацией преступных доходов. М., 2016.
5. Фазилов Ф. М. Процессы и этапы отмыwania денег // Экономика и юриспруденция. 2021. № 4. С. 32–33.
6. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.

Саморока В. А.¹,

доцент кафедры уголовного процесса
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент

Угольникова Н. В.²,

доцент кафедры уголовного процесса
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин
Международного юридического института,
кандидат юридических наук, доцент

Григорьева Н. В.³,

доцент кафедры уголовного процесса
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
доцент Департамента международного
и публичного права Финансового университета
при Правительстве Российской Федерации,
кандидат юридических наук, доцент

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ СОБЛЮДЕНИЯ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА ПРИ ВЫЯВЛЕНИИ ПРИЗНАКОВ УГОЛОВНО НАКАЗУЕМОГО НАРУШЕНИЯ МИГРАЦИОННОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 гг. предопределяет дальнейшее развитие механизмов и средств профилактики, предупреждения, выявления и пресечения нарушений миграционного законодательства Российской Федерации, включая совершенствование мер ответственности за его нарушение.

Проблема незаконной миграции в нашей стране на протяжении ряда лет продолжает находиться в центре внимания органов государственной власти, общественных организаций, средств массовой информации. Подобный интерес вызван ее многофакторным влиянием на жизнедеятельность общества и государства [1, с. 32]:

- 1) в политической сфере – это прямая угроза безопасности страны;
- 2) в экономической – расширение масштабов теневой экономики, обострение ситуации на рынке труда, вытеснение с него российских фирм и работников;
- 3) в социальной – усиление социальной напряженности и ксенофобии, осложнение криминогенной ситуации.

¹ © Саморока В. А., 2023.

² © Угольникова Н. В., 2023.

³ © Григорьева Н. В., 2023.

Действенным механизмом решения перечисленных проблем является выявление преступлений в сфере миграции. Данные виды общественно опасных деяний, с учетом их специфики, выявляются в подавляющем большинстве сотрудниками подразделений по вопросам миграции территориальных органов МВД России (далее – подразделения по вопросам миграции), при оказании ими при осуществлении профессиональной деятельности (полномочий) в сфере миграции. При этом принципиально важно на данном этапе соблюсти баланс между реализацией прав и свобод человека, связанных с возможностью защиты своих интересов и правом изъясняться на родном языке и реализацией функции уголовного преследования для защиты интересов общества и государства.

При этом эффективность разрешения данных вопросов зависит от практического применения миграционного законодательства Российской Федерации, степени информированности иностранных и российских граждан о требованиях законодательства Российской Федерации и мерах ответственности за их нарушение. Помимо уголовного законодательства, содержащего ответственность за незаконные действия, порядок законного пребывания иностранцев регламентирован рядом федеральных законов [4–8], а также закреплён в общепризнанных принципах и нормах международного права, которые являются частью нашей правовой системы.

Уголовным кодексом Российской Федерации (УК РФ), запрещены ряд деяний в этой сфере. В частности, в ст.ст. 322, 322.1, 322.2, 322.3 УК РФ содержатся запреты на незаконное пересечение Государственной границы Российской Федерации, организацию незаконной миграции, фиктивную регистрацию гражданина Российской Федерации по месту пребывания (жительства) в жилье, иностранного гражданина или лица без гражданства по месту жительства в российском жилье, фиктивную постановку на учет иностранца или апатрида по месту пребывания в Российской Федерации.

Актуальность исследования составов, отнесенных к подследственности ОВД, обусловлена состоянием законности в этой сфере. Об этом факте прямо указывает приказ Генерального прокурора Российской Федерации: «При осуществлении прокурорского надзора за исполнением законодательства в сфере миграции особое внимание уделять законности деятельности органов МВД России» [3]. Таким образом, исследованию подлежат, прежде всего, составы, отнесенные к подследственности ОВД (в форме дознания и предварительного следствия), а именно фиктивная регистрация иностранца по месту пребывания (жительства) и фиктивная постановка на учет иностранца или апатрида по месту пребывания в Российской Федерации.

В 2022 г. выявлено 4 909 преступлений, связанных с фиктивной регистрацией гражданина Российской Федерации и иностранца по месту пребывания (месту жительства) в жилом помещении, и 32 164, связанных с фиктивной постановкой на учет иностранного гражданина (лица без гражданства) по месту пребывания в Российской Федерации.

Несмотря на то что в основном это преступления средней тяжести, актуальность данному вопросу добавляют негативные последствия, вызванные наруше-

нием миграционного законодательства, а именно невозможность раскрыть другие преступления, совершенные лицами, истинное местонахождение и деятельность которых сокрыты для учетов МВД России.

Так, иностранными гражданами и лицами без гражданства в 2022 г. совершено 40,2 тыс. преступлений, что на 10,3 % больше, чем за январь – декабрь 2021 г., в том числе гражданами государств – участников СНГ – 32,9 тыс. преступлений (+15,5 %), их удельный вес составил 82,0 %.

При выявлении сотрудниками подразделений по вопросам миграции уголовно наказуемых нарушений миграционного законодательства важно надлежащим образом зафиксировать выявленные признаки преступления, иметь представление о том, как в дальнейшем будут использованы полученные сведения в ходе предварительного расследования, какие доказательства могут быть признаны недопустимыми, какие основные права имеются у будущих участников уголовного судопроизводства (право на защиту, на переводчика и др.), нарушение которых повлечет за собой невозможность установления или привлечения к ответственности виновных лиц.

Изучение опыта работы подразделений по вопросам миграции территориальных органов МВД России свидетельствует, что большинство таких деяний выявляются именно сотрудниками указанных подразделений, ведь они квалифицируются как оконченное преступление с момента незаконной фиксации органами регистрационного (миграционного) учета фиктивных сведений о месте жительства или месте пребывания гражданина Российской Федерации, иностранного гражданина или лица без гражданства.

Однако на данном этапе правоохранительной деятельности еще не возбуждено уголовное дело и даже не проводится процессуальная проверка в порядке ст. 144 УПК РФ. Скорее, по своему характеру это разновидность административной деятельности полиции. Однако можно с уверенностью утверждать, что уже на этом этапе закладывается доказательственная база для успешного раскрытия и расследования преступления. Именно эти первоначальные сведения будут использованы в дальнейшем в качестве доказательств по уголовному делу и могут быть положены в основу законного и справедливого решения. Поэтому очень важно соблюсти процедуры, придающие легитимность полученным сведениям. В первую очередь это отдельные аспекты обеспечения реализации прав человека и гражданина при выявлении уголовно наказуемого нарушения миграционного законодательства.

На наш взгляд, при выявлении сотрудниками подразделений по вопросам миграции уголовно наказуемых нарушений законодательства, помимо того, что важно надлежащим образом зафиксировать выявленные признаки преступления, иметь представление о том, как в дальнейшем будут использованы полученные сведения в ходе предварительного расследования, какие доказательства могут быть признаны недопустимыми, принципиально понимать, какие основные права имеются у будущих участников уголовного судопроизводства (право на защиту, на переводчика и др.), нарушение которых повлечет за собой невозможность установления или привлечения к ответственности виновных лиц. При рассмотрении материалов проверки о преступлениях, предусмотренных ст.ст. 322.2

и 322.3 УК РФ, необходимо принимать во внимание содержание понятий места жительства и места пребывания, фиктивной регистрации (постановки на учет).

Общественно опасное деяние, ответственность за которое предусмотрена данными статьями, состоит в представлении в органы регистрационного (миграционного) учета заведомо недостоверных (ложных) сведений или документов, необходимых для регистрации (постановки на учет) гражданина Российской Федерации, иностранного гражданина или лица без гражданства по месту жительства (месту пребывания), либо в направлении или непосредственном представлении в указанные органы необходимых сведений и документов при отсутствии у данных лиц намерения проживать (пребывать) в соответствующем помещении, либо при отсутствии у собственника (нанимателя) жилого помещения намерения предоставить им это помещение для проживания, либо в случаях, когда иностранный гражданин или лицо без гражданства не осуществляют трудовую или иную не запрещенную законодательством Российской Федерации деятельность по адресу организации, указанной в качестве места их пребывания, с целью незаконной фиксации органами регистрационного (миграционного) учета представленных сведений о месте жительства или месте пребывания гражданина Российской Федерации, иностранного гражданина или лица без гражданства [2, с. 2].

В тех случаях, когда сотрудник органа регистрационного (миграционного) учета, зафиксировавший представленные сведения о месте жительства или месте пребывания гражданина Российской Федерации, иностранного гражданина или лица без гражданства, был заведомо осведомлен о фиктивности регистрации (постановки на учет) данных лиц, он несет ответственность за соисполнительство в преступлении, предусмотренном ст.ст. 322.2 или 322.3 УК РФ.

В соответствии с устоявшейся судебно-следственной практикой для обоснованного возбуждения уголовного дела в отношении организатора незаконного пребывания мигрантов на территории Российской Федерации и привлечения его к уголовной ответственности факт незаконности их пребывания должен быть подтвержден как материалами ФМС России, так и привлечением к административной ответственности мигранта.

Проведение расследования по делам об организации незаконной миграции и принятия процессуально важных решений по уголовным делам без наличия данных, свидетельствующих о незаконности пребывания и нахождения иностранного гражданина на территории Российской Федерации (копий административных производств, административных протоколов, решений судов и др.), ставит перспективу направления уголовного дела в суд под сомнение.

Большинство указанных уголовных дел возбуждено в отношении руководителей, индивидуальных предпринимателей, которые, переоборудовав нежилые помещения, организовали в них незаконное проживание лиц, не имеющих регистрацию. Доследственную проверку по ним осуществляли, как правило, единолично и на низком профессиональном уровне участковые уполномоченные. Оперативные сотрудники в проверке не участвовали, поэтому остались невыясненными многие обстоятельства преступления, в том числе и причастность к его совершению организованной преступной группы.

Вместе с тем анализ показал, что в ряде регионов практика расследования уголовных дел о незаконной миграции складывается в основном негативным образом, уголовные дела поступают в следственные подразделения из органа дознания. При этом доследственная проверка проведена поверхностно, в объяснениях незаконных мигрантов и лиц, совершивших преступления, не отражаются необходимые сведения об организаторах и признаках организации незаконного пребывания мигрантов на территории Российской Федерации. В материалах доследственной проверки отсутствуют протоколы административного наказания незаконных мигрантов, копии решений судов о признании лица таковым, что в дальнейшем при передаче уголовного дела в следственные подразделения для организации предварительного следствия серьезнейшим образом влияет на перспективу расследования уголовных дел данной категории и направления их в суд, а также вынуждает следователя принимать решение о приостановлении либо прекращении уголовного дела. Уголовные дела, передаваемые из дознания в следственные подразделения для дальнейшего расследования, как правило, судебной перспективы не имеют, т. к. органом дознания проводимые следственные действия носят формальный характер, протоколы допросов незаконных мигрантов, от показаний которых зависит дальнейшая перспектива расследования уголовного дела, выполнены формально, в основном переписываются тексты объяснений. По ряду уголовных дел мигранты вообще не допрошены и впоследствии установить их местонахождение не представилось возможным, в связи с чем полностью утрачена возможность доказать вину организаторов незаконной миграции, а тем более выявить лиц из числа организаторов преступления и привлечь их к уголовной ответственности.

В ходе обобщения судебной практики по уголовным делам в сфере незаконной миграции установлено, что основаниями для обжалования и отмены вышестоящими инстанциями судебных постановлений явилось отсутствие в некоторых приговорах ссылок на правовые нормы, определяющие правовые основы миграции в Российской Федерации и регулирующие отношения в области миграции, которую нарушили осужденные и нарушение которой образует состав преступления, за совершение которого они признаны виновными и осуждены.

Так, отменяя приговор в отношении Б., осужденного по ч. 1 ст. 322.1 УК РФ, президиум Московского областного суда указал, что при решении вопроса об уголовной ответственности по ст. 322.1 УК РФ необходимо установить, какие именно законы либо иные нормативные правовые акты были нарушены виновным, поскольку данная норма УК РФ является бланкетной.

Кроме того, основаниями возвращения прокурором уголовных дел для производства дополнительного следствия в ряде случаев являлось отсутствие в материалах уголовных дел письменных документов, свидетельствующих о фактах приема на работу иностранных граждан, а также отсутствие в уголовных делах доказательств правомочия привлекаемых к уголовной ответственности лиц в вопросе трудоустройства и увольнения иностранных граждан, которым была предоставлена работа на определенных объектах, а также отсутствия документов, подтверждающих факт признания иностранных граждан незаконными мигрантами.

Не следует забывать, что обеспечение реализации прав человека и гражданина при выявлении уголовно наказуемого нарушения миграционного законодательства имеет существенное значение, т.к. ряд конституционных принципов УПК РФ прямо указывают на это.

Статья 2 Конституции Российской Федерации закрепляет, что права и свободы человека являются высшей ценностью, а их соблюдение и защита относятся к обязанности государства. Следует отметить, что конституционный смысл государственной защиты указанных ценностей заключается в том, что она должна осуществляться независимо от вида правоотношений, в которые вовлекается субъект. Формы защиты могут различаться так же, как и содержание, и способы ее осуществления.

Реализация права на использование родного языка; ряда конституционных прав; права на защиту, соблюдение общепризнанных принципов и норм международного права важны в контексте правил собирания допустимых сведений и возможностью их использования в доказывании.

Статья 144 УПК РФ прямо указывает на то, что лицам, участвующим в производстве процессуальных действий при проверке сообщения о преступлении разъясняются их права и обязанности, и обеспечивается возможность осуществления этих прав в той части, в которой производимые процессуальные действия и принимаемые процессуальные решения затрагивают их интересы. Сюда мы можем с уверенностью отнести право не свидетельствовать против самого себя, своего супруга (супруги) и других близких родственников, пользоваться услугами адвоката, а также приносить жалобы.

Безусловно, полученные в ходе проверки сообщения о преступлении сведения могут быть использованы в качестве доказательств при условии соблюдения положений ст.ст. 75 и 89 УПК РФ.

Нарушения декларированных положений нормативных актов могут повлечь в дальнейшем признание полученных сведений недопустимыми доказательствами.

Мы последовательно отстаиваем позицию, заключающуюся в том, что неотъемлемой частью уголовного судопроизводства, общее назначение которого состоит в защите личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод, является стадия возбуждения уголовного дела, в ходе которой проверяется сообщение о преступлении. Допустимость участия адвоката (защитника) в данной стадии не связано с формальным признанием лица подозреваемым или обвиняемыми. Обеспечение права на защиту является обязанностью государства и необходимым условием справедливого правосудия. Обеспечение же возможности реализовать эти права возлагается на лиц, осуществляющих проверку сообщения о преступлении.

Кроме того, участникам уголовного судопроизводства, не владеющим или недостаточно владеющим языком, на котором ведется производство по уголовному делу, должно быть разъяснено и обеспечено право делать заявления, давать объяснения и показания, заявлять ходатайства, приносить жалобы, знакомиться с материалами уголовного дела, а также бесплатно пользоваться помощью переводчика.

Значительное число лиц, привлекаемых за нарушение миграционного законодательства, являются представителями иностранных государств. Несмотря на то что они могут на достаточном уровне владеть русским языком, разъяснение права воспользоваться услугами переводчика или давать объяснения на родном языке является гарантией признания в дальнейшем таких сведений допустимым доказательством.

Список литературы

1. Хабибулин А. Г., Мурсалимов К. Р. Противодействие незаконной миграции: проблемы безопасности и правообразования // Миграционное право. 2022. № 1. С. 32–35.
2. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 июля 2020 г. № 18 «О судебной практике по делам о незаконном пересечении Государственной границы Российской Федерации и преступлениях, связанных с незаконной миграцией» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2020. № 9.
3. Приказ Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 1 июля 2015 г. № 343 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законодательства в сфере миграции» // Законность. 2015. № 8. П. 2.10.
4. Закон Российской Федерации от 1 апреля 1993 г. № 4730-1 «О Государственной границе Российской Федерации» (ред. от 04.11.2022) // Российская газета. 1993. № 84. 4 мая.
5. Закон Российской Федерации от 25 июня 1993 г. № 5242-1 «О праве граждан Российской Федерации на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства в пределах Российской Федерации» (ред. от 28.12.2022) // Российская газета. 1993. № 152. 10 авг.
6. Федеральный закон от 15 августа 1996 г. № 114-ФЗ «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» (ред. от 05.12.2022) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 34. Ст. 4029.
7. Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» (ред. от 29.12.2022) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 30. Ст. 3032.
8. Федеральный закон от 18 июля 2006 г. № 109-ФЗ «О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации» (ред. от 14.07.2022) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 30. Ст. 3285.

Семенцов В. А.¹,
профессор кафедры уголовного процесса
Кубанского государственного университета,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист Кубани

ЯВНОЕ ЗАТЯГИВАНИЕ ОЗНАКОМЛЕНИЯ ОБВИНЯЕМОГО И ЗАЩИТНИКА С МАТЕРИАЛАМИ УГОЛОВНОГО ДЕЛА

Ознакомление обвиняемого и защитника с материалами уголовного дела на заключительном этапе досудебного производства служит важной гарантией обеспечения прав указанных лиц, позволяя оценивать собранные следователем доказательства, заявлять ходатайства и формировать свою позицию для участия в судебном разбирательстве.

Согласно Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (УПК РФ), право ознакомления обвиняемого и его защитника с материалами уголовного дела не может быть ограничено во времени. Вместе с тем следователь вправе обратиться в суд с ходатайством об установлении определенного срока для ознакомления с материалами уголовного дела, если установит факт явного затягивания ознакомления с материалами уголовного дела (ч. 3 ст. 217 УПК РФ).

Тем не менее не ясно, когда ознакомление с материалами уголовного дела следует признавать явно затянутым, с учетом отсутствия конкретизации этого вопроса в тексте УПК РФ. Ясно только одно – правовая категория «явное затягивание» является оценочной, поэтому должна быть объективно подтверждена, с использованием научно обоснованных критериев определения необходимого и достаточного времени для ознакомления.

Именно поэтому заслуживает внимания предложение А. Н. Игнатьева о закреплении в ст. 217 УПК РФ понятия явного затягивания времени ознакомления с материалами уголовного дела как не подлежащего сомнению, очевидного затягивания обвиняемым и (или) его защитником непрерывного процесса ознакомления с материалами уголовного дела, которое может быть выражено в следующем [1, с. 210–213]:

- 1) в необоснованном и без уважительной причины уклонении от ознакомления более двух раз;
- 2) ограниченно кратком прочтении или осуществлении копирования и фотографирования менее одного тома уголовного дела в день;
- 3) непродолжительном, менее одного часа в день времени ознакомления;
- 4) обращении повторно к ранее скопированным и сфотографированным томам уголовного дела более трех раз.

Т. Л. Прохорова и М. М. Чепик дополняют список возможных случаев затягивания времени ознакомления с материалами уголовного дела неоднократным изменением обвиняемым способа ознакомления с материалами уголовного дела (совместно с защитником или отдельно) либо переписыванием материалов уголовного дела от руки, несмотря на наличие предоставленных стороной обвинения копий или электронных версий этих документов [2, с. 87–91].

¹ © Семенцов В. А., 2023.

С. Б. Россинский и А. П. Шумская предлагают заменить сложную процедуру ознакомления обвиняемого и его защитника с материалами уголовного дела, названную авторами правовым анахронизмом, «более эффективным техническим приемом – снятием копий материалов уголовного дела посредством фототехники» [3, с. 77], хотя для нас более перспективным видится вариант перехода к электронному уголовному делу, при наличии благоприятных предпосылок к этому, и формирования, с учетом особенностей электронного дела, процессуальных правил ознакомления с ним заинтересованных участников. Безусловно, правы те авторы, которые утверждают, что введение «электронного уголовного дела ... необходимо для ... оптимизации процесса ознакомления с материалами уголовного дела участников процесса» [4, с. 88–89].

В литературе также отмечается, что злоупотребление правом обвиняемого и его защитника на ознакомление с материалами уголовного дела следует рассматривать как одну из форм противодействия расследованию преступлений, путем, например, намеренного приглашения обвиняемым нового защитника, приобретающего согласно закону право знакомиться с делом в полном объеме, без ограничения во времени [5, с. 30–34].

Возникает вопрос: с какой целью сторона защиты порой злоупотребляет своим правом ознакомления с материалами уголовного дела?

Обычно это обусловлено стремлением «дотянуть» до истечения сроков давности привлечения к уголовной ответственности обвиняемого, вынудить следователя изменить или отменить меру пресечения в виде содержания под стражей, либо попытаться убедить его пойти на определенные уступки.

Думается, что необходимость и достаточность времени для надлежащего ознакомления обвиняемого и защитника с материалами уголовного дела должны определяться с учетом базовых критериев, в числе которых его объем, сложность квалификации предъявленного обвинения, количество обвиняемых и инкриминируемых деяний, наличие результатов применения технических средств, цифровых технологий и др.

Применительно, например, к объему уголовного дела мы уже ранее писали о том, что сегодня его средний показатель, особенно по экономическим составам преступлений, составляет четыре-пять томов, а по многоэпизодным преступлениям или по деяниям, совершенным с большим количеством соучастников, может превышать и 100. Только в Главном следственном управлении МВД России по г. Москве за 2015 г. было расследовано уголовных дел общим объемом шестьсот тонн, что равно семьдесят пять «Камазам» или девяти железнодорожным вагонам [6, с. 135–136].

В разъяснениях адвокатских палат субъектов федерации отмечается минимальная продолжительность времени ознакомления с материалами уголовного дела. Так, согласно разъяснения Совета Адвокатской палаты Владимирской области адвокатам-защитникам при ознакомлении с материалами уголовного дела рекомендуется руководствоваться следующими рекомендациями по продолжительности времени ознакомления:

1. Как правило, не менее двух дней, на изучение одного тома уголовного дела, материалы которого не составляют особой сложности.

2. Не менее трех дней на изучение одного тома уголовного дела (либо отдельных томов) [7]:

- в отношении трех и более обвиняемых лиц по одному делу;
- случаях предъявления обвинения по трем и более инкриминируемым преступлениям;
- отношении несовершеннолетних;
- отношении подозреваемых, обвиняемых, не владеющих языком, на котором ведется судопроизводство;
- подозреваемых, обвиняемых, которые в силу физических и (или) психических недостатков не могут самостоятельно осуществлять свое право на защиту;
- связанному с экономическими преступлениями, а также иными сложными и специфическими составами предъявленного обвинения;
- содержащих объемные и сложные заключения судебных экспертиз не менее 10 листов либо многочисленные заключения судебных экспертиз;
- содержащие государственную и иную охраняемую федеральным законом тайну;
- подсудных Верховному Суду Российской Федерации, а также суду с участием присяжных заседателей.

Тем не менее суды нередко ограничивают ознакомление совершенно неразумным сроком, соглашаясь с позицией органов предварительного следствия, заявленной в их ходатайстве. Кроме того, обвиняемый и его защитник, реализуя право на ознакомление с материалами уголовного дела, могут столкнуться с банальным воспрепятствованием следователя полному ознакомлению со всеми материалами уголовного дела.

Проиллюстрируем это примером из судебной практики, когда в апелляционном постановлении указано следующее: решением Ленинского районного суда г. Иркутска от 18 июня 2019 г. для обвиняемого и его защитника установлен десятидневный срок (до 28 июня включительно) ознакомления с материалами уголовного дела, в связи с тем, что они явно затягивали время ознакомления. До этого в течение месяца обвиняемый и его защитник ознакомились с 12 томами уголовного дела из 40. Причем к началу ознакомления с материалами уголовного дела органами предварительного следствия не были представлены все тома уголовного дела, а только 29. Несмотря на это, суд апелляционной инстанции оставил без изменения постановление Ленинского районного суда г. Иркутска, а жалобу адвоката Р. в интересах доверителя без удовлетворения, поскольку не установил нарушений норм закона, регламентирующих порядок рассмотрения ходатайства следователя об установлении пресекательного срока ознакомления обвиняемого и его защитника с материалами уголовного дела [8].

Конституционный Суд Российской Федерации в определении от 27 мая 2021 г. № 900-О опять же не нашел оснований для принятия к рассмотрению жалобы гражданина Е. Н. Младова и его защитника об установлении срока для ознакомления с материалами завершеного предварительного следствия. Суд считает, что отказ в удовлетворении ходатайства либо иное ограничение в реализации от-

дельных правомочий обвиняемого или его защитника обусловлены явно недобросовестным использованием ими этих правомочий в ущерб интересам других участников процесса. Поэтому такой отказ не может расцениваться как нарушающий конституционные права заявителя [9].

Если же исходить из того, что суд, принимая решение об ограничении времени ознакомления с материалами уголовного дела, должен привести фактическое и правовое обоснование, а также мотивировать его ссылками на конкретные обстоятельства, то при отсутствии всего этого у суда нет основания для вывода о злоупотреблении процессуальными правами.

Следует сделать одно существенное замечание, с учетом ранее определенных базовых критериев ознакомления с материалами уголовного дела, когда обвиняемый и защитник не злоупотребляют правами и умышленно не затягивают время ознакомления с делом на завершающем этапе предварительного следствия, располагая достаточным временем и возможностями для реализации своих прав.

Именно в этом смысле следует определить, какой период времени требуется обвиняемому и его защитнику для ознакомления с материалами уголовного дела, без злоупотребления этим правом. При этом необходимо учитывать, что объем уголовного дела и сложность его расследования в каждом случае индивидуальны.

Как известно, объем одного тома уголовного дела составляет 250 листов. Согласно п. 5.6.1 приказа Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации от 19 марта 2019 г. № 56 (ред. от 14.06.2022) «максимальное количество листов, подшиваемых в один том, не должно превышать 250 листов при толщине не более 4 см. Если количество листов в деле превышает 250, материалы формируются в тома в хронологическом порядке. Том 2 может быть начат лишь после окончания тома 1. Дата открытия тома 2 не должна быть ранее даты окончания тома 1. На томах должен быть общий заголовок по номенклатуре дел» [10]. В п. 9.3.1 приказа Следственного комитета Российской Федерации от 18 июля 2012 г. № 40 закреплено, что «документы в уголовные дела подшиваются по мере их составления или поступления, а также допускается подшивка материалов дела по эпизодам, фигурантам и другим критериям, обеспечивающим логику расследования уголовного дела» [11].

С учетом этого остается только определить: какой период времени объективно необходим для ознакомления с уголовным делом?

Прямого ответа на этот вопрос в действующем законе нет, но есть проект федерального закона № 1039309-6, внесенный в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации депутатом О. Л. Михеевым, в части уточнения в ст. 217 УПК РФ срока ознакомления с материалами уголовного дела – не менее восьми часов на изучение 50 страниц. В пояснительной записке к законопроекту указана цель его подготовки: «ограничения существующей широкой степени усмотрения суда в вопросе введения ограничений по срокам ознакомления с материалами уголовного дела» [12].

Федеральная палата адвокатов Российской Федерации поддержала законопроект, как соответствующий гарантированному Конституцией Российской Фе-

дерации праву на получение квалифицированной юридической помощи, поскольку установление минимальных сроков для ознакомления с материалами уголовного дела позволит адвокату должным образом сформировать правовую позицию, установить обстоятельства, которые не были установлены в ходе расследования и которые предстоит установить, заявить необходимые для защиты ходатайства, представить дополнительные доказательства, то есть качественно осуществить защиту прав обвиняемого [13].

Однако в заключении Комитета Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации по государственному строительству и законодательству указано, что отсутствие в законе конкретного срока, в течение которого осуществляется ознакомление обвиняемого и его защитника с материалами уголовного дела, обусловлено различной сложностью уголовных дел, их объемом, обстоятельствами непреодолимой силы, а предусмотренное ч. 3 ст. 217 УПК РФ право суда самостоятельно определять срок для ознакомления обвиняемого и его защитника с материалами уголовного дела позволяет учесть и оценить все обстоятельства, послужившие основанием для обращения, принять обоснованное решение. Согласно позиции Комитета, установление в ст. 217 УПК РФ конкретного срока для ознакомления с материалами уголовного дела обвиняемого и его защитника, которые явно затягивают ознакомление с ними, существенно ограничит суд при учете обстоятельств для принятия обоснованного решения и может привести к значительному затягиванию времени ознакомления с материалами уголовного дела. В итоге предлагаемая в законопроекте редакция ч. 3 ст. 217 УПК РФ Комитетом не поддержана [14], с рекомендацией Государственной Думе Федерального Собрания Российской Федерации его отклонить, что и было сделано 9 декабря 2016 г. [15].

Наша позиция по предлагаемому в законопроекте минимальному сроку для ознакомления с материалами уголовного дела также отрицательная в силу его оторванности от объективной действительности, поскольку это неоправданно увеличивает время такого ознакомления – «не менее восьми часов на изучение 50 страниц», т. е. для изучения обвиняемым и его защитником одного тома уголовного дела потребуется пять дней, а если этих томов дела 100 и более, тогда как?

Даже в разъяснениях адвокатских палат указывается, что на изучение одного тома уголовного дела, материалы которого не составляют особой сложности, необходимо не менее двух дней, а если сложного, то трех (повторим это еще раз).

В связи с этим уместно будет напомнить, что для адвокатов, выступающих в уголовном судопроизводстве защитником по назначению, с 1 октября 2022 г. установлено вознаграждение за один рабочий день в дневное время участия в уголовном деле в размере 1 560 руб. (с учетом индексации +4 %), а если это уголовные дела в отношении трех или более подозреваемых, обвиняемых, в случае предъявления обвинения по трем или более инкриминируемым деяниям, либо при объеме материалов уголовного дела более трех томов, то размер вознаграждения возрастает до 2 008 руб. (с учетом его сложности) [16].

По-прежнему не ясно, какова должна быть необходимая и достаточная продолжительность времени для надлежащего ознакомления обвиняемого и защитника с материалами уголовного дела, исходя из объема одного тома 250 листов?

Можно ли «вывести» усредненный показатель времени, затраченного на прочтение одного тома уголовного дела, несмотря на наличие объективных, субъективных и ситуационных обстоятельств, содержание и объем которых индивидуальны?

Для ответов на сформулированные актуальные, по мнению автора, вопросы требуется провести самостоятельное исследование по установлению научно обоснованных критериев определения достаточного времени для ознакомления обвиняемого и защитника с материалами уголовного дела, ну а пока только отметим, что педагоги и психологи считают среднюю скорость молчаливого чтения на русском языке равной примерно 200–300 словам в минуту [17], с размещением текста на стандартном листе формата А4 общим объемом 235–255 слов (шрифт 14, Times New Roman, интервал полуторный) [18].

Список литературы

1. Игнатъев А. Н. Затягивание процесса ознакомления с материалами уголовного дела: отстаивание прав доверителя или процессуальное нарушение? // Пробелы в российском законодательстве. 2012. № 2. С. 210–213.
2. Прохорова Т. Л., Чепик М. М. Способы преодоления затягивания обвиняемым и его защитником сроков ознакомления с материалами уголовного дела // Актуальные проблемы права. 2018. № 5. С. 87–91.
3. Россинский С. Б., Шумская А. П. О практике ознакомления участников уголовного судопроизводства с материалами уголовных дел (в порядке статей 216–218 УПК РФ) // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2018. № 1 (84). С. 72–81.
4. Конин В. В., Кудрявцева А. В., Петров А. В. Уголовное дело – переход от бумажного носителя в цифровой формат // Вестник Томского государственного университета. Право. 2022. № 45.
5. Костенко К. А. Проблемы теории и практики противодействия затягиванию ознакомления с материалами уголовного дела путем приглашения обвиняемым нового защитника // Российский судья. 2016. № 9. С. 30–34.
6. Семенцов В. А. Понятие уголовного дела как фактор оптимизации его процессуальной формы и объема // Современное уголовно-процессуальное право – уроки истории и проблемы дальнейшего реформирования. В 2 т. Т. 2. 2021. № 1 (3). С. 130–141.
7. Решение Совета Адвокатской палаты Владимирской области от 29 мая 2020 г. «Об утверждении разъяснений “О минимальной продолжительности времени ознакомления с материалами уголовного дела”» // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru>.
8. Постановление Иркутского областного суда от 13 августа 2019 г. по делу № 22-2439 // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru>.
9. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 27 мая 2021 г. № 900-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Младова Евгения Николаевича на нарушение его конституционных прав частью

третьей статьи 217 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru>.

10. Приказ Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации от 19 марта 2019 г. № 56 «Об утверждении Инструкции о порядке организации комплектования, хранения, учета и использования документов (электронных документов) в архивах федеральных судов общей юрисдикции» (ред. от 14.06.2022) // Бюллетень Актов по Судебной системе. 2019. № 5, 6.

11. Приказ Следственного комитета Российской Федерации от 18 июля 2012 г. № 40 «Об утверждении Инструкции по делопроизводству Следственного комитета Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru>.

12. Проект федерального закона от 7 апреля 2016 г. № 1039309-6 «О внесении изменения в статью 217 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации», внесенный депутатом Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации шестого созыва О. Л. Михеевым, и пояснительная записка к нему. URL: <http://sozd.parlament.gov.ru/bill/1039309-6>.

13. ФПА поддержала поправки в УПК РФ о сроках ознакомления с материалами дела // Право.ru. 2016. 12 апр.

14. Заключение Комитета Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации по государственному строительству и законодательству по проекту федерального закона № 1039309-6 «О внесении изменения в статью 217 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации». URL: <http://sozd.parlament.gov.ru/bill/1039309-6>.

15. Постановление Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации от 9 декабря 2016 г. № 465-7 ГД «О проекте федерального закона № 1039309-6 “О внесении изменения в статью 217 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации”» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2016. № 51. Ст. 7289.

16. Постановление Правительства Российской Федерации от 1 декабря 2012 г. № 1240 «О порядке и размере возмещения процессуальных издержек, связанных с производством по уголовному делу, издержек в связи с рассмотрением дела арбитражным судом, гражданского, административного дела, а также расходов в связи с выполнением требований Конституционного Суда Российской Федерации и о признании утратившими силу некоторых актов Совета Министров РСФСР и Правительства Российской Федерации» (ред. от 18.10.2022) // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru>.

17. Буракова Е. Сколько времени уходит на чтение книги // Онлайн-журнал. 2019. 8 нояб.

18. Среднее количество слов на странице // Dudom. 2020. 14 апр.

Сизова В. Н.¹,
*ведущий научный сотрудник
научно-исследовательского центра
Академии управления МВД России,
кандидат юридических наук*

ФУНКЦИИ РОССИЙСКОГО УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

В юридической литературе отмечается, что функции уголовного законодательства – это роль, которая им выполняется в правовой системе. Общепринятой в науке уголовного права является классификация функций на регулятивные, охранительные, предупредительные и воспитательные [5, с. 41].

Так, учеными-юристами отмечается, что системно-структурная среда российского уголовного законодательства остается в своем качественном состоянии благодаря имеющимся функциям, которым отведена, прежде всего, социальная роль, демонстрирующая обусловленность уголовного законодательства складывающимися в определенный исторический период времени общественными отношениями. Кроме того, именно посредством функций происходит взаимосвязь уголовной ответственности, ее оснований, а также санкцией и диспозицией статьи [7, с. 5], в связи с чем в предназначение охранительной функции входит обеспечение прав и свобод человека и гражданина, охрана общественных ценностей и т. д.), а в регулятивную – удержание от совершения преступлений как лиц, уже совершивших преступные деяния, так и в качестве превенции всех без исключения участников общественных отношений [8, с. 12–18].

Примечательным с позиции проводимого исследования является указание на то, что между категориями «функция УК РФ» и «задача УК РФ» нет какого-либо существенного различия, т. к. функция представляет собой выражение свойств объектов вовне, при этом реализация задач осуществляется именно посредством функций [4, с. 11]. С учетом данного положения также указывается на определенную их классификацию, а именно – регулятивно-охранительную и предупредительно-воспитательную. В этой связи вызывает сомнения отождествление задач и функций уголовного законодательства, поскольку, по мнению автора, задачи являются внешним выражением уголовного законодательства, определяющим вектором в процессе воздействия регулирования уголовно-правовыми нормами той или иной области общественных отношений.

Касательно функций необходимо отметить, что они выступают внутренней определяющей силой уголовного законодательства, в связи с чем в юридической литературе справедливо обращается внимание на неоднозначность соотношения задач и функций, принимая во внимание, что задача определяется по большей части социально-экономическими потребностями общества, историческим ими условиями его развития и т. д. При этом взаимообусловленность функций и задач становится очевидной в процессе придания задачам роли определения содержания функций, их форм и методов реализации [10, с. 20–271].

¹ © Сизова В. Н., 2023.

Существуют также позиции ученых, отражающие подход к функциям, как к направлениям реализации права в целях решения определенных социальных задач, при этом в процессе функционирования права осуществляется взаимодействие целей, задач и функций [1, с. 12].

При этом отдельными авторами, при определении в качестве функций уголовного права направлений оказываемого им воздействия на общественные отношения, указывается на компенсационную функцию, которая побуждает лицо, совершившее преступное деяние, к деятельному раскаянию и добровольному возмещению причиненного вреда (ущерба) [10, с. 82].

С учетом иных воззрений на функции уголовного законодательства автор отмечает точку зрения, в соответствии с которой функциями уголовного законодательства предлагается считать направления уголовно-правового воздействия, оказываемого на преступность [9, с. 24]. В этой связи отмечается, что уголовно-правовое регулирование является способом отражения социальной функции [9, с. 26].

По мнению А. Э. Жалинского, необходимо признать существование правоустанавливающей функции уголовного законодательства, обусловленной тем, что создание уголовно-правовых норм само по себе есть первичное правоустановление, и только следующее за этим правоприменение предстает в качестве источника вторичного правоустановления [6, с. 19].

По мнению Б. Т. Разгильдиева, уголовно-правовая функция – это регулятивно-обязывающее воздействие системы уголовно-правовых норм на физических лиц для достижения задач, стоящих перед уголовным законодательством. При этом он указывает, что функция определяется признаками уголовно-правовых норм в их системе. Именно это, по его мнению, свидетельствует о том, что она является неотъемлемой частью системы уголовного законодательства в целом [12, с. 45].

Само назначение уголовного закона, по мнению Н. А. Лопашенко, находит свое отражение в функциях. Она отмечает совпадение функций уголовного законодательства и закона, в частности, указывая на то, что двумя главными функциями являются предупредительно-охранительная (осуществление посредством определенных методов в виде отражения в уголовном законе категорий преступления и наказания охраны общественных отношений, прав и законных интересов граждан и т. п.) и регулятивная (регламентация посредством уголовного закона определенных областей общественных отношений чрез наделение правами и обязанностями субъектов данных отношений) [14, с. 160–161].

А. И. Чучаев выделяет предупредительную и воспитательную функции, уточняя при этом, однако, что уголовный закон призван охранять и регулировать общественные отношения [13, с. 21–22].

Следует отметить, что, по мнению Л. В. Иногамовой-Хегай, уголовный закон имеет охранительную, регулятивную, воспитательную и профилактическую функции [13, с. 26]. Она полностью разделяет позицию Н. А. Лопашенко, полагающей нецелесообразным выделять воспитательную функцию уголовного закона по причине того, что она, как правило, соотносится с предупредительно-охранительной функцией. При этом целенаправленным воспитанием уголовный

закон не занимается, а его воспитательное воздействие зависит от того, как он применяется [14, с. 161].

По мнению А. В. Денисовой, уголовное законодательство выполняет следующие функции: регулятивную, охранительную, предупредительную (социально-превентивную), воспитательную, аксиологическую (ценностно-ориентирующую), социально-интегративную и функцию укрепления государственной власти [5, с. 44].

Не ставя перед собой задачу детального анализа существующих позиций и точек зрения ученых относительно функций уголовного законодательства, а также формулирования их понятия и классификации, автор настоящей публикации в связи с тем, что сама система уголовного законодательства определяется действием всего комплекса уголовно-правовых функций (охранительных, регулятивных, превентивных и др.) [3, с. 1193], отмечает взаимообусловленность системы уголовного законодательства теми функциями, которые оно призвано осуществлять.

Следует также отметить, что система уголовного законодательства сама может с большей или меньшей эффективностью способствовать реализации его функций. Например, в одинаковой степени снижают системность уголовного закона чрезмерные, а также недостаточные криминализация и пенализация. Актуализация уголовного законодательства, опережающая развитие общественных отношений, столь же вредна, как и стагнация, отставание уголовного закона от общественной эволюции [2, с. 133].

В этой связи, рассматривая реализацию функций уголовного законодательства как процесс его функционирования, необходимо указать, что желаемым результатом является правопорядок, но реальным выступает уровень преступности в обществе. Следовательно, соответствие действующей системы уголовного законодательства его функциям можно оценить через взаимосвязь и взаимодействие элементов, образующих его как систему социального регулирования: уголовные правоотношения, правоприменительную практику, правосознание и т. п. Данное взаимодействие осуществляется, по мнению автора, посредством механизма уголовно-правового регулирования, в процессе реализации которого конечный результат функционирования отдельных уголовно-правовых норм, составляющих содержание системы уголовного законодательства, становится очевидным в процессе решения поставленных законодателем при создании норм уголовного права задач.

Таким образом, функционирование уголовно-правовых норм обуславливает достижение результата в задачах, которые, в свою очередь, также решаются при помощи механизма уголовно-правового регулирования. Следствием указанного процесса является достижение эффективности уголовного законодательства в целом.

Список литературы

1. Абрамов А. И. Понятие функции права // Журнал российского права. 2006. № 2. С. 71–83.

2. Анощенко С. В. К понятию функций уголовного права // Социально-политические науки. 2018. № 3. С. 131–136.
3. Борисов В. И., Фрис П. Л. Эффективность уголовно-правовой политики // LEX RUSSICA. 2014. № 10. С. 1192–1200.
4. Ветров Н. И. Уголовное право России. М., 1999.
5. Денисова А. В. Функции уголовного права в российской правовой системе // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2015. С. 40–45.
6. Жалинский А. Э. Уголовное право в ожидании перемен: теоретико-инструментальный анализ. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2009.
7. Козаченко И. Я. Санкции за преступления против жизни и здоровья. Томск, 1987.
8. Козаченко И. Я. Уголовное право как основной инструмент // Полный курс уголовного права / под ред. А. И. Коробеева. В 5 т. Т. 1. СПб., 2008.
9. Коробеев А. И. Полный курс уголовного права. В 5 т. Т. 1. СПб., 2008.
10. Мартыненко Н. Э., Мартыненко Э. В. Компенсационная функция и компенсационные нормы современного уголовного закона // Труды Академии управления МВД России. 2020. № 1 (53). С. 78–88.
11. Радько Т. Н. Функции права. Общая теория права / под общ. ред. В. К. Бабаева. Нижний Новгород, 1993.
12. Разгильдиев Б. Т. Задачи уголовного права Российской Федерации и их реализация : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.08. М., 1994.
13. Российское уголовное право. В 2 т. Т. 1. Общая часть / под ред. А. И. Рагоа. М., 2003.
14. Уголовное право. Общая часть. Преступление / под ред. Н. А. Лопашенко. В 10 т. Т. 4. М., 2016.

Соколова М. В.¹,
старший преподаватель
кафедры предварительного расследования
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук

Подустова О. Л.²,
старший преподаватель
кафедры уголовного процесса
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук

НАЛОЖЕНИЕ АРЕСТА НА КРИПТОВАЛЮТУ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

Процессы массовой цифровизации всех отраслей жизнедеятельности человека, затронувшие российское общество в последнее десятилетие, породили множество проблем, в числе которых наиболее значимое место занимают рост преступности и появление новых способов совершения преступлений. Так, быстрое развитие информационных технологий и возможности оптимизации цифровых финансовых операций приводят к увеличению числа пользователей соответствующих программных продуктов, а в последствии и переноса значительных сумм денежных средств в виртуальную среду, которые могут выступать как в качестве предмета, так и средства преступного посягательства [3, с. 246].

С каждым годом все большую популярность среди виртуальных денежных средств приобретает криптовалюта – цифровая валюта, которая использует криптографию для обеспечения безопасности и контроля транзакций. Она не зависит от центральных банков или правительств и использует децентрализованные системы для обработки транзакций и подтверждения их подлинности.

Криптовалюта используется как средство обмена, хранения и передачи ценности в цифровой форме. Наиболее известные: Bitcoin, Ethereum, Litecoin, Ripple, Bitcoin Cash и др. Они могут быть куплены и проданы на специальных биржах и использоваться для покупки товаров и услуг в ряде онлайн магазинов и сервисов.

В некоторых юрисдикциях криптовалюты рассматриваются как имущество и могут быть подвержены таким же юридическим процедурам, как и другие виды. Например, если криптовалюта была получена незаконным путем или использована для совершения преступления, то ее можно конфисковать или наложить на нее арест.

Кроме того, в некоторых случаях, связанных с судебными разбирательствами или исполнением решений суда, на криптовалюту может быть наложен арест на основании судебного решения.

¹ © Соколова М. В., 2023.

² © Подустова О. Л., 2023.

Однако стоит отметить, что в связи с тем, что криптовалюту используют децентрализованные системы и не имеют физического представления, наложение ареста на нее может быть более сложным и требует специальных технических навыков.

Так, в Российской Федерации наложение ареста на криптовалюту возможно. Это регулируется Федеральным законом от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» (далее – Закон о ЦФА) [6].

Согласно ст. 20 Закона о ЦФА, цифровые финансовые активы (включая криптовалюту) могут быть предметом ареста в соответствии с законодательством Российской Федерации. Это означает, что в случае, если криптовалюта была получена незаконным путем или использована для совершения преступления, на нее может быть наложен арест.

В России процедура наложения ареста на криптовалюту в целом соответствует общей процедуре наложения ареста и регулируется гражданским процессуальным законодательством Российской Федерации, а также Федеральным законом от 7 октября 2007 г. № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» [5]. Согласно которому, арест может быть наложен в рамках исполнительного производства в случае, если криптовалюта является объектом права собственности или иным имущественным правом у должника или другого лица. Несмотря на это, следует отметить, что как такового процессуального механизма, который позволяет обеспечить эффективность ведения процесса в виртуальной среде на сегодняшний день не существует, т. к. процесс наложения ареста на криптовалюту достаточно сложный и требует специальных технических навыков, связанных с работой блокчейн-сетей и криптовалютных кошельков.

Несмотря на сложный процесс наложения ареста на криптовалюту, в Российской Федерации такая практика существует. Так, было несколько таких случаев в рамках уголовных дел.

В 2020 г. следователи УФСБ России по Краснодарскому краю обнаружили и изъяли криптовалюту на сумму более 80 млн руб. (около одного миллиона долларов) у подозреваемого в создании пирамидальной схемы. По данным следствия, был наложен арест с целью компенсации пострадавшим ущерба, причиненного преступлением.

В 2020 г. Следственным управлением Следственного комитета Российской Федерации по г. Липецку вынесено постановление о возбуждении перед судом ходатайства о наложении ареста на криптовалюту. Так, судом был наложен арест на 2,3 млн руб., эквивалентных в криптовалюте, в рамках уголовного дела об уклонении от уплаты налогов.

По данным следствия, подозреваемый использовал биржу криптовалют для обналичивания дохода, полученного от своей коммерческой деятельности, и уклонялся от уплаты налогов на общую сумму более 2 млн руб. Следствие выявило, что подозреваемый на своем криптовалютном кошельке имел значительную сумму в биткоинах и других криптовалютах, эквивалентную 2,3 млн руб., которые были арестованы в рамках уголовного дела.

Этот случай показывает, что криптовалюта может быть использована для сокрытия доходов и уклонения от уплаты налогов, а также что наложение ареста на нее является возможным и эффективным инструментом в борьбе с финансовыми преступлениями.

В 2021 г. суд в г. Москве наложил арест на более чем 2,3 тыс. биткоинов (на тот момент на сумму более 100 млн долл.) в рамках уголовного дела о мошенничестве с использованием криптовалюты. Подозреваемые обвиняются в мошенничестве на сумму более 700 млн руб. (около 9,5 млн долл.) [2].

Подводя итог вышеизложенному следует отметить, что в Российской Федерации практика по наложению ареста на имущество уже существует, т. к. суды основываются на том, что основное отличие криптовалют от реальных денег только в способе их возникновения, и считают допустимым арест цифровой валюты как «иного имущества», однако, несмотря на это процедура наложения ареста на криптовалюту вызывает очень много сложностей у правоприменителя. В целом, она схожа с процедурой наложения ареста на другие виды имущества, однако требует специальных знаний и опыта в сфере криптовалютных технологий.

Уже последние два-три года суды признают криптовалюту как одну из разновидностей нематериальных активов, поэтому без каких-либо проблем выносят судебные акты об аресте. Проблемы начинаются в момент непосредственно ареста или реализации активов, поскольку не все правоохранительные или правоприменительные структуры знают, как это можно сделать, особенно в условиях, когда у них нет паролей для доступа к криптокошельку.

Так, на наш взгляд, на предварительном расследовании наложение ареста на криптовалюту может быть проведено с помощью следующих шагов:

1) определение местонахождения криптовалюты: необходимо определить, на каких биржах она была куплена или продана, и проверить наличие криптовалютных кошельков, которые могут быть связаны с подозреваемым или связанные с ними адреса блокчейн-сетей;

2) получение судебного решения о наложении ареста на криптовалюту: оно должно быть основано на законных основаниях, таких как подозрение в совершении преступления или незаконное получение криптовалюты;

3) обращение к биржам: необходимо обратиться к биржам, на которых были проведены транзакции с криптовалютой, и запросить замораживание активов, связанных с подозреваемым;

4) блокирование кошельков: если известны адреса блокчейн-сетей, связанные с подозреваемым или предполагаемым преступлением, необходимо запросить их блокирование у провайдеров этих кошельков;

5) передача ключей: если на предварительном расследовании были получены закрытые ключи кошельков, связанных с подозреваемым, они могут быть использованы для перевода криптовалюты на другие адреса или биржи.

Следует отметить, что вопрос, касающийся технического исполнения ареста или конфискации таких средств остается нерешенным. Мы согласны с мнением А. Б. Коноваловой и П. Д. Мильковой, которые утверждают, что создание «специального судебного цифрового кошелька», на который будут переведены предполагаемые цифровые средства до окончания следствия и вынесения решения

по делу, будет способствовать сохранности арестованной криптовалюты до вынесения судебного решения [4].

Важно отметить, что наложение ареста на криптовалюту на предварительном расследовании может быть более сложным процессом, чем наложение ареста на другие виды имущества, и может потребовать специализированных знаний в области блокчейн-технологий и криптовалют, а также внесения изменений в уголовное и уголовно-процессуальное законодательство, регулирующих механизм ареста криптовалют.

Во-первых, следует признать криптовалюту предметом преступления.

Во-вторых, разработать единые правила ареста виртуальной валюты.

В-третьих, создать официальные криптосчета, где хранилась бы изъятая цифровая валюта.

Список литературы

1. Официальный сайт сетевого издания «Интерфакс.ру». URL: <https://www.interfax.ru/russia/774876>.
2. Официальный сайт сетевого издания «Коммерсантъ». URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4877574>.
3. Мельник В. С. Криптовалюта как предмет наложения ареста на имущество // Уголовный процесс и криминалистика: теория, практика, дидактика : сборник научных трудов. Рязань : Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний, 2022. С. 245–249.
4. Коновалова А. Б., Милькова П. Д. К вопросу о возможности наложения ареста на криптовалюту в уголовном судопроизводстве // Вестник научной мысли. 2022. № 6. С. 83–88.
5. Федеральный закон от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» (с изменениями и дополнениями) // Российская газета. 2007. № 223. 6 окт.
6. Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (с изменениями и дополнениями) // Официальный интернет-правовой информации. URL: <https://www.pravo.gov.ru>.
7. Предварительное следствие : учебник / [Р. Э. Адамян и др.]. 4-е изд., перераб. и доп. М. : Юнити-Дана, 2021.

*Тисен О. Н.¹,
начальник Юридического управления
Федеральной службы по финансовому мониторингу,
доктор юридических наук*

ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫМИ ОРГАНАМИ МАТЕРИАЛОВ РОСФИНМОНИТОРИНГА В ДОКАЗЫВАНИИ

В настоящее время Российская Федерация является одним из ведущих участников международной системы противодействия отмыванию преступных доходов и финансированию терроризма, что подтвердили эксперты ФАТФ по результатам проведения четвертого раунда взаимных оценок в 2019 г. Суммарно по рейтингам Российская Федерация вошла в первую пятерку стран по эффективности национальной «антиотмывочной» системы в мире [4].

Согласно нормативным правовым актам именно Федеральная служба по финансовому мониторингу (далее – Росфинмониторинг) является органом, на который возложена обязанность по реализации государственной политики в сфере противодействия легализации доходов, полученных преступным путем, финансированию терроризма, экстремистской деятельности и распространения оружия массового уничтожения [2, п. 1].

Российская финансовая разведка не является правоохранительным органом, она не наделена полномочиями по производству оперативно-разыскных мероприятий (далее – ОРМ), предварительного расследования, а также не вправе возбуждать уголовные дела.

В этой связи использование результатов финансовых расследований в уголовном судопроизводстве обладает определенной спецификой.

Именно Росфинмониторинг на сегодняшний день обладает совокупностью всесторонней информации, анализ которой позволяет отследить всю цепочку финансовых операций, связей, сделок, являвшихся инструментом легализации преступных доходов, их преобразования в иные активы и выведения капиталов за рубеж.

Потенциал материалов, которые могут быть получены из Росфинмониторинга, не всегда используются правоохранительными органами при выявлении и расследовании преступлений. Вместе с тем реализация назначения уголовного судопроизводства (ст. 6 УПК РФ) невозможна без установления имущества, добытого преступным путем, при расследовании каждого преступления, предполагающего получения дохода, выявления и пресечения фактов его легализации, ареста и конфискации преступных активов.

Основным инструментом достижения целей, поставленных перед Росфинмониторингом, является финансовое расследование. Именно посредством его проведения организация устанавливает угрозы национальной безопасности, возникающие в результате совершения операций (сделок) с денежными средствами или иным имуществом, и выявляет их связь с преступлениями и правонарушениями.

¹ © Тисен О. Н., 2023.

Основными формами работы Росфинмониторинга в целях выявления связи операций/сделок с преступлениями являются:

- организация и проведение проверочных мероприятий на основании письменных запросов правоохранительных органов;
- инициативный поиск и анализ информации, указывающей на возможную связь с преступлением, посредством закрытых информационных баз данных, получения информации из кредитных организаций, государственных органов, иностранных подразделений финансовой разведки, других источников.

В целях установления фактов легализации преступных доходов Росфинмониторинг проводит финансовое расследование, результаты которого оформляются в виде информационной справки, содержащей сведения о выявленных финансовых операциях, аффилированных связях, бенефициарных владельцах, наличии движимого и недвижимого имущества, результатах анализа полученной информации. В необходимых случаях к информационной справке прилагаются графические схемы, позволяющие визуализировать полученную информацию.

Общий порядок взаимодействия Росфинмониторинга с правоохранительными органами определен Инструкцией по организации информационного взаимодействия в сфере противодействия легализации (отмыванию денежных средств или иного имущества, полученных преступным путем) [3]. В ряде регионов приняты дополнительные межведомственные акты о взаимодействии подразделений правоохранительных органов и межрегиональных управлений Росфинмониторинга, в которых раскрываются особенности совместной работы в целях выявления и пресечения фактов придания противоправным доходам правомерного вида владению, пользованию и распоряжению [5].

Следует учитывать, что Инструкция по организации информационного взаимодействия предусматривает совместную с правоохранительными органами работу не только по фактам легализации преступных доходов, но и по предикатным преступлениям.

Инициативное выявление операций и сделок, связанных с легализацией (отмыванием) доходов, полученных преступным путем, или с финансированием терроризма, является важнейшей задачей Росфинмониторинга, реализация которой призвана способствовать декриминализации экономики и ее отдельных отраслей, а также нейтрализации угроз национальной безопасности.

При наличии достаточных оснований, свидетельствующих о том, что операция, сделка связаны с уголовно наказуемым деянием, соответствующие информация и материалы направляются Росфинмониторингом в правоохранительные органы в порядке ст. 8 Федерального закона от 7 августа 2001 г. № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» (далее – Закон № 115-ФЗ) с раскрытием банковской и иной охраняемой законом тайны. Если характер выявленных операций, сделок не позволяет прийти к однозначному выводу о достаточности оснований для направления материалов в правоохранительные органы в порядке указанной статьи Закона № 115-ФЗ, но имеются указанные в ст. 7 Федерального закона от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности»

(далее – Закон об ОРД) основания для проведения ОРМ, соответствующая информация направляется в МВД России или ФСБ России с учетом их компетенции с пометкой «Для рассмотрения вопроса о проведении оперативно-разыскных мероприятий». При этом принимается во внимание наличие в такой информации конкретных указанных в законе оснований для проведения ОРМ, а также полномочия и подследственность соответствующего правоохранительного органа.

При отсутствии указанных в Законе об ОРД оснований для проведения ОРМ, но наличии в информации данных о рисках ОД/ФТ, об обстоятельствах, способствующих совершению преступлений или правонарушений, а также иных факторах, влияющих на состояние криминогенной ситуации, соответствующие информационно-аналитические материалы направляются в МВД России или ФСБ России с пометкой «Для учета при анализе и оценке оперативной обстановки, а также профилактике преступлений и правонарушений» с учетом их компетенции.

При этом важно учитывать своевременность направления соответствующей информации, ее полноту, достоверность, а также полномочия и специфику органа, в который она направляется.

С октября 2020 г. в инициативном порядке информация Росфинмониторингом направляется в МВД России и ФСБ России в трех видах:

1) в порядке ст. 8 Закона № 115-ФЗ. Такая информация направляется в правоохранительные органы с раскрытием банковской тайны при наличии достаточных оснований, свидетельствующих о том, что операция/сделка связаны с уголовно наказуемым деянием;

2) для проведения ОРМ – в случаях, если достаточные основания для направления материалов в порядке ст. 8 Закона № 115-ФЗ отсутствуют, но имеются основания для проведения ОРМ, указанные в ст. 7 Закона об ОРД;

3) для учета при анализе и оценке оперативной обстановки – при отсутствии оснований для проведения ОРМ, предусмотренных в ст. 7 Закона об ОРД, но необходимости учета установленных фактов для декриминализации экономики, отрасли и т. д.

Финансовое расследование – процесс установления сотрудниками Росфинмониторинга и его территориальными подразделениями связи операций/сделок с уголовно наказуемыми деяниями. В ходе расследования анализируется информация о финансовой деятельности юридических и физических лиц, финансовые операции, сделки, контракты, договоры, банковские счета, реквизиты финансовых инструментов и связанные с ними сведения.

Если в ходе финансового расследования выявлены признаки преступления, Росфинмониторинг вправе направить полученные материалы в правоохранительные или налоговые органы для реализации в соответствии с их компетенцией.

До недавнего времени закон наделял Росфинмониторинг правом направлять в правоохранительные и налоговые органы результаты финансовых расследований с раскрытием банковской тайны лишь при выявлении связи операций/сделок с преступлениями, связанными с легализацией преступных доходов, и финанси-

рованием терроризма. С 21 декабря 2021 г. финансовая разведка вправе направлять такие материалы в компетентные органы при выявлении признаков любых уголовно наказуемых деяний [1, ст. 8]. Законодательные ограничения, действовавшие до конца декабря 2021 г. обусловлены тем, что изначально российская финансовая разведка была создана для решения задач, закрепленных в стандартах ФАТФ, целью которой является противодействие легализации преступных доходов, финансированию терроризма и распространения оружия массового уничтожения. Однако практика показала, что благодаря материалам Росфинмониторинга удается раскрыть преступления различных категорий, ключом к которым являлись финансовые операции или сделки. Фактически в ходе такой проверки благодаря имеющимся в настоящее время у Росфинмониторинга ресурсам возможно установить обстоятельства любого преступления, в котором имеется финансовый след.

Росфинмониторинг осуществляет сбор, обработку, проверку и анализ информации об операциях (сделках) с денежными средствами или иным имуществом, подлежащих контролю в соответствии с законодательством Российской Федерации, а также иной информации. В процессе этой деятельности сотрудники Росфинмониторинга, в том числе выявляют операции (сделки), связанные с совершением преступлений. В целях реализации этих задач должностные лица, проводящие финансовые расследования, полномочны запрашивать необходимую информацию у других органов и организаций, в том числе сведения о движении средств по счетам (вкладам) клиентов кредитных организаций [2, п. 5.1].

Финансовые расследования могут проводиться Росфинмониторингом как по собственной инициативе, так и по запросам правоохранительных и иных уполномоченных органов.

Процесс проведения финансовых расследований регламентирован документами с ограниченным доступом, поскольку Росфинмониторинг, прежде всего, является финансовой разведкой, а информация, являющаяся объектом расследования, отнесена законом к банковской, налоговой и иной охраняемой тайне.

По своему содержанию финансовое расследование имеет множество общих черт с предварительным расследованием. Его задачи во многом схожи с задачами ОРД, закрепленными в ст. 2 Закона об ОРД. Цели финансового расследования имеют более конкретный характер и состоят в выявлении связи операций (сделок) с легализацией (отмыванием) доходов, полученных преступным путем, финансированием терроризма, экстремистской деятельности, а также иных уголовно наказуемых деяний в соответствии со ст. 8 Закона № 115-ФЗ. Кроме того, в ходе финансового расследования устанавливаются имущество, приобретенное в результате совершения преступления, а также средства, необходимые для исполнения приговора в части гражданского иска, взыскания штрафа, других имущественных взысканий. В целом финансовое расследование, в том числе способствует реализации назначения уголовного судопроизводства, закрепленного в ст. 6 УПК РФ.

Финансовое расследование состоит из двух стадий:

- первичная проверка;
- углубленное финансовое расследование.

Стадия первичной проверки во многом схожа со стадией возбуждения уголовного дела, а углубленное финансовое расследование соотносится со стадией предварительного расследования по смыслу УПК РФ.

Финансовому расследованию предшествуют предпроверочные мероприятия, которые по своим целям схожи с проверкой сообщения о преступлении. Повод для их проведения по своему смыслу сравним с сообщением о преступлении в значении, указанном в п. 43 ст. 5 УПК РФ. По результатам информация о связи операций/сделок с преступлением может не подтвердиться, в связи чем возможно принятие решения о прекращении дальнейших разбирательств (как в случае вынесения постановления об отказе в возбуждении уголовного дела).

Если в ходе предпроверочных мероприятий выявлены определенные признаки связи операций/сделок с преступлением или правонарушением, должностными лицами принимается решение о проведении финансового расследования. Этот этап допустимо отождествлять с началом стадии предварительного расследования в уголовном судопроизводстве.

Повод для проведения финансового расследования можно сравнить с поводом для возбуждения уголовного дела. Согласно ст. 140 УПК РФ поводом для возбуждения уголовного дела могут являться сведения о совершенном или готовящемся преступлении, полученные из любых источников. К поводам для проведения финансового расследования относятся запросы иностранных ПФР, правоохранительных и иных государственных органов, сведения, полученные из обращений граждан и организаций, а также иных источников.

Для принятия решения о проведении финансового расследования, как и для решения вопроса о возбуждении уголовного дела, необходимо не только наличие поводов, но и оснований. Согласно ч. 2 ст. 140 УПК РФ основанием для возбуждения уголовного дела является наличие достаточных данных, указывающих на признаки преступления. В свою очередь основанием для проведения финансового расследования являются достаточные данные, указывающие на связь операций (сделок) с преступлением.

Если в ходе предпроверочных мероприятий поводы и основания для проведения финансового расследования не установлены, то на этом этапе работа финансовой разведки по конкретному объекту проверки может быть прекращена с последующим возобновлением в случае необходимости. При этом в ходе этого этапа могут быть выявлены риски для экономической и государственной безопасности, иные вызовы и угрозы, о которых информируются заинтересованные органы в рамках компетенции.

Результаты финансового расследования, как и предварительного, формируются в деле, но не уголовном, а в деле финансового расследования.

В общем смысле структура финансового расследования состоит из следующих стадий и этапов:

1. Предпроверочные мероприятия:

- 1.1. Получение повода для проведения финансового расследования.

- 1.2. Установление оснований для проведения финансового расследования.

- 1.3. Принятие должностным лицом решения о проведении финансового расследования или о прекращении проверки.

2. Финансовое расследование:

2.1. Первичная проверка.

2.2. Углубленное финансовое расследование.

2.3. Формирование результатов финансового расследования, формулирование выводов.

2.4. Принятие должностным лицом решения по результатам финансового расследования.

2.5. Прекращение финансового расследования либо направление результатов финансового расследования в правоохранительные, налоговые, иные органы.

3. Информационное сопровождение материалов финансового расследования, направленных в правоохранительные органы.

Информационное сопровождение заключается в обеспечении сотрудниками Росфинмониторинга предоставления правоохранительным органам дополнительной информации, необходимой для реализации материалов финансового расследования, а также проведении анализа процесса использования их результатов, уполномоченных органами.

Взаимодействие с Росфинмониторингом может осуществляться как в период осуществления оперативно-разыскной деятельности, так и на этапе проверки сообщения о преступлении и предварительного расследования.

При проведении финансовых расследований Росфинмониторингом используется информация из следующих источников:

1. База данных Росфинмониторинга, содержащая сведения о подозрительных операциях (сделках) с участием физических и юридических лиц, поступившие от кредитных организаций, а также иных субъектов финансового мониторинга. Следует отметить, что она содержит сведения не обо всех финансовых операциях (сделках) с участием фигурантов, а только об операциях (сделках), подлежащих обязательному контролю или выявляемых в рамках внутреннего контроля, перечень которых содержится в ст. 6 Закона № 115-ФЗ. Критерии операций (сделок), подлежащих выявлению в рамках внутреннего контроля, изложены в Положении Банка России от 2 марта 2012 г. № 375-п «О требованиях к правилам внутреннего контроля кредитной организации в целях противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма».

2. Информация органов государственной власти и управления.

3. Информационные базы иностранных и отечественных коммерческих баз данных.

4. Открытые источники информации, обращения граждан и юридических лиц.

5. Сведения, получаемые по запросам из кредитных организаций (в том числе данные об IP-адресах, с которых осуществлялось управление счетом), МВД России, ФНС России, Федеральной службы государственной регистрации, кадастра и картографии, иных государственных органов.

6. Информация, получаемая по запросам из подразделений финансовых разведок иностранных государств.

7. Иные источники.

Срок получения информации из кредитных организаций составляет пять рабочих дней. Информация предоставляется в электронном виде. Сведения о движении денежных средств по счетам, открытым в кредитных организациях, лицензия на осуществление банковской деятельности у которых отозвана, запрашивается из ГК «Агентство по страхованию вкладов» (если кредитная организация находится под конкурсным управлением «АСВ»).

По своему правовому статусу результаты финансового расследования имеют много общего с понятием результатов оперативно-разыскной деятельности, закрепленным в п. 36.1 ст. 5 УПК РФ, согласно которому под таковыми понимаются сведения о признаках подготавливаемого, совершаемого или совершенного преступления, лицах, подготавливающих, совершающих или совершивших преступление и скрывшихся от органов дознания, следствия или суда.

Результаты финансового расследования, направляемые в правоохранительные или налоговые органы в порядке, предусмотренном ст. 8 Закона № 115-ФЗ, также содержат сведения о признаках подготавливаемого, совершаемого или совершенного преступления, а также лицах, возможно причастных к таким деяниям. Однако характерным признаком материалов Росфинмониторинга является то, что они всегда основаны на анализе финансовых операций и сделок с имуществом.

Вместе с тем нормативно закрепленный порядок легализации результатов финансового расследования в целях придания им статуса допустимых доказательств в уголовном процессе, в отличие от результатов оперативно-разыскной деятельности, отсутствует.

В ряде уголовных дел о легализации имелись сообщения Росфинмониторинга о сомнительных операциях фигурантов, которые суды принимали во внимание в совокупности с иными доказательствами [6].

Однако следует учитывать, что информация, направляемая Росфинмониторингом в правоохранительные органы, не может напрямую использоваться в качестве доказательств по уголовному делу и нуждается в легализации.

Дело в том, что выводы по результатам проведенного финансового расследования базируются на сведениях, содержащихся в сообщениях об операциях и сделках, полученных от финансовых организаций в соответствии с Законом № 115-ФЗ, которые не являются первичными платежными документами. Для использования указанных сведений в качестве доказательств по уголовному делу они должны быть получены в установленном порядке в соответствии с требованиями Закона об ОРД и с ч. 4¹ ст. 164, ч. 1 ст. 165 УПК РФ.

Согласно п. 7 ч. 2 ст. 29 УПК РФ только суд, в том числе в ходе досудебного производства, правомочен принимать решение о производстве выемки предметов и документов, содержащих государственную или иную охраняемую федеральным законом тайну, а также предметов и документов, содержащих информацию о вкладах и счетах граждан в банках и иных кредитных организациях.

Информация, содержащаяся в материалах финансового расследования, составляет банковскую, коммерческую и налоговую тайну. Так, согласно ст. 857 ГК РФ, сведения о банковских счетах и вкладе, операциях по счету и сведения о клиенте составляют банковскую тайну. Эти сведения могут быть предоставлены только самим клиентам или их представителям, а также представлены

в бюро кредитных историй на основаниях и в порядке, которые предусмотрены законом. Государственным органам и их должностным лицам, а также иным лицам такие сведения могут быть предоставлены исключительно в случаях и порядке, которые предусмотрены законом.

В соответствии со ст. 26 Федерального закона от 2 декабря 1990 г. № 395-1 «О банках и банковской деятельности» (ред. от 27.12.2019) информация об операциях, счетах и вкладах юридических лиц, граждан, осуществляющих предпринимательскую деятельность без образования юридического лица, и физических лиц является банковской тайной. Такие сведения представляются кредитными организациями в уполномоченный орган, осуществляющий функции по противодействию легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, финансированию терроризма и распространения оружия массового уничтожения (Росфинмониторинг), в случаях, порядке и объеме, которые предусмотрены Законом № 115-ФЗ.

Поскольку информация, содержащаяся в материалах финансового расследования, содержит банковскую тайну, использование ее напрямую в уголовном деле может привести к признанию ее судом недопустимым доказательством в силу ее получения правоохранительными органами без судебного решения. В этой связи в целях придания информации о вкладах и счетах фигурантов, содержащейся в материалах финансового расследования, статуса допустимого доказательства следователь с согласия руководителя следственного органа, а дознаватель с согласия прокурора должен возбудить перед судом ходатайство о производстве следственного действия в порядке, предусмотренном ст. 165 УПК РФ [7].

Материалы Росфинмониторинга позволяют правоохранительным органам «не искать иголку в стоге сена», а сосредоточиться на конкретных финансовых операциях и сделках фигурантов, которые могут свидетельствовать о признаках преступления. После изучения материалов финансового расследования правоохранительные органы получают возможность в соответствии с требованиями закона на основании судебного решения получать сведения, составляющие банковскую и иную охраняемую законом тайну, в конкретных кредитных организациях и об определенном периоде времени, а впоследствии использовать их в качестве доказательств в рамках уголовного дела. Такая точность информации Росфинмониторинга, носящей разведовательный характер, позволяет оперуполномоченным и следователям существенно экономить временные и энергетические ресурсы.

Ежегодно благодаря работе сотрудников Росфинмониторинга правоохранительным органам удается выявить и пресечь тысячи преступлений различных категорий, вернуть в доход государства миллиарды рублей [8]. Во взаимодействии с Росфинмониторингом компетентными органами развернута широкомасштабная работа по пресечению фактов включения в систему кооперации оборонных предприятий, исполнителей заданий государственного оборонного заказа, фирм-однодневок и посредников [9; 10].

Посредством взаимодействия с иностранными подразделениями финансовых разведок Росфинмониторинг имеет возможность получения информации о финансовых операциях и имуществе фигурантов за рубежом в короткие сроки. Уникальность использования возможностей Росфинмониторинга для уголовного судопроизводства на этом направлении состоит в том, что, в отличие от механизма получения информации у иностранных правоохранительных органов посредством международного сотрудничества в порядке части пятой УПК РФ, иногда длящегося годами, в ряде случаев такие сведения получают Росфинмониторингом по линии группы «Эгмонт» за считанные дни.

Благодаря этому каналу правоохранительным органам совместно с Росфинмониторингом в ряде случаев удалось установить, а впоследствии обратить в доход государства имущество лиц, причастных к коррупционным правонарушениям, конфисковать преступные доходы и имущество, добытое преступным путем.

На основании сведений, полученных посредством взаимодействия Росфинмониторинга с ПФР государств, на территории которых на законодательном уровне регулируется оборот криптовалют, правоохранительным органам удалось установить лиц, причастных к совершению преступлений с использованием криптовалюты.

Таким образом, в настоящее время Росфинмониторинг является активным участником системы противодействия преступлениям и правонарушениям, а результаты финансовых расследований способствуют установлению обстоятельств, подлежащих доказыванию, закрепленных в ст. 73 УПК РФ. Вместе с тем для использования в качестве доказательства информация Росфинмониторинга, содержащая сведения, составляющие охраняемую законом тайну, требует легализации в установленном УПК РФ и Законом об ОРД порядке.

Список литературы

1. Федеральный закон от 7 августа 2001 г. № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_32834/.

2. Указ Президента Российской Федерации от 13 июня 2012 г. № 808 «Вопросы Федеральной службы по финансовому мониторингу» (вместе с «Положением о Федеральной службе по финансовому мониторингу») // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_131097/.

3. Инструкция по организации информационного взаимодействия в сфере противодействия легализации (отмыванию) денежных средств или иного имущества, полученных преступным путем, утвержденная приказами от 21 августа 2018 г. Генеральной прокуратуры Российской Федерации России № 511, Росфинмониторинга № 244, МВД России № 541, ФСБ России № 433, ФТС России № 1313, Следственного комитета Российской Федерации № 80 // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru>.

4. Отчет о взаимной оценке Российской Федерации. URL: <https://www.fatf-gafi.org> ; URL: <https://www.eurasiangroup.org> ; URL: <https://www.coe.int/en/web/moneyvai>.

5. Распоряжение МВД по Республике Мордовия и МРУ Росфинмониторинга по ПФО от 18 января 2016 г. № 1/46р/17-01-12/711 «Об организации взаимодействия по пресечению незаконных финансовых операций, совершаемых при освоении бюджетных средств».

6. Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 14 сентября 2015 г. № 67-АПУ15-30 // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru>.

7. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 1 июня 2017 г. № 19 «О практике рассмотрения судами ходатайств о производстве следственных действий, связанных с ограничением конституционных прав граждан (статья 165 УПК РФ)» // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_217688/.

8. URL: <https://www.fedsfm.ru>.

9. Морозов Д. Б. Применение законодательства в сфере государственного оборонного заказа в рамках надзорных мероприятий органов прокуратуры // Законность. 2020. № 12.

10. Меликсетян С. Н. Актуальные направления повышения эффективности использования бюджетных средств в России // Международный бухгалтерский учет. 2019. № 5.

Титовец И. В.¹,
старший преподаватель кафедры
правового обеспечения национальной безопасности
Института кибербезопасности
и цифровых технологий РТУ МИРЭА,
адвокат Краснодарской краевой коллегии
адвокатов (филиал «Прикубанский»)

РАССМОТРЕНИЕ СЛЕДОВАТЕЛЕМ ХОДАТАЙСТВ ЗАЩИТНИКА О ПРИЗНАНИИ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ НЕДОПУСТИМЫМИ

Как правило, сторона защиты, реализуя функцию защиты, использует предусмотренную Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации (УПК РФ) [1] возможность заявить ходатайство следователю (дознавателю) в ходе досудебного производства по уголовному делу о признании доказательств, полученного с нарушением закона, недопустимым.

Такое право предусмотрено п. 8 ч. 1 ст. 53 УПК РФ, регламентирующей полномочия защитника в уголовном процессе, ст. 119 УПК РФ, определяющей круг лиц, имеющих право заявить ходатайство и положениями Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре» в той части, что, оказывая юридическую помощь, адвокат вправе составлять ходатайства (п. 2 ч. 2 ст. 2) [2].

Анализ изучения уголовных дел и проведенное автором анкетирование позволяет сделать вывод о том, что ходатайства о признании доказательств недопустимыми заявляют защитники подозреваемых (обвиняемых), как правило в следующих случаях:

1) во время или после произведенных с нарушением норм УПК РФ следственных действий;

2) при ознакомлении в суде с ходатайствами о производстве следственных и процессуальных действий, допускаемых по судебному решению, такими как постановление о возбуждении перед судом о производстве обыска в жилище подозреваемого (обвиняемого), о наложении ареста на имущество, об отстранении обвиняемого от должности, о производстве выемки информации о документах, содержащих информацию о вкладах и счетах граждан в банках и иных кредитных организациях, об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу, залога и домашнего ареста, к которым приобщены копии из материалов уголовного дела (так называемый «минимум» процессуальных документов), постановление о возбуждении уголовного дела и привлечении лица в качестве обвиняемого, протоколы задержания, допросов подозреваемого, обвиняемого, иные материалы, свидетельствующие о причастности лица к преступлению, а также сведения об участии в деле защитника, потерпевшего и проч. [3];

3) на этапе окончания расследования после ознакомления со всеми материалами уголовного дела.

Так, защитник Х. в ходатайстве следователю указал, что в акте добровольной выдачи от 19 мая 2018 г. Ш. добровольно выдал находящиеся при нем предметы:

¹ © Титовец И. В., 2023.

сверток из газеты с веществом растительного происхождения, а также сверток из целлофана с таблетками. При этом все изъятое упаковано в конверт (пакет), который был заклеен и опечатан печатью правоохранительного органа. Защитник акцентирует внимание следователя, что в данном документе отсутствует описание вещества растительного происхождения, таблеток, их количества и во что упаковано изъятое. При этом на исследование направлены таблетки (какие, сколько – не известно), находящиеся в свертке из целлофана, упакованного в конверт (без описания), который 19 мая 2018 г. добровольно выдал гр. Ш. сотрудникам полиции.

Далее защитник указывает, что 20 мая 2018 г. на физико-химическое исследование поступил объект, упакованный в конверт из бумаги белого цвета. Клапаны конверта заклеены отрезком бумаги белого цвета с оттиском круглой печати: «Для пакетов», выполненным красящим веществом синего цвета.

На лицевой стороне конверта имеется рукописный текст: «В данном конверте находится сверток из целлофана с таблетками, который 19 мая 2018 г. добровольно выдал гр. Ш. и четыре подписи, выполненные красящим веществом синего цвета. При вскрытии конверта был обнаружен сверток из бесцветного полимерного материала, края которого запаяны. В свертке содержится: пять плоскоцилиндрических таблеток светло-розового цвета (на одной стороне таблеток имеется рельефное изображение в виде торговой марки фирмы TOYOTA, на другой стороне – риска); пять плоскоцилиндрических таблеток розового цвета. На одной стороне таблеток имеется рельефное изображение в виде символа «инь и янь», на другой стороне – риска».

В деле отсутствует документ, подтверждающий, что поступивший на исследование конверт с таблетками с индивидуальными признаками и конкретным количеством, указанными в справке об исследовании от 20 мая 2018 г. № 1005/1, идентичен тому, который добровольно выдал Ш.

По смыслу ст. 177 ч. 3 УПК РФ изъятые предметы должны быть упакованы, опечатаны, заверены подписями следователя и понятых на месте осмотра. При этом в протоколе осмотра по возможности указываются индивидуальные признаки и особенности изымаемых предметов.

В качестве доказательств, подтверждающих вину подзащитного в совершении преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств следствие, ссылается на справки об от 20 мая 2018 г., заключение эксперта от 30 июня 2018 г. № 903/1 и протокол осмотра предметов. В силу того, что они получены с нарушением закона, защитник ходатайствует перед следователем о признании их недопустимыми доказательствами по изложенным основаниям.

Данное ходатайство получило отражение в протоколе ознакомления с материалами уголовного дела [5], составленного в порядке ст. 217 УПК РФ.

По мнению О. А. Максимова процессуальное право на жалобу, ходатайство, как и на совершение иного процессуального действия, есть право на защиту своего процессуального интереса, на осуществление процессуальной деятельности, функции. Право на подачу органу государства жалобы или ходатайства является процессуальным правом участника, т. е. это субъективное право, готовое к его

обязательному исполнению по усмотрению управомоченного субъекта в ходе производства по уголовному делу [4].

Как показывают исследования, следователи руководствуются при рассмотрении ходатайств о признании доказательств недопустимыми положениями ч. 3 ст. 7, ст. 75, чч. 2, 3 ст. 88, а также ст.ст. 119, 121 УПК РФ.

Так, законом четко регламентируется, что ходатайство подлежит рассмотрению и разрешению непосредственно после его заявления, либо оно должно быть разрешено не позднее трех суток.

Однако практический опыт автора статьи свидетельствует о повсеместном нарушении предусмотренных законом сроков. В материалах уголовного дела может находиться процессуальный документ, составленный следователем от соответствующей даты, но фактически не направленный в адрес заявителя ходатайства о признании доказательства недопустимым. Защитник прилагает усилия через направление повторных ходатайств, жалоб руководителю следственного органа, проведения переговоров с канцеляриями следственных подразделений об отправке корреспонденции и возможности своевременного реагирования на отказ следователя в удовлетворении ходатайства.

Разрешая по существу заявленное ходатайство о признании доказательства недопустимыми, с учетом всех обстоятельств уголовного дела, как показывают исследования, следователем может быть принято три вида решений:

- 1) об отказе в удовлетворении ходатайства о признании доказательства недопустимым;
- 2) о признании доказательства недопустимым и исключению его из процесса доказывания;
- 3) прекращении уголовного дела (уголовного преследования) вследствие признания недопустимыми доказательств, положенных в основу обвинения.

Интересной представляется практика удовлетворения рассматриваемых ходатайств. Следователи выносят следующие документы:

- «Постановление о признании доказательства недопустимым»;
- «Постановление об исключении доказательства»;
- «Постановление об удовлетворении ходатайства о признании доказательства недопустимым»;
- «Постановление о прекращении уголовного дела (уголовного преследования)».

В законе не определено, что по результатам рассмотрения ходатайства о признании доказательства недопустимым выносится процессуальный документ. Мы полагаем, что принятие процессуального решения об исключении доказательств должно быть выражено в форме соответствующего постановления и в четко предусмотренные ст. 119 УПК РФ сроки. Кроме того, защитник не указан в ст. 88 УПК РФ в качестве субъекта заявления ходатайств о признании доказательств недопустимыми. Полагаем в связи с этим внести соответствующие изменения в действующий уголовно-процессуальный закон.

Список литературы

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 14.04.2023) // Российская газета. 2001. № 249. 22 дек.
2. Федеральный закон от 31 мая 2022 г. № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре» (с изм. и доп. от 01.03.2022) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 23. Ст. 2102.
3. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19 декабря 2013 г. № 41 «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога» (ред. от 11.06.2020) // Российская газета. 2013. № 294. 27 дек.
4. Максимов О. А. Ходатайства и жалобы как форма выражения назначения уголовного судопроизводства : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.09. Ульяновск : Ульяновский государственный университет, 2022. С. 159.
5. Уголовное дело № 1-173 по обвинению У. в совершении преступлений, предусмотренных ч. 2 ст. 228, ч. 3 ст. 30, п. «б» ч. 2 ст. 228-1 УК РФ // Архив Дубнинского городского суда Московской области. 2018.

Туманов Д. О.¹,
 преподаватель кафедры организации и обеспечения
 раскрытия и расследования преступлений
 Тверского филиала
 Московского университета
 МВД России имени В.Я. Кикотя

ВЫЯВЛЕНИЕ ЛИЦ, ВОВЛЕКАЮЩИХ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В СОВЕРШЕНИЕ ПРОТИВОПРАВНЫХ ДЕЙСТВИЙ, И ОСОБЕННОСТИ РАССЛЕДОВАНИЯ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ, ВОЗБУЖДЕННЫХ ПО ст.ст. 150, 151 УК РФ

В деятельности правоохранительных органов сегодня основным направлением приложения имеющихся сил и средств выступает сфера предупреждения и противодействия подростковой преступности. В этом ключе важное значение имеет выявление лиц, которые оказывают непосредственное влияние на принятие несовершеннолетним решения о совершении преступления или иного правонарушения, а также вовлекают подростков в противоправную деятельность, ведь далеко не всегда несовершеннолетние проявляют инициативу и имеют криминальные наклонности.

Анализ следственной и судебной практики показывает, что уровень преступности несовершеннолетних в целом во многом обусловлен влиянием на них взрослых.

Так, в 2017 г. было выявлено и поставлено на учет 45 288 преступлений, совершенных несовершеннолетними (4,1 % от всех предварительно расследованных преступлений), в 2018 г. – 43 553 (4,0 %), в 2019 г. – 41 548 (3,9 %), в 2020 г. – 37 771 (3,7 %), в 2021 г. – 31 865 (3,1 %), за январь – август 2022 г. – 18 696 (2,6 %) [5]. Однако, несмотря на то, что официальная статистика преступности показывает нам высокий уровень среди несовершеннолетних, с каждым годом количество лиц, осужденных за преступления по ст.ст. 150, 151 УК РФ (закон отдельно предусматривает ответственность совершеннолетних лиц за вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления и антиобщественных действий), снижается: в 2017 г. осужден 601 чел., в 2018 г. по ст.ст. 150, 151, 151.2 УК РФ – 535, в 2019 г. – 509, в 2020 г. – 409 [6]. По данным МВД России за январь – август 2022 г. на территории страны выявлено и поставлено на учет 925 фактов вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления или антиобщественных действий (–15,5 %), 792 уголовных дела, возбужденных по указанным преступлениям, направлено в суд, при том, что несовершеннолетними или при их соучастии совершено, как уже отмечалось, 18 696 преступлений [7]. Над исправлением складывающейся ситуации необходимо работать более эффективно, ведь за каждой указанной цифрой стоит судьба – будущее всей жизни молодого человека. Поэтому своевременное выявление лиц, вовлекающих несовершеннолетних

¹ © Туманов Д. О., 2023.

в противоправную деятельность, применение к ним наказания, предусмотренного законом, является важной мерой профилактического характера в отношении подростковой преступности, да и в целом применительно к криминализации нашего общества.

Не случайно приказом МВД России от 15 октября 2013 г. № 845 [1] одним из основных критериев оценки деятельности подразделений по делам несовершеннолетних (далее – ПДН) определены результаты работы по выявлению и раскрытию преступлений данного вида и выполнять эту работу сотрудники ПДН должны в тесном взаимодействии с органами предварительного следствия и дознания, с участковыми уполномоченными полиции (далее – УУП) и оперуполномоченными уголовного розыска (далее – УР).

Заслуживает в этой связи внимания опыт работы ПДН отдела МВД России по Дубенскому району Республики Мордовия по выявлению и привлечению к уголовной ответственности лица, вовлекшего несовершеннолетнего в совершение антиобщественных действий.

Так, инспектором указанного подразделения Н. в процессе работы с населением на обслуживаемом административном участке получена информация о фактах неоднократного употребления спиртных напитков Ш., 1988 г. р., совместно с Ц., 2006 г. р. В ходе доверительных бесед сотрудника ПДН с подростком полученные сведения подтвердились. Установлены причины и обстоятельства употребления им спиртного в компании Ш. По фактам, имевшим место, в соответствии со ст. 6.10 КоАП РФ и на основании п. 2 ст. 28.5 КоАП РФ в отношении Ш. оформлены и направлены в комиссию по делам несовершеннолетних и защите их прав при администрации района соответствующие материалы. По результатам их рассмотрения за вовлечение несовершеннолетнего в употребление спиртных напитков Ш. привлечен к административной ответственности с наложением штрафа. Учитывая, что распитие Ш. спиртных напитков в компании несовершеннолетнего Ц. приобрело системный характер, приняты меры к сбору доказательств по признакам состава преступления, предусмотренного ст. 151 УК РФ. С этой целью отобраны подробные объяснения у потерпевшего – несовершеннолетнего Ц., установлены и опрошены другие очевидцы. В ходе выяснения обстоятельств установлено, что Ш. склонял подростка к употреблению спиртных напитков против его воли, оказывая на него моральное и психологическое давление. По данному факту органом дознания возбуждено уголовное дело по ч. 1 ст. 151 УК РФ, которое соединено с еще одним, находившимся в производстве следственной группы в отношении Ш. по фактам, предусмотренным ст. 158 ч. 2 и ч. 1 ст. 150 УК РФ, расследовано и направлено в суд [8].

В целом установление факта вовлечения подростков в совершение противоправных действий в соответствии со ст. 421 УПК РФ является составной частью предмета доказывания по уголовным делам, в которых фигурантами выступают несовершеннолетние. Тем не менее, преступления, предусмотренные ст.ст. 150, 151 УК РФ, зачастую все еще носят латентный характер. Лица, вовлекающие несовершеннолетних особенно в совершение антиобщественных действий, нередко уходят от уголовной ответственности в связи со сложностями сбора дока-

зательств, отсутствием свидетелей, слабым взаимодействием служб (сотрудников ПДН, УР, УУП, органов предварительного следствия и дознания) [4]. Статистические данные свидетельствуют о явной недостаточности принимаемых усилий в деле противостояния совершению преступлений указанной выше квалификации. При этом справедливости ради, отметим, что в большинстве территориальных управлений (отделов) органов внутренних дел уделяют значительное внимание рассматриваемой проблеме. Выявление и расследование преступлений, предусмотренных ст.ст. 150, 151 УК РФ, имеет приоритетное значение для следователя (дознателя), в том числе и как одно из направлений профилактической работы.

Так, в Главном следственном управлении при ГУ МВД России по Волгоградской области в целях улучшения организации взаимодействия в части профилактики преступлений, совершенных несовершеннолетними, в отношении них, выявления и раскрытия преступлений, предусмотренных ст.ст. 150, 151 УК РФ, осуществляется ежедневное изучение оперативных сводок по совершенным преступлениям, совершенных в составе группы лиц, даются указания о проведении конкретных следственных действий и организации оперативных мероприятий, направленных на выявление фактов вовлечения взрослыми в совершение преступлений несовершеннолетних лиц.

Положительный опыт имеется и у Главного следственного управления при ГУ МВД России по Иркутской области, хотя имеются и трудности, которые влияют, в том числе, на количество окончанных производством с направлением в суд уголовных дел. Основной причиной является изменение порядка уголовного судопроизводства в части ужесточения судами оценки собранных по делам доказательств.

Изучение уголовных дел, по которым уголовное преследование в отношении взрослых лиц по ст. 150 УК РФ прекращено, либо вынесены оправдательные приговоры, показывает, что основными причинами принятия таких решений являются:

- низкий уровень доследственной проверки;
- несвоевременность проведения следственных действий, направленных на проверку причастности взрослых лиц к вовлечению несовершеннолетних в совершение преступлений;
- поверхностное выяснение обстоятельств такого вовлечения;
- отсутствие должной оценки собранных доказательств;
- неумение объективно формулировать обвинение и неправильная квалификация действий виновных лиц.

Приведем пример правоприменительной практики. В следственном отделе при ОМВД России по г. Зиме и Зиминскому району Иркутской области при расследовании уголовного дела, возбужденного по факту открытого хищения имущества у К., совершенного З. и несовершеннолетним Н., на основании рапорта следователя об обнаружении признаков преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 150 УК РФ, возбуждено уголовное дело в отношении З., по факту вовлечения несовершеннолетнего Н. в совершение тяжкого преступления. При этом в ходе

расследования достаточных доказательств, подтверждающих факт вовлечения несовершеннолетнего Н. в совершение преступления, получено не было. Уголовное дело было возбуждено лишь на том основании, что З. совершил указанное преступление совместно с несовершеннолетним Н. В этой связи уголовное преследование в отношении З. в части вовлечения несовершеннолетнего Н. в совершение тяжкого преступления прекращено на основании п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ [9].

Кроме того, зачастую следователями в основу обвинения по ст. 150 УК РФ, берутся только показания самих обвиняемых, неподкрепленные дополнительными доказательствами, в результате чего их изменение в суде приводит к оправданию взрослых лиц. К сожалению, нередко вынесение оправдательных приговоров по указанной категории преступлений связано с отказом государственных обвинителей от поддержания обвинения, хотя, как показывает правоприменительная практика, для органов прокуратуры это не свойственно.

Есть, конечно, и положительный региональный опыт выявления и расследования преступлений, предусмотренных ст.ст. 150, 151 УК РФ. При этом, как показало наше исследование, он именно такой благодаря строгому процессуальному контролю и соблюдению принципа специализации в органах предварительного следствия. Именно благодаря специализации и под чутким руководством следователи более грамотно используют методику расследования уголовных дел рассматриваемой категории, более эффективно планируют ход расследования, а также более продуктивно применяют тактику производства отдельных следственных действий.

Отдельно акцентируем внимание, что формирование доказательственной базы, свидетельствующей о влиянии на несовершеннолетних старших по возрасту лиц в целях склонения к противоправной и антиобщественной деятельности должно осуществляться уже на стадии возбуждения уголовного дела – в ходе проверки заявлений, сообщений о преступлениях. Должен быть проведен детальный анализ межличностных отношений подростка и взрослого лица, четко и безоговорочно установлен способ вовлечения подростка в преступную деятельность, либо антиобщественные действия [3, с. 78–80]. С этой целью необходимо на первоначальном этапе расследования в обязательном порядке направлять поручения в УР и ПДН об установлении обстоятельств, под влиянием которых несовершеннолетний (группа несовершеннолетних) совершил преступление; требовать от сотрудников УР и ПДН качественного выполнения поставленной задачи, представления материалов о проделанной работе в соответствии с предъявленными требованиями и в кратчайший срок; с учетом представленных материалов, а также доказательств, полученных в ходе расследования уголовного дела, своевременно давать юридическую оценку действиям взрослых лиц по ст.ст. 150, 151 УК РФ [2].

В завершение укажем, что изучение правоприменительной практики расследования преступлений о вовлечении несовершеннолетних в преступную и антиобщественную деятельность позволило обратить внимание руководителей следственных органов на то, что в целях повышения качества работы следственных подразделений в рассматриваемой области им необходимо:

- в полной мере использовать полномочия, предусмотренные ст. 39 УПК РФ, для обеспечения качества и проведения своевременного предварительного следствия;

- систематически анализировать практику рассмотрения судами уголовных дел о вовлечении несовершеннолетних в совершение преступлений и в антиобщественную деятельность, анализировать причины их прекращения и вынесения оправдательных приговоров, принимать меры к устранению препятствий рассмотрения судом дел данной категории;

- совместно с руководителями иных служб органов внутренних дел организовывать работу по выявлению взрослых подстрекателей, предупреждению совершения преступлений несовершеннолетними в группе со взрослыми, своевременному обмену необходимой информацией.

В свою очередь следователи при расследовании уголовных дел о вовлечении несовершеннолетних в совершение преступлений или антиобщественных действий должны:

- проводить всестороннее исследование всех обстоятельств совершенного деяния, своевременно принимать меры к доказыванию каждого признака состава преступлений, предусмотренных ст.ст. 150, 151 УК РФ (объективной стороны, способа вовлечения, умысла виновного и пр.);

- предъявлять обвинение лишь на основе достаточных доказательств виновности лица в инкриминируемом ему преступлении в целях исключения необоснованного привлечения взрослых лиц к уголовной ответственности и вынесения судами оправдательных приговоров;

- по каждому делу, в обязательном порядке, проводить профилактическую работу, организуя эффективное взаимодействие с ПДН, УР и другими службами органов внутренних дел.

Список литературы

1. Приказ МВД России от 15 октября 2013 г. № 845 «Об утверждении Инструкции по организации деятельности подразделений по делам несовершеннолетних органов внутренних дел Российской Федерации» (ред. от 31.12.2018) // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 2014. № 11.

2. Антонов И. А., Благоразумова О. А. Расследование уголовных дел о вовлечении несовершеннолетних в совершение преступлений (организационно-процессуальные вопросы и алгоритм действий) // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. 2019. № 19-1. С. 61–62.

3. Криминалистическая методика для дознавателей : учебник / под общ. ред. А. Г. Филиппова. М. : Юрайт, 2019.

4. Решетов Г. М., Шахматов А. В. Некоторые вопросы совершенствования деятельности органов внутренних дел по предупреждению и раскрытию преступлений, совершаемых несовершеннолетними // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2008. № 1. С. 71–76.

5. Статистические данные Генеральной прокуратуры Российской Федерации.
URL: <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/activity/statistics>.
6. Данные судебной статистики. Отчет о числе осужденных по всем составам преступлений Уголовного кодекса Российской Федерации № 10-а за 2017–2020 гг.
URL: <http://www.cdep.ru>.
7. Состояние преступности в России за январь – август 2022 г. М. : ГИАЦ МВД России, 2022.
8. Архив ОПДН отдела МВД России по Дубенскому району Республики Мордовия.
9. Архив ОМВД России по г. Зиме и Зиминскому району Иркутской области.

Уханова Н. В.¹,

*доцент кафедры предварительного расследования
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент*

О ЗНАЧЕНИИ РЕФОРМИРОВАНИЯ СТАДИИ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА ДЛЯ ЦЕЛЕЙ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ОБЩЕСТВЕННО ОПАСНЫХ ДЕЯНИЙ, СОВЕРШАЕМЫХ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМИ, НЕ ДОСТИГШИМИ ВОЗРАСТА УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Сторонники сохранения и реформирования стадии возбуждения уголовного дела обозначают различные проблемы, возникающие на данной стадии: отсутствие установленных сроков производства экспертизы, недостаточность законодательной регламентации получения объяснения и изъятия предметов (документов), «размытые» границы полномочий адвоката [3, с. 204–210]; ограниченный перечень следственных действий, возможных при проверке сообщения о преступлении [6, с. 578–582] и другие проблемы общего характера.

Есть и специфические проблемы, касающиеся проверки сообщения о преступлении, совершенном несовершеннолетним. Среди них ученые выделяют отсутствие законодательной регламентации участия законного представителя и педагога (психолога); невозможность полноценно выполнить требования, предусмотренные чч. 1, 2 ст. 421 УПК РФ, в короткие сроки проверки сообщения о преступлении – в тех случаях, когда уголовное дело не может быть возбуждено по причине недостижения несовершеннолетним возраста уголовной ответственности [5, с. 114–121; 4, с. 282–286].

На наш взгляд, одной из важнейших проблем, связанных с предупреждением преступлений несовершеннолетних, является принципиальная невозможность установления всех обстоятельств совершения общественно опасного деяния, совершенного лицом, не достигшим возраста уголовной ответственности. Причина этого заключается в том, что перечень следственных и процессуальных действий, проведение которых допускается до возбуждения уголовного дела, ограничен, а максимальный срок проверки сообщения о преступлении (даже с учетом продления) не превышает 30 суток.

Как показывает практика, во время проверки сообщения о преступлении, совершенном несовершеннолетним, проводится широкий круг следственных и иных процессуальных действий:

- осмотр (места происшествия, предметов и документов);
- освидетельствование;
- изъятие предметов (например, видеозаписей);
- получение объяснений от различных лиц (несовершеннолетних, их родителей, сотрудников полиции, педагогов и др.);

¹ © Уханова Н. В., 2023.

- истребования характеристик на несовершеннолетнего из образовательных и др. организаций;
- направление различных поручений в орган дознания (о производстве оперативно-разыскных мероприятий, получении объяснений, обследовании семейно-бытовых условий жизни несовершеннолетнего);
- назначение и производство комплексной психолого-психиатрической экспертизы, иных экспертиз.

Следует обратить внимание на то, что некоторые из перечисленных действий не предусмотрены ч. 1 ст. 144 УПК РФ. Например, производство обследования семейно-бытовых условий жизни несовершеннолетнего. Данное обследование предусмотрено п. 2.16 Инструкции по организации деятельности подразделений по делам несовершеннолетних органов внутренних дел Российской Федерации, утвержденной приказом МВД России от 15 октября 2013 г. № 845. Он содержит отсылку только к ст.ст. 38–41 УПК РФ, и не содержит указания на ст. 144 УПК РФ.

Поэтому, если следовать буквальному толкованию перечисленных норм права, проведение обследования семейно-бытовых условий жизни несовершеннолетнего допустимо только по возбужденному уголовному делу. Однако данное действие направлено на установление обстоятельств, предусмотренных ст. 421 и ч. 2 ст. 73 УПК РФ, поэтому при проверке сообщения об общественно опасном деянии, совершенном несовершеннолетним, является обязательным.

Кроме вышеперечисленных действий, в практике, например, следователей Следственного комитета Российской Федерации при проверке сообщений о половых преступлениях имеет место получение своеобразного «суррогата» заключения специалиста-психолога, который определяет психологическое состояние ребенка. Для этого приглашенный специалист в ходе беседы с ребенком диагностирует его состояние, определяет качества познавательной деятельности (восприятие, мышление, память, воображение), степень склонности к фантазированию и другие индивидуальные особенности. Полученные сведения используются следователем как характеризующий материал (для назначения психолого-психиатрической экспертизы).

Можно заключить, что в целом, в ходе проверки сообщения об общественно опасном деянии, совершенном несовершеннолетним, не достигшим возраста уголовной ответственности, решаются, по сути, те же задачи, что и при расследовании преступления: выясняются обстоятельства события совершенного деяния, характер и размер причиненного вреда, сведения о личности несовершеннолетнего, его психическом состоянии и др. Однако при этом лицо, проводящее проверку сообщения, ограничено в своих возможностях по получению необходимых сведений и в сроках проведения проверки.

Даже 30 суток бывает недостаточно для проверки сообщения о совершении несовершеннолетним общественно опасного деяния, ведь для проведения, например, психолого-психиатрической экспертизы требуется собрать характеризующий материал, вынести постановление, затем несколько дней пройдет до дня, назначенного экспертным учреждением для проведения экспертизы. После ее проведения также проходит определенный промежуток времени, необходимый

для подготовки заключения экспертов. Затем следователь должен ознакомить несовершеннолетнего и его законного представителя с заключением эксперта.

Недостаточность срока проверки сообщения о преступлении побуждает правоохранительные органы фактически идти на нарушение закона и «продлять» данный срок следующим образом: вначале выносится «промежуточное» постановление об отказе в возбуждении уголовного дела, затем прокурор или руководитель следственного органа отменяют данное постановление как «незаконное и необоснованное», после чего проверка продолжается.

Важно знать, что отказ в возбуждении уголовного дела по основанию недостижения возраста уголовной ответственности (отсутствие состава преступления) влечет дальнейшую постановку несовершеннолетнего на учет в подразделении по делам несовершеннолетних, сообщение о данном факте в комиссию по делам несовершеннолетних и защите их прав. Указанные субъекты профилактики правонарушений несовершеннолетних (см. Федеральный закон от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних») получают основание для применения к совершившему общественно опасное деяние несовершеннолетнему различных мер воспитательного характера.

Иными словами, совершение несовершеннолетним общественно опасного деяния не остается без последствий. Именно поэтому очень большое значение имеет проведение качественной и полной проверки сообщения об общественно опасном деянии, совершенном лицом, не достигшим возраста уголовной ответственности.

По указанным причинам некоторые ученые считают возможным возбуждать уголовные дела по признакам преступления («по факту»), несмотря на то, что лицо, совершившее общественно опасное деяние, известно. Они справедливо мотивируют это тем, что таким образом эффективнее можно осуществить защиту прав несовершеннолетних, достоверно установив, в том числе, действительно ли подросток совершил преступление или берет чью-то вину на себя [4, с. 285; 1, с. 7–12].

Однако в этом случае неизбежно придется столкнуться с проблемами, которые вытекают из неопределенности процессуального статуса несовершеннолетнего. Он не может являться подозреваемым, и поэтому следователь не будет иметь оснований для назначения ему защитника, услуги которого оплачиваются за счет федерального бюджета. По причине отсутствия процессуального статуса, подозреваемого несовершеннолетний и его законный представитель не будут иметь законодательно закрепленного права ознакомления с заключением эксперта, полученным по результатам проведения судебно-медицинской экспертизы в отношении потерпевшего (ст. 198 УПК РФ), и т. д.

Поэтому автор настоящей статьи видит выход из сложившейся ситуации одним из следующих вариантов:

1. Расширить перечень следственных действий, возможных на стадии проверки сообщения о преступлении (до возбуждения уголовного дела).

Необходимо дополнить ч. 1 ст. 144 УПК РФ очной ставкой, предъявлением для опознания, проверкой показаний на месте, направлением органу дознания

иных поручений (а не только о производстве оперативно-разыскных мероприятий, как это в настоящий момент предусмотрено). Потребуется детальная законодательная регламентация как процедуры проведения процессуальных действий, допускаемых до возбуждения уголовного дела, так и прав их участников.

Кроме того, необходимо внести в УПК РФ специальное положение относительно возможности продления проверки сообщения об общественно опасном деянии, совершенном несовершеннолетним, не достигшим возраста уголовной ответственности, на срок до двух месяцев.

2. Законодательно закрепить возможность возбуждения уголовного дела по признакам совершения несовершеннолетним, не достигшим возраста уголовной ответственности, общественно опасного деяния.

Целесообразно разработать отдельный институт возбуждения уголовного дела и производства расследования общественно опасного деяния, совершенного несовершеннолетним, не достигшим возраста уголовной ответственности (дополнить УПК РФ соответствующей главой). В рамках производства по данному уголовному делу будет возможно проведение всех необходимых следственных и иных процессуальных действий.

Кроме того, вне зависимости от варианта изменения уголовно-процессуального законодательства, представляется необходимым законодательно закрепить право органа, завершившего проверку сообщения об общественно опасном деянии принятием решения об отказе в возбуждении уголовного дела, направлять в соответствующие органы представления о принятии мер для устранения обстоятельств, способствовавших совершению общественно опасного деяния. Для этого потребуется внесение дополнения в ч. 2 ст. 158 УПК РФ.

Таким образом, следует заключить, что на настоящий момент уголовно-процессуальная регламентация проверки сообщения о преступлении (ст. 144 УПК РФ) не отвечает целям предупреждения совершения несовершеннолетними общественно опасных деяний. В результате многие доследственные проверки проводятся некачественно, что влечет принятие незаконных и необоснованных решений (например, отказов в возбуждении уголовного дела ввиду отсутствия события, а не состава преступления).

Это опасное явление. Как справедливо отметила Е. С. Стешич, в силу многократного повторения преступлений, остающихся безнаказанными, преступное поведение начинает восприниматься как норма [2]. Хотя несовершеннолетние, не достигшие возраста уголовной ответственности, наказанию подвергаться не могут, к ним должны применяться меры воспитательного характера – это и будет являться актом осуждения правонарушающего поведения, что имеет значение общей превенции преступлений.

Список литературы

1. Вдовцев П. В., Каркошко Ю. С. Совершение общественно опасного деяния лицом, не достигшим возраста привлечения к уголовной ответственности: некоторые аспекты уголовного судопроизводства // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. 2022. Т. 22. № 3. С. 7–12.

2. Стешич Е. С. Предупредительная деятельность органов внутренних дел в условиях «новой нормальности» // Актуальные вопросы производства предварительного следствия в современных условиях совершенствования уголовно-процессуального законодательства : сборник научных трудов. М. : Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 2023.

3. Есина А. С., Жамкова О. Е. Стадия возбуждения уголовного дела и целесообразность ее сохранения // Уголовное судопроизводство: современное состояние и основные направления совершенствования : сборник научных трудов. М. : Московский государственный институт международных отношений МИД России, 2016. С. 204–210.

4. Ожиганова М. В. Проблемы возбуждения уголовных дел по фактам совершения несовершеннолетними общественно опасных деяний // Новации юридической науки и практики как фактор гармонизации взаимоотношений личности, общества и государства : сборник научных трудов. Новосибирск: Новосибирский национальный исследовательский государственный университет, 2017. С. 282–286.

5. Третьякова Е. И. Особенности возбуждения уголовного дела по преступлениям, совершенным несовершеннолетними // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2017. № 3-2. С. 114–121.

6. Филиппов Д. В., Игнатова О. Н. Об отдельных аспектах реформирования стадии возбуждения уголовного дела // Оптимизация деятельности органов предварительного следствия и дознания: правовые, управленческие и криминалистические проблемы : сборник научных трудов / под ред. И. П. Можяевой. М. : Академия управления МВД России, 2017. С. 578–582.

7. Предварительное следствие : учебник / [Р. Э. Адамян и др.]. 4-е изд., перераб. и доп. М. : Юнити-Дана, 2021.

Федулова И. И.¹,
старший преподаватель
кафедры предварительного расследования
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ, КАСАЮЩИЕСЯ ПРОЦЕДУРЫ ПРОВЕРКИ СООБЩЕНИЯ О ПРЕСТУПЛЕНИИ, ОСУЩЕСТВЛЯЕМОЙ ДОЗНАВАТЕЛЕМ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

За последние годы вопросы, касающиеся проверки сообщения о преступлении, являются довольно частым предметом для дискуссий как среди научных деятелей, так и представителей правоприменительной практики. Об актуальности данных вопросов говорит и множество опубликованных работ, и активная позиция законодателя, цель которой совершенствовать этап возбуждения уголовного дела.

Безусловно, доследственная проверка является важной частью уголовного процесса. Ведь именно от того, насколько качественно и продуктивно будут проведены проверочные мероприятия, во многом зависит и решение основных задач, обозначенных законодателем в ст. 6 УПК РФ, где говорится о назначении уголовного судопроизводства, главной из которых является защита прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений. Именно результат проведенной предварительной проверки является гарантом обеспечения прав наших граждан, которые ждут от органов внутренних дел всегда справедливого решения той проблемы, в которой они оказались.

Эффективность проведения проверочных мероприятий зависит от нескольких критериев. Это и компетентность должностного лица, осуществляющего данную проверку, его профессионализм, опыт, умение организовать данную работу, а также правильно определить вектор всех мероприятий, направленный на продуктивный и законный результат. Главным критерием эффективности проведения данной проверки, на наш взгляд, является взаимодействие, осуществляемое между должностными лицами, наделенными определенными полномочиями в рамках такой процедуры.

Проверку сообщения о преступлении в соответствии с нашим уголовно-процессуальным законодательством могут проводить: дознаватель, орган дознания, следователь и руководитель следственного органа. Как показывает правоприменительная практика, дознаватель и следователь чаще всего являются первоначальным субъектом проведения проверки сообщения о преступлении, когда находятся на дежурстве и по вызову оперативного дежурного в составе следственно-оперативной группы выезжают на место совершения преступления. Именно они являются главными действующими должностными лицами в следственно-оперативной группе, т. к. качественно организуют всю работу данной группы и дают четкие указания каждому из ее участников. От правильного

¹ © Федулова И. И., 2023.

и грамотного взаимодействия всех лиц такой группы при осуществлении первых проверочных действий во многом зависит в дальнейшем и главный результат, а именно, установление истины по рассматриваемому материалу, а после уже и по уголовному делу. Не зря есть такая поговорка: «Как вы яхту назовете, так она и поплывет».

Как правило, когда проверку осуществляет дознаватель или следователь, материал по ней собран достаточно качественно, нежели, когда ее осуществляет участковый уполномоченный или оперативный сотрудник. В таких ситуациях дознавателю часто приходится самому дорабатывать материал, например, повторно опрашивать лиц, выполнить ряд иных проверочных мероприятий, чтобы принять законное итоговое решение. Данный факт подтвержден результатами проведенного нами анкетирования среди дознавателей, работающих в подразделениях дознания г. Москвы и Московской области. Так, по результатам данного анкетирования установлено, что по 50 % материалов, поступивших в подразделение дознания для принятия процессуального решения, где проверку осуществляли участковые уполномоченные, дознавателям необходимо было самим дорабатывать материал. Хуже обстоит дело с оперативными сотрудниками. По результатам указанного анкетирования, дознавателям, более чем по 70 % материалов, по которым осуществлялись проверочные мероприятия оперативными сотрудниками, приходилось повторно проводить опросы лиц, а также осуществлять дополнительные проверочные мероприятия.

К сожалению, такая ситуация негативно влияет на эффективность работы дознавателей по расследованию уголовных дел, т. к. они вынуждены тратить свое время на доработку материалов, поступивших из органа дознания. Данный вопрос является проблемным. В целях проведения качественной работы по осуществлению проверочных мероприятий необходимо усилить ведомственный контроль со стороны начальников органов дознания за оперативными сотрудниками и участковыми уполномоченными полиции. Следует отметить, что на процессуальном уровне за начальником органа дознания в соответствии с п. 3 ч. 1 ст. 40.2 УПК РФ закреплено право проверять материалы проверки сообщения о преступлении, находящиеся в производстве органа дознания. Однако, учитывая рассматриваемую нами проблему, полагаем, что логично начальнику органа дознания предоставить право не только проверять материалы проверки сообщения о преступлении, но и возвращать их для осуществления дополнительной проверки со своими письменными указаниями. Учитывая изложенное, предлагаем внести в п. 3 ч. 1 ст. 40.2 УПК РФ соответствующее дополнение по данному вопросу.

В данной статье также хотелось бы акцентировать внимание на вопросе процессуального взаимодействия между дознавателем и оперуполномоченным органов внутренних дел при осуществлении проверочных мероприятий. Известно, что основной процессуальной формой такого взаимодействия является дача дознавателем соответствующего поручения органу дознания. Законным подтверждением тому служит положение п. 1.1 ч. 3 ст. 41 УПК РФ, а также ч. 1 ст. 144 УПК РФ. Таким образом, дознаватель наделен правом в рамках проверочных мероприятий давать обязательное для исполнения письменное поручение о прове-

дении оперативно-разыскных мероприятий органу дознания. Законом установлен точный срок проверки сообщения о преступлении, составляющий трое суток, также он может быть продлен до десяти суток начальником органа дознания и, в последствии, до 30 суток прокурором. На наш взгляд, возникает вопрос относительно того, каков в таком случае должен быть срок исполнения отдельного поручения о производстве оперативно-разыскных мероприятий данного дознавателем органу дознания в рамках проверочных действий до возбуждения уголовного дела. Отметим, что в УПК РФ этот вопрос не урегулирован должным образом. Так, в ч. 1 ст. 152 УПК РФ говорится о десятидневном сроке, но это касается поручений о производстве следственных или же розыскных действий, которые можно давать только в рамках расследования уголовного дела, а также вне места предварительного расследования.

Среди ученых процессуалистов существуют разные точки зрения на этот счет. Так, Супрун С. В. предлагает на этапе проверки сообщения о преступлении предоставить 10 суток для исполнения такого поручения с последующим его продлением до 30 суток [1]. Мы не совсем поддерживаем такую позицию. Полагаем, что в рамках проверочных действий необходимо устанавливать сроки исполнения таких поручений в оптимально разумный срок, учитывая при этом всю сложность и объем тех мероприятий, который дознаватель поручает выполнить оперативному сотруднику. В рамках проведения проверочных мероприятий возникают различные ситуации, ведь нет одинаковых шаблонных проверок, как и нет одинаковых уголовных дел. Каждая проверка сообщения о преступлении имеет свои индивидуальные особенности. В ряде случаев в рамках поручения необходимо выполнить достаточно более сложные задачи. Поэтому полагаем, что в такой ситуации вопрос о сроке исполнения поручения может решать сам дознаватель, в связи с чем целесообразно было бы расширить процессуальную компетенцию дознавателя в части его полномочий, которые перечислены в п. 1.1 ч. 3 ст. 41 УПК РФ. На основании изложенного предлагаем, что в ч. 3 ст. 41 УПК РФ возможно внести соответствующее дополнение.

Подводя итог всему изложенному в данной статье, хотелось бы подчеркнуть, что в ней отражены не все проблемные вопросы относительно процедуры проверки сообщения о преступлении, осуществляемой дознавателем, а только некоторые из них. Предложения, выдвинутые автором, носят исключительно рекомендательный характер.

Список литературы

1. Супрун С. В. Поручение органу дознания МВД России производства процессуальных действий и оперативно-розыскных мероприятий до возбуждения уголовного дела // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2014. № 2. С. 34.

Федюкина А. Ю.¹,
доцент кафедры уголовного процесса
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент

ОБЕСПЕЧЕНИЕ КОНФИДЕНЦИАЛЬНОСТИ ДАННЫХ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ

Вопрос сохранения в тайне данных предварительного расследования на сегодняшний день является довольно актуальным. Всевозможные средства массовой информации, интернет-ресурсы, паблики и мессенджеры зачастую способствуют быстрому распространению сведений о происшествии, не дожидаясь комментариев официальных представителей правоохранительных органов. Конфиденциальность предварительного расследования может быть нарушена не только участниками процесса, но и сторонними лицами, которые были вовлечены в процедуру производства следственных и процессуальных действий в силу стечения обстоятельств.

В соответствии с гл. 21 УПК РФ недопустимость разглашения является общим условием предварительного расследования, которое должно неукоснительно соблюдаться при производстве по уголовным делам (ст. 161 УПК РФ). За нарушение данного условия предусмотрены достаточно серьезные санкции, которые варьируются от штрафа, в размере до 80 тыс. руб., до ареста, на срок до трех месяцев (ст. 310 УК РФ).

Как определяет Конституционный Суд Российской Федерации: «Необоснованное предание огласке данных предварительного расследования может не только привести к нарушению прав и законных интересов граждан (в том числе участников уголовного процесса, информация о частной жизни которых, личной и семейной тайне в той или иной степени неизбежно отражается в материалах предварительного расследования), но и серьезно осложнить и само производство по уголовному делу, в том числе повлечь утрату собранных по делу доказательств, создать условия для уничтожения доказательств подозреваемым или обвиняемым, позволить им скрыться от следствия и суда, воспрепятствовать производству по уголовному делу» [1].

Согласно ч. 3 ст. 161 УПК РФ требование о неразглашении данных расследования распространяется на участников уголовного процесса, без конкретизации их процессуального статуса, о чем берется подписка. Однако не все участники несут ответственность за незаконное распространение сведений. Известно, что подозреваемый либо обвиняемый освобождены от данного обязательства. Вместе с тем защитник (адвокат) подозреваемого, обвиняемого уже не вправе разглашать данные предварительного расследования, ставшие ему известными в связи с осуществлением защиты, если он был об этом заранее предупрежден (ч. 3 ст. 53 УПК РФ).

¹ © Федюкина А. Ю., 2023.

Круг лиц, которые могут обладать прямой или косвенной информацией по уголовному делу, не может ограничиваться только «официальными» участниками предварительного расследования, т. к. в ходе производства следственных действий могут присутствовать обычные граждане. Например, друзья, знакомые, соседи подозреваемого, обвиняемого, в жилище которого производится обыск. Предъявление для опознания живого лица предполагает участие статистов, внешне схожих с опознаваемым. В процесс организации расследования нередко привлекаются сотрудники конвоя, водители автотранспортного средства и др. Недавнее внедрение в УПК РФ возможности использования систем видео-конференц-связи в ходе допроса, очной ставки и предъявления для опознания (ст. 189.1 УПК РФ) предполагает участие в следственных действиях лиц, находящихся вне места производства предварительного расследования и выступающих как в роли непосредственных участников процесса, так и в роли организаторов трансляции следственных действий, обеспечивающих качество связи и непрерывность эфира.

Стоит обратить внимание на важность предотвращения утечки информации, полученной в стадии возбуждения уголовного дела. Согласно ч. 1.1 ст. 144 УПК РФ участники проверки сообщения о преступлении могут быть предупреждены о неразглашении данных досудебного производства по правилам ст. 161 УПК РФ. Настораживает тот факт, что лица, задействованные в проверочном этапе, с процессуальной точки зрения полноправными участниками уголовного процесса не являются, более того термин «могут быть предупреждены» допускает со стороны должностного лица, ведущего проверку, игнорирование данного требования.

В ст. 161 УПК РФ четко не сформулированы обстоятельства по уголовному делу, которые не подлежат оглашению, однако, дан следующий перечень сведений, на которые запрет не распространяется:

- о нарушении закона органами государственной власти и их должностными лицами;
- распространенные следователем, дознавателем или прокурором в средствах массовой информации, информационно-телекоммуникационной сети Интернет или иным публичным способом;
- оглашенные в открытом судебном заседании;
- изложенные в ходатайствах, заявлениях, жалобах и иных процессуальных документах, подаваемых в государственные и межгосударственные органы по защите прав и свобод человека;
- полученные от специалиста, данные им с разрешения следователя (дознавателя) согласно подписки.

Сведения, затрагивающие частную жизнь участника процесса, могут быть оглашены только с его согласия, а если это касается несовершеннолетнего потерпевшего, не достигшего возраста 14 лет, только с согласия законного представителя (ч. 5 ст. 161 УПК РФ).

Однако в большинстве случаев информация по уголовному делу может быть оглашена только с разрешения следователя или дознавателя (ч. 2 ст. 161 УПК РФ). Должностное лицо, ведущее производство по уголовному делу, определяет

объем данных, которые могут быть преданы огласке и не навредят ходу и результатам предварительного расследования, а также интересам участников уголовного судопроизводства. Закон не обязывает следователя (дознавателя) снимать запрет на конфиденциальность, при необходимости он может быть пролонгирован на все досудебное производство.

Конституционный Суд Российской Федерации устанавливает, что «правило о недопустимости разглашения данных предварительного расследования без разрешения уполномоченных лиц подлежит применению в системном единстве с другими уголовно-процессуальными нормами, в частности с предписаниями статей 7, 29, 125 УПК Российской Федерации, которые наделяют суд полномочием по рассмотрению жалоб на действия (бездействие) дознавателя, следователя и прокурора и обязывают его выносить по результатам рассмотрения законные, обоснованные и мотивированные процессуальные решения» [2]. Каждый участник уголовного судопроизводства может обжаловать в суд действия (бездействия) следователя (дознавателя), лишаящее участников процесса права на ознакомление с материалами уголовного дела, в той части, которая их касается. Кроме того, ч. 2 ст. 24 Конституции Российской Федерации гласит, что «органы государственной власти и органы местного самоуправления, их должностные лица обязаны обеспечить каждому возможность ознакомления с документами и материалами, непосредственно затрагивающими его права и свободы, если иное не предусмотрено законом».

Отдельного внимания заслуживает вопрос сохранения в тайне сведений о мерах безопасности применяемых в отношении участников уголовного судопроизводства. В УПК РФ содержится не так много процессуальных способов обеспечения безопасности участвующим в деле лицам. К основным из них можно отнести следующие:

- возможность сохранения в тайне сведений об участнике в протоколе следственного действия путем зашифровки его данных на основании соответствующего постановления (ч. 9 ст. 166 УПК РФ);
- предъявление для опознания в условиях исключаяющих визуальное наблюдение (ч. 8 ст. 193 УПК РФ);
- хранение в опечатанном виде ходатайства о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве с подозреваемым или обвиняемым (ч. 3 ст. 317.4 УПК РФ).

Понятно, что такие способы не всегда бывают эффективными.

Меры государственной защиты, в большинстве случаев, выходят за пределы действия УПК РФ и регулируются нормами Федерального закона от 20 августа 2004 г. № 119-ФЗ, согласно которому государственная защита потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства осуществляется с соблюдением конфиденциальности сведений о защищаемом лице (ст. 21) [3]. Решение о применении мер защиты принимают начальник органа дознания, руководитель следственного органа или следователь с согласия руководителя следственного органа, в производстве которых находится уголовное дело. Обязанность по сохранению в тайне сведений о защищаемом лице возлагается и на органы, которые реализуют меры безопасности. К ним относятся:

- МВД России;
- ФСБ России;
- ФТС России;
- иные государственные органы, уполномоченные на применение отдельных мер защиты.

Достаточно обширный круг субъектов, уполномоченных обеспечивать безопасность участников процесса, предполагает наложение на них дополнительных обязательств по соблюдению конфиденциальности информации о защищаемом лице и о сведениях, которые стали им известны в ходе осуществления охраны и иных способов защиты.

Таким образом, вопросы, связанные с обеспечением конфиденциальности данных предварительного расследования, сохраняются и требуют дальнейшего разрешения и законодательного регулирования.

Список литературы

1. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 6 октября 2015 г. № 2444-О «По жалобе гражданина Дворяка Владимира Геннадьевича на нарушение его конституционных прав положениями пункта 3 части второй статьи 38, части третьей статьи 53, статьи 161 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и статьи 310 Уголовного кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru>.

2. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 24 марта 2005 г. № 151-О «По жалобе гражданина Воржева Александра Ивановича на нарушение его конституционных прав положениями статей 29 и 161 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru>.

3. Федеральный закон от 20 августа 2004 г. № 119-ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» (ред. от 01.07.2021) // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_48959/.

Филиппов Д. В.¹,
заместитель начальника
Следственного департамента МВД России,
кандидат юридических наук

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

В практической деятельности правоохранительные органы зачастую сталкиваются с проблемами неопределенности уголовно-правового запрета, связанные с регламентацией и применением норм о непреступных уголовно-правовых деяниях. Так, на наш взгляд, требует законодательного совершенствования положения уголовного, уголовно-процессуального и административного законодательства, регулирующие порядок освобождения от уголовной ответственности в связи с малозначительностью деяния.

С одной стороны, применение положений о малозначительности деяния (ч. 2 ст. 14 УК РФ) способствует проявлению гибкости уголовного законодательства и является универсальным инструментом, позволяющим в каждом необходимом случае преодолеть формализм уголовного права. С другой – законодательное определение малозначительного деяния содержит одновременно два оценочных признака – малозначительность и общественная опасность [4, с. 32], которые зачастую правоприменителем не учитываются.

Проведенный анализ статистических сведений о следственной работе показал, что в 2022 г. количество уголовных дел, прекращенных по различным основаниям, возросло и составило 12 719 (2021 г.: 12 053; + 5,5 %).

В связи с отсутствием события или состава преступления (пп. 1, 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ) прекращено 4 693 уголовных дела (2021 г.: 4 639; + 1,2 %), в том числе в связи с малозначительностью деяния – 15 (2021 г.: 14).

В 2021–2022 гг. на стадии предварительного расследования в связи с применением ч. 2 ст. 14 УК РФ, на основании п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ, прекращено уголовное преследование в отношении 29 обвиняемых (7 % от общего количества реабилитированных на данной стадии лиц).

В большинстве случаев негативные последствия применения положений ч. 2 ст. 14 УК РФ проявляются на стадии судебного производства. В 2021–2022 гг. судом в связи с малозначительностью оправдан 71 обвиняемый (12,8 % от оправданных).

Подавляющее большинство преступлений, по которым лица реабилитированы в связи с малозначительностью деяния, составляют квалифицированные составы хищений, среди которых преобладают кражи с банковского счета или в отношении электронных денежных средств.

Анализом следственной и судебной практики установлено, что предпосылки оценки причиненного ущерба по квалифицированным хищениям как малозначительного возникают, когда материальное положение потерпевших признается благополучным.

¹ © Филиппов Д. В., 2023.

Так, четвертая часть лиц, оправданных в связи с малозначительностью деяния, причинили ущерб юридическим лицам (17 из 71; 24 %), размер которого в 14 случаях составил от 1400 до 10 000 руб. (Костромская, Курская, Самарская, Тверская, Тульская, Оренбургская области, Кабардино-Балкарская, Удмуртская республики, Еврейская автономная область, УТ по УрФО), в трех – от 17 595 до 51 900 руб. (Самарская, Тульская области, Республика Адыгея).

Незаконные действия основного массива реабилитированных по данному основанию лиц (80 %; 44 из 55) повлекли причинение материального ущерба физическим лицам в размере, не превышающем 10 % их совокупного дохода. При этом только каждый второй оправданный причинил материальный ущерб на сумму менее 1 000 руб. (51 %), каждый третий (33,3 %) – от 1 000 до 2 500 руб., каждый четвертый (16,3 %) – более 2 500 руб.

Например, 8 июля 2022 г. Славянским городским судом Краснодарского края вынесено постановление о прекращении уголовного дела в отношении С. А. Капустиной по основанию, предусмотренному п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ, в связи с малозначительностью деяния. Последняя обвинялась в хищении электронных денежных средств в размере 285 руб. (п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ).

В то же время 21 октября 2021 г. судебной коллегией по уголовным делам Первого кассационного суда общей юрисдикции в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 167 УК РФ, оправдан Н. Г. Муравьев. Размер причиненного ущерба составил 10 839 руб.

Следует отметить, что за последние два года во всех органах предварительного следствия констатирована и противоположная практика, когда лица, совершившие квалифицированные хищения с материальным ущербом менее 2 500 руб., осуждались (2021 г.: 7 886; 2022 г.: 6 038).

Например, 4 октября 2022 г. Московским районным судом г. Твери за совершение преступления, предусмотренного п. «г» ч. 2 ст. 158 УК РФ, осужден Г. В. Юдин, размер причиненного материального ущерба составил 288 руб.

23 мая 2022 г. Октябрьским районным судом г. Саранска Республики Мордовия осужден И. А. Трунов за совершение преступления, предусмотренного п. «г» ч. 2 ст. 161 УК РФ с материальным ущербом в размере 293 руб.

Следует отметить, что за всеми оправданными по данному основанию лицами в соответствии с гл. 18 УПК РФ признано право на реабилитацию.

В то же время более четырех тысяч деяний подобных и вовсе остались без должной юридической оценки. Так, по 4 335 (2021 г.: 4385) сообщениям о совершении квалифицированных преступлений против собственности с ущербом менее 2 500 руб. приняты решения об отказе в возбуждении уголовного дела, отменено только каждое десятое постановление, возбуждено 27 уголовных дел, которые направлены в суд.

Например, 18 марта 2022 г. следователем СО МО МВД России «Хотынецкое» Орловской области принято решение об отказе в возбуждении уголовного дела в связи с малозначительностью деяния в отношении П. В. Назарова и С. А. Валиулина, совершивших группой лиц по предварительному сговору кражу одной бутылки водки в магазине. Данное решение 23 марта 2022 г. отменено прокурором, возбуждено уголовное дело по п. «а» ч. 2 ст. 158 УК РФ, которое направлено

в Хотынецкий районный суд Орловской области в порядке ст. 446.2 УПК РФ и рассмотрено по существу.

Таким образом, при схожих обстоятельствах лица, совершившие противоправные деяния, в одних случаях признаются виновными и осуждаются, в других – не только освобождаются от уголовной ответственности, но и получают право на реабилитацию. При этом большинство реабилитированных лиц ранее привлекались к уголовной ответственности.

Полагаем, что такая практика не согласуется с принципом законности (ст. 3 УПК РФ) и справедливости (ч. 2 ст. 6 УПК РФ), поскольку анализ ч. 2 ст. 14 УК РФ через призму нормы об основании уголовной ответственности (ст. 8 УК РФ) и понятия преступления (ч. 1 ст. 14 УК РФ) не оставляет сомнений в том, что малозначительное деяние содержит все признаки состава преступления.

По нашему мнению, за лицами, в отношении которых прекращено уголовное преследование в связи с малозначительностью деяния, право на реабилитацию признаваться не должно по следующим причинам.

В соответствии п. 34 ст. 5 УПК РФ под реабилитацией в уголовном судопроизводстве понимается порядок восстановления прав и свобод лица, незаконно или необоснованно подвергнутого уголовному преследованию, и возмещения причиненного ему вреда.

Статья 53 Конституции Российской Федерации гарантирует каждому право на возмещение государством вреда, причиненного незаконными действиями (или бездействием) органов государственной власти или их должностных лиц.

В случае признания совершенного деяния в силу малозначительности, не представляющим общественной опасности, не может идти речь о незаконном или необоснованном уголовном преследовании, поскольку, во-первых, в действиях лиц, в отношении которых прекращено уголовное преследование в связи с малозначительностью деяния, содержатся все признаки состава преступления [5, с. 65]; во-вторых, в соответствии со ст. 52 Конституции Российской Федерации, права потерпевших от преступлений охраняются законом. Государство обеспечивает потерпевшим доступ к правосудию и компенсацию причиненного ущерба, в соответствии со ст. 19 Конституции Российской Федерации, все равны перед законом и судом, в том числе государство гарантирует равенство прав и свобод человека и гражданина независимо от имущественного и должностного положения.

В таком случае, при наличии всех признаков преступления, возбуждение и расследование уголовного дела, а соответственно, и осуществление уголовного преследования следует считать законным и обоснованным, в том числе и потому основанию, что в законе критерии малозначительности общественной опасности деяния не определены, суд (правоприменитель) устанавливает их самостоятельно в каждом конкретном случае.

Так, в ч. 4 ст. 133 УПК РФ указано, что правила данной статьи не распространяются на лиц, в отношении которых меры процессуального принуждения или обвинительный приговор отменены или изменены ввиду издания акта об амнистии, истечения сроков давности, недостижения возраста, с которого наступает уголовная ответственность, или в отношении несовершеннолетнего, который

хотя и достиг возраста, с которого наступает уголовная ответственность, но вследствие отставания в психическом развитии, не связанного с психическим расстройством, не мог в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) и руководить ими в момент совершения деяния, предусмотренного уголовным законом, или принятия закона, устраняющего преступность и наказуемость деяния.

В постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 ноября 2011 г. № 17 «О практике применения судами норм главы 18 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регламентирующих реабилитацию в уголовном судопроизводстве», обращено внимание судов на то, что прекращение уголовного дела (освобождение от наказания) в перечисленных случаях само по себе не является свидетельством незаконности или необоснованности уголовного преследования (п. 5).

Кроме того, не способствует реализации принципа справедливости также то обстоятельство, что действия освобожденных от уголовной ответственности лиц не могут быть квалифицированы и как мелкое хищение, поскольку, во-первых, диспозиция ст. 7.27 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях [6] признает только хищение при отсутствии квалифицирующих признаков, во-вторых, с учетом периода расследования истекают сроки давности привлечения к административной ответственности.

Например, СО ОМВД России по Терскому району Кабардино-Балкарской Республики отказано в возбуждении уголовного дела в отношении О. Х. Гаовой, С. Х. Гаовой и др., в связи с малозначительностью по п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ. 26 сентября 2022 г. начальнику ОМВД России по Терскому району КБР направлены материалы для привлечения по ст. 7.27 КоАП РФ, однако не привлечены в связи с истечением срока давности привлечения к административной ответственности.

Шестым кассационным судом общей юрисдикции в 2021 г. оправдана С. В. Курсанова в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 158 УК РФ, ущерб по которому составил 4 366 руб. При этом к административной ответственности по ст. 7.27 КоАП РФ последняя также не привлечена в связи с истечением срока давности.

Однако в практической деятельности все же предпринимаются попытки привлечь к административной ответственности лиц, совершивших квалифицированные хищения с признаками малозначительности деяния.

Например, 28 июля 2021 г. в связи с малозначительностью деяния отменено постановление о возбуждении уголовного дела в отношении А. В. Дектяоенко, вынесенное СО МО МВД России «Сарпинский» Республики Калмыкия. Последний совершил хищение денежных средств с банковского счета в размере 990 руб. Материалы повторной процессуальной проверки направлены в мировой суд для принятия решения в порядке административного производства по ст. 7.27 КоАП РФ. По результатам рассмотрения последний признан виновным, назначен штраф в размере 1 981 руб.

Таким образом, действующее законодательство не позволяет должным образом обеспечить реализацию принципов уголовного судопроизводства и нуждается в совершенствовании. Считаем необходимыми следующие корректировки:

1. Определить критерии оценки малозначительности деяния с точки зрения совокупного дохода потерпевших (например, признавать хищение малозначительным при размере материального ущерба, не превышающего 10 % совокупного дохода потерпевшего).

2. Определить критерии оценки общественной опасности лица, совершившего деяние с признаками малозначительности (например, не применять положения о малозначительности деяния к лицам, ранее привлекавшимся к уголовной и административной ответственности за совершение аналогичных правонарушений).

3. Скорректировать сроки давности привлечения к административной ответственности за мелкое хищение лиц, в отношении которых уголовное преследование прекращено в связи с малозначительностью деяния (полагаем целесообразным исчислять срок привлечения к административной ответственности по ст. 7.27 КоАП РФ с момента прекращения уголовного дела (преследования) по данному основанию, а не с момента совершения хищения).

4. Скорректировать КоАП РФ, в части возможности применения положений ст. 7.27 КоАП РФ к лицам, совершившим квалифицированные хищения, с малозначительным материальным ущербом.

5. Внести изменения в ч. 4 ст. 133 УПК РФ в части не распространения правил настоящей статьи на деяния, в силу малозначительности не представляющими общественной в соответствии с ч. 2 ст. 14 УК РФ, за исключением случаев вынесения судом постановления, предусмотренного п. 1 ч. 3 ст. 125.1 УПК РФ.

6. Внести аналогичные корректировки в п. 25.4 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 декабря 2002 г. № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» [2], от 29 ноября 2011 г. № 17 «О практике применения судами норм главы 18 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регламентирующих реабилитацию в уголовном судопроизводстве» [3].

Список литературы

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.

2. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 декабря 2002 г. № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2003. № 2.

3. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 ноября 2011 г. № 17 «О практике применения судами норм главы 18 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регламентирующих реабилитацию в уголовном судопроизводстве» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2012. № 1.

4. Горбатович Д. А. Непреступные уголовно-правовые деяния и дефекты криминализации // Российская юстиция. 2023. № 2. С. 28–33.
5. Иванчин А. В. Еще раз о принципиальной значимости правильного толкования нормы о малозначительности (ч. 2 ст. 14 УК РФ) в следственно-судебной практике // Российский следователь. 2022. № 5. С. 64–66.
6. Кодекс об административных правонарушениях Российской Федерации от 30 декабря 2001 № 195-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 1 (ч. I). Ст. 1.

Химичева О. В.¹,

начальник кафедры уголовного процесса

Московского университета

МВД России имени В.Я. Кикотя,

доктор юридических наук, профессор,

заслуженный работник

Высшей школы Российской Федерации

Кушниренко К. С.²,

старший следователь СУ УМВД России

по городскому округу Подольск,

слушатель факультета заочного обучения

Московского университета

МВД России имени В.Я. Кикотя

О ВИДАХ И КЛАССИФИКАЦИИ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ, СОДЕРЖАЩИХ ЦИФРОВУЮ ИНФОРМАЦИЮ

Преступления, совершаемые с использованием электронных (цифровых) средств, имели место еще в 1990-е гг. прошлого столетия: достаточно распространены были хищения денежных средств с использованием электронных средств, что осуществлялось, например, в форме мошенничества, кражи [12].

Действовавший в тот период времени в Российской Федерации Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР 1960 г. (УПК РСФСР 1960 г.) [1] не выделял доказательства, содержащие цифровую информацию, в качестве одного из видов доказательств. В свою очередь, формулировка абз. 2 ст. 69 УПК РСФСР 1960 г. в качестве доказательств допускала «иные документы», использование которых позволяло органам предварительного расследования использовать в качестве таковых и доказательства, содержащие цифровую информацию.

Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации 2001 г. [2] (УПК РФ) пошел по тому же пути и в ч. 2 ст. 74 отдельного вида доказательств, содержащих цифровую информацию, нет. В то же время такое понятие, как «электронные носители информации», встречается в УПК РФ более 70 раз, однако ни в ст. 5 УПК РФ, ни в иных его нормах не встречается легальное определение, хотя по смыслу уголовно-процессуального закона электронные носители информации относятся именно к доказательствам.

В правоприменительной практике, а также научном сообществе доказательства, содержащие цифровую информацию, как правило, относятся к иным документам, как самостоятельному виду доказательств. Данная точка зрения базируется на положениях ст. 84 УПК РФ, где законодатель к ним относит «сведения, зафиксированные в письменном либо ином виде». В свою очередь, к таким доказательствам относятся «материалы фото- и киносъемки, аудио- и видеозаписи и иные носители информации».

¹ © Химичева О. В., 2023.

² © Кушниренко К. С., 2023.

Таким образом, регулирование понятий «электронный носитель информации», «доказательства, содержащие цифровую информацию», находятся вне уголовно-процессуального поля и в настоящий момент в доктрине уголовного процесса нет однозначного подхода к тому, что вкладывать в их содержание.

В этих условиях представляет научный и практический интерес обзор материалов практики, анализ ряда материалов уголовных дел, позволяющий выделить следующие виды доказательств, содержащих цифровую информацию:

1) записи, содержащие сведения о совершенных транзакциях – информация, непосредственно связанная со сделками (в основном простыми), совершаемыми безналичным способом (например, покупки, в том числе, в интернет-магазинах);

2) документы делового оборота – данные, которые содержатся в различных договорах/соглашениях, пересылаемых с использованием технических средств (электронной почты);

3) трафик электронной переписки – в данном случае речь идет о любых значимых для расследования уголовного дела сведениях, содержащихся в электронной переписке (она может осуществляться в мессенджерах, а также посредством электронной почты). Например, использование информации, содержащейся в переписке посредством мессенджеров, активно используется при расследовании преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ. Из материалов одного из уголовных дел следует, что доказательствами, подтверждающими виновность Ф. в совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 228 УК РФ, является протокол осмотра мобильного телефона Ф., где указано, что «при помощи своего мобильного телефона “HUAWEI”, через приложение “Телеграмм” в магазине “Фантастикум” за *** рублей приобрел наркотическое средство – мефедрон массой 3,5 г. После этого ему поступило смс-сообщение с адресом нахождения наркотического средства...» [13];

4) электронная информация, хранящаяся у третьих лиц. О. Г. Иванова и П. А. Недбайлов в данном случае к категории «третьих лиц» относят провайдера облачных хранилищ данных [6, с. 146]. Стоит отметить, что тенденция к их использованию вместо материальных источников носителей электронной информации в последнее время набирает стремительные обороты: например, по итогам 2022 г. рынок облачных сервисов хранения данных вырос на 29 % по отношению к 2021 г. Экспертами и аналитиками прогнозируется дальнейший рост [7];

5) физические электронные (цифровые) устройства – персональные компьютеры, ноутбуки, смартфоны, планшеты и др.;

6) физические носители информации – известно, что вся информация, с которой взаимодействует пользователь при работе с вышеуказанными электронными (цифровыми) устройствами, должна где-то храниться. В большинстве случаев такими хранилищами данных выступают CD/DVD-диски, USB-флешки, внешние жесткие диски;

7) внутренние файлы и журналы электронного устройства – вся современная электронно-вычислительная техника осуществляет свою работу на основе заранее установленной на нее операционной системы (далее – ОС). В свою очередь,

она по мере работы пользователя с компьютером (иным электронным устройством) осуществляет последовательную запись, отслеживающую качество работы ОС. Такая информация представлена в виде логов, которые, в свою очередь, содержатся в текстовых файлах (журналах) [8, с. 24]. Некоторые исследователи, в частности В. Б. Вехов, в качестве отдельного вида цифровых доказательств в уголовном судопроизводстве предлагают выделять информацию, содержащуюся в журналах антивирусных программ [4, с. 157]. Однако антивирусная программа является частью всего программного обеспечения (далее – ПО), установленного в ОС, в связи с чем выделение конкретных видов программ не будет способствовать повышению эффективности работы с доказательствами, содержащими цифровую информацию, наоборот, будет лишь перегружать;

8) журналы интернет-активности пользователя – большая часть киберпреступлений совершается именно с использованием сети Интернет (заметим, что журнал интернет-активности пользователя в силу своего большого объема обычно подвергается отдельному, самостоятельному осмотру);

9) телефонные записи – этой информацией обладает оператор связи и она позволяет своевременно получить представление о характере совершенного преступления, в частности, о географическом положении злоумышленника;

10) записи камер видеонаблюдения;

11) «веб-архивы», которые обеспечивают возможность просмотра содержимого того или иного сайта за любой (практически) промежуток времени. Наиболее распространенным интернет-ресурсом для этого возможно считать WebArchive [11].

Безусловно, обозначенные выше виды доказательств, содержащих цифровую информацию, не отражают их реального масштаба, т. к. в эпоху активной цифровизации всего общества ежедневно создаются или изменяются привычные для всех источники цифровой информации.

Говоря о классификации доказательств, содержащих цифровую информацию, стоит отметить, что такой вид доказательств возможно классифицировать, во-первых, исходя из общей теории классификации доказательств в уголовном судопроизводстве, а во-вторых, применяя новые основания для классификации, присущие только доказательствам, содержащим цифровую информацию.

Ряд ученых уже обращались к такой специальной классификации доказательств, содержащих цифровую информацию.

Так, практический интерес представляет классификация, предлагаемая Ю. В. Шелеговым и В. Г. Шелеговым [10, с. 64–65].

Первым основанием для классификации цифровых доказательств вышеуказанные авторы считают способ их воспроизведения. Оно представляется верным и обоснованным, т. к. в данном случае цифровые доказательства могут дифференцироваться на аудио-, видео-, изображение и текст. Стоит признать, что любая цифровая информация может быть представлена лишь в вышеуказанных видах.

Вторым основанием для классификации возможно считать оригинальность представляемых сведений. В данном случае авторы предлагают выделять лишь два вида доказательств: оригинал и копия. С данной точкой зрения нельзя не согласиться, однако, следует признать ее неполной, т. к. на сегодняшний день

в законодательстве нередко фигурирует такое понятие, как «дубликат документа». В соответствии с ГОСТ Р 7.0.8–2013 дубликат документа – это повторный экземпляр подлинника документа [3]. Отличие от копии документа состоит в том, что дубликат имеет равную юридическую силу с оригиналом документа, тогда как его копия не всегда обладает аналогичной силой. Резюмируя, в данном случае предлагается дифференцировать цифровые доказательства на оригинал, дубликат и копию.

Особая значимость вышеуказанного основания для классификации цифровых доказательств состоит в том, что игнорирование лицом, осуществляющим предварительное расследование, того факта, что он осуществляет работу с копией документа, может в дальнейшем открыть возможность для стороны оперировать этим фактом в суде.

Далее следует отметить мнение С. И. Гонгало, который предлагает достаточно сложное основание для классификации – по особенностям их процесса визуализации. Ученый дифференцирует цифровые доказательства на одноранговые, двухранговые и т. д. [5, с. 96]. Полагаем, что предлагаемая классификация имеет значение преимущественно для лиц, обладающих специальными познаниями в данной сфере (экспертов, специалистов).

В свою очередь, имеющей большую практическую ценность именно для субъектов расследования представляется основание для классификации, предлагаемое А. А. Шаевичем. В своей диссертации он указывает, что все электронные доказательства дифференцируются на материализованные и нематериализованные [9, с. 88]. В данном случае основанием для их классификации будет являться способ их фиксации. Нематериализованные цифровые доказательства хранятся в памяти электронного устройства, тогда как материализованные могут быть представлены в виде кредитных и дебетовых карт и т. д. В первом случае для проведения судебной экспертизы должна быть назначена технико-компьютерная экспертиза, а во втором – криминалистическая экспертиза документов.

В науке еще не сложилось устойчивых взглядов на классификацию доказательств, содержащих цифровую информацию, в связи с чем данный вопрос может стать предметом иных научных исследований. Это представляется важным для того, чтобы выработать адекватное современному этапу развития уголовного процесса правовое регулирование такого рода доказательств и их использования при производстве по уголовному делу.

Список литературы

1. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР : утвержден Верховным Советом РСФСР 27 октября 1960 г. (ред. от 29.12.2001, с изм. от 26.11.2002) // Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1960. № 40. Ст. 592 (утратил силу).
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (в последующих ред.) // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/.

3. ГОСТ Р 7.0.8–2013. Национальный стандарт Российской Федерации. Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Дело-производство и архивное дело. Термины и определения : утвержден приказом Росстандарта от 17 октября 2013 г. № 1185-ст. М. : Стандартинформ, 2014.
4. Вехов В. Б. Понятие, виды и особенности фиксации электронных доказательств // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2016. № 1 (11). С. 155–158.
5. Гонгало С. И. Классификация электронных документов как объектов судебной технико-криминалистической экспертизы документов // Вестник Томского государственного университета. 2013. № 367. С. 96.
6. Иванова О. Г., Недбайлов П. А. Цифровая информация и ее место в уголовно-процессуальном доказывании // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2022. № 2 (47). С. 146.
7. Облачные вычисления (мировой рынок) // Tadviser (Государство, бизнес, технологии). URL: <https://www.tadviser.ru/>.
8. Овсянникова Д. Ю. Технология обработки и анализа лог-файлов пользовательской платформы // Актуальные вопросы науки и техники : сборник статей. Пенза, 2020. С. 24.
9. Шаевич А. А. Особенности использования специальных знаний в сфере компьютерных технологий при расследовании преступлений : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09. Иркутск : Байкальский государственный университет экономики и права, 2007. С. 88.
10. Шелегов Ю. В, Шелегов В. Г. К вопросу о классификации электронных (цифровых) доказательств // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2019. № 2 (10). С. 64–65.
11. Internet Archive. URL: <https://web.archive.org/>.
12. Обзор кассационной практики судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации за 1997 г. // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 1998. № 12.
13. Приговор Коптевского районного суда г. Москвы от 10 октября 2022 г. по делу № 1-387/2022 // Архив Коптевского районного суда г. Москвы.

Хмелев С. А.¹,
старший преподаватель
кафедры предварительного расследования
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук

Хмелева З. А.²,
старший преподаватель кафедры уголовного права
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИНФОРМАЦИОННО-ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ КРАЖ ИЗ ПРЕДПРИЯТИЙ ТОРГОВЛИ И ИХ ПРИМЕНЕНИЕ ДЛЯ КВАЛИФИКАЦИИ ДАННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

В настоящее время процветает век развития и совершенствования информационно-телекоммуникационных технологий (далее – ИТТ), без которых невозможно себе представить существование человечества. Их использование позволяет людям общаться, получать информацию о любых событиях, происходящих в мире, а также на конкретных территориях.

Процесс раскрытия и расследования преступлений, а также их квалификация в современных условиях является неотвратимым условием владения органом дознания, дознавателем, следователем знаний в области уголовного процесса, уголовного права, криминалистики, юридической психологии и других юридических наук. Владея ими, участники стороны обвинения соответствующим образом собирают доказательства по расследуемому преступлению, оценивают их и в конечном счете принимают справедливое окончательное решение по уголовному делу.

В современных условиях успешному процессу раскрытия и расследования преступлений способствуют средства ИТТ, которые используются для фиксации окружающих событий. Это применимо и к раскрытию, расследованию и правильной квалификации краж, совершенных из предприятий торговли.

Кражи чужого имущества до настоящего времени остаются одними из многочисленных преступлений в современном обществе. По статистическим данным Министерства внутренних дел Российской Федерации, общее количество преступлений за период январь – декабрь 2022 г. по сравнению с аналогичным периодом 2021 г. уменьшилось. Так, было зарегистрировано 1 966 800 преступлений. Это на 1,9 % меньше чем за аналогичный период 2021 г. Однако, согласно тех же показателей, кражи в общей статистике преступности стабильно занимают 35,5 %. Это самый распространенный вид преступлений в России [2].

¹ © Хмелев С. А., 2023.

² © Хмелева З. А., 2023.

Среди краж чужого имущества значительное место после квартирных и карманных краж занимают так называемые тайные хищения на предприятиях торговли.

Кражи из торговых предприятий в современных условиях, особенно в региональных центрах, а также в мегаполисах, таких как Санкт-Петербург и Москва совершаются в основном в дневное время, т. е. без проникновения в помещение. Кражи путем проникновения в помещение, в частности из предприятий торговли, в настоящее время носят эпизодический характер и совершаются они в основном в сельской местности.

В настоящей статье рассмотрим проблемы, возникающие при раскрытии, расследовании и квалификации наиболее распространенного вида совершения тайного хищения чужого имущества из предприятий торговли, которые совершаются в рабочее время торгового заведения, т. е. без проникновения в помещение. Отдельную, но в то же время важную роль в данном процессе играют ИТТ, которые используют органы дознания, дознаватели и следователи в своей деятельности.

При квалификации и расследовании краж из торговых точек следует отразить, что рассматриваемый вид преступлений характеризуется огромной латентностью. Это связано с тем, что работники торговых организаций в большинстве случаев не сообщают о выявленных ими противоправных деяниях в правоохранительные органы и пытаются «решить вопрос на месте», т. е. предлагают злоумышленникам возместить причиненный ущерб во избежание привлечения к административной или уголовной ответственности, либо халатно относятся к своим обязанностям по охране имущества. Кроме того, при выявлении данного правонарушения, после сообщения в органы внутренних дел и при последующей проверке, проводится ревизия, что для торгового предприятия не совсем удобно. Зная эти факты, преступники готовы возместить причиненный имущественный вред, если вдруг будут застигнуты на месте преступления или непосредственно после него.

Уголовная ответственность по ст. 158 Уголовного кодекса Российской Федерации (УК РФ) наступает при хищении имущества на сумму 2 500 руб. и более. Поэтому преступники, зачастую обладая информацией о «допустимой» сумме, совершают хищение либо на меньшую, либо действуют в группе, где каждый похищает имущество в торговой точке на сумму менее 2 500 руб., и в случае вскрытия факта хищения каждый будет нести не уголовную, а административную ответственность, поскольку они при задержании заявляют, что не знакомы друг с другом и каждый действовал отдельно.

Так же для сокрытия своей деятельности злоумышленники зачастую используют и специальные различные тайники, предварительно подготовленные для беспрепятственного преодоления охранных устройств, которыми оборудованы торговые точки. Для этого пришивают специальные карманы большей емкости, оборудовав их предварительно фольгой или иными защитными материалами, прячут похищенное под верхнюю одежду, либо используют сумки, пакеты и др.

Среди предметов хищения можно условно выделить следующие: продовольственные товары, одежда, предметы обихода, мелкие предметы бытовой техники, электроника и др.

В настоящее время, в век развития ИТТ, возникают определенные проблемы, связанные с квалификацией таких краж на стадии возбуждения уголовного дела и принятии решения о его возбуждении. Они становятся более разрешаемы, при грамотном подходе оперативных сотрудников при раскрытии рассматриваемых нами преступлений и следователей (дознавателей) органов внутренних дел при их расследовании.

С целью защиты имущества собственников, а в частности на предприятиях торговли, в современных условиях широко применяются информационно-телекоммуникационные средства. В основном это средства видеофиксации, которыми оборудованы практически все точки розничной торговли. Проводившиеся в данной области разработки совершенствуются, что позволяет в отдельных случаях использовать данные видеонаблюдения, а также зафиксированные биометрические данные человека при раскрытии и расследовании преступлений.

Например, в г. Москве с этой целью задействована информационная система «Безопасный город», которая позволяет отследить факт совершения кражи, в том числе и предварительный сговор между преступниками, а также движение преступника от торговой точки до подъезда какого-либо дома и до места его пребывания.

В Московском метрополитене установлена система видеофиксации с элементами биометрического распознавания человека ГАИС (государственная автоматизированная информационная система) «Сфера», которая используется не только для охраны имущества метрополитена и выявления правонарушений, но и для оплаты проезда или беспрепятственного прохода через турникеты. Средствами видеофиксации также оборудованы железнодорожные вокзалы, аэропорты и торговые центры.

Применение средств видеофиксации в местах общего пользования не противоречит требованиям Конституции Российской Федерации, в частности ст.ст. 23 и 24, поэтому при правильном обнаружении, изъятии и дальнейшем использовании информации, содержащейся на данных средствах, позволяет органам дознания, следователям (дознавателям) правильно квалифицировать зафиксированное совершенное деяние и впоследствии принимать законное и обоснованное решение.

Таким образом, умелое и грамотное использование следователем (дознавателем) средств видеофиксации в процессе расследования тайных хищений в торговых предприятиях, а именно их обнаружение и фиксация при осмотре места происшествия, при производстве выемки и последующем их осмотре, а также при допросе подозреваемого позволяет определить объективную картину совершения кражи.

Получив информацию о краже из торговой точки, прибывшее на место происшествия должностное лицо или лица (участковый уполномоченный, оперативный сотрудник или дознаватель (следователь) в составе СОГ, помимо осмотра места происшествия и досмотра лица или лиц, совершивших кражу, незамедлительно должны принять меры к установлению наличия средств видеозаписи в торговом зале и непосредственно содеянного.

С этой целью опрашиваются сотрудники службы безопасности торгового предприятия на наличие средств видеофиксации и о месте их расположения.

Производится просмотр видеозаписи за определенный период, в основном его осуществляют сотрудники службы безопасности, но при этом может присутствовать и лицо, производящее проверку с целью определения вопроса, какие записи нужно изъять.

Отдельный вопрос стоит по поводу изъятия видеозаписи с камер видеонаблюдения. В практической деятельности это происходит либо путем устного запроса о передаче записи, либо она запрашивается официальным запросом, либо изымается путем производства выемки.

По мнению А. В. Головчанского, в практической деятельности изъятие информации со средств видеофиксации производится путем ее истребования (подачи запроса) о получении информации либо путем выемки, что не вызывает последующих процессуальных проблем с ее использованием [1, с. 331]. Следует согласиться с данным мнением, поскольку законом по сути не запрещено производить выемку в ходе проведения проверки по заявлению (сообщению) до возбуждения уголовного дела. Согласно требований ч. 1 ст. 144 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (УПК РФ) дознаватель, орган дознания, следователь, руководитель следственного органа при проверке сообщения о преступлении вправе истребовать документы и предметы, изымать их в порядке, установленном УПК РФ. Таким образом, не важно, каким образом была изъята цифровая информация – путем направления официального запроса или выемкой. В любом случае последующее правильное процессуальное оформление изъятых, осмотренных и приобщенных к материалам уголовного дела информации при рассмотрении дела в суде, как правило, проблем не вызывает.

После правильно произведенного изъятия видеозаписи она должна быть соответствующим образом осмотрена. При ее осмотре следует уделять внимание на действия лиц, совершивших кражу, время совершения преступления, если оно указано на видеозаписи. В протоколе осмотра записи указывается, на каком носителе она зафиксирована, а также на каком оборудовании производился ее осмотр. Данная информация должна быть указана в протоколе обязательно. Если запись содеянного произведена с нескольких видеокамер, то изъятие этих записей производится отдельно с каждой видеокамеры. Осмотр каждой желательно зафиксировать в одном протоколе, при этом пронумеровав записи в той последовательности с момента подготовки к совершению преступления, непосредственное изъятие и сокрытие товара до момента окончания содеянного.

После просмотра изъятых в соответствии с законом видеозаписей следователь (дознаватель) должен пронумеровать эти записи в определенной последовательности. Например, перед входом преступника(ов) в помещение торгового предприятия и до его или их задержания. Данный тактический ход осмотра видеозаписи необходим для более понятного и объективного восприятия последовательности действий последующими участниками процесса, такими как прокурор, судья (суд).

Изъятая видеозапись в последующем может быть использована при получении объяснений или допросе лица или лиц, совершивших кражу. При получении объяснения должностное лицо, производившее проверку по сообщению, может

предъявить видеозапись лицу или лицам, совершившим данную кражу в той последовательности, в которой она была осуществлена. Этот же прием может быть осуществлен при производстве допроса. При просмотре записи лицо или лица, совершившее преступление, как правило, дает объективные показания, в том числе и по поводу совершения им тайного хищения, совершенного из торговой точки по предварительному сговору. Данный тактический прием используется как средство получения объективной информации. Просмотрев запись, злоумышленник или похитители осознают безвыходность их положения в данном случае и поэтому дают правдивые объективные показания.

Для правильной квалификации содеянного, в частности краж из предприятий торговли, совершенных без проникновения в помещение, т. е. во время рабочего времени торговой точки, важно определить умысел лица или лиц совершившего данное деяние. В частности, содеянное может быть квалифицировано как административное правонарушение, если сумма похищенного составляет менее 2 500 руб., или как преступление, совершенное одним лицом, если сумма похищенного превышает указанный минимум, т. е. по ч. 1 ст. 158 УК РФ либо как преступление, совершенное по предварительному сговору группой лиц, т. е. по п. «а» ч. 2 ст. 158 УК РФ.

Принятие конкретного процессуального решения по рассматриваемому материалу или уголовному делу зависит от информации, содержащейся на имеющейся видеозаписи, но при этом не стоит игнорировать и показания лица или лиц, непосредственно совершивших преступление. Сгенерировав объективные и субъективные доказательства, должностное лицо приходит к правильному выводу и принимает соответствующее процессуальное решение.

В данном случае хочется привести один из примеров тактически правильного подхода к сбору первичной информации о преступлении и последующего принятии процессуального решения. Так, из материалов уголовного дела было установлено, что в гипермаркете общества с ограниченной ответственностью (ООО) «Ашан» два ранее знакомых молодых человека Ш. и Н. совершили кражу дорогостоящего алкоголя и продукты питания на общую сумму 4 815 руб. Причем при задержании этих лиц сотрудниками службы безопасности гипермаркета при каждом из задержанных находились спиртное и продукты питания на сумму менее 2 500 руб. При этом каждый из них утверждал, что они ранее не знакомы и каждый из них действовал самостоятельно.

После прибытия на место происшествия участкового уполномоченного полиции К., которому было поручено проведение проверки, и в ходе общения с работниками службы безопасности и задержанными он получил информацию, что якобы каждый из задержанных совершил административное правонарушение.

Однако участковый уполномоченный тщательно просмотрел имеющиеся на мониторах записи видеонаблюдения и обнаружил на них, что Ш. и Н. вместе вошли на территорию торгового зала ООО «Ашан», где потом разделились, и каждый из них совершил кражу алкогольной продукции и продуктов питания, замаскировав их под верхнюю одежду. После прохождения пункта кассового контроля Ш. и Н. были задержаны охранниками магазина.

При предъявлении каждому из задержанных видеозаписей на мониторах службы охраны участковый К. получил от них объяснения с признательными показаниями, что действовали по предварительному сговору. Далее он соответствующим образом произвел изъятие видеозаписей с камер видеонаблюдения на USB флеш-накопитель.

По результатам проверки участковым уполномоченным К. был составлен соответствующий подробный рапорт об обнаружении признаков преступления, предусмотренных п. «а» ч. 2 ст. 158 УК РФ, и направлен материал проверки в следственное подразделение. Следователь возбудил уголовное дело по признакам преступления, предусмотренного п. «а» ч. 2 ст. 158 УК РФ, и произвел быстрое и успешное расследование. После чего оно было направлено в суд, который вынес справедливый обвинительный приговор.

В этой связи отметим, что если бы участковый уполномоченный полиции не проявил профессионализм, связанный со знанием положений уголовно-процессуального и уголовного права, то действия Ш. и Н. были бы квалифицированы по ст. 7.27 КОАП РФ (Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях), они были бы привлечены только к административной ответственности.

На данном примере видно, что участковый уполномоченный полиции, используя средства ИТТ, смог правильно и законно квалифицировать преступление, а также определить подследственность происходящего события.

На основании вышеизложенного следует сделать заключение, что кражи из предприятий торговли имеют довольно распространенный характер. Они характеризуются латентностью ввиду не совсем добросовестного отношения к своим обязанностям сотрудников службы безопасности, а также нежелания работников торговых организаций своевременно сообщать о данных происшествиях в правоохранительные органы. Правильная квалификация этих преступлений на этапе проверки носит значимый характер. Она зачастую зависит от информации, зафиксированной с использованием средств ИТТ, которые применяются и используются в настоящее время. Успешному раскрытию и расследованию краж, совершенных из предприятий торговли, способствует непротиворечащее уголовно-процессуальному закону изъятие видеозаписей со средств видеофиксации, умелое использование этих записей правоохранительными органами в ходе проверки заявлений (сообщений) о преступлениях, позволяют правильно квалифицировать действия преступника или соучастников преступления, связанного с тайным хищением из торговых точек по предварительному сговору группой лиц.

Умелое использование органом дознания, дознавателем, следователем современных ИТТ, знания в области уголовного права и уголовного процесса позволяют успешно произвести расследование и в итоге правильно квалифицировать преступление.

Список литературы

1. Головчанский А. В. К вопросу о тактике изъятия записей камер видеонаблюдения при расследовании уголовных дел // Вестник Воронежского института МВД России. 2021. № 2. С. 333–340.
2. Официальный сайт Министерства внутренних дел Российской Федерации. URL: <https://мвд.рф>.
3. Предварительное следствие : учебник / [Р. Э. Адамян и др.]. 4-е изд., перераб. и доп. М. : Юнити-Дана, 2021.
4. Крюкова И. В., Алимамедов Э. Н. Фишинг как вид интернет-мошенничества // Наукосфера. 2021. № 2-2. С. 196–201.

Хоанг Ван Луан¹,
преподаватель кафедры юриспруденции
Академии народной полиции СРВ,
кандидат юридических наук

ПОЛОЖЕНИЕ О КОММЕРЧЕСКИХ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦАХ, СОВЕРШИВШИХ ПРЕСТУПЛЕНИЕ ПО УГОЛОВНОМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕСПУБЛИКИ ВЬЕТНАМ

В ходе законодательного процесса с 1945 по 2015 г. история уголовного права Вьетнама всегда придерживалась мнения, что уголовная ответственность возлагается только на физических лиц, т. е. только человек может быть субъектом преступления. Это положение полностью соответствует теоретической системе уголовного права и уже давно отвечает требованиям предупреждения и борьбы с преступностью [4, с. 468].

Однако в последние годы, с процессом международной интеграции и мощным развитием экономики, это показывает, что ситуация с нарушениями закона, совершаемыми юридическими лицами, усложняется и становится все более серьезной. Особенно действия, вызывающие загрязнение окружающей среды, контрабанда, уклонение от уплаты налогов, производство, транспортировка, торговля контрафактными и запрещенными товарами, уклонение от уплаты страховых взносов за работников и т. д., серьезно угрожающие жизни, здоровью людей, общественному порядку и общественной безопасности. Хотя у нас уже существуют санкции за административные нарушения и есть положения в гражданском и экономическом законодательстве о том, что люди, учреждения и организации могут требовать от юридических лиц возмещения ущерба за нарушения, однако в реальности эти нормы все еще неадекватны и неэффективны. Это приводит к тому, что юридические лица не уважают закон и грубо нарушают его. Кроме того, размер штрафа в Законе об административных нарушениях все еще остается низким и недостаточно сдерживающим фактором. Многие юридические лица, особенно крупные корпорации или транснациональные компании, могут соглашаться на штрафы, чтобы продолжать нарушения. Однако регулирование уголовной ответственности для коммерческих юридических лиц является общей тенденцией в мире. На основе этих исследований в Уголовном кодексе Социалистической Республики Вьетнам 2015 г. (УК СРВ) предусмотрена уголовная ответственность для коммерческих юридических лиц.

Статья 2 УК СРВ гласит: «Только коммерческое юридическое лицо, совершившее правонарушение, указанное в статье 76 настоящего Кодекса, несет уголовную ответственность» [2]. Соответственно, к ней привлекаются только коммерческие юридические лица, которые совершают преступление, а для некоммерческих юридических лиц вопрос об уголовной ответственности не поднимается.

Организация признается коммерческим юридическим лицом, если она полностью соответствует следующим условиям [1]:

¹ © Хоанг Ван Луан, 2023.

- создана в соответствии с положениями ст. 74 ГК СРВ и других соответствующих законов;
- имеет организационную структуру;
- имеет имущество, независимое от других физических или юридических лиц, и несет ответственность за свое имущество;
- самостоятельно вступает в правоотношения от своего имени.

Коммерческое юридическое лицо должно в первую очередь обеспечить условия общего юридического лица. Однако оно также имеет отличительные признаки: юридические лица, основной целью которых является получение прибыли и распределение прибыли между участниками.

В отличие от физических лиц юридическое лицо само не может непосредственно совершить преступление, а должно через деятельность физических лиц этого юридического лица, которые являются руководителями и законными представителями юридического лица, который определяет, направляет или реализует деятельность юридического лица [7, с. 60–73]. Статья 75 УК СРВ предусматривает, что коммерческое юридическое лицо несет уголовную ответственность только при полном соблюдении следующих условий:

- преступление совершено от имени коммерческого юридического лица;
- преступление совершено в интересах коммерческого юридического лица;
- преступление совершено под руководством, управлением или одобрением коммерческого юридического лица;
- срок давности не истек.

Хотя юридическое лицо действует через деяния физических лиц, эти деяния создают права и обязанности для юридического лица, а деяния этих лиц считаются действиями и волей юридического лица [6, с. 16]. Через деятельность юридического лица посягнуло на общественные отношения, охраняемые уголовным законом, причинив вред или создав угрозу причинения вреда этим общественным отношениям в определенной степени [3, с. 56–62]. Наиболее распространенной и легко преследуемой формой уголовной ответственности юридических лиц является вид юридического лица, не выполняющего определенную обязанность. Эта форма давно существовала в мировой науке уголовного права.

Кроме того, преступное деяние должно быть совершено в интересах коммерческого юридического лица. Оно должно быть субъектом, чтобы получить выгоду от преступного деяния, а физические лица от имени коммерческого юридического лица должны совершать действия в целях и общих интересах юридического лица. Напротив, юридическое лицо не несет уголовной ответственности за преступления, совершенные физическими лицами с личной целью, в этом случае только это физическое лицо несет ответственность за преступные действия, если его деяние имеет достаточно элементов, чтобы составить самостоятельное преступление, предусмотренное Уголовным кодексом.

Кроме того, как было проанализировано выше, коммерческое юридическое лицо должно нести уголовную ответственность за преступления, совершенные физическими лицами в составе юридического лица, когда эти лица выполняют свои функции и обязанности от имени юридического лица и под руководством

юридического лица [5, с. 69–75]. Иными словами, в ч. 2 ст. 75 УК СРВ признается важный принцип: «Уголовная ответственность коммерческого юридического лица не исключает уголовной ответственности физических лиц».

Коммерческие юридические лица подлежат уголовной ответственности при соблюдении условий, предусмотренных ч. 1 ст. 75 УК СРВ, что касается физических лиц, то их будут привлекать к уголовной ответственности, если их деяния отвечают признакам преступлений, предусмотренных Особенной части УК СРВ.

Уголовное законодательство Вьетнама предусматривает, что коммерческие юридические лица несут уголовную ответственность только за 33 преступления в разделе о преступлениях, а именно:

- 22 преступления в гл. 18 «Преступления в сфере экономической деятельности»;
- девять преступлений в гл. 19 «Экологические преступления»;
- два преступления в гл. 21 «Преступления против общественной безопасности и общественного порядка».

Конкретное регулирование в УК СРВ объема преступлений, которые могут совершать коммерческие юридические лица, создало благоприятные условия в процессе применения, избегая явлений произвола и непоследовательности в процессе расследования, рассмотрения уголовных дел в отношении коммерческих юридических лиц.

Список литературы

1. Гражданский кодекс Социалистической Республики Вьетнам от 24 ноября 2015 г. № 91/2015/QH13.
2. Уголовный кодекс Социалистической Республики Вьетнам от 27 июня 1985 г. № 17-LCT/HĐNN7.
3. Динь Хоанг Куанг. Положение о уголовной ответственности коммерческих юридических лиц по уголовному законодательству СРВ // Журнал государства и права. 2015. № 3. С. 56–62.
4. Уголовное право. Общая часть. Издательство Академии народной полиции, 2019. С. 468.
5. Май Тхань Хьеу, Фам Бик Нгок. Уголовная ответственность коммерческих юридических лиц по уголовному законодательству Франции // Журнал Закона. 2007. № 8. С. 69–75.
6. Фам Хонг Хай. Может ли юридическое лицо быть субъектом преступления? // Журнал Закона. 1999. № 6. С. 16.
7. Чинь Куок Тоан. Проблемы уголовной ответственности коммерческих лиц по уголовному законодательству СРВ // Журнал науки Государственного университета Ханой. 2013. № 1. Т. 29. С. 60–73.

Цыренов Ж. В.¹,
старший преподаватель
кафедры уголовного процесса
Московского института юриспруденции

СИНОПСИС НАПРАВЛЕНИЙ ПОИСКА ИНФОРМАЦИИ В КИБЕРПРОСТРАНСТВЕ О ФИНАНСОВОМ СОСТОЯНИИ ИНОСТРАННЫХ КОНТРАГЕНТОВ В УСЛОВИЯХ САНКЦИЙ В ЦЕЛЯХ ПРОФИЛАКТИКИ И ВОЗМЕЩЕНИЯ УЩЕРБА

Согласно проведенной в 2021–2022 гг. Национальной оценке рисков в сфере противодействия отмыванию преступных доходов, повышенное внимание уделено сферам безналичного банковского перевода между субъектами предпринимательской деятельности, в том числе в рамках международного товарооборота [8]. Указанные переводы средств под видом оплаты товаров и работ активно используются в качестве основания совершения платежей по банковским счетам (преимущественно юридических лиц) в схемах легализации преступных доходов на этапе «транзита» внутри страны или вывода за рубеж. При этом в действительности товары могут не перемещаться совсем, перемещаться в меньшей степени либо по завышенной стоимости (в том числе путем создания цепочки подставных фирм-посредников, через которые создается видимость движения товара).

Объем подозрительных авансовых платежей за рубеж за импортируемые товары вырос с 2018 по 2021 г. на 14,2 %, занимая доли в общем объеме подозрительных операций по выводу средств за рубеж от 32 % до 62 % соответственно [9]. Так, только в 2022 г. объемы подозрительных операций с признаками вывода денежных средств за рубеж, несмотря на сложившиеся условия санкционных ограничений, составили 36 млрд руб. Основной спрос на теневые финансовые услуги в 2022 г. формировался в строительном секторе (43 %), торговле (26 %) и секторе услуг (19 %) [10].

Указанные сомнительные операции по выводу денежных средств за рубеж используются в ходе совершения преступлений, в том числе под видом совершения различных транзакций, основаниями которых является продажа товаров и услуг. Приведенные данные касаются только учтенных правоохранными структурами преступлений, в свою очередь, реальное состояние криминализации указанной отрасли экономики, а также размер незаконно перемещенного за рубеж капитала может подвергаться лишь ориентировочным оценкам и составлять ущерб в особо крупных размерах, исчисляемый в миллиардах рублей.

Устойчивый характер обозначенных тенденций стал поводом для включения в национальную Стратегию экономической безопасности на период до 2030 г. высокий уровень преступности в экономической сфере в число основных угроз безопасности государства. Среди приоритетных задач по обеспечению устойчивого развития национальной финансовой системы выделено противодействие

¹ © Цыренов Ж. В., 2023.

переводу наличных и безналичных денежных средств в теневой оборот и легализации доходов, полученных преступным путем от предикатных экономических преступлений [11].

Сложившаяся криминогенная ситуации определила исследование данной сферы, о чем свидетельствует ряд научных работ, в ходе которых рассматривались вопросы совершения фиктивных сделок и внешнеэкономических операций в иностранные юрисдикции путем перечисления авансов за якобы поставляемые товары и услуги, а также невозвращение из-за границы экспортной выручки за поставленные товары и работы для иностранных партнеров [1–4].

Обеспечение деятельности теневых площадок для вывода денежных средств в наличный оборот и за пределы России в целях уклонения от уплаты налогов, таможенных платежей и отмыwania преступных доходов, администрируемых, в частности, «профессиональными отмывателями» денежных средств, в том числе находящимися за рубежом, непосредственно связано с так называемыми контрагентами – юридическими лицами, зарегистрированными в налоговых органах различных стран и открытием расчетных счетов в банках как на физических, так и на юридических лиц.

Что касается установления контрагентов – субъектов предпринимательской деятельности, замешанных в преступных схемах по выводу активов за рубеж, в рамках расследуемых уголовных дел определена запросно-ответная форма взаимодействия между правоохранительными органами в соответствии со ст. 453 УПК РФ «Направление запроса о правовой помощи». В основном в рамках расследуемых уголовных дел указанные запросы направляют органы предварительного расследования Российской Федерации, а также иные органы в рамках своей компетенции. Составление и направление таких запросов требуют соблюдения специфики международных отношений с конкретным государством в лице его уполномоченного органа, на рассмотрении которого будет находиться такой запрос. Это требует тесного взаимодействия должностных лиц, ведущих производство по уголовному делу, с правоохранительными органами иностранных государств [5].

Помимо указанного, надзор в сфере международного сотрудничества по уголовным делам осуществляет Генеральная прокуратура Российской Федерации в лице Главного управления международно-правового сотрудничества [12], в компетенцию которого входит контроль за направлением правильно оформленных запросов в уполномоченные органы иностранных государств для организации исполнения. К другому государственному органу, осуществляющим международное сотрудничество в рамках своей профессиональной деятельности, относится управление Федеральной службы судебных приставов Российской Федерации, которое контролирует подготовку запросов об оказании правовой помощи на территории иностранных государств [13] по расследуемым подследственным им уголовным делам в территориальных органах. О важности организационных мер при обеспечении возмещения вреда по уголовным делам также указывали в своей работе О. А. Малышева и Ж. В. Цыренов [6, с. 41].

Однако в настоящее время вследствие санкционной политики ряда зарубежных стран англо-саксонской группы, к которым относятся, в том числе Соединенные штаты Америки и Великобритания, взаимодействие в сфере исполнения запросов в рамках международного сотрудничества не осуществляется. Указанное стало возможным в неправильно обозначенной политической позиции западных стран по отношению к России, выразившейся, в том числе и в прекращении международного сотрудничества в сфере правовой помощи по уголовным делам. В этой связи Генеральная прокуратура Российской Федерации в качестве ответных мер 23 марта 2022 г. вышла из Международной ассоциации прокуроров [14].

Аналогичной отрицательной позиции к США из-за ее провокационной политики в отношении Тайваня придерживается Китай, который приостановил взаимодействие с США по вопросам уголовно-правовой помощи для борьбы с транснациональной преступностью и в области контроля за наркотиками [15].

Вышеприведенные политические обстоятельства свидетельствуют о не скором возобновлении отношений в сфере международного сотрудничества по оказанию правовой помощи не только по уголовным делам, но и в финансовой отрасли, где также немаловажное значение имеет взаимодействие между субъектами предпринимательского права. В связи с чем установление сведений о контрагентах – иностранных компаниях и физических лицах, которые не отвечают требованиям добросовестности и чьи банковские счета используются для получения, перевода денежных средств, полученных в результате преступных действий, имеют важное значение как для правоохранительных органов, так и для коммерческих организаций, а также индивидуальных предпринимателей. Указанное связано с тем, что своевременно полученная информация об иностранных физических или юридических лицах, занимающихся незаконной деятельностью в финансовой сфере, предотвратит причинение ущерба добросовестным участникам бизнеса, а правоохранительным органам позволит собрать информацию, представляющую оперативный интерес о таком контрагенте.

Как было указано выше, из-за сложившейся политической ситуации, отрицательно отразившейся на международном сотрудничестве в сфере правовой помощи по уголовным делам, а также в сфере гражданского товарооборота, имеющиеся международные нормативные правовые акты, регулирующие указанное направление между Россией и иными недружественными странами, не работают.

В этой связи возможным решением проблемы установления сведений о контрагентах, занимающихся незаконной финансовой деятельностью, может являться киберпространство, которое не имеет ограничений в пространстве и не определено юрисдикциями различных государств. В киберпространстве представлены различные источники получения информации о различных контрагентах, зарегистрированных как на территории Российской Федерации, так и в иностранных государствах.

Условно поиск информации в киберпространстве о финансовом состоянии иностранных контрагентов можно разделить на три направления:

1. Система проверки контрагентов и сбора информации об организациях («Спарк» и платформа «Знай своего клиента»).

Система «Спарк» может предоставить уникальные данные: информацию о зарубежном и российском юридическом лице, упоминание контрагента в материалах СМИ, его платежную дисциплину. Для получения данных об организации пользователю необходимо ввести в поисковой запрос один из следующих типов данных: название организации, юридический адрес, Ф. И. О. руководителя, ИНН, ОГРН, ОКПО, электронную почту или по номеру телефона. После введения данных будет получена детальная информация об организации в режиме одного окна.

Платформа «Знай своего клиента» – сервис, с помощью которого инициатор запроса будет получать от Банка России информацию об уровне риска вовлеченности в проведение подозрительных операций их клиентов (юридических лиц и индивидуальных предпринимателей) [16].

2. Налоговое направление. Интересующие данные о компании можно найти посредством обращения на различные ресурсы официальных налоговых органов иностранных государств, где возможно установить данные компании. Например, можно установить данные о компании в Австралии, обратившись на следующий ресурс connectonline.asic.gov.au (рис. 1).

Рис. 1

При этом следует отметить, что сведения о компаниях иностранных государств официальных регистров соответствующих юрисдикций в свободном доступе размещены на сайте Федеральной налоговой службы России – https://www.nalog.gov.ru/rn77/about_fts/inttax/oppintevasion/obdig/ (рис. 2).

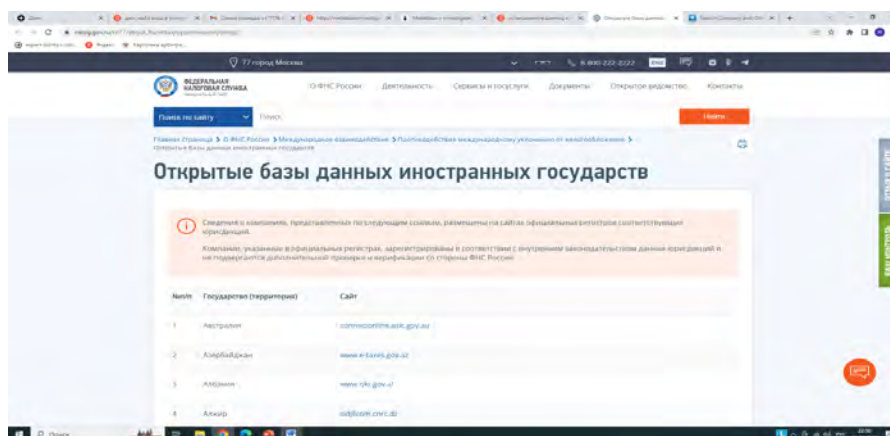

Рис. 2

3. Агрегатор реестров – это наиболее типичный алгоритм поиска, который может применяться по поиску иностранных компаний, в зависимости от исходных данных. Это такие ресурсы, которые аккумулируют у себя данные разных реестров и позволяют искать совпадения:

а) <https://opencorporates.com/> – ищет компании по национальным реестрам огромного количества стран. Показывает подробные регистрационные данные и историю изменений организационной структуры, а также учредителей. Дает ссылку на реестр, в котором найдена компания (рис. 3);

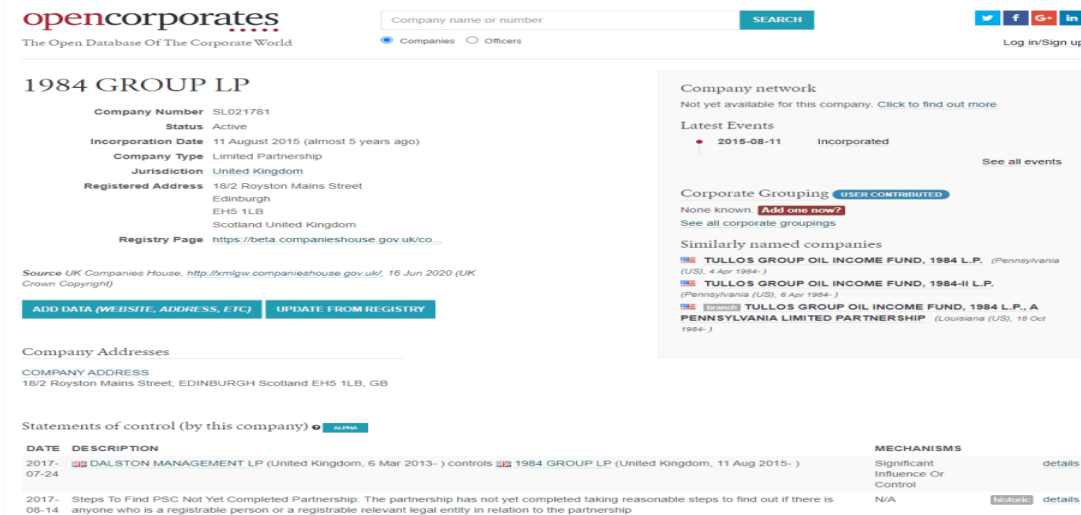

Рис. 3

б) <https://register.openownership.org/> – хорошее дополнение к предыдущему агрегатору, также позволяет искать по названию компании или по данным руководителей и учредителей, в том числе, умеет визуализировать связи между компаниями и владельцами, что сильно ускоряет поиск. Показывает, в какой юрисдикции зарегистрированы компания и ее адрес. При поиске по конкретному человеку позволяет увидеть все компании, к которым он имеет отношение. При нахождении результата сразу дает ссылку на Open Corporates для просмотра детальной информации;

в) <https://www.n-vestigate.net/database/?lang=ru> – реестр национальных баз данных СНГ и Европы. Можно отфильтровать по стране, сфере действия;

г) <https://munscanner.com/dbs/> – поисковик, который ищет по фамилии человека или названию компании в большом количестве реестров и дает ссылки на все реестры, в которых находит совпадения;

д) <https://www.icij.org/> – собрана информация об офшорных компаниях, полученная в результате утечек из закрытых баз данных, а т. к. подобные утечки происходят регулярно, то и информации в этой базе достаточно;

е) <https://offshoreleaks.icij.org/> – самый большой и удобный ресурс для поиска по офшорам. Искать можно как по названию компании, так и по адресу, при этом фильтровать выдачу можно по стране или по юрисдикции.

Помимо указанного, крайне информативны реестры, которые необходимо использовать для поиска информации о недвижимости и ее принадлежности, например, в Великобритании:

– поиск недвижимости Великобритании (Land Registry – Земельный кадастр НМ) осуществляет регистрацию право собственности на землю и недвижимость в Англии и Уэльсе, где также можно узнать, кто и за какую цену приобрел недвижимое имущество, и много иной необходимой информации по установлению прав физического или юридического лица на недвижимость в Великобритании (<https://www.gov.uk/search-property-information-land-registry>);

– коммерческий реестр поиска информации Великобритании (<https://www.192.com/>) – платный сервис, с помощью которого можно быстро находить информацию о людях, объектах недвижимости и компаниях в Великобритании (рис. 4). Перечисляет полные имена, адреса, возрастные справочники, цены на недвижимость, аэрофотоснимки, отчеты компаний и директоров, семейные записи и др.

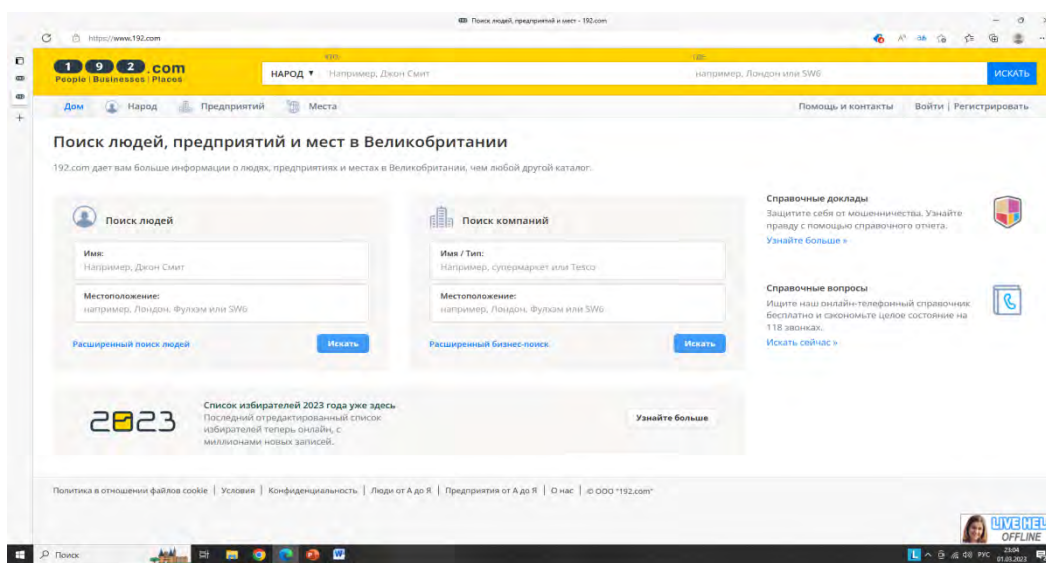

Рис. 4

Таким образом, в условиях санкционной политики в отношении Российской Федерации, в отсутствии реального международного сотрудничества с западными странами и иными недружественными странами мира в области взаимного официального обмена информацией о контрагентах, замешанных в преступных схемах по выводу активов за рубеж, возникает необходимость поиска иных источников получения сведений о таких субъектах предпринимательской деятельности. В данном случае уместна точка зрения Д. А. Иванова о проведении дополнительных занятий, направленных на совершенствование деятельности следователей с изучение вопроса поиска информации в указанном направлении [7].

К такому глобальному источнику получения информации о недобросовестных контрагентах является киберпространство, где предлагается использовать вышеуказанные три направления поиска информации.

По результатам их использования полученные сведения позволят выявить следующих недобросовестных контрагентов:

- находящихся в предбанкротном состоянии;
- занимающихся легализацией преступных доходов;
- иностранные компании, являющиеся бенефициарами от различных незаконных, фиктивных банковских переводов, в том числе из российских компаний.

Собранные сведения о недобросовестных контрагентах правоохранительными структурами могут быть использованы для достижения своих целей ведомственного характера, что также позволит на ранних стадиях пресекать вывод незаконно выводимых активов за рубеж, тем самым возмещать причиненный ущерб. В свою очередь, своевременно полученная коммерческой структурой информация о недобросовестном контрагенте позволит ей не заключать заведомо ничтожный договор и предотвратить невозвратное перечисление денежных средств.

Список литературы

1. Янчуркин О. В., Журбин Р. В. Использование компаний, зарегистрированных в офшорных зонах, для незаконного вывода капитала из России // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2011. № 4 (18). С. 56–62.
2. Кубенко И. В. Нелегальный вывоз капитала из России // Вестник Московского университета МВД России. 2014. № 1. С. 197–200.
3. Гурьева И. С. Проблемы нелегального оттока капитала из России и пути решения // Экономика и менеджмент инновационных технологий. 2017. № 10. URL: <http://www.ekonomika.snauka.ru/2017/10/15295/>.
4. Кривошапова С. В., Алимаева Д. С., Кейс А. Д. Проблема нелегального оттока капитала за рубеж и легализации доходов, полученных преступным путем // Азимут научных исследований: экономика и управление. 2018. Т. 7. № 2 (23). С. 13–16.
5. Коваль Е. А., Пальчикова М. В. Информационная открытость государственной и муниципальной службы : модель паноптикума // Lex russica (Русский закон). 2020. № 8 (165). С. 70–77.
6. Малышева О. А., Цыренов Ж. В. Обеспечение в досудебном уголовном судопроизводстве возмещения вреда, причиненного преступлениями : монография. М. : Юрлитинформ, 2022.
7. Иванов Д. А. К вопросу о значении и способах оценки имущественного вреда, причиненного преступлением // Вестник Московского университета МВД России. 2015. № 9. С. 184.
8. Отчет о деятельности Росфинмониторинга за 2021–2022 гг. URL: <http://www.fedsfm.ru/content/files>.
9. Аналитические сведения Банка России о структуре подозрительных операций и секторах экономики, формировавших спрос на теневые финансовые услуги за 2018–2021 гг. // Официальный сайт Банка России. URL: https://cbr.ru/analytics/podft/resist_sub/2021.
10. Аналитические сведения о структуре подозрительных операций и секторы экономики, формировавшие спрос на теневые финансовые услуги // Официальный сайт Банка России. URL: https://cbr.ru/analytics/podft/resist_sub/2022.
11. Указ Президента Российской Федерации от 13 мая 2017 г. № 208 «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации до 2030 года» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2017. № 20. Ст. 2902.

12. Указание Генпрокуратуры России от 16 января 2020 г. № 23/35 «О порядке организации работы органов прокуратуры Российской Федерации по вопросам оказания правовой помощи по уголовным делам» // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_343792/.

13. Приказ Федеральной службы судебных приставов Российской Федерации от 10 апреля 2015 г. № 232 «Об организации дознания в Федеральной службе судебных приставов» // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_179228/.

14. Официальная информация Генеральной Прокуратуры Российской Федерации // Сайт Генеральной Прокуратуры Российской Федерации. URL: <https://erp.genproc.gov.ru/web/gprf>.

15. Заявление МИД Китая от 5 августа 2022 г. в связи с посещением Тайваня Спикером палаты представителей США Нэнси Пелоси // Сайт МИД КНР.

16. Официальный сайт Банка России. URL: https://cbr.ru/counteraction_matter/platform_zsk/.

Шаров А. В.¹,
начальник кафедры криминалистики
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент

К ВОПРОСУ ОБ УСТАНОВЛЕНИИ СЛЕДОВАТЕЛЕМ АУТЕНТИЧНОСТИ ФАЙЛА БЕЗ УЧАСТИЯ СПЕЦИАЛИСТА

Процессуальное законодательство Российской Федерации, несмотря на существенное увеличение доли преступлений в сфере информационно-телекоммуникационных технологий (далее – ИТТ), остается крайне формализованным. Это означает, что каждое доказательство должно быть закреплено в уголовном деле в письменной форме.

Традиционно сложилась практика фиксации в протоколах следственных действий доказательств, полученных вербальным (показания) и невербальным (остальные) способом. У них есть одно общее свойство: наблюдались следователем, как правило, непосредственно: предметы и документы осмотрены (имеют материальную природу и внешние границы), показания восприняты на слух.

Этого же нельзя сказать о компьютерной информации, хотя она, обрабатываемая в виде данных, также имеет материальную природу. Однако воспринимается такая информация человеком только опосредованно через устройства вывода и только после обработки программно-аппаратной средой компьютера. Форма существования компьютерной информации – электронная. Она не предполагает оборот в бумажной форме, поэтому наблюдается некоторый дисбаланс.

С одной стороны, доказательства в уголовном деле должны быть в виде письменного документа, с другой – изготовление твердой копии электронного документа [1] может требовать значительных материально-технических затрат. Кроме того, в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации (УПК РФ) не содержится указания на обязательное использование в доказывании именно бумажной формы документа.

В целом следует констатировать, что использование в доказывании только бумажной формы документов (протоколов следственных действий и иных) в настоящее время является некоторым анахронизмом. Особенно это ярко проявляется при расследовании преступлений, совершенных с применением ИТТ.

Точно такая же ситуация складывается с применением в качестве дополнительного средства фиксации фото- и видеосъемки. Напомним, что процесс изготовления традиционных фотоизображений являлся относительно трудоемким, но понятным всем участникам судопроизводства в силу наличия специального образования, а некоторые методы применялись только в уголовном судопроизводстве (например, фотопанорама при ориентирующей съемке). Результат применения способа – фототаблица в виде наклеенных на бланк фотографий практически никогда не вызывала сомнений в их происхождении.

¹ © Шаров А. В., 2023.

«Повальное» применение бытовых цифровых фотоаппаратов и смартфонов в раскрытии и расследовании преступлений привело к тому, что подобная уверенность не формируется. Так, легкость и удобство изготовления фото-, видеоизображений «компенсируются» отсутствием у следователя и суда знаний о сути происходящих процессов формирования компьютерного кода изображения, и, как следствие, непонимания происхождения доказательства (а в некоторых случаях сомнений в достоверности полученных результатов).

Некоторые авторы справедливо указывают на сложившуюся негативную практику, когда в протоколе следственного действия не указывают условия использования фото-, видеосъемки: нет сведений об объективе, серийном номере камеры, характеристиках электронного носителя информации, метаданных полученных файлов и т. п., «...вследствие чего могут возникнуть вопросы по процессуальной фиксации изображений, способам их хранения, пределов и допустимости редактирования цифрового изображения» [2, с. 280]. Получение подобных сведений всегда возлагалось на специалиста.

Сейчас следует говорить о внедрении в процесс подготовки следователей необходимых ИТТ, связанных, в том числе с процессом оценки достоверности цифровых фото- и видеоизображений. В итоге указанные знания, умения и навыки «трансформируются» из специальных знаний в профессиональные. В свою очередь, это снизит потребность в привлечении специалистов в области ИТТ к проведению следственных действий.

Нами неоднократно отмечалось, что для установления целостности и аутентичности файла необходимо применять те же технологии, что и при его формировании, в частности, функции хэширования [3] (син.: хэш-функция, криптографическая хэш-функция, функция хэширования, криптографическая функция хэширования) или получение хэш-кода (разг. контрольной суммы) файла. В сфере ИТТ это применяется как необходимый этап проверки аутентичности и целостности файла, однако до настоящего времени не внедрен в уголовное судопроизводство, что ведет к необходимости проверки содержания электронных документов (файлов) визуально.

Вместе с тем в рамках, например, судебной компьютерно-технической экспертизы аутентификация файла состоит в проверке контрольной суммы файла на соответствие сумме, заявленной автором этого файла [4].

Сравнение метаданных файлов изображений вызывает некоторые трудности ввиду их значительного количества. На рис. 1 представлены фрагменты метаданных двух файлов изображения с одинаковыми именами и расширением, однако содержание второго файла несколько изменено: на белое поле изображения добавлена белая точка, т. е. визуально изменения обнаружить невозможно.

Поэтому рекомендуется более простой и надежный способ в виде сравнения контрольных сумм двух файлов. В используемой в ОВД операционной системе Astra Linux версии Special Edition, при ознакомлении со свойствами файла в открывшемся окне «Свойства» можно наблюдать различные вкладки, в том числе интересующие нас «КС» (контрольная сумма – прим. наше) и «Метаданные».

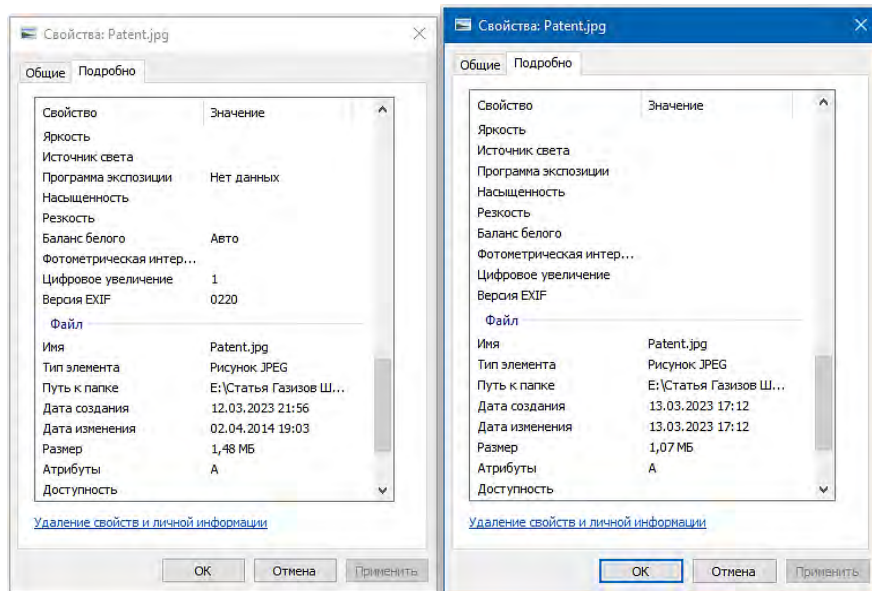

Рис. 1. Фрагменты метаданных файлов (слева-направо): Patent.jpg и Patent.jpg (измененный) при просмотре свойств файлов (заметно различие метаданных)

При переходе во вкладку «КС» наблюдается «иконка» файла, имя и его расширение, окно ввода контрольной суммы выбранного для проверки файла «Введите контрольную сумму», столбец с наименованием алгоритмов хэширования, в том числе по ГОСТ Р 34.11–2012, и кнопками их вычисления (рис. 2).

Для сравнения хэшей двух файлов следует в окно «Введите контрольную сумму» ввести хэш второго файла, после чего автоматически появится результат сравнения (рис. 3).

Тем самым подтверждается, что по содержимому файлы не аутентичны.

В заключение необходимо отметить, что вычисление контрольной суммы файла и фиксация ее в протоколе следственного действия являются перспективным, достоверным и надежным способом обеспечения подлинности электронного документа в уголовном судопроизводстве.

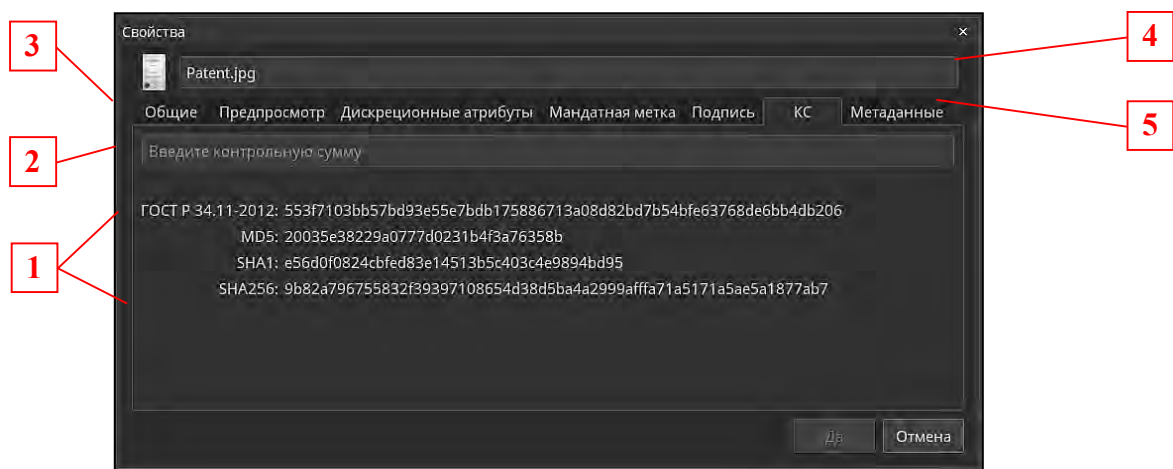

Рис. 2. Окно «Свойства» исходного файла Patent.jpg с открытой вкладкой «КС»:
1 – алгоритмы хэширования (указаны с результатами применения функции к файлу);
2 – окно ввода контрольной суммы другого файла; 3 – вкладки;
4 – «иконка», имя и расширение файла; 5 – вкладка «Метаданные»

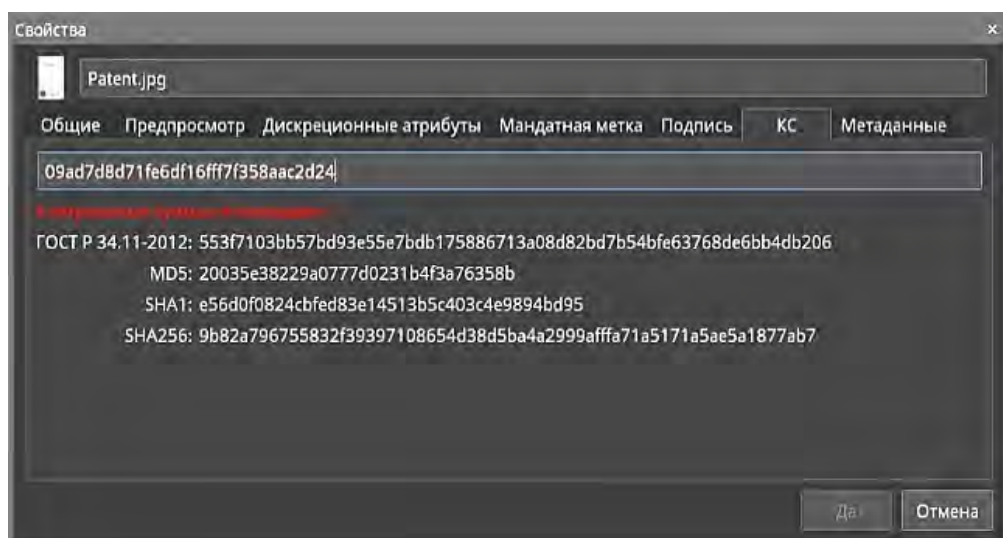

Рис. 3. Сравнение хэшей исходного файла Patent.jpg и измененного файла Patent.jpg. Результат «Контрольные суммы не совпадают»

В случае изменения содержания файла контрольная сумма будет иной. Возвращение содержания файла (что особенно важно для текстовых файлов) к первоначальному состоянию не ведет к получению начальной контрольной суммы, т. е. при каждом изменении содержания файла и его сохранении под тем же именем контрольная сумма будет другая.

Результатом хэширования выступает строка бит, выраженная в буквенно-цифровой комбинации различной длины. Так, при применении алгоритма по ГОСТ Р 34.11–2012 длина строки составит 64 знака, что несколько неудобно. Приемлемым является применение алгоритма MD5, имеющего на выходе длину строки в 32 знака, что вполне удобно отразить в протоколе следственного действия.

Список литературы

1. Межгосударственный стандарт ГОСТ 2.051–2006. Единая система конструкторской документации (ЕСКД). Электронные документы. Общие положения // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/1200045526>.
2. Павличенко Г. В., Захаров Р. И. Вопросы использования цифровой фотографии в экспертной деятельности // Международные и национальные тенденции и перспективы развития судебной экспертизы : сборник докладов. Нижний Новгород : Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет имени Н.И. Лобачевского, 2019. С. 208–284.
3. ГОСТ 34.11–2018. Межгосударственный стандарт. Информационная технология. Криптографическая защита информации. Функция хэширования // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/1200161707>.
4. ГОСТ Р 57429–2017. Национальный стандарт Российской Федерации. Судебная компьютерно-техническая экспертиза. Термины и определения // утвержден и введен в действие приказом Росстандарта от 28 марта 2017 г. № 198-ст // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru>.

Шаталов А. С.¹,
профессор кафедры уголовного процесса
Московской академии Следственного комитета
Российской Федерации,
доктор юридических наук

НАУЧНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ КАК СРЕДСТВО УДОВЛЕТВОРЕНИЯ ПОТРЕБНОСТЕЙ ГОСУДАРСТВА И ОБЩЕСТВА В СФЕРЕ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

Задачи уголовно-процессуальной науки локализуются в сфере законодательного процесса и его оценки, а также в сфере применения уголовного права. Сама же наука исходит из уголовно-процессуального права, развивая его концептуальное содержание, упорядочивая процессуальные процедуры в единую систему, в которой находят свое место не только решения высших судов, но и мнения специалистов. По сути, это означает, что существующие потребности государства и общества в сфере уголовного правосудия могут и должны быть реализованы в текстах научных исследований, тогда появится возможность выбрать лучшие варианты из их реального набора.

В трудах процессуалистов повышенное внимание, как правило, уделяется критике отдельно взятых положений российского уголовно-процессуального законодательства [2, с. 287; 7, с. 168; 8, с. 352]. Эта тенденция отчетливо заметна в диссертационных исследованиях [4, с. 497; 5, с. 301; 10, с. 518]. Сформулированные в них предложения в основном сводятся к внесению изменений и дополнений в нормы уголовно-процессуального закона. Если их сгруппировать по степени распространенности, то можно увидеть, что в своем большинстве они носят не столько радикальный, сколько фрагментарный характер и направлены на детализацию и дифференциацию тех или иных процессуальных процедур [3; 6; 11, с. 268].

Аргументы, появляющиеся в научных исследованиях по уголовно-процессуальным темам, в зависимости от частоты их использования, можно сгруппировать следующим образом:

- недостаток (отсутствие) полномочий у того или иного участника уголовного судопроизводства, препятствующих эффективности предварительного расследования или(и) судебного разбирательства по уголовному делу;
- нарушение процессуальных сроков;
- неопределенность отдельных положений уголовно-процессуального законодательства;
- возрастающая нагрузка на дознавателей, следователей и судей;
- ссылки на точки зрения и результаты научных исследований известных процессуалистов, которые часто рассматриваются как не требующие дополнительного подтверждения;
- бездействие должностных лиц, участвующих в уголовном процессе;

¹ © Шаталов А. С., 2023.

– трудности, связанные с принятием промежуточных и итоговых решений по уголовным делам.

Крайне важно, что в диссертационных исследованиях довольно редко встречаются указания на последствия реализации практических предложений соискателей ученых степеней или продвижения, предложенных ими новых теоретических подходов. В таких условиях возникает необходимость постоянного анализа состояния, в котором находится уголовно-процессуальная наука, и использования результатов научных исследований, полученных в ее рамках, в законодательной, следственной, судебной практике. Необходимость этого подтверждается и тем фактом, что судьи, следователи, дознаватели и другие сотрудники правоохранительных органов черпают свои профессиональные знания из общения с преподавателями, читая официальные и научные комментарии к законам, написанные специалистами монографии, учебники, публикации в юридической печати. Соответственно этому уголовно-процессуальная наука (в широком смысле этого слова) должна нести свою часть ответственности за состояние дел в правоохранительной сфере в целом и в деле борьбы с преступностью, в частности.

Традиционно наука уголовно-процессуального права рассматривается в качестве системы, появившихся по мере ее поступательного развития идей, представлений, теоретических положений и точек зрения, относящихся к самому широкому кругу рассматриваемых ею проблем [9]. Иначе говоря, она охватывает собой все сведения, относящиеся к уголовно-процессуальным законодательству и праву, если они позиционируются как самостоятельные и публикуются в определенных источниках. Однако такой подход можно признать правильным лишь частично, поскольку, принося несомненную пользу в популяризации уголовно-процессуального права, он вводит в заблуждение потребителей информации, которые постоянно воспроизводятся уголовно-процессуальной наукой, как своеобразная система суждений. В свою очередь, каждое из них должно претендовать на то, чтобы быть (как минимум) проверяемым, поддаваться восприятию всеми заинтересованными участниками научной дискуссии, соответствовать системе допущений различного уровня, принятой профессиональным сообществом, и самое главное – вписываться в сложившуюся систему научных знаний. Эти критерии в области уголовного судопроизводства очень значимы, поскольку в них, например, отмечаются специальные знания, которыми должен обладать эксперт и специалист, а также многочисленные общеизвестные факты. Конечно, это не имеет прямого отношения к пониманию науки уголовно-процессуального права, но свидетельствует о ясности подхода к определению ее внутреннего содержания в принципе.

Таким образом, в самой науке уголовного процесса можно выделить:

- ядро, которое формируется теориями как системами суждений, имеющими статус научных;
- повседневные юридические компоненты, отражающие мнения заинтересованных органов и высокопоставленных должностных лиц, которые они не считают нужным специально обосновывать;

- поучительные (упорядоченные) суждения, которые являются ключевыми в образовательном процессе (профессиональной подготовке);
- эмпирическую информацию, которая специально извлекается и используется для получения или формулирования суждений.

Очень важно, что такой подход пока нецелесообразно подвергать каким-либо организационным изменениям, поскольку он способствует правильной оценке информации, которую принято включать в содержание уголовно-процессуальной науки. Более того, его можно использовать для различения политических взглядов, научных суждений и простых пожеланий, соответствующих признанным профессиональным стандартам.

В отношении научных проектов уголовного процесса такие стандарты, на наш взгляд, безусловно, должны включать следующее:

- выявление и описание проблемной ситуации, которая порождает необходимость изменения или дополнения действующего уголовно-процессуального законодательства;
- обоснование их выбора на основе рассмотрения различных вариантов, средств формулировки и их текстового оформления;
- опровержение возможных аргументов;
- расчет положительных и отрицательных последствий на основе сравнительного анализа.

Этот набор профессиональных стандартов не является чем-то новым. Требования такого рода уже были сформулированы в литературе по другим учебным дисциплинам уголовно-правового цикла. Проблема в том, что в некоторых ситуациях они либо забываются, либо их оказывается недостаточно. Кроме того, такие продукты оказывают определенное влияние на уголовно-процессуальное законодательство и порядок реализации норм уголовного права хотя бы потому, что они изложены в учебниках, монографиях, комментариях, статьях или создают иллюзию большей проработки и обдуманности разного рода решений, принимаемых на основе текстов, сформировавшихся в уголовно-процессуальной науке. Содержащиеся в них научные суждения подлежат осознанию и обсуждению заинтересованными представителями науки и практики, в результате чего они воспринимаются или отвергаются ими. В то же время возможны как положительные, так и отрицательные последствия. Последняя категория включает инициирование правовых подходов, вредных для общества, воплощенных в правовой политике (например, создание и внедрение российской модели правосудия по уголовным делам о преступлениях несовершеннолетних; процессуальный механизм уголовного преследования специальных субъектов и т. д.), неправильные решения (например, о придании элитарности высшему юридическому образованию; слияния и поглощения сложившихся исследовательских коллективов, школ и т. д.), наконец, непропорциональное внимание к проблемам российского уголовного судопроизводства.

С этих позиций, казалось бы, науку следует различать как социальный институт со своими специфическими особенностями, как систему теорий с объяснительными и регулятивными эвристическими функциями, а также как метод,

обеспечивающий потребности уголовно-процессуального права. Реструктуризация уголовно-процессуальных знаний, находящихся в информационном обороте, направлена на отделение собственно науки от идеологических, необоснованных и иных суждений, что когда-то было сделано в криминалистике [1]. В то же время опыт, накопленный в смежных областях научных знаний (гражданском, арбитражном, административном судопроизводстве, уголовном праве и др.), был бы здесь очень важен. В результате существующие потребности государства и общества в области уголовного правосудия изначально будут реализованы в текстах научных исследований, тем самым расширяя возможности выбора наилучших вариантов модернизации российского уголовно-процессуального законодательства.

Список литературы

1. Белкин Р. С. Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня. Злободневные вопросы российской криминалистики. М. : Норма, 2001.
2. Белкин А. Р. УПК РФ: отменить нельзя поправить? В 2 т. Т. 1. Общая часть. 2-е изд., испр. и доп. М. : Юрайт, 2018.
3. Везденев К. Е. Апелляционное обжалование приговора: проблемы подготовки жалоб и представлений : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 5.1.4. Екатеринбург, 2023.
4. Иванов Д. А. Досудебный порядок возмещения вреда, причиненного преступлением: теоретические и правовые основы, проблемы правоприменения : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.09. М., 2018.
5. Кожокар В. В. Возбуждение уголовного дела: вопросы теории и практики : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09. М., 2016.
6. Крымов В. А. Начало производства по уголовному делу: теоретические и правовые основы : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09. М., 2019.
7. Курбатова С. М. Теоретические основы уголовно-процессуального статуса лиц с ограниченными возможностями: проблемы теории и практики. Красноярск, 2021.
8. Маслов И. В. Уголовно-процессуальные функции участников досудебного производства. М. : Юрлитинформ, 2018.
9. Прошляков А. Д., Ахматов И. И. Понятие, признаки и система уголовно-процессуальных правоотношений. М. : Юрлитинформ, 2018.
10. Сидоренко М. В. Правовая определенность российского уголовно-процессуального права : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.09. М., 2018.
11. Титов А. Ю. Пересмотр судебных решений по уголовным делам в апелляционном порядке: теоретические и практические аспекты : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09. Владимир, 2015.

Шунк В. Э.¹,
доцент кафедры управления
правоохранительной деятельностью
Санкт-Петербургского университета
технологий управления и экономики,
кандидат юридических наук

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ПЕРЕДАЧИ ДОКАЗАТЕЛЬСТВЕННОЙ И ИНОЙ ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ИНФОРМАЦИИ ПОСРЕДСТВОМ СЕТИ ИНТЕРНЕТ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

С учетом развития технологий все острее становится вопрос об оперативности передачи и получения доказательственной и иной информации в уголовном судопроизводстве. С учетом того, что преступление может быть совершено достаточно быстро посредством информационно-телекоммуникационной сети (включая сеть Интернет) или иных средств связи, в том числе лицом, находящимся на территории другого государства, соразмерными в уголовном процессе могут быть и способы получения доказательственной информации.

В настоящее время запросы и судебные решения по уголовному делу для их исполнения адресатом в большинстве своем должны поступить ему на бумажном носителе. В части получения информации от кредитных организаций, операторов связи, администрации социальных сетей путем отправки запросов и судебных решений подобным образом и получение информации от них аналогичным образом может необоснованно увеличивать сроки следствия на несколько месяцев. Помимо этого, получение доказательственной информации таким способом приводит к тому, что лицо, совершившее преступление посредством информационно-телекоммуникационной сети (включая сеть Интернет) или иных средств связи длительный период, может оставаться неустановленным и за этот период совершить новые преступные деяния.

Могут сложиться ситуации, когда оперативность в направлении судебного решения на арест имущества будет иметь существенное значение для исключения возможности распоряжения соответствующим видом имущества. Например, направление судебного решения из г. Хабаровска на арест цифровых финансовых активов оператору соответствующей информационной системы, юридический адрес которого расположен в г. Москве. За тот период пока решение суда поступит оператору информационной системы лицо, выпустившее цифровой финансовый актив, может совершить сделку по нему.

Если же вести речь о получении доказательственной информации с территории иностранного государства, то это может приводить к получению информации и в срок более одного года. Затягивание расследования уголовных дел на такой срок явно не соответствует задачам отечественного уголовного судопроизводства.

¹ © Шунк В. Э., 2023.

Монографические исследования по теме получения и фиксации информации, хранящейся в сети Интернет, к которой относится и вышеприведенная информация, лишь обозначают оперативно-разыскной способ ее получения и объем доказательственной информации, но не предлагает введения процедуры совершенствования формы ее получения [1, с. 10–13; 2, с. 10–12]. Для разрешения указанных ситуаций уголовно-процессуальная форма передачи доказательственной и иной процессуальной информации нуждается в совершенствовании. Разумным и обоснованным в настоящий период представляется решение данной задачи следующими способами:

1. Направление запросов и судебных решений в организации, находящиеся на территории России посредством:

- служебной электронной почты. В этом случае запрос или судебное решение должны быть подписаны электронной подписью и направлены в формате pdf файла. Это повлечет обязанность для государства в обеспечении выпуска электронной подписи для каждого сотрудника следственного органа, уполномоченного направлять соответствующие запросы и судей. Поскольку ряд запросов должен быть подписан руководителями следственных органов (например, запросы в кредитные организации и операторам информационных систем, выпустивших цифровые финансовые активы), целесообразным представляется все запросы, направляемые от следственного органа удостоверенные электронной подписью, подписывать руководителем соответствующего органа. Это существенно сократит количество фактов выпуска данной формы подписей;

- направления скан-копий запросов или судебных решений посредством защищенных каналов связи, как это реализовано в передаче информации между МВД России и рядом операторов сотовой связи.

Выбор того или иного способа может определяться соглашениями между конкретными организациями и следственными органами. С учетом того, что потребуется детальная регламентация указанных процедур, в уголовно-процессуальный закон может быть включена лишь общая норма, допускающая возможность передачи информации подобными способами. Детализация процедуры может быть раскрыта в рамках постановления Правительства Российской Федерации.

В целом же процесс передачи доказательственной и иной процессуальной информации должен строиться на направлении запроса сотрудником следственного органа, подписанного электронной подписью (приложении судебного решения, подписанного электронной подписью) в информационную систему, созданную для электронного взаимодействия между правоохранительными органами, с одной стороны, и кредитными организациями, операторами связи, социальными сетями и технологическими корпорациями – с другой. Обработка запросов должна строиться на автоматической основе, исходя из конкретных запрашиваемых данных и автоматическом предоставлении этих данных. Частично это реализовано при взаимодействии между органами, осуществляющими оперативно-разыскную деятельность и операторами связи. Поскольку

в целом подобное взаимодействие на данном этапе пока ни финансово, ни технологически не сможет быть реализовано, то оптимальным являются способы, предложенные выше.

2. Направление запросов в организации, находящиеся на территории иностранного государства, в настоящее время допускается посредством:

- запросов о международной правовой помощи;
- по каналам Интерпола.

В большинстве случаев этот порядок может остаться неизменным, поскольку связан с обращением в кредитные организации, муниципальные или государственные органы. В отношении же администраций социальных сетей, провайдеров услуг виртуальных активов (криптообменники, криптобиржи) и иных организаций возможен иной формат взаимодействия. Так, запросы и судебные решения целесообразно направлять в виде скан-копий соответствующих документов посредством служебной почты. Это обусловлено тем, что в большинстве случаев на интернет-страницах социальных сетей, провайдеров услуг виртуальных активов предусмотрен подобный способ взаимодействия с правоохранительными органами. Фактически уголовному судопроизводству целесообразно принять ту форму взаимодействия, которую предлагают сами организации или в практике которых допускается подобный способ передачи информации.

В таких формах взаимодействия запросы принимаются и на русском языке. В тех случаях, когда запрос или судебное решение потребуется перевести на иностранный язык и заверить надлежащим образом перевод, это может быть достигнуто более экономичными средствами, чем предусмотрено для формата запросов о международной правовой помощи. В частности, не потребуется переводить нормы уголовного закона и иных прилагающихся документов на иностранный язык и проходить длительную процедуру подготовки соответствующего запроса.

В соответствии с действующим законодательством ряд иностранных социальных сетей имеют на территории России филиал, представительство или уполномоченное юридическое лицо. В этом случае запрос или судебное решение могут быть также направлены в виде скан-копии со служебной электронной почты на электронную почту указанных лиц для организации дальнейшего взаимодействия с администрацией социальной сети.

Для возможности передачи доказательственной и иной процессуальной информации в уголовно-процессуальном кодексе также необходимо предусмотреть только общее положение о возможности такой передачи. Детализация процедура возможна также в форме постановления Правительства Российской Федерации.

Необходимо отметить, что указанные предложения направлены не на упрощение процессуальной формы, не на снижение уголовно-процессуальных гарантий, а на совершенствование формы передачи процессуальной информации с учетом развития технологий. Важной составляющей при этом является то, что обвинение и обвинительный приговор будут основаны на достаточной совокупности доказательств, а не только на информации, полученной из указанных источников, которая будет проверена и сопоставлена с иными имеющимися в уголовном деле доказательствами. Задача же быстрого получения информации –

установление лица, причастного к деянию, и предотвращение совершения им новых преступлений. Кроме того, это будет способствовать реальной защите прав потерпевших и реализации принципа осуществления уголовного судопроизводства в разумный срок.

Список литературы

1. Болвачев М. А. Использование социальных сетей при расследовании преступлений экстремистской направленности : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.12. Калининград : Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта, 2022.

2. Колычева А. Н. Фиксация доказательственной информации, хранящейся на ресурсах сети Интернет : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.12. М. : Российский государственный университет правосудия, 2019.

Якубова С. М.¹,
*старший научный сотрудник
научно-исследовательского центра
Академии управления МВД России,
кандидат юридических наук*

О ПРОФИЛАКТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СЛЕДОВАТЕЛЯ, ДОЗНАВАТЕЛЯ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ НА ДОСУДЕБНЫХ СТАДИЯХ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА В ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ И НЕПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ФОРМАХ

Уголовно-процессуальный закон Российской Федерации предписывает следователю, руководителю следственного органа, дознавателю в ходе расследования уголовного дела обязательное установление обстоятельств, способствовавших совершению преступления и других нарушений закона. Согласно положениям ч. 2 ст. 158, ч. 2 ст. 73 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (УПК РФ) указанным должностным лицам предоставлено право внесения по конкретному уголовному делу в соответствующие орган или организацию независимо от форм собственности либо общественное объединение, должностному лицу представления о принятии мер по устранению причин и условий, способствовавших совершению преступления и других нарушений закона. Установлен предельный срок его рассмотрения – один месяц со дня внесения. Такое представление подлежит обязательному рассмотрению адресатом с уведомлением инициатора представления о принятых мерах в письменной форме (ч. 4 ст. 21 УПК РФ) [10].

Зачастую по уголовным делам о резонансных преступлениях в рассмотрении представления принимают участие инициаторы – руководитель следственного органа, следователь или дознаватель. На результативность такого рассмотрения представления указывают представители надзорного органа – прокуратуры [1, с. 51–53].

Невыполнение должностными лицами предприятий, организаций и учреждений императивных требований прокурора, следователя, дознавателя, указанных в адресованном им представлении, влечет направление материалов в прокуратуру для решения вопроса об их привлечении по ст. 17.7 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (КоАП РФ) к установленной законом ответственности.

Аналогичные положения содержатся в ст. 22 Федерального закона от 23 июня 2016 г. № 82-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» [2].

Непроцессуальные формы и методы предупреждения преступлений определены в ведомственном приказе МВД России от 17 января 2006 г. № 19 «О деятельности органов внутренних дел по предупреждению преступлений», где в целях решения основных задач органов внутренних дел по предупреждению

¹ © Якубова С. М., 2023.

преступлений установлены обязанности сотрудников всех подразделений, в том числе службы участковых уполномоченных полиции, следственных подразделений, подразделений дознания, подразделений по делам несовершеннолетних, уголовного розыска, подразделений по противодействию экстремизму и др. [3].

На указанных выше должностных лиц ведомственными приказами возложена обязанность проведения профилактических мероприятий не только в отношении лиц, совершивших преступления, но и лиц, признанных потерпевшими от преступных посягательств, целью которых является изменения их виктимного поведения [3].

По уголовным делам о преступлениях, по которым привлекаются к уголовной ответственности несовершеннолетние, представление вносится следователем (дознавателем) должностным лицам органов и учреждений системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, а именно [4]:

- комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав;
- органов управления социальной защитой населения;
- федеральных органов государственной власти и органов государственной власти субъектов Российской Федерации, осуществляющих государственное управление в сфере образования;
- органов местного самоуправления, осуществляющих управление в сфере образования;
- органов опеки и попечительства;
- органов по делам молодежи, органов управления здравоохранением, органов службы занятости;
- органов внутренних дел;
- учреждений уголовно-исполнительной системы (следственных изоляторов, воспитательных колоний и уголовно-исполнительных инспекций).

При расследовании уголовных дел о преступлениях, фигурантами которых проходят несовершеннолетние, подлежат также выявлению лица, вовлекающие их в совершение преступных деяний, принятие мер к привлечению таких лиц к уголовной ответственности.

По мнению некоторых ученых, эффективность реализации права внесения следователем (дознавателем) представления об устранении обстоятельств, способствовавших совершению преступления, детерминирована ведомственным (организационным) обеспечением достижения профилактической цели [5, с. 107], «повышением уровня ведомственного и процессуального контроля со стороны руководителей органов предварительного расследования за указанным направлением деятельности» [6].

По нашему мнению, логично и обоснованно, что процессуальное установление обстоятельств, способствовавших совершению преступления, возложено на уполномоченных должностных лиц органа предварительного расследования, в производстве которого находится уголовное дело, поскольку эти участники уголовного процесса устанавливают все обстоятельства, подлежащие доказыванию по делу. Однако на следователя, руководителя следственного органа, дозна-

вателя как субъектов системы профилактики возложена обязанность осуществления еще и контроля за своевременным устранением недостатков, указанных в представлении, уже после окончания расследования по уголовному делу направлением в суд, т. е. за процессуальными сроками расследования.

Кроме этого, ведомственными нормативными правовыми актами на следователя, дознавателя также возложена обязанность проведения профилактических мероприятий в непроцессуальных формах: выступления с лекциями в образовательных организациях, трудовых коллективах, в средствах массовой информации, перед населением и др. Полагаем, что возложение указанных полномочий на следователя, дознавателя по проведению в непроцессуальных формах профилактических мероприятий и полномочия по осуществлению контроля за своевременным устранением недостатков, указанных в представлении, неоправданно излишни, отвлекают следователя, дознавателя от расследования уголовных дел и раскрытия преступлений неочевидной категории. Ежегодно по различным основаниям следователями, дознавателями органов внутренних дел приостанавливается более 50 % уголовных дел от числа расследованных. При этом 96–97 % от общего количества приостановленных производством расследования составляют уголовные дела, которые приостановлены по п. 1 ч. 1 ст. 208 УПК РФ, в связи с неустановлением лица, подлежащего привлечению к уголовной ответственности. Более 60 % дел из них впоследствии прекращаются в связи с истечением срока давности уголовного преследования, тем самым негативно затрагивая права и интересы значительного количества участников уголовного процесса [7].

В этой связи представляется возможным предложить предусмотреть в УПК РФ внесение представлений сотрудниками органов дознания на основании информации следователя, руководителя следственного органа, дознавателя об обстоятельствах, способствовавших совершению преступления, направленной им. Согласно данным судебной статистики более 85 % преступлений совершаются лицами мужского пола, треть (31 %) из которых составляют несовершеннолетние возрастом 14–17 лет. 61 % преступлений совершаются нетрудоустроенными мужчинами в возрасте от 17 до 49 лет [8], которые находятся в поле зрения сотрудников подразделений полиции, уполномоченных принятию превентивных мер по недопущению преступлений, а именно: участковых уполномоченных полиции, сотрудников оперативных подразделений, инспекторов по делам несовершеннолетних правонарушителей.

В приказе МВД России от 31 декабря 2012 г. № 1166 «Вопросы организации деятельности участковых уполномоченных полиции» [9] одним из основных направлений деятельности участкового уполномоченного полиции при несении службы на административном участке определено предупреждение и пресечение преступлений, а также административных правонарушений.

Следует также акцентировать внимание на том, что на стадии возбуждения уголовного дела по результатам проведения проверки по сообщениям (заявлениям) о преступлениях может принято решение об отказе в его возбуждении как по реабилитирующим, так и по нереабилитирующим основаниям.

Принятие решения об отказе в возбуждении уголовного дела по нереабилитирующим основаниям освобождает лицо от уголовной ответственности, но оно

считается совершившим преступление. Вместе с тем законодательно не предусмотрено выявление следователем, дознавателем, сотрудником органа дознания, проводившим проверку по сообщению (заявлению) о преступлении, обстоятельствах, способствовавших совершению преступления, и внесение представления на этой стадии, если принято решение об отказе в возбуждении уголовного дела по нереабилитирующим основаниям.

Резюмируя изложенное, полагаем, что для сокращения нагрузки на следователей, дознавателей и направления их усилий на качественное расследование, возобновление производства расследования из числа приостановленных по различным основаниям уголовных дел, в том числе по преступлениям экстремистской направленности, следует законодательно предусмотреть передачу полномочий по внесению представлений и осуществлению контроля за своевременным устранением недостатков, указанных в информации следователя, руководителя следственного органа, дознавателя, а также обязанность проведения профилактических мероприятий в непроцессуальных формах сотрудникам органа дознания (подразделений уголовного розыска, подразделений экономической безопасности и противодействия коррупции, подразделений по делам несовершеннолетних, службы участковых уполномоченных полиции, подразделений по противодействию экстремизму и др. в зависимости от направления деятельности).

Список литературы

1. Маврин А. С. Юридически значимые последствия представления дознавателя, следователя, руководителя следственного органа о принятии мер по устранению обстоятельств, способствовавших совершению преступления // Законность. 2018. № 10. С. 51–53.
2. Федеральный закон от 23 июня 2016 г. №182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2016. № 26 (ч. I). Ст. 3851.
3. Приказ МВД России от 17 января 2006 г. № 19 «О деятельности органов внутренних дел по предупреждению преступлений» (ред. от 29.09.2022) // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_58965/.
4. Федеральный закон от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» (ред. от 14.07.2022) // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_23509/.
5. Садиокова У. В. Об эффективности реализации лицом, производящим расследование, права внесения представления об устранении обстоятельств, способствовавших совершению преступления // Академическая мысль. 2021. № 4 (17). С.105–108.
6. Курилов С. И. Роль и место подразделений дознания и следствия МВД России в профилактической деятельности // Академическая мысль. 2022. № 1 (18).

7. Якубова С. М. Дифференциация сроков расследования в связи с приостановлением производства по уголовному делу // Публичное и частное право. 2019. № 1 (41). С. 184–206.

8. Основные статистические показатели о судимости в России за 2007–2021 годы // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации. URL: <http://cdep.ru/index.php?id=79&item=2074>.

9. Приказ МВД России от 31 декабря 2012 г. № 1166 «Вопросы организации деятельности участковых уполномоченных полиции» // СПС «Консультант-Плюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_144038/.

10. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 17.02.2023) // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/.

ЧАСТЬ II

Барабанова А. А.¹,

*адъюнкт факультета подготовки
научно-педагогических и научных кадров
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя*

Научный руководитель: Есина А. С.,

*профессор кафедры предварительного расследования
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент,
почетный сотрудник МВД России*

«ПРОЦЕССУАЛЬНЫЙ ПОРЯДОК» КАК УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНАЯ КАТЕГОРИЯ: ПОНЯТИЕ И ОСНОВНЫЕ ПРИЗНАКИ

Для каждого научного исследования важное значение имеет категориальный аппарат, представляющий собой систему специальных терминов и понятий, позволяющих единообразно понимать какие-либо явления в определенной научной области. В данной работе автор намерен рассмотреть сущность такого правового понятия, как «процессуальный порядок». Несмотря на частое лексическое применение данной категории законодателем и научным сообществом, в специальной юридической литературе «процессуальный порядок» характеризуется низкой степенью разработанности. Вместе с тем именно правовые понятия и категории составляют общий понятийный аппарат юридической науки, выполняя при этом не только информационную, но и методологическую функцию. Предпримем попытку внести свой вклад в развитие правовой категории «процессуальный порядок».

В уголовном судопроизводстве все действия участников уголовного процесса, особенно тех, которые наделены властными полномочиями при осуществлении уголовно-процессуальной деятельности, должны осуществляться в определенной последовательности и в строгом порядке. Только строгое следование установленному процессуальному порядку обеспечивает соблюдение принципов уголовного судопроизводства, что представляется важным с точки зрения соблюдения закона в уголовно-процессуальной сфере. Именно процессуальный порядок определяет каждый этап и фрагмент уголовно-процессуальной деятельности, оформление процессуальных действий и решений, сроки, права участников уголовного процесса. Следует признать, что все действия должностных лиц протекают в определенной последовательности и представлены в виде стройной, согласованной во всех элементах системы уголовного процесса, т. е. соответствуют установленному законом порядку.

¹ © Барабанова А. А., 2023.

Заметим, что сам законодатель не дает формулировку рассматриваемого понятия, хотя использует его в тексте Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (УПК РФ) довольно часто, обращаясь к которому можно увидеть, что термин «порядок» законодатель использует более 60 раз. Самая первая статья УПК РФ «Законы, определяющие порядок уголовного судопроизводства» говорит о необходимости соблюдать установленный законом порядок всеми участниками уголовного судопроизводства. Относительно такого понятия, как «процессуальный», то он используется законодателем только с привязкой к уголовно-процессуальной деятельности. Как совокупная категория «процессуальный порядок» законодателем в тексте не применяется.

В учебной литературе наиболее распространенным следует считать суждение о том, что установленный законом порядок уголовного судопроизводства (процессуальный порядок), как правило, именуется процессуальной формой, которая характерна как для всего уголовного процесса, так и для отдельных его частей (этапов, действий, документов). Порядок, установленный законодателем, является единым и обязательным для всех участников уголовного процесса в силу требований ст.ст. 1, 7 УПК РФ. При этом «обязательность порядка уголовного судопроизводства не исключает дифференциации уголовно-процессуальной формы» [6, с. 9].

Так, через категорию «порядок» отдельные авторы определяют понятие «уголовного процесса» [5, с. 10]. Профессором М. А. Чельцовым еще в 1962 г. была высказана позиция, согласно которой под процессуальной формой понимался «порядок и условия осуществления как отдельных процессуальных действий, так и их совокупность» [7, с. 73]. Стоит отметить, что ученый не ставил знак равенства между понятиями «формы» и «порядка», а лишь упоминал о последнем как составляющем элементе содержания понятия «процессуальной формы».

Обращаясь к работам профессора В. К. Боброва, можно увидеть, что он напрямую определяет процессуальную форму как процессуальный порядок осуществления следственных и судебных действий [1, с. 84], т. е. автор отождествляет эти понятия.

На наш взгляд интересным представлено мнение М. С. Строговича, который определял уголовно-процессуальную форму как «совокупность условий, установленных процессуальным законом для совершения органами следствия, прокуратуры и суда тех действий, которыми они осуществляют свои функции в области расследования и разрешения уголовных дел, а также для совершения гражданами, участвующими в производстве по уголовному делу, тех действий, которыми они осуществляют свои права и выполняют свои обязанности» [4, с. 51]. На приведенное выше понятие «уголовно-процессуальной формы» многие ученые-процессуалисты опирались в своих работах (Н. С. Алексеев, В. Г. Даев, Л. Д. Кокорев). Хотелось бы отметить, что М. С. Строгович, давая определение «процессуальной формы» избегает использовать в содержании данного понятия термин «порядок», полагая, что законодатель устанавливает для должностных лиц условия, в которых они должны осуществлять свои функции. Нам представляется, что данный подход не совсем удачен. Дело в том, что термин «условие» в словарях русского языка определяется как уговор, соглашение о чем-либо

между двумя или несколькими лицами [3; 8]. Вряд ли законодательные требования в сфере уголовного судопроизводства правоприменители воспринимают как некие договоренности или условия, обговоренные с законодателем. Полагаем, что определение процессуальной формы через понятие «порядок» более полно отражает сущность рассматриваемого понятия, поскольку порядок понимается лингвистами именно, как принятое правило, установленная норма для чего-либо, где-либо [3; 8].

В учебной литературе можно встретить компромиссное решение рассматриваемого понятия, когда под процессуальной формой понимается совокупность регламентированных законом и условий, и порядка их выполнения [2, с. 121].

В результате анализа рассматриваемых понятий и соотношения их между собой следует сделать вывод, что большинство авторов придерживаются того мнения, что понятие «процессуальный порядок» является составляющим элементом понятия «процессуальной формы», т. к. последнее является определенной нормативной моделью уголовно-процессуальной деятельности, основанной на динамической структуре уголовного судопроизводства и воплощает в себе предписания о должном порядке осуществления уголовного процесса.

Закон устанавливает единый порядок по производству определенных действий, выполнению процессуальных процедур, принятию процессуальных решений, что позволяет сделать вывод о том, что процессуальный порядок можно понимать, как определенная законодателем последовательность действий (этапов, элементов), которые в своей совокупности представляют систему, а соблюдение этой системы обеспечивает соблюдение процессуальной формы. При этом необходимость соблюдения установленной последовательности является обязанностью должностных лиц, участников уголовного судопроизводства, которые наделены властными полномочиями и осуществляют этот порядок. Строгое соблюдение последовательности этих действий следует понимать, как условие для соблюдения процессуального порядка. Если будет нарушен, т. е. не выполнен, хотя бы один элемент процессуального порядка, то появятся основания говорить о его нарушении, а следовательно, и о нарушении процессуальной формы. При этом законодатель устанавливает жесткие правовые последствия за нарушение процессуального порядка. Например, в соответствии с ч. 5 ст. 164 УПК РФ порядок допроса свидетеля предусматривает обязанность должностного лица разъяснить свидетелю его права, предусмотренные ст. 56 УПК РФ, прежде чем получить показания свидетеля. Если данный элемент процессуального порядка допроса свидетеля не будет выполнен, можно ли в дальнейшем показания такого свидетеля считать допустимыми? Есть ли основания для вывода о том, что нарушен в данном случае процессуальный порядок? Безусловно. В силу ч. 1 ст. 75 УПК РФ доказательства, полученные с нарушением закона, следует признать недопустимыми.

Таким образом, нарушить установленный процессуальный порядок нельзя. Можно ли его изменить? Полагаем, что нет. Порядок, установленный законодателем, может изменить только сам законодатель. Другое дело, что в отдельных случаях правоприменители дополняют процессуальный порядок какими-то но-

выми элементами, которые не обязательны с точки зрения закона, но целесообразны с точки зрения правоприменения. Например, при оформлении адвоката в качестве защитника следователи, соблюдая порядок оформления его участия в уголовном деле, требуют предъявить им не только удостоверение адвоката и ордер адвокатского образования в соответствии с ч. 4 ст. 49 УПК РФ, но также выносят постановление об его участии в качестве защитника по уголовному делу. Вынесение данного постановления не предусмотрено законом, но правоприменительная практика усмотрела целесообразность вынесения подобного документа. Нарушен ли в данном случае процессуальный порядок вступления адвоката в уголовное дело? Конечно нет. Но очевидно, что он дополнен в ходе правоприменения дополнительным действием, что, впрочем, не отражается отрицательно на правах участников уголовного процесса, а скорее наоборот, способствует юридическому оформлению вступления в уголовное дело адвоката-защитника.

Проанализировав нормы уголовно-процессуального закона, в которых установлен процессуальный порядок производства процессуальных и следственных действий, принятия решений, проведения процессуальных процедур, мы выделили несколько признаков, характерных для любого процессуального порядка:

1) процессуальный порядок – это установленная законом совокупность действий, которая является единой и обязательной для всех участников уголовного процесса;

2) невыполнение хотя бы одного из элементов, образующих процессуальный порядок, либо несоблюдение последовательности их выполнения может привести к нарушению всей системы установленного порядка, а следовательно, привести к нарушению процессуальной формы и, как следствие, к нарушению принципа законности;

3) процессуальный порядок осуществляется только уполномоченными на то участниками уголовного процесса (как правило, это должностные лица, наделенные властными полномочиями в сфере уголовного судопроизводства), которые не вправе изменить установленный законом порядок;

4) процессуальный порядок обеспечивает соблюдение прав граждан и организаций, оказавшихся вовлеченными в сферу уголовного судопроизводства;

5) процессуальный порядок основан на принципах уголовного процесса, обеспечивая решение задач по назначению уголовного судопроизводства.

Все вышеперечисленные признаки процессуального порядка характерны и для процессуальной формы, что позволяет констатировать, что такие понятия, как «процессуальный порядок» и «процессуальная форма», находятся между собой в тесной взаимосвязи и взаимозависимости. Для них характерны единство и дифференциация. В зависимости от того, порядок какого действия или принятия решения установлен законом, различают:

- порядок производства процессуального, следственного действия;
- принятия процессуального решения;
- проведения досудебного производства (стадия возбуждения уголовного дела, а также предварительного расследования);
- судебного производства;
- обжалования судебных решений и др.

Таким образом, процессуальный порядок обеспечивает и раскрывает содержание процессуальной формы, соблюдение которой является обязательным в деятельности должностных лиц, осуществляющих уголовное судопроизводство.

Список литературы

1. Бобров В. К. К исследованию процессуальной формы в уголовном процессе // Правоведение. 1974. № 2. С. 77–84.
2. Курс советского уголовного процесса. Общая часть / под ред. А. Д. Бойкова, И. И. Карпеца. М. : Юридическая литература, 1989.
3. Словарь русского языка. В 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. М. : Русский язык : Полиграфресурсы, 1999.
4. Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса. М. : Наука, 1968.
5. Уголовный процесс / отв. ред. Н. С. Алексеев, В. З. Лукашевич, П. С. Элькин. М., 1972.
6. Химичева О. В., Мичурина О. В. Основы уголовного судопроизводства : учебное пособие / под ред. Г. П. Химичевой. М. : Московский университет МВД России, 2005.
7. Чельцов-Бебутов М. А. Советский уголовный процесс. 4-е изд., испр. и перераб. М. : Юридическая литература, 1962.
8. Толковый словарь русского языка / под ред. Д. Н. Ушакова (1935-1940) // Фундаментальная электронная библиотека. URL: <https://kartaslov.ru>.

Бастрыкин А. А.¹,

курсант международно-правового факультета
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

Щербакова П. А.²,

курсант международно-правового факультета
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель: **Панфилов П. О.,**

старший преподаватель кафедры уголовного процесса
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук

УГРОЗЫ ЭКСТРЕМИЗМА И РОЛЬ СЛЕДСТВЕННОГО КОМИТЕТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПО ПРОТИВОДЕЙСТВИЮ ЭКСТРЕМИЗМУ

Риски возникновения и распространения идеологии экстремизма в Российской Федерации создают угрозу национальной безопасности и целостности государства [7], снижают гарантии защищенности прав и законных интересов граждан. Как отмечено в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, экстремистские проявления оказывают дестабилизирующее влияние на общественную обстановку [9], в связи с чем требуется эффективная работа правоохранительных органов по выявлению, раскрытию и расследованию преступлений экстремистской направленности. Деятельность правоохранительных органов в вопросе противодействия экстремизму приобретает особую актуальность с учетом неуклонного роста преступлений в этой сфере. Так, за 2021 г. прирост преступлений, экстремистской направленности составил 26,89 % [12]. Как отмечено Председателем Следственного комитета Российской Федерации, динамика преступлений в период с 2007 по 2020 г. свидетельствует об устойчивом ежегодном росте не только преступлений экстремистской направленности, но и террористического характера [2]. Терроризм, являясь крайней формой проявления экстремизма, имеет своей целью устрашения населения с тем, чтобы оказать воздействие на принятие решений органами государственной власти, органами местного самоуправления или международными организациями.

Основные способы противодействия экстремизму и терроризму зависят от его форм и методов осуществления. Так, специалисты выделяют следующие формы экстремистской деятельности:

– религиозный экстремизм (действует под видом вовлечения в религию, тем самым зарождавая безнравственные принципы, влекущие вред и негатив интересам лиц или общества в целом, заключающиеся в коренном уничтожении общепризнанных норм права и морали) [13];

¹ © Бастрыкин А. А., 2023.

² © Щербакова П. А., 2023.

- этнический экстремизм (в основе противоречие между признанием естественного права населения самим определять свою жизнь, судьбу и принципом всеобщего единства и территориальной монолитности государства) [14];
- социальный экстремизм (посягает на общественные устои, социальную справедливость в обществе);
- молодежный экстремизм (воздействие на молодежь, подверженную влиянию новым политическим и идеологическим направлениям и движением) [4];
- экстремизм в сфере миграционных отношений (радикальные действия миграционных объединений и отдельных иностранных граждан) [15];
- терроризм как крайняя форма проявления экстремизма.

Каждая из приведенных выше форм не только подрывает основы конституционного строя, но и влечет острые общественно опасные явления, негативно влияющие на функционирование государства и общество.

Являя собой преданность крайним взглядам и действиям, которые отрицают существование в обществе норм и правил, экстремизм тем самым угрожает правовому государству, т. к. экстремистская деятельность направлена на разрушение правовых основ государства.

Экстремизм не лишен идеологии. Напротив, в своем фундаменте он содержит ее такую, которая основывается на исключительности, превосходстве индивида как в расовой, социальной, языковой, религиозной сферах жизни общества. Его взгляды и принципы культивируют ненависть (идеологическую, политическую, расовую) к какой-то выбранной социальной группе. Такая идеология затрудняет борьбу с его проявлениями в Российской Федерации в силу того, что наша страна является многонациональным и многоконфессиональным государством. Это повышает актуальность предотвращения и прекращения его проявлений.

В настоящее время можно выделить следующие тенденции в экстремистской деятельности.

Во-первых, одной из серьезных негативных угроз экстремизма является его проявление в молодежной среде [2], вовлечение в преступные ряды несовершеннолетних лиц. Именно молодое поколение больше всего подвержено пропаганде ввиду отсутствия теоретической и правовой подготовки, склонно неправильно интерпретировать идеи религиозных течений, справедливости и других подлинных истин. Неокрепшая психика молодых людей сильнее подвержена экстремистским убеждениям, как отмечают исследователи, их легче склонить к радикальным действиям [3].

Во-вторых, лица, совершающие действия экстремистской направленности, используют для вовлечения в преступную деятельность недовольство населением социальными проблемами. В таких случаях экстремисты придают своим действиям окраску социального протеста. Это делается с целью привлечения в радикальные ряды новых сторонников, в том числе такие действия осуществляются оппозиционными политиками, с целью насильственного изменения государственного строя.

В-третьих, сегодня наибольшей актуальностью распространению экстремизма в России являются вопросы, связанные с внешним фактором. Здесь идеология направлена на разрушение наших традиционных нравственных ценностей, уклад общества, историю [10].

Экстремизм направлен на разрушение действующего общественного и государственного строя, осуществление происходит в форме действий, являющихся преступными, что требует соответствующего реагирования со стороны специализированных органов, осуществляющих раскрытие и расследование преступлений.

В уголовном законодательстве Российской Федерации существуют специальные нормы, предусматривающие ответственность за действия экстремистской направленности, к ним относятся ст.ст. 280, 282, 282.1 УК РФ. Экстремизм имеет публичный характер. Затрагиваемые им вопросы значимы для общества и направлены в сторону широкого круга лиц. Однако стоит заметить, что личные убеждения человека, не находящие выражения в общественной активности, не будут содержать признаков преступления.

Согласно правовой позиции, изложенной в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2011 г. № 11 [11] преступления, предусмотренные ст.ст. 280, 280.1, 282 УК РФ, совершаются только с прямым умыслом и с намерением побудить других лиц к осуществлению экстремистской деятельности. Размещение лицом на странице в социальных сетях материала, ранее признанного судом экстремистским, может быть квалифицировано по указанным выше статьям УК РФ только, если лицо осознавало направленность своих действий на нарушение основ конституционного строя, а также имело намерение побудить других лиц к осуществлению экстремистской деятельности, возбудить ненависть или вражду.

Доказывание данного факта требует производства комплекса действий, направленных на установление обстоятельств совершенного преступления, слаженной работы правоохранительных органов в данном направлении.

Основную работу по доказыванию фактов преступной деятельности в сфере экстремизма осуществляют органы государственной безопасности, органы внутренних дел, Следственный комитет Российской Федерации. От слаженной работы правоохранительных органов зависит успех деятельности, направленной на противодействие экстремизму. Как было отмечено Председателем Следственного комитета Российской Федерации А. И. Бастрыкиным, эффективное взаимодействие Роскомнадзора и правоохранительных органов позволило ограничить доступ к 66,5 тыс. материалов террористического содержания, а также была пресечена деятельность 110 иностранных граждан, осуществлявших их распространение в сети Интернет [2].

Следственный комитет Российской Федерации является федеральным государственным органом, который осуществляет полномочия в сфере уголовного судопроизводства, а также иные полномочия в соответствии с законодательством [8].

Основополагающей целью Следственного комитета Российской Федерации являются расследование преступлений, отнесенных в соответствии со ст. 151

УПК РФ к его подследственности, проведение проверок в порядке ст.ст. 144, 145 УПК РФ по сообщениям о совершении преступлений указанной категории.

Как представляется, наиболее актуальными и перспективными направлениями деятельности Следственного комитета Российской Федерации по противодействию экстремизму являются следующие:

1) профилактика экстремистских проявлений (работа с молодежью, полное и всестороннее установление обстоятельств совершенного преступления экстремистской направленности, придание гласности информации о лицах, в отношении которых вынесен и вступил в законную силу приговор суда);

2) принятие мер политического характера (выработка предложений и продвижение отдельных элементов в сфере политики государства по противодействию экстремизму);

3) правового характера (участие в подготовке и рассмотрении проектов нормативных правовых актов, которые поступают из различных государственных органов и направлены на урегулирование различных аспектов противодействия экстремизму, включая разработку и принятие уголовно-правовых запретов, работа над совершенствованием уголовно-процессуального законодательства, связанного с процедурой привлечения к ответственности). Как отмечает М. А. Алпеева, уголовно-процессуальные меры противодействия экстремизму включают общий порядок и особенности возбуждения уголовных дел о преступлениях экстремистской направленности, их расследования и судебного производства [1, с. 45].

Между тем указанные меры могут иметь как законотворческую направленность, связанную с совершенствованием УПК РФ, так и практическую, связанную с повышением эффективности деятельности правоприменителя.

В части совершенствования правоприменительной практики самостоятельную проблему составляет вовлечение в данную преступную деятельность все большее число людей молодого и подрастающего поколения. Это требует использования современных средств информационной работы с молодежью, используя социальные сети и мессенджеры, например, подачи информации о выявленных и расследованных преступлениях в форме постов с фотографиями, размещенными в ленте группы или паблика. Немаловажным является привлечение к информационной работе с молодежью лидеров общественных мнений, которые на своих страницах, в каналах социальных сетей и группах могли бы вести информационную и разъяснительную работы, направленные на профилактику действий экстремистской направленности.

Анализ правоприменительной практики позволяет констатировать низкий уровень взаимодействия и обмена информацией между сотрудниками следственных подразделений и оперативных служб, что влечет предоставление таких результатов оперативно-разыскной деятельности, которые содержат информацию либо не относящуюся, либо слабо относящуюся к предмету доказывания. В связи с этим необходимо повышать эффективность взаимодействия посредством проведения дополнительных совещаний, заслушиваний, а также других форм обмена информацией, в том числе с применением ведомственных сервисов электронного взаимодействия.

Что касается законотворческого процесса, то здесь перед законодателем стоит комплекс задач как по правовой регламентации криптовалюты, которая используется для финансирования терроризма и экстремизма (в связи с этим целесообразно рассмотрение вопроса о введении отдельных специальных стандартов доказывания и механизмов определения стоимости криптовалюты в уголовно-процессуальную деятельность) [5, с. 559], так и по усилению уголовной ответственности за вовлечение несовершеннолетних в совершения преступлений экстремистской направленности [6].

Таким образом, возникновение и распространение идеологии экстремизма среди несовершеннолетних, являясь угрозой государственной безопасности и правопорядку, требуют применения комплекса мер правового, политического и профилактического характера в молодежной среде с учетом цифровизации общественных отношений в условиях внешнеполитических вызовов и угроз. При этом правовые меры должны учитывать, как необходимость совершенствования нормативного правового регулирования, так и правоприменительной деятельности.

Список литературы

1. Алпеева М. А. Современные тенденции уголовно-процессуального обеспечения мер противодействия экстремизму и терроризму // Мониторинг правоприменения. 2016. № 4 (21).
2. Бастрыкин А. И. Противодействие Следственного комитета Российской Федерации терроризму и экстремизму // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. Серия 14. Право. 2021. № 4.
3. Буданов С. А., Колесников Р. В. Молодежный экстремизм: особенности структуры личности преступника // Вестник Воронежского института МВД России. 2022. № 1.
4. Ефанова Е. В. Молодежный экстремизм как форма политического протеста // Власть. 2011. № 8.
5. Панфилов П. О. Уголовно-правовая охрана оборота криптовалюты как осознанная необходимость в условиях цифровизации экономических отношений // Развитие учения о противодействии расследованию преступлений и мерах по его преодолению в условиях цифровой трансформации : сборник научных статей / под ред. Ю. В. Гаврилина, Ю. В. Шпагиной. М. : Академия управления МВД России, 2021.
6. Интервью Председателя Следственного комитета Российской Федерации А. И. Бастрыкина 14 января 2022 г. URL: <https://sledcom.ru/press/interview/item/-1646758/?print=1>.
7. Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» (ред. от 14.07.2022) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 30. Ст. 3031.
8. Федеральный закон от 28 декабря 2010 г. № 403-ФЗ «О Следственном комитете Российской Федерации» (ред. от 20.10.2022) // Российская газета. 2010. № 296. 30 дек.

9. Указ Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2021. № 27 (ч. II). Ст. 5351.

10. Указ Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2022. № 46. Ст. 7977.

11. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2011 г. № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» (ред. от 28.10.2021) // Российская газета. 2011. № 142. 4 июля.

12. Портал правовой статистики Генеральной прокуратуры Российской Федерации. URL: http://crimestat.ru/offenses_map.

13. Экстремизм: понятие, виды // Центр содействия государству в противодействии экстремистской деятельности. URL: <https://www.csgped.ru/protivodejstvie/ekstremistskaja-dejatelnost/ekstremizm-ponjatie-vidy.html>.

14. Об особенностях проявления этнического экстремизма и меры противодействия. URL: <https://vernadskogo.mos.ru/counter-terrorism/about-the-features-of-manifestations-of-ethnic-extremism-and-counter-measures/>.

15. Профилактика экстремизма в межэтнических и межконфессиональных отношениях. URL: <https://kuntsevo.mos.ru/counter-terrorism/extremism/prevention-of-extremism-in-the-field-of-interethnic-and-interfaith-relations.php>.

Буй Тхиен Тхьонг¹,
 адъюнкт факультета подготовки
 научно-педагогических и научных кадров
 Московского университета
 МВД России имени В.Я. Кикотя

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ СЛЕДОВАТЕЛЯ С ПРОКУРОРОМ ПРИ ПРИВЛЕЧЕНИИ ЛИЦА В КАЧЕСТВЕ ОБВИНЯЕМОГО (СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИИ И ВЬЕТНАМА)

Предварительное расследование является важной стадией в уголовно-процессуальной деятельности государственных органов и должностных лиц, осуществляющих уголовное преследование, в целях доказывания факта совершенного преступления и установления лица, виновного в его совершении, посредством собранных доказательств. Данная стадия также является одной из важнейших гарантий реализации принципа неотвратимости ответственности при практическом применении уголовно-процессуального законодательства.

В то же время расследование уголовно наказуемых деяний способствует устранению еще одной крайности в уголовно-процессуальной деятельности – это необоснованное и незаконное принятие решений о привлечении невиновного лица к уголовной ответственности, что исключает ряд негативных последствий на последующих стадиях уголовного судопроизводства.

Привлечение в качестве обвиняемого является обязательным этапом предварительного следствия. Данное процессуальное действие в России начинается с вынесения постановления о привлечении в качестве обвиняемого (ст. 171 УПК РФ).

Сохраняя требование обоснованности постановления о привлечении в качестве обвиняемого, закон не требует приведения в нем доказательств, на которых основывается обвинение. Такое решение законодателя хотя и вытекает из условия тайны предварительного расследования, но затрудняет проверку постановления руководителем следственного органа и прокурором, т. к. ч. 9 ст. 172 УПК РФ обязывает следователя направить копию постановления о привлечении в качестве обвиняемого прокурору.

Именно из обязательности приведения оснований привлечения лица в качестве обвиняемого М. А. Чельцовым делался вывод о том, что «следователь должен сослаться на доказательства» [3, с. 275]. Напротив, М. С. Строгович полагал, что «возможно ограничиться перечислением доказательств, не излагая их содержание» [2, с. 301].

В соответствии с ч. 2 ст. 175 УПК РФ если в ходе предварительного следствия предъявленное обвинение в какой-либо его части не нашло подтверждения, то следователь своим постановлением прекращает уголовное преследование в соответствующей части, о чем уведомляет обвиняемого, его защитника, а также прокурора.

¹ © Буй Тхиен Тхьонг, 2023.

Процедура привлечения в качестве обвиняемого во Вьетнаме практически похожа с процессуальным порядком, который действует и успешно апробирован в России. Так, при наличии достаточных оснований для установления того, что лицо совершило преступление, в соответствии с положениями Уголовно-процессуального кодекса Социалистической Республики Вьетнам (УПК СРВ), следователь выносит постановление о привлечении обвиняемого к ответственности.

Преследование обвиняемых в основном осуществляется следственными органами. На народную прокуратуру возложена обязанность поддержания обвинения в суде и надзора за судебным преследованием обвиняемых. В течение 24 часов после вынесения постановления о привлечении в качестве обвиняемого следователь обязан направить данное постановление и документы, связанные с ним, прокурору того же уровня для рассмотрения и утверждения. В трехдневный срок со дня получения постановления о привлечении обвиняемого к ответственности прокурор должен принять решение об утверждении или об отмене постановления о привлечении обвиняемого к уголовной ответственности либо истребовать дополнительные доказательства и документы в качестве основания для привлечения в качестве обвиняемого и направить их следователю. В случае если имеется истребование прокурора о дополнительных доказательствах и документах, то в течение трех дней со дня получения дополнительных доказательств и документов прокурор обязан вынести постановление об утверждении или отмене постановления о возбуждении уголовного дела в отношении обвиняемого (ст. 179 УПК СРВ).

Однако прокурор также имеет право на привлечение лица в качестве обвиняемого в случае, когда прокурор уже выдвинул требование на привлечение в качестве обвиняемого, но следователь этого не сделал; либо после получения материалов и заключения по расследованию уголовного дела прокурор обнаружил, что следователь не привлек других соучастников к уголовной ответственности [1, с. 40–41]. В таких случаях прокурор выносит постановление о привлечении в качестве обвиняемого и возвращает уголовное дело в следственный орган (следователю) для дополнительного расследования.

После вынесения постановления о привлечении в качестве обвиняемого (в том числе постановления об его изменении или дополнении) следователь обязан незамедлительно направить его прокурору того же уровня для рассмотрения и утверждения. Прокурор народной прокуратуры обязан вынести постановление об утверждении данного решения следователя и направить постановление в следственный орган в установленный законом срок, а при недостаточности доказательств и документов для утверждения прокурор требует от следователя дополнить данное постановление доказательствами и документами. В случае вынесения прокурором постановления о привлечении в качестве обвиняемого оно также должно быть передано в следственный орган для расследования. Таким образом, взаимодействие между следственным органом и народными прокуратурами при привлечении к ответственности обвиняемых в основном проявляются путем пересылки друг другу соответствующих документов.

После получения постановления прокуратуры об утверждении постановления о привлечении в качестве обвиняемого следователь обязан незамедлительно

предъявить данное постановление с разъяснением прав и обязанностей обвиняемому. При этом производится видеозапись данного процессуального действия, делается фото лица, в отношении которого ведется уголовное преследование, и все материалы приобщаются к материалам дела. Указанные действия оформляются письменно в протоколе о вручении и получении постановления о привлечении в качестве обвиняемого в соответствии со ст. 133 УПК СРВ.

При осуществлении прокурорского надзора прокурор народной прокуратуры вправе отменить постановление органа следствия о привлечении в качестве обвиняемого, изменить или дополнить его, если обнаружит, что оно вынесено без законных оснований; требовать от следователя дополнения документов и доказательств, связанных с привлечением к ответственности обвиняемого для рассмотрения и утверждения. Решения и требования прокуроров народных прокуратур должны быть оформлены в письменной форме, и следователи обязаны их выполнять.

На вопрос о том, необходимо ли следователя во Вьетнаме наделить правом обжалования в суд решения прокурора об отмене постановления о привлечении в качестве обвиняемого, были получены следующие ответы. Да, необходимо обжаловать данное решение прокурора в суд – 14,8 %; нет, т. к. существующий порядок осуществления прокурорского надзора эффективен – 85,2 %. Полученные данные объясняются, по нашему мнению, строгим партийным самосознанием следователей во Вьетнаме и осмыслением единственного верного и уже успешно апробированного процессуального порядка предъявления обвинения.

Основываясь на вышеизложенном, представляется целесообразным и обоснованным сделать вывод о том, что процедура привлечения лица в качестве обвиняемого во Вьетнаме в целом схожа с аналогичным порядком производства данного процессуального действия в России.

Список литературы

1. Фан Тхи Тхань Там. Обеспечение права на защиту обвиняемого в уголовном законодательстве Вьетнама // Вестник народной полиции. 2021. С. 40–44.
2. Строгович М. С. Уголовный процесс : учебник. М. : Юридическое издательство МЮ СССР, 1946.
3. Чельцов М. А. Советский уголовный процесс : учебник. 2-е изд., перераб. М., 1951.

Горбатов И. М.¹,
*адъюнкт факультета подготовки
научно-педагогических и научных кадров
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя*

К ВОПРОСУ ОБ АЛЬТЕРНАТИВНЫХ СПОСОБАХ ИЗБРАНИЯ ДОМАШНЕГО АРЕСТА

Одним из принципов уголовного судопроизводства является неприкосновенность личности (ст. 10 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (УПК РФ), который означает, что никто из участников уголовного судопроизводства не может быть подвергнут необоснованному ограничению свободы.

Немаловажным средством обеспечения реализации данного принципа является совокупность действий дознавателя, следователя и суда по созданию правовых условий для применения мер пресечения, исчерпывающий перечень которых установлен ст. 98 УПК РФ.

Особое место среди мер пресечения, избираемых по судебному решению, занимает домашний арест (ст. 107 УПК РФ), содержанием которого является нахождение подозреваемого или обвиняемого в полной или частичной изоляции от общества в жилом помещении или строении, используемом для постоянного или временного проживания, в том числе специально нанятом или представленном третьей стороной, с возложением установленных законом запретов, ограничивающих конституционные права и свободы, и осуществлением соответствующего контроля в целях воспрепятствования продолжения преступной деятельности и уклонения от отбывания наказания, а также реализации назначения уголовного судопроизводства.

Статьей 107 УПК РФ установлен императивный судебный порядок избрания домашнего ареста. Аналогичные положения применяются уголовно-процессуальным законодательством многих других государств (Азербайджанская и Французская республики, республики Казахстан, Молдова, Федеративная Республика Германия и др.).

Вместе с тем следует отметить, что анализ домашнего ареста в контексте его исторического развития и зарубежного опыта свидетельствует о наличии других способов избрания данной меры пресечения.

Так, Устав уголовного судопроизводства Российской Империи от 20 ноября 1864 г. [9] возлагал полномочия по избранию домашнего ареста на судебного следователя, УПК РСФСР 1922 г. (ст. 149 УПК РСФСР) [2] и 1923 г. (ст. 146 УПК РСФСР) [3] предусматривал избрание домашнего ареста по постановлению следователя, ведущего расследование.

В современных реалиях альтернативные способы избрания домашнего ареста используются в Латвийской Республике, где основанием для его назначения может являться как судебное решение, так и постановление следственного судьи [6].

¹ © Горбатов И. М., 2023.

Уголовно-процессуальным законодательством Республики Кыргызстан [8] и Китайской Народной Республики [7] предусмотрена возможность избрания домашнего ареста не только судом, но и прокурором или следователем. В США в неотложных ситуациях органами прокуратуры и полиции может применяться любая мера пресечения с судебским подтверждением в дальнейшем [15, с. 9].

Согласно ч. 1 ст. 125, ч. 4 ст. 126 УПК Республики Беларусь право на избрание домашнего ареста принадлежит соответствующим прокурорам, председателям Следственного комитета Республики Беларусь, Комитета государственной безопасности Республики Беларусь или лицам, исполняющим их обязанности [4].

Анализом юридической литературы и следственной практики установлено, что домашний арест по своей сути предполагает, как полную, так и частичную (неполную) изоляцию обвиняемого или подозреваемого с нахождением по месту проживания с установлением определенных ограничений и запретов в личной свободе [11, с. 11]. Соответственно, применение домашнего ареста может реализовываться в двух формах: строгой (когда устанавливается полная изоляция обвиняемого или подозреваемого) и мягкой, реализуемой в форме неполной изоляции (когда предоставляется возможность покидать место исполнения домашнего ареста) [13, с. 33; 14, с. 10].

Представляется, что в случае полной изоляции подозреваемый или обвиняемый изолируется от неограниченного круга иных лиц, не только совместно с ним не проживающих, но и находящихся на территории России и иных стран, телекоммуникационная связь с которыми возможна при использовании информационных технологий, что автоматически влечет запрет посещать работу, учебу и другие подобные заведения. Следовательно, решение о избрании домашнего ареста в условиях полной изоляции должно приниматься исключительно судом.

Так, решением Октябрьского районного суда г. Белгорода от 18 ноября 2020 г. гр-ну Игнат И., обвиняемому в совершении преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 30, п. «г» ч. 4 ст. 228.1 УК РФ, при избрании ему домашнего ареста, запрещалось выходить из дома, общаться со свидетелями по уголовному делу, отправлять и получать почтово-телеграфную корреспонденцию, использовать средства связи и сеть Интернет.

В то же время анализ судебной практики свидетельствует о том, что степень изоляции может быть и менее строгой, а в некоторых случаях – вообще может устанавливаться следователем самостоятельно.

Так, Гагаринским городским судом г. Москвы 18 октября 2022 г. в отношении Н. Я. Шаркрози, подозреваемого в совершении преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 30, ч. 3 ст. 159 УК РФ, избран домашний арест с возложением запрета не выходить за пределы жилого помещения без письменного разрешения следователя. 31 января 2023 г. срок домашнего ареста продлен с сохранением ранее наложенных запретов.

Судьей Заволжского районного суда г. Твери 22 февраля 2023 г. продлен срок домашнего ареста И. И. Коваль, обвиняемой в совершении преступлений, предусмотренных чч. 2, 3 ст. 159 УК РФ. На обвиняемую наложен запрет покидать пределы жилого помещения без письменного разрешения следователя.

Суд, единожды приняв решение о применении меры пресечения в виде домашнего ареста, фактически делегирует следователю полномочия самостоятельно устанавливать в дальнейшем режим ее непосредственного исполнения. Следовательно, возникает вполне обоснованный вопрос о целесообразности получения такого судебного решения.

Анализируя процессуальный порядок избрания домашнего ареста, следует обратить внимание на то, что в научной литературе высказаны точки зрения о допустимости избрания во внесудебном порядке некоторых других альтернативных мер пресечения, избираемых в настоящее время по судебному решению.

Например, И. В. Головинская [10, с. 62], А. А. Сумин [16, с. 228] высказываются о возможности избрания запрета, предусмотренного п. 1 ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ (запрет покидать жилое помещение в определенное время), без судебного решения, в случае такого избрания привлекаемое к уголовной ответственности лицо должно обладать статусом обвиняемого.

Таким образом, домашний арест в форме частичной изоляции предусматривает менее строгие ограничения и делает его схожим с подпиской о невыезде и надлежащем поведении.

С учетом складывающейся следственной и судебной практики, предусматривающей фактическое существование двух форм домашнего ареста, полагаем, что процессуальный порядок его избрания следует дифференцировать с учетом степени строгости налагаемых ограничений.

Список литературы

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.
2. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР : принят постановлением Всесоюзного центрального исполнительного комитета от 25 мая 1922 г. // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_3275/.
3. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР, принятый постановлением Всесоюзного центрального исполнительного комитета от 15 февраля 1923 г. // Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского правительства. 1923. № 7. Ст. 106.
4. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь (по состоянию на 8.02.2021). URL: http://base.spininform.ru/base_info.fwx.
5. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Франция (по состоянию на 28.10.2022). URL: https://www.legifrance.gouv.fr/codes/section_lc/.
6. Уголовно-процессуальный кодекс Латвийской республики (по состоянию на 8.02.2021). URL: http://www.pravo.lv/likumi/29_upz.html.
7. Уголовно-процессуальный кодекс Китайской народной Республики. URL: <https://www.mfa.gov.cn/ce/cerus/rus/zfhz/zgflyd/t1330729.htm>.
8. Уголовно-процессуальный кодекс Кыргызской Республики (по состоянию на 8.02.2021). URL: http://base.spininform.ru/base_info.fwx.

9. Устав уголовного судопроизводства // НПП «Гарант-сервис». URL: [https://-constitution.garant.ru/history/act1600-1918/3137](https://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/3137).
10. Головинская И. В. О расширении перечня мер пресечения // Территория науки. 2018. № 2.
11. Капинус Н. Н. Процессуальные гарантии прав личности при применении мер пресечения в уголовном процессе : монография. М. : Буквояд, 2007.
12. Овчинников Ю. Г. Домашний арест как мера пресечения в уголовном процессе : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09. Омск : Омская академия МВД России, 2006.
13. Мельников В. Ю. Обеспечение и защита прав человека при применении мер процессуального принуждения в досудебном производстве Российской Федерации : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.09. М. : Российский университет дружбы народов, 2014.
14. Русман Г. С. Судебный контроль за применением мер пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09. Челябинск : Южно-Уральский государственный университет, 2006.
15. Смагина Н. А. Домашний арест и заключение под стражу на примере США и Великобритании // Международное уголовное право и международная юстиция. 2022. № 2. С. 9–11.
16. Сумин А. А. К вопросу о продлении срока задержания подозреваемому // Вестник экономической безопасности. 2022. № 3. С. 228–230.

*Демичева Т. С.¹,
адъюнкт факультета подготовки
научно-педагогических и научных кадров
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя*

ПЕРСПЕКТИВЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ ПРИ ПРОВЕРКЕ СООБЩЕНИЯ О ПРЕСТУПЛЕНИИ

Одной из основных задач правоохранительных органов является борьба с преступностью, которая активнее уходит в цифровое пространство, в связи с чем требуется эффективное использование имеющихся современных средств и методов раскрытия и расследования преступлений. Одним из возможных способов совершенствования уголовно-процессуальной деятельности, по нашему мнению, является использование информационных технологий при проверке сообщения о преступлении. Это позволит ускорить решение задач, реализуемых на стадии возбуждения уголовного дела.

Понятие информационных технологий включает в себя процессы, методы поиска, сбора, хранения, обработки, предоставления, распространения информации, а также способы осуществления таких процессов и методов [1]. Информационные технологии при проверке сообщения о преступлении, как правило, используются в результате осуществления взаимодействия правоохранительных органов и других организаций посредством направления соответствующих запросов, при производстве осмотра места происшествия, поиске информации путем доступа к криминалистическим, оперативно-справочным и розыскным учетам. В настоящее время учеными выделяются различные пути оптимизации деятельности по проверке сообщения о преступлении за счет использования информационных технологий.

Наиболее распространенным следственным действием, осуществляемым при проверке сообщения о преступлении, является осмотр места происшествия. Нередки случаи, когда требуется осмотр больших участков местности, например, при необходимости осмотра дорожно-транспортного происшествия (ДТП), мест техногенных происшествий или места экологического преступления. В подобных случаях уже имеется практика использования беспилотных летательных аппаратов (далее – БПЛА). По нашему мнению, использование БПЛА возможно с целью фиксации всех подробностей места, подлежащего осмотру, что положительно скажется на сроках и качестве производства данного следственного действия.

Как было отмечено ранее, эффективно использование БПЛА при осмотре ДТП на больших участках местности, т. к. использование лишь фотофиксации не позволит в полной мере отразить обстановку места происшествия, что может в дальнейшем создать сложности при оценке доказательств. Существуют ситуации, когда проведение осмотра места происшествия невозможно в силу опасности нахождения на территории лиц, участвующих в следственном действии,

¹ © Демичева Т. С., 2023.

например, при осмотре места пожара, когда возможно обрушение сгоревших конструкций. В таком случае использование БПЛА для определения, например, очага пожара становится необходимым. Использование данных, полученных с БПЛА, сводится не только к видео- или фотофиксации обстановки места происшествия, но также и к возможности составления 3D модели, позволяющей отразить все детали осматриваемой местности. О возможности использования средств 3D сканирования указывают А. Н. Сретенцев и Д. Н. Сретенцев, которые отмечают положительный опыт их применения при производстве следственных действий в г. Москве, Санкт-Петербурге, а также Челябинской, Омской областях и др. [3, с. 21].

Интересным представляется предложение Ю. В. Гаврилина и А. В. Победкина о совершенствовании процессуальной формы осмотра путем закрепления в уголовно-процессуальном законе такого нового вида осмотра, как дистанционный осмотр информационных ресурсов [2, с. 111]. Данное следственное действие позволит осматривать сайты социальных сетей, блогов, интернет-сервисов и другую информацию, хранящуюся в сети Интернет. Особенно актуальным оно будет в случае нахождения сервера за пределами юрисдикции Российской Федерации.

Одним из актуальных вопросов совершенствования этапа рассмотрения сообщения о преступлении является процесс формирования договорной правовой базы информационного взаимодействия в электронном виде органов внутренних дел с кредитными организациями, провайдерами сети Интернет, операторами связи. Особенно заметна данная проблема при проверке сообщений о преступлениях, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий. Предоставление ответов кредитных организаций, операторов сотовой связи на запросы осуществляется в сроки, которые часто превышают сроки осуществления проверки сообщения о преступлении. Решение данной проблемы осуществляется путем электронного взаимодействия, исключающего направление запросов на бумажных носителях, а именно при помощи единой системы межведомственного электронного взаимодействия (далее – СМЭВ), которая позволяет правоохранительным органам осуществлять информационное взаимодействие в электронной форме с участниками данной системы, к которым относятся, например, Федеральная налоговая служба. Система обеспечивает высокую степень защиты информации, обмен происходит по защищенным каналам связи и осуществляется с помощью электронных цифровых подписей. Однако обмен информацией в электронном виде с кредитно-финансовыми учреждениями посредством СМЭВ в настоящее время не осуществляется. В октябре 2022 г. Президентом Российской Федерации был подписан Федеральный закон от 20 октября 2022 г. № 408-ФЗ «О внесении изменений в статью 26 Федерального закона “О банках и банковской деятельности” и статью 27 Федерального закона “О национальной платежной системе”», в соответствии с которым с октября 2023 г. обмен данными между МВД России и банками будет осуществлен в автоматическом режиме. Это позволит правоохранительным органам получить доступ к информации об операциях, проведенных без согласия клиентов банка, а также по сомнительным операциям. Данные изменения позволят оперативно расследовать преступления, связанные с дистанционным хищением денежных средств.

Особый интерес в современном мире проявлен к технологиям нейросети.

Нейросети позволяют обрабатывать и анализировать большие массивы данных по множеству вопросов, некоторые способны имитировать человеческую речь, основываясь на анализе больших данных, формировать оригинальные решения на поставленные перед ними задачи. Перспективным направлением совершенствования этапа проверки сообщения о преступлении может быть внедрение элементов искусственного интеллекта. Например, элементы нейросети используются и функционируют в Московском метрополитене и аэропорте. Система, анализируя поток информации, полученной с камер видеонаблюдения, способна распознавать лица, имеющиеся в базе правоохранительных органов, что позволяет оперативно выявлять лиц, находящихся в розыске, а также способствует раскрытию преступлений по горячим следам.

Использование информационных технологий при проверке сообщений о преступлениях является перспективным направлением в работе правоохранительных органов, что может положительно повлиять на результаты работы и эффективность борьбы с преступностью. Однако существует необходимость разработки согласованных правовых гарантий, регулирующих использование цифровых технологий, с целью исключения рисков цифровизации уголовного процесса.

Список литературы

1. Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 31 (ч. 1). Ст. 3448.
2. Гаврилин Ю. В., Победкин А. В. Собираание доказательств в виде сведений на электронных носителях в уголовном судопроизводстве России: необходимо совершенствование процессуальной формы // Труды Академии управления МВД России. 2018. № 3. С.106–114.
3. Сретенцев А. Н. Использование современных средств фиксации криминалистически-значимой информации в расследовании преступлений : учебно-практическое пособие. Орел : Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова, 2020.

Жиделев А. Д.¹,

заместитель начальника

Управления экономической безопасности

и противодействия коррупции

УМВД России по Брянской области,

соискатель кафедры

уголовно-процессуального права и криминалистики

Брянского государственного университета

имени академика И.Г. Петровского

ПОНЯТИЕ, ПРИЗНАКИ И ЗНАЧЕНИЕ МЕР ПРЕСЕЧЕНИЯ, ЗАКРЕПЛЕННЫХ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

На всех этапах развития института мер пресечения в отечественном уголовном судопроизводстве их содержание, процедуры реализации претерпевали различного рода, по сути, спиралевидные изменения. Они вводились и исчезали из уголовно-процессуального законодательства на определенных этапах, затем некоторые появлялись вновь. При этом изменения нередко связывались с определенной социальной, политической и экономической ситуациями в государстве.

Вместе с тем, меняя содержание мер пресечения в уголовном процессе, отечественные законодатели воздерживались от раскрытия самого термина «мера пресечения», равно как и «меры процессуального принуждения». Действующий Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (УПК РФ) дает понятие «избрания меры пресечения» (п. 13 ст. 5) и «применения меры пресечения» (п. 29 ст. 5). При этом «избрание» отнесено к категории процессуальных решений, а «применение» – процессуальных действий. Как видно, они неразрывно связаны между собой, образуя последовательные этапы реализации института мер пресечения. Но для более четкого и единообразного понимания данного правового института необходимо его определение и закрепление в уголовно-процессуальном законодательстве.

Значение необходимости законодательного закрепления правовых институтов трудно переоценить. М. С. Строгович определял понятие как форму мышления, отражающую и фиксирующую существенные признаки вещей и явлений объективной действительности [16, с. 75].

Соглашаясь с указанной позицией, необходимо отметить, что, закрепляя законодательно понятие правового института, одновременно определяются его признаки, сущность и значение. Это минимизирует возможность произвольного толкования и его применения. На указанную проблематику еще в 2006 г. обращал внимание Председатель Конституционного Суда Российской Федерации В. Д. Зорькин, призывая законодателя устранять неясности и неточности закона [8].

Исследование закрепленного законодательно понятия «мера пресечения» позволяет выявить определенные указанные схожие и различные признаки, которые в своей единой взаимосвязи могут быть положены в основу законоопределения данного правового института в российском уголовном процессе.

¹ © Жиделев А. Д., 2023.

Это является поводом для активности доктринального толкования данного понятия. В российской доктрине на основе действующего уголовно-процессуального законодательства указывается, что понятие «мера пресечения» производна от «мера процессуального принуждения» ввиду соотношения их как общего и частного [11, с. 24]. По мнению О. П. Копыловой, последние гораздо шире и образуют определенную систему мер различного содержания и целевого назначения: пресечения возможного продолжения преступной деятельности подозреваемого или обвиняемого, а также уклонения их от следствия и суда, воспрепятствования иным способом производства по уголовному делу; доставления или обеспечения явки лиц в органы расследования и суд; обеспечения приговора в части имущественных взысканий [9, с. 8].

Ввиду этого необходимо прежде определить понятие мер уголовно-процессуального принуждения. Как уже указывалось, российский уголовно-процессуальный закон не дает данного понятия. Однако структура УПК РФ позволяет судить, что в содержание мер процессуального принуждения входят три института:

- задержание подозреваемого;
- меры пресечения;
- иные меры процессуального принуждения.

Как видно, российский законодатель намеренно отделяет правовой институт задержания подозреваемого от мер пресечения. Задержание может предшествовать избранию определенных мер пресечения, связанных с лишением свободы. Однако это не относится ко всем видам мер пресечения в уголовном судопроизводстве как обязательно предшествующая процедура.

В отечественной доктрине высказываются мнения, что под мерами уголовно-процессуального принуждения следует понимать применяемое при производстве по уголовному делу превентивное воздействие, направленное на обеспечение надлежащего поведения перечисленных в законе участников уголовного судопроизводства при наличии обстоятельств, вызывающих необходимость применения этого воздействия [6, с. 16]. Более широкое понятие, позволяющее определить признаки указанных мер, дает Б. Т. Безлепкин, называя их, предусмотренными УПК РФ, решениями и действиями дознавателя, следователя, прокурора, суда (судьи), которые принимаются и совершаются в отношении подозреваемого, обвиняемого, свидетеля, потерпевшего и других участников уголовно-процессуальных отношений в целях обеспечения процесса доказывания по уголовному делу, гражданскому иску и осуществления функций уголовного преследования и справедливого разрешения уголовного дела [2, с. 21].

А. В. Гриненко также выделяет определенные признаки мер уголовно-процессуального принуждения, указывая, что они могут быть применены только: в сфере уголовного судопроизводства и по возбужденному уголовному делу; уполномоченными на это субъектами процесса; при наличии обстоятельств, требующих применение этих мер; в отношении прямо перечисленных в законе лиц [4, с. 47–53].

Общей для всех мер уголовно-процессуального принуждения является возможность их применения независимо от воли и желания лица, в отношении которого они осуществляются [18, с. 289].

Учитывая изложенное, предлагается закрепить в ст. 5 УПК РФ понятие «меры процессуального принуждения» – «предусмотренные настоящим Кодексом принимаемые дознавателем, начальником подразделения дознания, начальником органа дознания, следователем, руководителем следственного органа, прокурором, а также судом, процессуальные решения и осуществляемые процессуальные действия, направленные на пресечение возможного продолжения преступной деятельности подозреваемого, обвиняемого или подсудимого, а также уклонения их от органов расследования и суда; воспрепятствования иным способом производству по уголовному делу; доставление или обеспечения явки лиц в органы расследования и суд; обеспечение приговора, неотвратимости наказания и возможной выдачи лица в порядке, предусмотренном статьей 466 настоящего Кодекса».

Из предложенной дефиниции можно выделить признаки определенной группы мер «пресекающего» характера. В своей совокупности они являются составной частью понятия «меры пресечения».

Некоторые авторы, специализирующиеся на изучении правового института уголовно-процессуальных санкций, относят к их категории меры пресечения. При этом свою позицию они обосновывают единством их целей – ограждение общества от опасных для него лиц и успешное осуществление правосудия [10, с. 66]. Так, под уголовно-процессуальными санкциями Г. Н. Ветрова понимает основанное на процессуальном законе поощрение за определенную заслугу или порицание совершившего процессуальное правонарушение, в котором проявляется положительная или отрицательная оценка поведения субъекта в сфере уголовного судопроизводства со стороны государства [3, с. 101]. Отчасти можно согласиться, что мерой пресечения обеспечивается успешное осуществление правосудия и в некоторых случаях общество ограждается от опасных для него лиц. Однако не всегда это именно санкция, что следует из ее дефиниции, приведенной этими же авторами. На различную сущность данных категорий указывают также другие авторы [7, с. 5–6].

И. Л. Петрухин предлагает понимать под мерами пресечения методы (способы) принудительного воздействия на уголовно преследуемое лицо (в основном на обвиняемого, но в ситуациях, определенных законом, и на подозреваемого) с тем, чтобы пресечь возможное негативное поведение такого лица, которое может отрицательно сказаться на достижении задач уголовного судопроизводства [14, с. 105]. Таким образом, автор отождествляет меры с методами (способами) уголовно-процессуального воздействия, определяет круг лиц, в отношении которых они могут быть применены, а также целевое назначение их реализации.

Действующий УПК РФ вполне четко определяет содержание указанных методов (способов). Так, в арсенале уполномоченных лиц имеются полномочия по принятию определенных процессуальных решений и выполнению процессуальных действий. Иных методов (способов) реализации мер закон не предусматривает.

На это же, но в части только процессуальных действий, указывает Н. В. Ткачева, давая определения понятию «меры уголовно-процессуального пресечения». Используя собственное название данного правового института, отличное от имеющегося в УПК РФ, она определяет его как процессуальные действия

по принудительному ограничению или лишению прав и свобод личности обвиняемого (подозреваемого), в том числе и с помощью морально-психологического воздействия, применяемые уполномоченными законом лицами на основаниях, указанных в УПК РФ, для обеспечения выполнения обвиняемым (подозреваемым) процессуальных обязанностей и превенции его нежелательного поведения, требующие строжайшего соблюдения законности [17, с. 12]. Достаточно интересным видится используемый автором по сути криминалистический институт морально-психологического воздействия в определении назначения мер пресечения. Кроме того, важно отметить, что применению меры пресечения, предшествует ее избрание, что четко закреплено в УПК РФ. Избрание меры пресечения выступает при этом процессуальным решением уполномоченных на то должностных лиц.

Отдельные авторы предлагают понимать под мерами пресечения разновидность мер уголовно-процессуального принуждения, которые применяются в установленном законом порядке к обвиняемому (в исключительных случаях – к подозреваемому) для обеспечения явки лица в органы расследования и суд, для пресечения продолжения преступной деятельности и воспрепятствования производству по делу, а также для исполнения приговора и возможной экстрадиции лица [1, с. 225]. В данном случае обращается внимание на то, что меры пресечения являются подвидом мер уголовно-процессуального принуждения, имеющими своим назначением, наряду с иными целями, возможную экстрадицию виновного лица. Это обуславливается взаимосвязанными нормами ч. 2 ст. 97 и ст. 466 УПК РФ в части обеспечения мерами пресечения возможной выдачи лица по запросу иностранного государства.

В. А. Михайлов под мерами пресечения понимает установленные законом меры государственного принуждения, с помощью которых путем ограничения личных прав и личной свободы обвиняемого, получения имущественных гарантий, личного или общественного поручительства, а также наблюдения, надзора, присмотра за обвиняемым устраняется возможность скрыться от дознания, органов следствия и суда, отлучиться без соответствующего разрешения с места жительства или временного нахождения, предупреждается, пресекается, нейтрализуется и устраняется неправомерное противодействие со стороны обвиняемого установлению истины по делу, обеспечивается его надлежащее поведение, исключающее совершение новых преступлений, своевременная явка по вызовам органов следствия, прокурора, суда, а также исполнение приговора [12, с. 105]. Указанное понятие приводится на момент действия УПК РСФСР 1960 г. с предусмотренными им мерами пресечения, однако своей актуальности в общем содержании не теряет. Автор достаточно полно описывает все признаки, присущие данному понятию.

Н. Г. Нарбикова также развернуто дает понятие «меры пресечения» – процессуальные средства, применяемые уполномоченными государственными органами и должностными лицами к обвиняемым (подозреваемым), в строгом соответствии с порядком и на основаниях закрепленных уголовно-процессуальным законом, при соблюдении их прав и законных интересов, в целях содействия быстрому и полному раскрытию преступления, обеспечения неотвратимости

уголовной ответственности за совершенное деяние, законность и обоснованность которых гарантируется судебным контролем и комплексом уголовно-процессуальных гарантий [13, с. 11–12]. В данной дефиниции сделан акцент на отождествление мер и средств, строго регулируемых законом и обеспеченных в том числе отдельно выделенным из уголовно-процессуальных гарантий способом – судебным контролем.

Некоторые исследователи утверждают, что меры пресечения, являясь составной частью мер уголовно-процессуального принуждения, обладают всеми их признаками (законностью, принудительностью, превентивностью, факультативностью, срочностью (временностью), а также конкретно определенным в законе кругом субъектов и объектов их применения) [15, с. 35–38].

Соглашаясь с приведенным мнением, можно отметить, что в число признаков мер пресечения, закрепленных в российском уголовно-процессуальном законодательстве, входят следующие:

- возможность применения их только по уголовному делу, за исключением случаев, предусмотренных ст. 466 УПК РФ;
- основания их применения, позволяющие полагать, что обвиняемый, подозреваемый или подсудимый скроется от дознания, предварительного следствия или суда; может продолжить заниматься преступной деятельностью; угрожать свидетелю, иным участникам уголовного судопроизводства, уничтожить доказательства либо иным путем воспрепятствовать производству по уголовному делу (ст. 97 УПК РФ); либо получение от иностранного государства запроса о выдаче лица, если при этом не представлено решение судебного органа об избрании в отношении данного лица меры пресечения в виде заключения под стражу (ст. 466 УПК РФ);
- субъекты их применения: дознаватель, начальник подразделения дознания, начальник органа дознания, следователь, руководитель следственного органа, прокурор, суд;
- объекты их применения: обвиняемый, подозреваемый, подсудимый или лицо, подлежащее возможной экстрадиции;
- применение только одной меры пресечения в отношении одного обвиняемого, подозреваемого, подсудимого или лица, подлежащего возможной экстрадиции, за исключением случаев, предусмотренных ч. 1.1 ст. 97 УПК РФ;
- необходимость учета при определении вида меры пресечения и избрании ее: тяжести преступления; сведений о личности лица, в отношении которого она избирается; его возраст, состояние здоровья, семейное положение, род занятий и другие обстоятельства.

Указанные признаки отделяют правовой институт мер пресечения от других уголовно-процессуальных механизмов. Это обособление придает особую значимость правовому институту мер пресечения в системе мер процессуального принуждения и уголовного судопроизводства в целом.

Список литературы

1. Уголовный процесс : учебник для вузов / [О. И. Андреева и др.]. Ростов н/Д : Феникс, 2015.
2. Безлепкин Б. Т. Уголовный процесс России : учебное пособие. М. : Проспект, 2004.
3. Ветрова Г. Н. Уголовно-процессуальная ответственность. Воронеж, 1984.
4. Гриненко А. В. Обоснованность задержания и заключения под стражу по УПК РФ // Журнал российского права. 2003. № 9. С. 47–53.
5. Громов Н. А., Полунин С. А. Санкции в уголовно-процессуальном праве России. М. : Городец, 1998.
6. Гуляев А., Зайцев О. Заключение под стражу на предварительном следствии // Законность. 2003. № 4. С. 16–18.
7. Дорошков В. В. Современный уголовный процесс и основные направления его совершенствования // Мировой судья. 2019. № 9. С. 5–7.
8. Законный брак: За ошибки законодателя расплачиваются граждане // Российская газета. 2006. Федеральный выпуск № 0 (4112). 7 июля.
9. Копылова О. П. Меры принуждения в уголовном процессе : учебное пособие. Тамбов : ТГТУ, 2011.
10. Коврига З. Ф. Уголовно-процессуальное принуждение. Воронеж, 1984.
11. Кутуев Э. К. Уголовно-процессуальное принуждение в досудебных стадиях : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.09. СПб. : Санкт-Петербургский университет МВД России, 2004.
12. Михайлов В. А. Меры пресечения в российском уголовном процессе : учебник для вузов М. : Право и закон, 1996.
13. Нарбикова Н. Г. Меры пресечения, связанные с ограничением свободы : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09. Челябинск : Южно-Уральский государственный университет, 2005.
14. Петрухин И. Л. Неприкосновенность личности и принуждение в уголовном процессе. М. : Наука, 1989.
15. Смирнова О. В., Янин М. Г. Определение понятия «меры пресечения» в уголовном процессе // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: Право. 2020. № 2. С. 35–38.
16. Строгович М. С. Логика. М., 1949.
17. Ткачева Н. В. Теория и практика мер пресечения, не связанных с заключением под стражу : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09. Челябинск : Южно-Уральский государственный университет, 2003.
18. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации : учебное пособие для вузов / отв. ред. П. А. Лупинская. М. : Юрист, 2003.

Коновалова Е. А.¹,
адъюнкт факультета подготовки
научно-педагогических и научных кадров
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
старший следователь по особо важным делам
СЧ по РОПД СУ УМВД России
по Тверской области

Научный руководитель: **Есина А. С.,**
профессор кафедры предварительного расследования
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент,
почетный сотрудник МВД России

ОБЫСК: ПРОБЛЕМЫ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШЕННЫХ ОРГАНИЗОВАННЫМИ ГРУППАМИ

Современная организованная преступность характеризуется ростом числа преступных организаций, расширением сфер их влияния, латентностью, высокой степенью организации, коррумпированностью и новыми способами совершения преступлений. Преступные организации вызывают страх в обществе, подрывают его нравственные основы и представляют угрозу национальной безопасности России, в связи с чем привлечение к уголовной ответственности членов указанных организованных групп вызывает определенную сложность.

В данной статье хотелось бы рассмотреть такое следственное действие, как обыск на примере расследования уголовных дел, совершенных организованными группами, обратить внимание на его специфику применительно к данной категории преступлений. Как правило, работа с подозреваемым начинается с обыска в его жилище и в принадлежащих ему нежилых помещениях, в связи с чем полнота собранных доказательств напрямую зависит от результативности проведенного обыска. Стоит отметить, что, расследуя уголовные дела о преступлениях, совершенных организованными группами, следователь не знает точное местонахождение имущества, но обладает достаточными данными, что ряд предметов и документов может находиться в доме, квартире конкретного лица.

Говоря о выборе оптимального момента производства обыска, по уголовным делам о преступлениях, совершенных в составе организованной группы, следует отметить, что в основном обыски проводятся у всех членов группы в один день, ранним утром на первоначальном этапе расследования, а само производство следственного действия носит рабочее название «реализация», поскольку фактическим основанием для производства обыска служат, как правило, материалы оперативно-разыскной деятельности (ОРД). Именно реализация материалов

¹ © Коновалова Е. А., 2023.

ОРД используется в обосновании производства обыска при расследовании преступлений данной категории.

Стоит обратить внимание на исследование В. П. Бахина, В. С. Кузьмичева, Е. Д. Лукьянчива, в котором авторами была установлена зависимость результативности обыска от того, на каком этапе расследования он проводился. Наиболее результативными оказались обыски, которые проводились в день возбуждения уголовного дела, а наименее – в течение 10 дней с момента возбуждения [1, с. 22]. Опыт работы по расследованию преступлений, совершенных организованными группами, позволяет сделать вывод о том, что если организованная группа задержана в момент совершения ею преступления, то обыски необходимо проводить безотлагательно, а если уголовное дело возбуждается в условиях неочевидности, то количество дней, прошедших с момента возбуждения уголовного дела до «реализации», никак не влияет на результативность следственного действия.

Целью производства обыска по делам данной категории является обнаружение и изъятие предметов, относящихся к конкретному виду преступления. Так, по делам о незаконном сбыте наркотических средств необходимо искать упаковку, весы и другие предметы, свидетельствующие о совершении данного преступления. По делам о краже в первую очередь принимаются меры к установлению похищенного имущества, по делам о разбойных нападениях, совершенных с применением оружия, следует искать оружие.

Как видим, перечень искомых предметов по разным категориям преступлений будет различен, однако есть кое-что и общее, что может свидетельствовать о совершении преступлений именно организованной группой. Так, при обыске необходимо изымать все средства связи, в том числе sim-карты, технические средства совершения преступления (электронные ключи, средства создания дубликатов ключей, средства подавления GPRS-сигнала), средства конспирации (одежда, перчатки, маски, дубликаты государственных регистрационных знаков на автомобилях), документы, подтверждающие факт знакомства и тесного общения членов группы между собой (общие фотографии, подарки с подписями, письма), блокноты, записные книжки, содержащие сведения о распределении денежных средств внутри группы, банковские карточки, особенно если они оформлены на третьих лиц.

Еще одной немаловажной целью проведения обыска у подозреваемых (обвиняемых) по делам о преступлениях, совершенных организованными группами, является обнаружение крупных сумм денежных средств, дорогостоящих предметов и драгоценностей, т. е. обнаружение такого имущества, которое могло быть получено преступным путем и на которое впоследствии может быть наложен арест. Обнаружение вышеуказанных предметов имеет важное доказательственное значение, а внезапное и одновременное проведение обысков у участников организованной группы зачастую деморализует ее членов, что может благотворно сказаться на сотрудничестве некоторых подозреваемых (обвиняемых) с правоохранительными органами.

После проведения обысковых мероприятий все изъятые предметы осматриваются, и при наличии определенных признаков (ст. 81 УПК РФ) принимается решение о признании их в качестве вещественных доказательств или делается

вывод об отсутствии их значения для уголовного дела. В любом случае следователю надлежит определить место нахождения этих предметов до суда (например, камера хранения или передача на хранение определенным лицам).

Отдельно стоит остановиться на тактике проведения такого следственного действия, как осмотр мобильного телефона.

Мобильное устройство – это кладезь следующей информации о его владельце:

- приложение «мобильный банк» позволяет узнать о движении денежных средств, в том числе и внутри преступной группы, что позволяет установить скупщиков похищенного;

- фитнес-приложения позволяют получить информацию не только о пройденных расстояниях, но и о точном местонахождении пользователя в определенное время, к примеру, на месте совершения преступления с указанием географических координат. Аналогичную информацию о перемещениях можно получить из приложения «Навигатор»;

- приложение «Умный дом» позволяет удаленно просмотреть видеозаписи с камер, установленных в жилище;

- приложение «Родительский контроль» нередко устанавливается супругами на телефон, что впоследствии позволяет получить информацию с камеры и микрофона телефона;

- запись телефонных разговоров также бывает весьма полезной при доказывании организованности группы;

- телефонная книга позволяет установить связи конкретного лица, клички, прозвища членов группы и иные контакты;

- sms-сообщения и мессенджеры содержат переписку, которая может содержать сведения о плане, подготовке к преступлению, командах на месте преступления и другую, не менее значимую информацию для уголовного дела. К примеру, в переписке по средствам мессенджера «WhatsApp»¹ по уголовному делу были выявлены аудиосообщения, в которых члены организованной группы высказывали намерение применить оружие при совершении нападения;

- история браузера позволяет посмотреть сайты, которые посещались. На практике именно подобная информация помогает установить пути сбыта похищенного имущества, ломбарды, куда сдается золото, гостиницы, где останавливались члены организованной группы перед совершением преступления;

- в разделе «Галерея» можно найти фотографии членов организованной группы, похищенного, документов, имеющих значение для уголовного дела, фото оружия, иногда видеозаписи противоправных или преступных действий.

Надо заметить, что члены преступных групп понимают (или предполагают) тот объем информации, который могут получить органы предварительного расследования, используя указанные источники. Следует признать, что, как правило, они принимают определенные меры противодействия. К примеру, в ходе преступления используются так называемые «рабочие трубки», а личные мобильные телефоны передаются родственникам или близким лицам с целью обес-

¹ Запрещен в России: принадлежит корпорации Meta, которая признана в России экстремистской.

печить себе алиби. Предпринимаются также попытки к уничтожению информации в телефонах при задержании или обыске. К примеру, по уголовному делу по обвинению организованной группы, возглавляемой А. А. Петровым, члены организованной группы при задержании в первую очередь предприняли попытки уничтожить информацию из находящихся при них мобильных телефонов.

В 2018 г. Конституционный Суд Российской Федерации вынес определение, в котором указал, что проведение осмотра и экспертизы для получения информации из электронной памяти абонентских устройств, изъятых в установленном порядке, не требует судебного решения [3].

Несмотря на правовую позицию судебных органов, в научных кругах продолжается дискуссия о нарушении конституционных прав личности путем осмотра мобильного телефона. По мнению С. А. Грачева анализ электронной памяти абонентского устройства, в том числе и изучение информации из приложений, должны проводиться только с санкции суда, а в случаях, не терпящих отлагательства, без судебного решения, с последующим уведомлением суда о проведенных мероприятиях и полученных сведениях [2].

На наш взгляд, предложенный порядок не является оправданным, т. к. следователем исследуются не обстоятельства частной жизни лица, а исключительно его причастность к совершению преступления. Следователь в принципе не имеет права разглашать сведения о частной жизни лица, которые стали ему известны в ходе расследования, о чем предусмотрена соответствующая ответственность. Кроме того, память мобильного телефона является неотделимой от носителя и должна осматриваться в совокупности с носителем. Если придерживаться позиции С. А. Грачева, то можно дойти до того, что каждое действие следователя необходимо будет санкционировать в суде. К примеру, изъятые на обыске в жилище какие-либо документы могут содержать личную, коммерческую и иную тайны, в связи с чем, следователю снова придется обращаться в суд для их осмотра? То же самое будет касаться навигатора и регистраторов. Таким образом, следователю придется обращаться в суд за разрешением чуть ли не каждого своего действия при расследовании преступлений, что является в корне неверным.

Таким образом, обнаружение и изъятие вышеуказанных предметов при обыске имеют важное доказательственное значение, а его проведение одновременно у всех членов организованной группы зачастую деморализует ее членов, что может благотворно сказаться на сотрудничестве некоторых из них с правоохранительными органами.

Список литературы

1. Бахин В. П., Кузьмичев В. С., Лукьянчиков Е. Д. Тактика использования внезапности в раскрытии преступлений органами внутренних дел. Киев, 1990.
2. Грачев С. А. Конституционные права личности при осмотре мобильного устройства: коллизия толкований в правовых позициях высших судебных инстанций России требует законодательного разрешения // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2020. № 3 (94).
3. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 25 января 2018 г. № 189-О. URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-25012018-n-189-o/>.

Кривенцов Н. М.¹,
курсант 303-го взвода 3С-1-го курса
Института-факультета подготовки сотрудников
для органов предварительного расследования
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель: **Григорьева Н. В.,**
доцент кафедры уголовного процесса
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент

НАЛОЖЕНИЕ АРЕСТА НА ВИРТУАЛЬНЫЕ АКТИВЫ

С каждым годом виртуальные активы все чаще используются злоумышленниками в преступных целях, что подтверждается данными Chainalysis: в 2022 г. общая стоимость криптовалюты, полученной нелегальными адресами, достигла исторического максимума – 20,6 млрд долл. [4].

С помощью криптовалюты совершаются преступления, родовым объектом которых выступают общественные отношения:

- обеспечивающие материальное благополучие субъектов данных отношений;
- обеспечивающие общественную безопасность и порядок;
- охраняющие интересы государственной службы или службы в органах муниципальных образований.

Именно поэтому вопрос об аресте такого вида активов важен для правоохранительных органов.

Из анализа рекомендаций FATF можно сделать вывод о том, что криптовалюта – это децентрализованная конвертируемая валюта, которая защищена с помощью криптографических методов и основана на математических принципах [3, с. 131].

Согласно положениям ст. 115 УПК РФ, мера принуждения в виде наложения ареста может применяться только в отношении имущества. Именно признание криптовалюты имуществом является главным препятствием для применения данной меры. Решение данного вопроса неоднозначно. За признание последних имуществом выступают следующие факты:

1) законодательная база – со вступлением в силу Федерального закона от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» криптовалюта – цифровой актив;

2) позиция Верховного Суда Российской Федерации – постановление от 7 июля 2015 г. № 32 «О судебной практике по делам о легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем, и о приобретении или сбыте имущества, заведомо добытого преступным путем». В п. 1

¹ © Кривенцов Н. М., 2023.

данного постановления Верховный Суд Российской Федерации постановил, что, исходя из положений ст. 1 Конвенции Совета Европы об отмывании, выявлении, изъятии и конфискации доходов от преступной деятельности и о финансировании терроризма от 16 мая 2005 г. и с учетом Рекомендации 15 FATF, предметом преступлений, предусмотренных ст.ст. 174 и 174.1 УК РФ, могут выступать, в том числе и денежные средства, преобразованные из виртуальных активов, приобретенных в результате совершения преступления;

3) судебная практика – 9-й Арбитражный апелляционный суд по делу № А40-124668/2017 впервые в судебной практике квалифицировал криптовалюту в качестве имущества. Суд сослался на аналогию (ст. 6 ГК РФ) и на то, что признать виртуальные активы имуществом предлагает законопроект «О внесении изменений в части первую, вторую и четвертую ГК РФ» (№ 424632-7).

Важно отметить, что данная позиция не закреплена в уголовно-процессуальном законодательстве, а именно в п. 13.1 ст. 5 УПК РФ отсутствует упоминание цифровых активов. Аналогия с гражданским законодательством в данном случае не допустима, т. к. это будет противоречить ст. 1 УПК РФ.

Помимо того, что согласно УПК РФ криптовалюта не относится к имуществу, существуют и другие проблемы, их можно разделить на следующие группы (по способам хранения):

- 1) доступ к активам имеется только у владельца;
- 2) доступ к активам имеется у сторонних лиц (организаций).

Важный аспект первой группы заключается в том, что цифровые активы могут храниться следующими способами:

- на некастодиальном кошельке;
- аппаратном устройстве.

В случае принятия процессуального решения о наложении ареста необходимо получить доступ к указанным средствам, который возможен только с согласия владельца. Если в ходе обыска есть вероятность обнаружить аппаратный кошелек, то при использовании некастодиального кошелька важно установить наличие у владельца приватного ключа или секретной фразы (SEED-фразы), последние могут не иметь материального выражения (на бумаге, в электронных документах и т. п.).

Рассматривая вторую группу проблем, следует выделить следующие способы хранения активов:

- на счете централизованной биржи (CEX);
- кастодиальном кошельке.

Для реализации процессуального решения необходимо сотрудничество с биржей либо сервисом, оказывающим услуги по хранению цифровых активов, которые зарегистрированы за пределами российской юрисдикции. В настоящее время данное сотрудничество практически невозможно из-за сложившейся геополитической обстановки.

Важно отметить, что в практике применяется такой способ, когда криптовалюту конвертируют в фиатные денежные средства, после чего на последние накладывается арест. Например, такому способу последовал Советский район-

ный суд г. Новосибирска [1]. Таким образом, происходит принудительная конвертация, что не предусмотрено действующим уголовно-процессуальном законодательством, но такой метод не исключает вышеописанные проблемы.

«Опосредованный» арест цифровых активов применяется и в других государствах. Так, например, при производстве по уголовному делу с целью возмещения ущерба обвиняемый изъявил желание предоставить органам правосудия, находящиеся в его распоряжении около 2 500 BTC. Для этого в рамках ареста имущества применялся механизм обмена данной криптовалюты на доллары США, затем со счета криптовалютной биржи иностранная валюта переведена на банковский счет обвиняемого, а далее ее перевели на валютный счет центрального аппарата Следственного комитета Республики Беларусь.

В случае «опосредованного» ареста также необходимо либо согласие владельца, либо сотрудничество с организациями-владельцами.

Важно подчеркнуть, применение данной меры принуждения возможно только с разрешения суда (п. 9 ч. 2 ст. 29, ч. 1 ст. 115 УПК РФ), который должен обладать достоверной информацией о лице, чье имущество подлежит аресту. Такими лицами могут быть подозреваемый, обвиняемый, лица, несущие по закону материальную ответственность за действия последних (ч. 1 ст. 115 УПК РФ), либо иные лица в случаях, предусмотренных ч. 3 ст. 115 УПК РФ. Установление связи между активами и владельцем в некоторых случаях практически невозможно без сотрудничества с субъектами криптосферы или без проведения таких следственных действий, как осмотр места происшествия, допрос, обыск, выемка, направленных на обнаружение виртуальных активов (способ хранения). При установлении такой связи важно понимать, что, согласно п. 3.1.9 ГОСТ 2.051–2013 [1], под электронным носителем понимается материальный носитель, используемый для записи, хранения и воспроизведения информации, обрабатываемой с помощью средств вычислительной техники, т. е. к таким носителям относятся и USB флеш-накопители, которыми могут быть аппаратные устройства, выполняющие функции хранения приватных ключей, поэтому в соответствии с нормами ст. 164.1 УПК РФ при производстве вышеупомянутых следственных действий необходимо участие специалиста, обладающего знаниями в криптосфере.

Таким образом, для решения проблем с наложением ареста на криптовалюту предлагается выделить несколько альтернативных решений.

В первую группу входят следующие меры:

- внести изменения в п. 13.1 ст. 5 УПК РФ, а именно после слов «исключительные права» дополнить словами «цифровая валюта»;
- наладить сотрудничество с крупными биржами и сервисами-владельцами кастодиальных кошельков.

Вторая группа заключается в закреплении на законодательном уровне понятия принудительной конвертации криптовалюты в фиатные денежные средства в совокупности с сотрудничеством с упомянутыми организациями.

Список литературы

1. Приговор Советского районного суда г. Новосибирска от 28 мая 2018 г. по делу № 1-43/18(1-381/17) // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru>.
2. ГОСТ 2.051–2013. Единая система конструкторской документации. Электронные документы. Общие положения // Ульяновскгосэкспертиза. URL: <https://ulgosexp.ru/-files/documents/GOST-2.051-2013.pdf>.
3. Егорова М. А., Ефимова Л. Г. Понятие криптовалют в контексте совершенствования российского законодательства // Lex russica (Русский закон). 2019. № 7 (152). С. 130–140.
4. The 2023 Crypto Crime Report : Отчет о киберпреступности // Chainalysis 2023. URL: <https://go.chainalysis.com/2023-crypto-crime-report.html>.

Кузнецова Е. Л.¹,
*следователь по особо важным делам
 следственного отдела
 по Советскому округу г. Липецка
 СУ Следственного комитета Российской Федерации
 по Липецкой области,
 аспирант Московской академии
 Следственного комитета Российской Федерации*

ОСОБЕННОСТИ ТАКТИКИ ПРОИЗВОДСТВА ОСМОТРА МЕСТА ПРОИСШЕСТВИЯ ПО ПРЕСТУПЛЕНИЯМ, ПРЕДУСМОТРЕННЫМ СТАТЬЯМИ 207.1, 207.2 УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В условиях пандемии новой коронавирусной инфекции (COVID-19) особо остро встал вопрос борьбы с распространением «фейковой» информации, представляющей угрозу жизни и безопасности граждан.

Криминалистика, являясь прикладной юридической наукой, всегда ориентируется на практическую деятельность субъектов доказывания и применение результатов познания в расследовании преступлений.

В период с 2020 г. криминалистическая наука по-прежнему нацелена на совершенствование методов и способов выявления преступлений, собирания и исследования следов противоправного деяния, оценки и использования доказательств в уголовном судопроизводстве [5, с. 90].

Осмотр места происшествия как универсальное следственное действие проводится по всем составам преступлений, в том числе и ставшими общественно опасными в условиях пандемии [7, с. 12].

В научной литературе место происшествия определяется как «участок местности либо помещение, где совершено преступление или имеются его материальные следы (похищенные вещи, труп, спрятанное преступником оружие и т. п.)», «не только место совершения преступления, но и место его подготовки, место сокрытия объектов преступного посягательства, орудий преступления и иных вещественных доказательств» [9, с. 191–192].

Из приведенных выше определений следует, что под местом происшествия понимается территория или помещение, где произошло преступление. Между тем понятие «происшествие» шире «преступления». «Происшествие – событие, нарушившее обычный ход вещей» [4, с. 62].

В отличие от места происшествия местом преступления считается район совершения преступления или наступления преступного результата, следы которого могли быть обнаружены и вне этого района.

В условиях вынужденного реформирования устоявшегося порядка бытия становится очевидным, что изменениям будут подвергнуты не только правовые предписания и нормы, но и сложившаяся за многие годы структура преступности

¹ © Кузнецова Е. Л., 2023.

и административной делинквентности [10]. Нельзя не отметить, что обострившаяся ситуация с эпидемией COVID-19 повлияла на правовое поле.

Так, 1 апреля 2020 г. в Уголовный кодекс Российской Федерации (УК РФ) были внесены новые ст.ст. 207.1 и 207.2, которые предусматривали ответственность за публичное распространение заведомо ложных сведений, повлекших, в том числе, угрозу или тяжкие последствия для жизни и здоровья населения [1].

Сразу после вступления вышеуказанных статей в действие Следственным комитетом Российской Федерации был возбужден ряд уголовных дел по данным фактам.

Установлено, что в социальной сети Твиттер неустановленным пользователем были размещены заведомо ложные сведения о том, что вирус COVID-19 был изобретен в центре «Вектор, который занимается разработкой бактериологического оружия, и потом распространен сначала на территории Китая, а потом и в России. Таким образом, данный пример показывает, какая информация об обстоятельствах, представляющих угрозу жизни и здоровью, может быть признана заведомо ложной и нести за собой уголовную ответственность [2, с. 3].

Следует отметить, что закрепление доказательственной базы по преступлениям, предусмотренным ст.ст. 207.1 и 207.2 УК РФ, важно проводить именно на начальном этапе расследования, т. к. следы указанных преступлений могут быть уничтожены в случае промедления, в том числе и дистанционно с использованием сети Интернет.

Так, осмотр места происшествия должен быть произведен незамедлительно после получения сообщения о данной категории преступлений. Чаще всего данные преступления выявляются путем мониторинга средств массовой информации в сети Интернет, а также по материалам оперативно-разыскной деятельности УФСБ России [6, с. 195].

Важной задачей первоначального этапа расследования данных видов преступлений является определение самого места происшествия.

Исходя из сложившейся следственной практики, местом происшествия по ст.ст. 207.1 и 207.2 УК РФ чаще всего является место, откуда было произведено распространение заведомо ложной общественно значимой информации [3, с. 4].

Особенностью данных преступлений является использование различных технических средств передачи информации и сети Интернет.

При оперативном установлении лица, подозреваемого в совершении указанных преступлений, необходимо незамедлительно провести осмотр места происшествия его жилища с целью изъятия компьютерной техники, мобильных телефонов, с которых могло происходить распространение заведомо ложной общественно значимой информации [11].

При планировании проведения осмотра места происшествия в жилище подозреваемого лица следователю необходимо привлечь к участию в следственном действии специалиста в сфере информационных технологий, а также понятых [12]. Рекомендуются также применять средства фото- и видеофиксации, чтобы подробно зафиксировать обстановку жилища, наличие в нем компьютерной техники, средств фото- и видеофиксации, мобильных устройств, а также сам ход и результаты следственного действия.

В ст. 177 УПК РФ применяется понятие проживающего в жилище лица, однако в уголовном законодательстве его содержание нигде не раскрывается.

Однако в следственной практике сложилось определение указанного понятия. Так, проживающим лицом следует считать лицо, которое постоянно или временно проживает в жилище на момент проведения в нем следственного действия. Учитывать постоянно или временно зарегистрированных в жилище лиц, которые не проживают или никогда не проживали в данном месте, представляется неверным, т. к. фактически осмотр места происшествия ограничивает конституционные права именно проживающего на момент следственных действий лица.

В связи с этим в ходе осмотра места происшествия необходимо получить заявление о согласии на проведение осмотра места происшествия у всех фактически проживающих лиц. При отсутствии такого согласия осмотр производится безотлагательно, т. к. материальные носители информации могут быть очищены, промедление в данном случае невозможно. После осмотра места происшествия, проведенного без согласия проживающих лиц, необходимо «узаконить» в судебном порядке для признания его надлежащим доказательством.

Следует также указать, что сам подробный осмотр содержимого изъятой компьютерной техники в ходе осмотра места происшествия делать нецелесообразно, нужно лишь зафиксировать полное наименование объекта (модель, номер), указать место нахождения в жилище данного объекта и упаковку, в которой находится данный объект. Необходимо также обратить внимание на обнаружение и изъятие в жилище периодических изданий (журналов, газет, брошюр), которые могли лечь в основу распространения заведомо ложной информации, а также флеш-карт, жестких дисков, которые могут содержать интересующую следствие информацию.

В остальном в ходе осмотра места происшествия следует учитывать общие правила производства осмотра в жилище: двигаться от входа, подробно описывая обстановку и условно обозначая каждую комнату соответствующим номером. Интересующие следствие объекты следует изымать по порядку, особо уделяя внимание надлежащему изъятию компьютерной техники с целью сохранности информации. Мобильные телефоны, изъятые в ходе осмотра места происшествия, следует перевести в авиарежим для невозможности удаления информации с другого устройства подозреваемым через сеть Интернет.

Вместе с тем следует отметить, что в правоприменительной практике встает вопрос о целесообразности проведения осмотра места происшествия по данным статьям УК РФ, предлагается сразу провести обыск в жилище подозреваемого лица [13].

При этом следует отметить, что такое следственное действие, как обыск, имеет своей целью обнаружение и изъятие интересующих следствие предметов и объектов, но не фиксацию обстановки и неустановление иной значимой для следствия информации о месте и условиях жизни подозреваемого лица. Кроме того, обыск в жилище проводится после возбуждения уголовного дела и требует санкции суда, что также потребует дополнительного времени на подготовку и в данном случае послужит утере доказательственной базы. При этом основным

принципом осмотра места происшествия является его незамедлительное производство. Кроме того, даже при отсутствии согласия проживающих лиц и попытке воспрепятствовать следствию в ходе осмотра места происшествия всегда после его проведения и уже изъятыми интересующими следствие объектами можно его узаконить.

Таким образом, представляется целесообразным проведение именно осмотра места происшествия, а не обыска на первоначальном этапе расследования преступлений, связанных с публичным распространением заведомо ложной информации.

Следует отметить, что осмотр места происшествия – одно из немногих следственных действий, которые возможно провести на стадии процессуальной проверки. Именно его результаты будут ключевым основанием для возбуждения уголовного дела по ст.ст. 207.1 и 207.2 УК РФ. После проведенного осмотра и изъятия материальных носителей информации, а также технических средств необходимо незамедлительное назначение компьютерно-технической судебной экспертизы, которая позволит выявить, в том числе, и удаленные файлы. Следовательно, именно осмотр места происшествия ляжет в основу дальнейших судебных экспертиз, что является логичным с точки зрения закона.

Очевидно, что уголовные дела по ст.ст. 207.1 и 207.2 УК РФ являются новшеством как для правоприменителей, так и для правоохранительных органов. Оперативность принятия новых норм в УК РФ не могла сразу обозначить всех проблем и пробелов в законодательстве, которые могут возникнуть. Уже в ходе правоприменительной практики вырисовывается круг проблем, складывается определенная судебная практика, формируется прецедент [8, с. 232–233]. В связи с этим, подробная тактика производства отдельных следственных действий по нововведенным статьям уголовного закона является целесообразной и может оказать положительное влияние на ход и оперативность предварительного следствия.

Список литературы

1. Федеральный закон от 1 апреля 2020 г. № 100-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статьи 31 и 151 Уголовно-процессуального кодекса // Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. № 14 (ч. I). Ст. 2030.
2. Яргин С. В. COVID-19: ущерб для экономики – риск для здоровья // Главный врач Юга России. 2020. № 2 (72). С. 2–4.
3. Оценка нормативно-правового регулирования ситуации, связанной с распространением коронавируса COVID-19 / [Р. А. Клычев и др.] // Здоровоохранение Югры: опыт и инновации. 2020. № 2. С. 3–6.
4. Криеф-Семитко Е. О состоянии права и правового государства в тени коронавируса // Вестник Гуманитарного университета. 2020. № 2 (29). С. 60–70.
5. Сидорова Е. З., Готчина Л. В. Криминалистические и уголовно-правовые особенности расследования преступлений, совершаемых на фоне пандемии коронавирусной инфекции // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2020. № 4 (16). С. 90–99.

6. Спесивов Н. В., Титов А. А. Пандемия COVID-19 как фактор «Вынужденной цифровизации» российского уголовного судопроизводства // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2020. № 3 (134). С. 193–200.
7. Федосеева Е. Л. Проблемные аспекты расследования уголовных дел в условиях пандемии коронавирусной инфекции в России // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2020. № 3. С. 11–13.
8. Ефремова М. А., Шутова А. А., Никифорова А. А. Трансформация российского административного и уголовного законодательства в условиях распространения новой коронавирусной инфекции (Covid-19) // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2020. № 3 (94). С. 232–248.
9. Следственные действия. Типовые образцы документов / под ред. В. А. Образцова. М. : Юристъ, 2008.
10. Латыпов В. С. Применим ли УПК РФ в условиях пандемии? (в контексте вовлечения и участия лиц, оказывающих содействие) // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2020. № 2 (88). С. 72–79.
11. Герцен П. О. Проблема обеспечения полноты и объективности предварительного расследования в период режима повышенной готовности к чрезвычайной ситуации // Уголовная юстиция. 2020. № 15. С. 42–44.
12. Кузнецова Е. Л. Криминалистическая характеристика преступлений, совершенных в условиях пандемии // Тенденции развития науки и образования. 2022. № 88-4. С. 47–49.
13. Андреева О. И., Качалова О. В. Российский уголовный процесс в эпоху коронавируса: вызовы времени // Вестник Томского государственного университета. Серия: Право. 2020. № 36. С. 5–15.

Кулаков А. С.¹,
студент 3-го курса
Российского государственного университета правосудия

Научный руководитель: **Макеев А.В.**,
доцент кафедры организации судебной
и правоохранительной деятельности
Российского государственного университета правосудия,
кандидат юридических наук

РОЛЬ ПРОКУРАТУРЫ В СИСТЕМЕ КОНТРОЛЬНО-НАДЗОРНЫХ ОРГАНОВ

На сегодняшний момент можно отметить активное развитие такого направления деятельности органов исполнительной власти, как осуществление контрольно-надзорных функций. Такая тенденция характерна не только для нашей страны, но и других развитых и развивающихся государств [1, с. 12]. Это связано, прежде всего, с необходимостью обеспечения соблюдения законодательства с целью защиты и охраны прав и свобод граждан. Развивается и соответствующее правовое регулирование. Так, в 2020 г. был принят новый Федеральный закон «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» (далее – Закон о контроле (надзоре)), который существенно реформировал осуществление контроля и надзора.

С учетом нового правового регулирования остается нерешенным определенный перечень проблем, связанных с контрольно-надзорной деятельностью прокуратуры и ее ролью в системе специализированных органов, осуществляющих деятельность в данном направлении. Закон о контроле (надзоре) регулирует ряд вопросов, связанных с взаимодействием с органами прокуратуры. Рассмотрим некоторые из них: Генеральная прокуратура Российской Федерации является оператором единого реестра контрольных (надзорных) мероприятий, который создается в целях учета, проводимых контрольными (надзорными) органами профилактических мероприятий, контрольных (надзорных) мероприятий, а также принятых решений и мер по их результатам. Органы прокуратуры также наделены полномочиями по согласованию проектов планов мероприятий, которые предоставляют контрольно-надзорные органы. Требование прокурора является основанием для проведения контрольного (надзорного) мероприятия в рамках надзора за исполнением законов, соблюдением прав и свобод человека и гражданина по поступившим в органы прокуратуры материалам и обращениям. Прокуратура наделена правом обращения в вышестоящий орган или суд с представлением или заявлением об отмене решения, принятого по результатам контрольного (надзорного) мероприятия. Соответствующие изменения по наделению прокуроров новыми полномочиями были внесены и в Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации» (далее – Закон о прокуратуре). Как можно заметить, вопрос о роли прокуратуры в системе контрольно-надзорных органов не урегулирован, что может привести к возникновению разногласий между органами, а как следствие к снижению охраны и защиты прав и законных интересов граждан.

¹ © Кулаков А. С., 2023.

На наш взгляд, органы прокуратуры занимают особое положение среди остальных органов, осуществляющих контрольно-надзорную деятельность. Во-первых, это связано с особым местом прокуратуры в системе государственных органов. Данная позиция также находит отражение в науке прокурорской деятельности [2, с. 37]. Во-вторых, предметом прокурорского надзора как одного из основных направлений деятельности прокуратуры выступают практически все общественные отношения, тогда как деятельность отдельных государственных органов дифференцирована по различным направлениям. Из этого следует, что на прокуратуру возложены более обширные задачи в сравнении с другими органами. В-третьих, Закон о контроле (надзоре) содержит ряд положений, предполагающих более высокое положение по отношению к другим органам (полномочия по согласованию мероприятий и ведению реестра мероприятий).

Таким образом, можно сделать вывод, что прокуратура в системе контрольно-надзорных органов занимает координирующую роль по организации и проведению контрольных (надзорных) мероприятий, а также взаимодействию органов исполнительной власти, осуществляющим функции по контролю и надзору в установленной сфере деятельности. Интересным является то обстоятельство, что в науке также отмечалась подобная роль органов прокуратуры на примере проведения проверок деятельности органов государственной власти субъектов Российской Федерации при реализации переданных полномочий органами прокуратуры [3, с. 78].

Такой подход позволит решить ряд проблем, возникающих на практике, а именно совпадения предмета прокурорского надзора и отдельных проверок рассматриваемых органов, неравномерное распределение контрольно-надзорных мероприятий в отношении одних субъектов при игнорировании других проблем (так, Генеральный прокурор Российской Федерации И. Краснов в своем докладе на заседании Коллегии, посвященной итогам работы органов прокуратуры за 2022 г., отметил данное направление [4]), а также повысит общую эффективность работы как отдельных органов, так и всей системы контрольно-надзорной деятельности.

С учетом вышеизложенного считаем необходимым внесение соответствующих изменений в Закон о прокуратуре. Данные изменения целесообразно внести в разд. I, поскольку они отражают формирующееся новое направление деятельности прокуратуры. Координирующие полномочия должны быть предоставлены Генеральному прокурору Российской Федерации и подчиненных ему прокурорам, т. к. координация будет происходить в отношении федеральных органов исполнительной власти. Среди мер, с помощью которых обеспечивается координация, можно указать координационные совещания, рабочие группы, истребование статистической и другой информации, а также предусмотреть возможность отдельного подзаконного регулирования ввиду активно развивающихся подзаконных актов, предусматривающих специфические особенности деятельности отдельных органов.

Таким образом, указанные изменения могут быть выражены в следующей форме:

«Статья 8.1. Координация контрольно-надзорной деятельности федеральных органов исполнительной власти

1. Генеральный прокурор Российской Федерации и подчиненные ему прокуроры координируют деятельность по организации и проведении контрольных

(надзорных) мероприятий и взаимодействии органов исполнительной власти, осуществляющих функции по контролю и надзору в установленной сфере деятельности.

2. В целях обеспечения координации деятельности органов, указанных в пункте 1 настоящей статьи, прокурор созывает координационные совещания, организует рабочие группы, истребует статистическую и другую необходимую информацию, осуществляет иные полномочия в соответствии с Положением о координации деятельности по организации и проведении контрольных (надзорных) мероприятий и взаимодействии органов исполнительной власти, осуществляющих функции по контролю и надзору в установленной сфере деятельности, утвержденным Президентом Российской Федерации».

Итак, считаем, что оптимальным решением существующей проблемы определения места прокуратуры в системе контрольно-надзорных органов является предоставление ей функций по координации деятельности в данной сфере. В связи с этим представляется целесообразным внесение соответствующих изменений в разд. I Закона о прокуратуре.

Список литературы

1. Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» (ред. от 05.12.2022) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. № 31. Ст. 5007.
2. Федеральный закон от 17 января 1992 г. № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» (ред. от 21.11.2022) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1995. № 47. Ст. 4472.
3. Чиркин В. Е. Контрольная власть // Государство и право. 1993. № 4.
4. Байкин И. М. Прокуратура и судебная власть // Российская юстиция. 2009. № 10. С. 36–37.
5. Нижник А. О. Координация деятельности органов государственного контроля (надзора) по планированию и проведению проверок деятельности органов государственной власти субъектов Российской Федерации при реализации переданных полномочий органами прокуратуры // Закон и власть. 2022. №2. С. 75–78.
6. Доклад Генерального прокурора Российской Федерации И. Краснова на расширенном заседании коллегии, посвященном итогам работы органов прокуратуры за 2020 год и задачам по укреплению законности и правопорядка на 2021 год. URL: <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/mass-media/news?item=86293561>.
7. Макеева Н. В., Макеев А. В. Процессуальный порядок и особенности допроса свидетеля. Калининград, 2004.
8. Предварительное следствие : учебник / [Р. Э. Адамян и др.]. 4-е изд., перераб. и доп. М. : Юнити-Дана, 2021.

Молодцов Е. Д.¹,
слушатель факультета заочного обучения
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель: Земскова А. В.,
профессор кафедры уголовного процесса
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
доктор юридических наук, профессор

ПРИНЦИПЫ РЕАЛИЗАЦИИ МЕР БЕЗОПАСНОСТИ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СЛЕДОВАТЕЛЯ

Законодательство Российской Федерации предусматривает, что государственную защиту участников уголовного процесса осуществляют уполномоченные на то государственные органы (ст. 1 Федерального закона от 20 августа 2004 г. № 119-ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства»). Кроме того, нормы указанного закона определяют следующие органы, обеспечивающие государственную защиту:

- принимающие решение об осуществлении государственной защиты;
- осуществляющие меры безопасности;
- осуществляющие меры социальной поддержки.

При этом решение об осуществлении государственной защиты принимают суд (судья), начальник органа дознания, руководитель следственного органа или следователь с согласия руководителя следственного органа, в производстве которых находится заявление (сообщение) о преступлении либо уголовное дело. Как отмечает Е. И. Замылин, следователь является основной фигурой в процессе принятия решения о необходимости предоставления участникам уголовного процесса возможности воспользоваться мерами государственной защиты. Именно следователь выносит порядка 80–90 % мотивированных постановлений от общего количества «инициатив» государственных структур [1, с. 153]. В связи с этим представляется актуальным рассмотрение вопроса основных начал деятельности следователя по применению в отношении участников уголовного процесса мер безопасности.

В большинстве своем принципы реализации мер безопасности, на которых основывается деятельность следователя, базируются на отраслевых уголовно-процессуальных принципах (ст.ст. 6–19 УПК РФ), однако они также включают в себя и ряд межотраслевых принципов, которые имеют не только конституционно-правовую природу, но, в том числе, закреплены в рамках Федерального закона от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ «О безопасности» как основные принципы обеспечения безопасности.

В юридической литературе тоже предпринимались попытки выделить принципы реализации мер безопасности в уголовном судопроизводстве [3, с. 18].

¹ © Молодцов Е. Д., 2023.

Анализ позиций авторов, а также нормативных источников позволяет нам сформировать следующую систему принципов реализации мер безопасности в деятельности следователя:

- законности;
- справедливости;
- уважения прав и свобод, соразмерности и равенства;
- демократизма;
- гласности;
- взаимной ответственности обеспечивающих безопасность органов и защищаемых лиц;
- профессионализма;
- конфиденциальности;
- международного сотрудничества.

Раскрывая особенности содержания и реализации каждого принципа применительно к сфере реализации мер безопасности следователем, полагаем, что следует начать именно с принципа законности как фундаментального, конститутивного правового принципа.

В общеправовом смысле принцип законности отражается в нормах Конституции Российской Федерации (ст.ст. 4, 10, 15, 54, 76) и представляется в форме правоприменительной дисциплины, т. е. точного и неукоснительного соблюдения всех законодательных предписаний.

В рамках безопасности принцип законности можно понимать в той же степени, как соответствие законодательной базы, в сфере обеспечения безопасности следователя как участника процесса, предписаниям Конституции Российской Федерации, и соответствие деятельности уполномоченных органов по реализации мер безопасности точному смыслу законных и подзаконных нормативных правовых актов. В основе такого неукоснительного соблюдения закона лежит обязанность следователя соблюдать в правоприменительной деятельности все законные методы следственной деятельности, а также правил квалификации преступлений, наказуемости деяний, условий реализации уголовной ответственности, правил уголовного судопроизводства и т. д.

Принцип справедливости не все авторы признают принципом права, иногда называя его «качеством права» [2, с. 177], т. к. справедливость, по мнению некоторых, это общее свойство всех правовых норм, а не отдельный принцип.

Не отрицая подобную логику рассуждений, хотим лишь отметить, что в целом категория справедливости является оценочной, ввиду чего понимать ее можно по-разному. Неизменным остается то, что она представляет собой, по своей сути, морально-нравственную оценку любого социального явления, в частности, преступления. Применительно к наказанию она может проявляться в таких аспектах, как соразмерность, тяжесть репрессии. Чаще всего, справедливость – категория не измеримая объективными юридическими понятиями и законодательными нормами, находящаяся в поле судейского усмотрения, в сфере его морально-нравственных представлений, ценностей и установок.

По отношению к реализации мер безопасности следователем надо отметить, что основные постулаты принципа справедливости раскрывается в ст. 6 УК РФ.

Однако законодатель связал его исключительно с лицом, совершившим преступление, в то время как в отношении потерпевшего он развит не так хорошо. Делаем такой вывод, исходя из анализа международно-правовых актов, упоминающих принцип справедливости лишь в контексте лиц, совершивших преступление. Исходя из назначения уголовного судопроизводства (ст. 6 УПК РФ), полагаем, что данный принцип в деятельности следователя по реализации мер безопасности должен работать как в интересах лиц, совершивших преступление, так и в интересах лиц, которые признаны потерпевшими. В связи с этим их законные интересы также должны быть учтены в ч. 1 ст. 6 УК РФ, которую можно было бы переформулировать следующим образом: «Наказание и иные меры уголовно-правового характера, применяемые к лицу, совершившему преступление, должны быть справедливыми, т. е. соответствовать характеру и степени общественной опасности преступления, обстоятельствам его совершения, личности виновного и законным интересам потерпевшего».

Принцип равенства подразумевает запрет на необоснованные ограничения прав участников уголовного процесса и, напротив, гарантию соблюдения со стороны государственных органов всех прав, принадлежащих каждому из них [5, с. 51]. Безусловно, что в рамках осуществления следователем деятельности по реализации мер безопасности на потерпевших распространяются все те же правила равенства, что и на лиц, совершивших преступление.

Принцип демократизма проявляет себя в том, что любая процедура, применяемая для безопасности участника уголовного судопроизводства, должна быть легитимна, т. е. закреплена законом (иным нормативным правовым актом), принятым с использованием демократических процедур. Равно как и содержание всех нормативных правовых актов на территории Российской Федерации не должно отменять или каким-либо образом ущемлять права и свободы человека. Однако важно понимать, что некоторые конституционные права государство все же может в некоторой степени ограничивать, если того требует защита прав и законных интересов других лиц, безопасности общества и государства. В частности, легитимным и легальным ограничениями многих прав (например, свободы передвижения, тайны переписки и пр.) является уголовное наказание в виде лишения свободы, с отбыванием его в режимном учреждении.

Гласность как принцип обеспечения безопасности тесно связана с демократизмом и проявляется в необходимости формировать законодательство о противодействии преступности и безопасности участников процесса – доступно, чтобы эксперты, представители научного сообщества, практические работники могли вносить свои изменения, дополнения и комментарии. Безусловно, полной гласности в деятельности следователя по реализации мер безопасности таких лиц быть не может, тайна следствия распространяется, в том числе, на все материалы, связанные с личностью участников дела, а тем более, если речь идет о применении в отношении них мер безопасности. Поэтому, по большому счету, принцип гласности распространяет свое действие только на сферу законодательства в этой области.

В этой связи нельзя не упомянуть действие принципа конфиденциальности. Безопасность участников процесса неизбежно сопряжена с принятием актов, имеющих ограниченный режим распространения. Принимая это во внимание,

Федеральный закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» определяет такую деятельность, как осуществляемую гласно и негласно, с целью защиты жизни, здоровья, прав и свобод человека, обеспечения безопасности от преступных посягательств.

Принцип взаимной ответственности реализуется с помощью взаимного сотрудничества защищаемого лица и уполномоченных на его защиту органов. Это проявляется как в установлении ответственности (вплоть до уголовной) за разглашение сведений о мерах безопасности, применяемых в отношении участников процесса, для должностных лиц, обеспечивающих эту безопасность, так и в возможности прекращения мер безопасности в отношении лица, если с его стороны будут нарушены условия соглашения о безопасности.

Принцип профессионализма заключается в привлечении к обеспечению безопасности лиц, имеющих соответствующую квалификацию и опыт работы. Это же касается и сферы законодательства в области безопасности участников процесса, т. к. разработка качественной законодательной базы для любого рода правоотношений является прямой предпосылкой к осуществлению правоприменителями своей деятельности в большей степени эффективно.

Принцип международного сотрудничества подразумевает необходимость использования зарубежного опыта как положительного, так и негативного для составления собственной национальной модели безопасности. Положительный зарубежный опыт позволит перенять наиболее эффективные методики предупреждения и пресечения правонарушений и т. д. В свою очередь, учет негативного опыта некоторых зарубежных стран позволит избежать тех ошибок, которые они допустили в своей законодательной и (или) правоприменительной деятельности.

Таким образом, следует сказать, что деятельность следователя должна быть основана на соблюдении принципов обеспечения безопасности, которые должны реализовываться не отдельно, а в совокупности, наполняя деятельность следователя соответствующим содержанием.

Список литературы

1. Замылин Е. И. Следователь как инициатор государственной защиты на стадии предварительного расследования // Вестник Воронежского института МВД России. 2018. № 2. С. 153–158.
2. Зорченко Е. А. Законность как универсальный принцип права, собственные принципы законности // Проблемы правопонимания и правоприменения в прошлом, настоящем и будущем цивилизации : сборник статей. Минск : Международный университет «МИТСО», 2019. С. 176–180.
3. Томилова Н. С. Принципы государственной защиты потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09. М. : Академия экономической безопасности МВД России, 2009.
4. Шабанов В. Б. Нормативное закрепление международного принципа уважения прав человека и основных свобод в национальном законодательстве // Проблемы правоохранительной деятельности. 2020. № 4. С. 50–57.

Муклецова И. А.¹,
курсант Института-факультета
подготовки сотрудников для органов
предварительного расследования
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель: **Соколова М. В.,**
старший преподаватель кафедры
предварительного расследования
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук

ОСОБЕННОСТИ РАБОТЫ СЛЕДОВАТЕЛЯ С НОСИТЕЛЯМИ ЭЛЕКТРОННОЙ ИНФОРМАЦИИ И ЦИФРОВЫМИ СЛЕДАМИ

В настоящее время общество развивается посредством информационно-коммуникационных сетей. В этой связи электронные носители информации (телефон, планшет, фотокамеры и др.) с каждым годом усовершенствуются и получают огромное распространение в обществе. Соответственно под влиянием данного фактора совершаются новые виды преступлений, а указанные носители информации выступают в качестве средства совершения преступления и используются при подготовке, совершении и их сокрытии.

Следует отметить, что для предотвращения данной преступной деятельности следователю необходимо постоянно совершенствовать свой багаж знаний и методику расследования преступлений данного вида.

В ходе совершения любого преступления остаются следы, так же и в преступлениях IT-характера, лицо, совершившее преступление, оставляет следы, которые называются цифровыми. В этой связи актуальным является вопрос, связанный с обнаружением, фиксацией и изъятием электронных следов преступления, т. к. это осуществляется при помощи различных программ, технических средств, которые требуют специальных знаний [4, с. 208].

Первый раз следователь сталкивается с цифровыми следами при проведении доследственной проверки в рамках ст. 144 УПК РФ. Так, ему необходимо осмотреть предмет, содержащий цифровые следы, получить объяснение от граждан, привлечь специалиста в области компьютерных технологий и др., а при производстве по уголовным делам, указанным в ч. 4.1 ст. 164 УПК РФ, принять решение о подготовке специальных технических средств для копирования компьютерной информации с носителей, изъятие которых не допускается [2, с. 91].

Как уже было сказано ранее, для правильной работы с цифровыми следами следователь должен обладать специальными познаниями по поиску и изъятию данных следов преступления. При их изъятии сотрудниками органов внутренних дел в ходе осуществления оперативно-разыскных мероприятий и следственных

¹ © Муклецова И. А., 2023.

действий применяются следующие программы: «Мобильный криминалист Эксперт» и «UFED».

«МК Эксперт» разработан для проведения комплексной цифровой экспертизы данных из мобильных устройств, облачных сервисов, дронов и персональных компьютеров. Данная программа во многом может помочь сотрудникам ОВД при расследовании преступлений, например, провести анализ по входящим и исходящим звонкам, с какого местоположения отправлялись sms и звонки, также по фотоснимкам можно установить точное время и место фотоснимка [1], соответственно при установлении таких данных далее может помочь система «Безопасный город», которая посредством видеонаблюдения может помочь установить информацию не только о местонахождении соучастников, свидетелей, потерпевшего, но и установить местонахождение вещественных доказательств.

Программа «UFED» (Universal Forensic Extraction Device) разработана компанией Cellebrite и используется для извлечения данных из мобильных устройств, смартфонов и других электронных устройств для следственных целей. С помощью нее можно извлекать данные из различных устройств, включая iOS и Android устройства, компьютеры, GPS-навигаторы, sim-карты и другие устройства хранения данных, а также данные как в физическом, так и в логическом режимах, в зависимости от доступности устройства.

UFED предоставляет широкий набор инструментов для анализа данных, включая возможность декодирования зашифрованных данных и извлечения удаленных файлов. Эта программа является незаменимым инструментом для экспертов в области цифровой криминалистики и правоохранительных органов [3, с. 98].

Следователь, работающий с UFED, должен иметь определенные знания в области цифровой криминалистики, а также опыт работы с компьютером и электронными устройствами. Кроме того, он должен быть знаком с техническими особенностями различных устройств и операционных систем, чтобы эффективно работать с программой. При ее использовании следователь может получить доступ к данным на мобильных устройствах, компьютерах и других электронных устройствах, которые могут быть связаны с расследуемым уголовным делом.

Для работы с программой следователь должен подключить устройство к компьютеру, на котором она установлена. Затем он может использовать функции UFED для извлечения данных. Данные могут быть сохранены на компьютере для дальнейшего анализа или представления в суде.

Важно отметить, что при работе с программой UFED следователь должен соблюдать все нормы, регулирующие использование цифровых данных в правоохранительной деятельности, а также обеспечить целостность извлеченных данных и использование их в качестве доказательств в суде.

Конечно, изъятие электронных следов преступления во многом зависит от того, с какого именно электронного носителя они изымаются, например, достаточно легко будет изъять информацию с того устройства, где нет пароля, например, это фото- и видеокамеры. Труднее будет работать с цифровыми следами, находящиеся в смартфонах или в облачных хранилищах, например, Google Диск. При производстве следственного действия необходимо учитывать то, что электронные носители информации являются технически сложными устройствами,

поэтому необходимо обеспечить участие надлежащего специалиста, у которого имеется опыт в работе с такими следами (ч. 2 ст. 168 УПК РФ).

Несмотря на то что в ч. 2 ст. 164.1 УПК РФ указано, что электронные носители информации изымаются в ходе производства следственных действий с участием специалиста, ч. 3 ст. 164.1 УПК РФ регламентирует, что следователь в ходе производства следственного действия вправе осуществлять копирование информации самостоятельно. Однако, по нашему мнению, необходимо расширить круг лиц, имеющих право осуществлять копирование информации с электронных носителей, а именно добавить специалиста. Данное положение аргументируется тем, что следователь, не обладая знаниями в IT-технологиях, может допустить ошибки и это приведет к утрате или уничтожению информации.

Помимо данного факта, имеются разногласия в ст. 164.1 УПК РФ, которая регламентирует, что изъятие электронных следов осуществляется с участием специалиста, а ст. 168 УПК РФ предполагает участие специалиста в следственных действиях по усмотрению следователя, однако целесообразнее было бы указать, в каких именно следственных действиях его участие будет обязательно. Например, «следственные действия, связанные с обнаружением, фиксацией, изъятием и осмотром электронного носителя информации, а также связанные с копированием содержащейся на нем информации, производятся с участием специалиста» [5, с. 90].

Так, совершенствование деятельности следователя при выявлении и расследовании уголовных дел о компьютерных преступлениях позволит эффективно предупреждать совершение новых преступлений данного вида и повысить качество предварительного следствия по этой категории уголовных дел. Для улучшения работы в данном направлении требуются затраты со стороны государства для совершенствования информационной системы, обучения сотрудников правоохранительных органов в сфере интернет-технологий, что становится первоочередной задачей в борьбе с информационной преступностью.

Список литературы

1. Мобильный криминалист эксперт. URL: <https://mko-systems.ru/mobile-kriminalist>.
2. Корнаухов М. В., Игнатов Д. Ю. Тактические особенности подготовки к изъятию электронных носителей информации в ходе производства обыска (выемки) // Научный компонент. 2022. № 4 (16). С. 90–96.
3. Рогова И. А., Бурцева Е. В. Практика применения UFED – универсального устройства для криминалистического исследования мобильных устройств // Евразийский союз ученых. 2015. № 7-5 (16). С. 97–100.
4. Соколова М. В., Подустова О. Л. Работа с цифровыми объектами при производстве предварительного следствия по уголовным делам в сфере компьютерной информации // Актуальные вопросы производства предварительного следствия в современных условиях совершенствования уголовно-процессуального законодательства : сборник научных трудов. М. : Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 2022. С. 208–210.

5. Федулова А. Е. Электронные носители информации в уголовном судопроизводстве // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2022. № 2 (60). С. 90–100.
6. Предварительное следствие : учебник / [Р. Э. Адамян и др.]. 4-е изд., перераб. и доп. М. : Юнити-Дана, 2021.
7. Крюкова И. В., Алимамедов Э. Н. Фишинг как вид интернет-мошенничества // Наукосфера. 2021. № 2-2. С. 196–201.

Платонова Е. И.¹,
 курсант 303 взвода 3С-1 курса
 Института-факультета подготовки сотрудников
 для органов предварительного расследования
 Московского университета
 МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель: **Угольников Н. В.,**
 доцент кафедры уголовного процесса
 Московского университета
 МВД России имени В.Я. Кикотя,
 кандидат юридических наук, доцент

ПРЕЗУМПЦИЯ НЕВИНОВНОСТИ И ПРЕЮДИЦИЯ В РЕШЕНИЯХ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Презумпция невиновности – один из основных принципов уголовного процесса, поскольку она гарантирует непредвзятое отношение к лицу, подозреваемому в совершении преступлений, тем самым гарантируя справедливость и беспристрастность уголовного процесса.

Сам принцип презумпции невиновности закреплен в ст. 14 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (УПК РФ) и имеет четыре части, в каждой из которых раскрывается содержание [6].

Обвиняемый считается невиновным, пока его виновность в совершении преступления не будет доказана в предусмотренном УПК РФ порядке и установлена вступившим в законную силу приговором суда. Это отмечает привилегированное положение суда в уголовном процессе, т. к. только данный правоохранительный орган может разрешать вопросы, связанные с виновностью либо невиновностью лица в совершении преступления. Данная часть ст. 14 УПК РФ предъявляет требование к приговору, выносимому судом. Он должен быть вступившим в законную силу.

Подозреваемый или обвиняемый не обязан доказывать свою невиновность. Бремя доказывания обвинения и опровержения доводов, приводимых в защиту подозреваемого или обвиняемого, лежит на стороне обвинения. Данное положение необходимо для того, чтобы не создавались ситуации, в которых орган предварительного расследования подозревал бы человека в совершении преступления и при этом возлагал на него обязанность доказать свою невиновность. Однако несмотря на это, подозреваемому или обвиняемому не запрещается приводить доказательства своей невиновности в добровольном порядке, но все же окончательная обязанность доказать невиновность лежит на уполномоченных органах государства.

Все сомнения в виновности обвиняемого, которые не могут быть устранены в порядке, установленном УПК РФ, толкуются в пользу обвиняемого. По нашему мнению, данное положение было закреплено с целью предотвращения ситуации,

¹ © Платонова Е. И., 2023.

при которой лицо, находящееся в статусе подозреваемого, будет лишено нормальной возможности защищаться только потому, что органы следствия будут оказывать на него давление путем принуждения к доказыванию своей невиновности.

Обвинительный приговор не может быть основан на предположениях. Голословное предположение о виновности лица, положенное в окончательный приговор суда является не только не законным, но и безнравственным. Данный принцип, как составная часть принципа презумпции невиновности, нашел отражение не только в рамках ст. 14 УПК РФ, но и в п. 2 ч. 1 ст. 75 УПК РФ. Согласно данной статье недопустимым доказательством признаются показания свидетеля, потерпевшего, основанные на догадке, слухе либо предположении, а также, если свидетель не может указать источник своей осведомленности.

Поговорим о данных механизмах более подробно.

Что же такое презумпция? С точки зрения теории государства и права, а также такой юридической науки, как юридическая техника и уголовно-процессуальное законодательство: презумпция – один из основополагающих принципов судопроизводства, заключающийся в том, что лицо считается невиновным, пока его вина в совершенном преступлении не будет доказана в порядке, предусмотренном законом, и установлена вступившим в законную силу приговором суда.

Презумпции играют огромную роль в обеспечении законности при производстве по уголовному делу, именно по этой причине законодателем на столько подробно был расписан данный принцип презумпции невиновности в рамках УПК РФ. Хотелось бы также отметить, что положения ст. 14 УПК РФ охватывают практически все наиболее важные стадии уголовного судопроизводства:

- предварительное расследование;
- доказывание по уголовному делу;
- вынесение судебного решения.

Переоценить важность данного института уголовного процесса практически невозможно, поскольку он, как уже отмечалось ранее, охватывает обе стороны уголовного процесса, с одной стороны, рассматриваемая норма права дает определенные гарантии стороне защиты (подозреваемому, обвиняемому, а также их защитнику) и в то же время накладывает определенные обязательства на сторону обвинения (следователя, дознавателя, прокурора). Указанные обязательства гарантируют, что производство по уголовному делу будут произведены с учетом всех прав и свобод человека и гражданина [7].

Обратимся к рассмотрению презумпции невиновности через призму Конституции Российской Федерации. Так, ч. 1 ст. 49 говорит о том, что гражданин может быть признан виновным только согласно приговору суда, который уже вступил в законную силу. Лицам, выполняющим производство по уголовному делу в досудебном порядке, не представляется возможным оглашать виновность обвиняемого.

Однако согласно постановлению Конституционного Суда Российской Федерации от 28 октября 1996 г. №18-П по делу о проверке конституционности ст. 6 УПК РСФСР в связи с жалобой гражданина О. В. Сушкова – постановление сле-

дователя о прекращении уголовного дела не препятствует реализации права обвиняемого на судебную защиту. Здесь следует обратить внимание на то, решение о прекращении уголовного дела не является правовым актом, устанавливающим виновность обвиняемого, в том смысле как это предусмотрено ст. 49 Конституции Российской Федерации [9]. Однако в ст. 6 УПК РСФСР нет прямого указания на необходимость получения согласия лица на прекращение уголовного дела. При этом в практике ее применения такового согласия и не требовалось, что вело к нарушениям конституционного права на судебную защиту и презумпции невиновности [1].

Несмотря на некую обоснованность данного решения, вполне идеальным данное постановление назвать нельзя. Согласно положениям Конституционного Суда Российской Федерации, когда обвиняемый дает согласие на прекращение уголовного дела, то его право на доступ к правосудию и рассмотрению уголовного дела судом, которому оно подсудно, не нарушается. Однако виновным человек может быть назван только по решению суда, вступившего в законную силу. В этом же постановлении большое внимание уделяется решениям следователя, умаляя роль суда в данном вопросе.

Данное положение также обходит стороной международное законодательство. Всероссийская декларация прав и свобод человека закрепляет единой для всех государств место решения виновности или же невиновности лица – суд. Что также подчеркивает то, что лица, осуществлявшие производство по уголовному делу в досудебном порядке, не имеют право осуществлять правосудие.

Таким образом, становится видно, что основания прекращения уголовного дела в связи с деятельным раскаянием или же в связи с примирением сторон противоречат принципу презумпции невиновности. Так, прекращая уголовное дело в связи с деятельным раскаянием, следователь в постановлении недвусмысленно описывает событие преступления, обозначает правовой статус лица, его совершившего, указывает субъективную сторону (умысел, неосторожность) состава преступления, дает уголовно-правовую оценку общественной опасности деяния и таким образом фактически констатирует виновность обвиняемого в совершении преступления [9].

Следует учесть, что не соответствует презумпции невиновности прекращение уголовного дела в связи с истечением сроков давности, амнистии, помиловании, смерти обвиняемого, т. е. по нереабилитирующим основаниям (гл. 24, 25 УПК РФ). Когда соответствующий судья выносит постановление о прекращении уголовного дела в связи с указанными обстоятельствами, он объявляет виновным гражданина в совершении того или иного преступления, что нарушает положения ч. 1 ст. 14 УПК РФ.

Постановлением городского суда было прекращено уголовное дело в отношении гражданина В. Т. Филиппова, обвинявшегося в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 264 УК РФ «Нарушение правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств», на основании ч. 2 ст. 24, ст. 239 и п. 1 ст. 254 УПК РФ [2].

Филиппов не признавал себя виновным в совершении инкриминируемого деяния, а также указывал на нарушение его прав – отсутствием права на возмещение

вреда, причиненного в результате привлечения к уголовной ответственности. В кассационном порядке он обжаловал решения суда, прося признать ч. 2 ст. 24, ч. 4 ст. 133, ст. 239 и п. 1 ст. 254 УПК РФ, противоречащими Конституции Российской Федерации. Однако в удовлетворении жалобы ему было отказано, апеллируя тем, что нормы УПК РФ не препятствуют суду рассмотреть по существу находящееся в его производстве уголовное дело, если до вынесения приговора новым уголовным законом устраняется преступность и наказуемость инкриминируемого обвиняемому деяния, и не лишают обвиняемого права на доступ к правосудию и права на эффективную судебную защиту.

Иными словами, Конституционный Суд Российской Федерации выразил следующее: «Правосудие законно тогда, когда оно отвечает требованиям справедливости, эффективности судебной защиты, восстановления нарушенных прав». Однако требования презумпции невиновности, закрепленной в Конституции Российской Федерации, в некоторых ее положениях игнорируются. Она обязывает суд рассмотреть уголовное дело в полном объеме исследовать обстоятельства причастности подсудимого к совершению преступления, установить его виновность вступившим в законную силу приговором. Постановление о прекращении уголовного дела не может служить формой закрепления у гражданина статуса «виновный», т. к. это не закреплено в Конституции Российской Федерации – нормативном правовом акте, имеющим высшую юридическую силу на территории нашего государства.

Преюдиция – это обстоятельства, которые были признаны ранее приговором или решением суда и которые иные органы власти должны принимать без каких-либо дополнительных проверок. При этом подобные приговоры или решения не должны предопределять виновность лица в совершении преступлений. Она означает обязательность для всех судов, рассматривающих дело, а также для прокуроров, следователей, дознавателей, в производстве которых находится уголовное дело, принять без проверки и оценки доказательств обстоятельства, ранее установленные вступившим в законную силу приговором суда по какому-либо другому делу. Согласно закону такой приговор не может предрешать виновность лиц, не участвовавших ранее в рассматриваемом уголовном деле. Преюдициальная сила обстоятельств, установленных вступившим в законную силу приговором суда, не распространяется на те из них, которые вызывают сомнение у суда, в производстве которого находится уголовное дело (ст. 90 УПК РФ) [10]. Но все же, какую роль преюдиция может играть на стадии доказывания?

Поскольку сам процесс доказывания по уголовному делу является достаточно сложным действием должностных лиц, состоящим из собирания и оценки доказательств, то не сложно предположить, что наличие возможности использовать те доказательства, которые были ранее признаны судом, в качестве доказательств по другому делу, являются бесценными для предварительного следствия.

Стоит также пояснить, что доказательства по уголовному делу могут быть как материальные (представленные в виде предметов и документов, носящих следы преступления, либо являющихся орудиями совершения преступления), так и не

материальными (показания лиц). Принимая это во внимание, мы можем выделить одну из важных форм использования института преюдиции – использование ранее признанных фактов, удостоверяющих недееспособность лица, либо наличие у лица каких-либо психических расстройств. Подобные факты, во-первых, позволяют на стадии доказывания по уголовному делу назначать соответствующие экспертные исследования, которые впоследствии могут быть признаны доказательствами, а во-вторых, существенно экономить рабочее время следователя, которое было бы потрачено на проверку и удостоверение тех фактов, которые ранее были признаны судами.

По смыслу ст. 90 УПК РФ в системе норм процессуального законодательства, обстоятельства, установленные вступившим в законную силу судебным решением, которым завершено рассмотрение дела по существу в рамках любого вида судопроизводства, имеют преюдициальное значение для суда, прокурора, следователя или дознавателя по уголовному делу в отношении лица, правовое положение которого уже определено ранее вынесенным судебным актом по другому делу. В силу объективных и субъективных пределов действия законной силы судебного решения для органов, осуществляющих уголовное судопроизводство, не могут являться обязательными обстоятельства, установленные судебными актами других судов, если этими актами дело по существу не было разрешено или если они касались таких фактов, фигурировавших в гражданском судопроизводстве, которые не являлись предметом рассмотрения и потому не могут быть признаны установленными вынесенным по его результатам судебным актом.

Придание преюдициальной силы обстоятельствам, установленным вступившим в законную силу приговором суда, направлено на исключение противоречий между актами правосудия, способствует экономии сил и средств органов расследования и судов, укреплению принципа законности в судопроизводстве.

Поскольку преюдиция непосредственно связана с конкретным делом и решением суда по нему, то можно выделить два аспекта, в которых проявляется значение преюдиции [10].

Во-первых, в случае если по какому-либо делу было принято соответствующее решение суда, то все те доказательства или факты, которые рассматривались в этом деле, автоматически признаются другой судебной инстанцией, без дополнительных проверок.

Во-вторых, не нужно доказывать обстоятельства, которые установлены вступившим в силу судебным решением и рассматриваются в рамках другого дела с участием тех же самых лиц.

В первоначальной редакции ст. 90 УПК РФ содержалась опровержимая, внутриотраслевая преюдиция, согласно которой обстоятельства, установленные вступившим в законную силу приговором, признаются судом, прокурором, следователем, дознавателем без дополнительной проверки, если эти обстоятельства не вызывают сомнений у суда. При этом такой приговор не может предрешать виновность лиц, не участвовавших ранее в рассматриваемом уголовном деле.

На практике это означало полное усмотрение правоприменителя в принятии или непринятии фактических обстоятельств, установленных по другому уголов-

ному делу вступившим в законную силу приговором, что в полной мере соответствовало принципу свободной оценки доказательств (ст. 17 УПК РФ). Такой подход существенно облегчал доказывание по уголовным делам. Решения судов, вынесенные вне уголовного судопроизводства, рассматривались наравне с иными доказательствами по делу.

В декабре 2009 г. ст. 90 УПК РФ претерпела существенные изменения, в ней была закреплена уже неопровержимая межотраслевая преюдиция, в соответствии с которой обстоятельства, установленные вступившим в законную силу приговором либо иным вступившим в законную силу решением суда, принятым в рамках гражданского, арбитражного или административного судопроизводства, признаются судом, прокурором, следователем, дознавателем без дополнительной проверки. При этом такие приговор или решение не могут предпрешать виновность лиц, не участвовавших ранее в рассматриваемом уголовном деле

Это привело к невозможности возбуждения целого ряда уголовных дел, а также прекращению уже начатых предварительное расследование и судебное разбирательство. Одна из причин этого состояла в том, что «многие преступления в экономической сфере совершаются посредством гражданско-правовых средств – сделок, договоров, доверенностей и т. п. Подозреваемые в совершении преступления лица, используя потенциал межотраслевой преюдиции, ссылаясь на отрицательное решение по гражданскому делу, фактически получают легальную возможность ухода от уголовной ответственности» [8].

В этой ситуации оказались В. Д. Власенко и Е. А. Власенко, у которых гражданка Г. К. Чернышова с помощью подложных и сфальсифицированных доказательств отсудила право собственности на жилой дом. Все их попытки после этого добиться привлечения ее к уголовной ответственности успехом не увенчались из-за наличия у нее вступившего в законную силу решения районного суда, принятого в порядке гражданского судопроизводства, которым она признавалась законным собственником указанного имущества. Поэтому уголовное преследование ее в соответствии со ст. 90 УПК РФ оказалось невозможным.

В результате люди вынуждены были обратиться в Конституционный Суд Российской Федерации с просьбой признать неконституционной ту часть ст. 90 УПК РФ, которая не допускает проведения дополнительной проверки обстоятельств, вызывающих сомнение у суда, прокурора, следователя, дознавателя, когда эти обстоятельства установлены вступившим в законную силу решением суда, принятым в рамках гражданского (арбитражного) судопроизводства.

В постановлении от 21 декабря 2011 г. № 30-П (далее – постановление № 30-П) был сформулирован конституционно-правовой подход к этой проблеме [3]. Конституционный Суд Российской Федерации указал, в частности, что у суда по уголовному делу может быть вся совокупность доказательств, которые ранее не были доступны и не изучались другим судом, вынесшим уже по этому поводу решение в порядке гражданского судопроизводства. При этом такого рода доказательства исследуются в процедурах, установленных уголовно-процессуальным законом, и могут в дальнейшем повлечь пересмотр гражданского дела. Поэтому в качестве единого способа опровержения преюдиции во всех видах

судопроизводства должен признаваться пересмотр судебных актов по вновь открывшимся обстоятельствам, к числу оснований которого относится установление приговором суда, совершенных при рассмотрении ранее оконченного дела преступлений против правосудия, включая фальсификацию доказательств.

Обращений было несколько [4; 5] и общим является то, что все оспаривали конституционность ст. 90 УПК РФ, поскольку правоприменителями при рассмотрении их уголовных дел по существу были проигнорированы вступившие в законную силу решения судов по гражданским и арбитражным делам, определившие круг фактических обстоятельств с участием заявителей.

Конституционный Суд Российской Федерации, делая выводы в постановлении № 30-П, указал на обязанность основываться на всей совокупности доказательств по уголовному делу «признание за вступившим в законную силу судебным актом, принятым в порядке гражданского судопроизводства, преюдициального значения при рассмотрении уголовного дела, не может препятствовать правильному и своевременному осуществлению правосудия по уголовным делам».

В заключение хотелось бы акцентировать внимание на том, что, прежде всего, необходимы всестороннее изучение и доработка положений уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации в области правосудия, т. к. возникает много спорных моментов. Прекращение уголовного дела по нереабилитирующим обстоятельствам создает ряд барьеров для заинтересованных в уголовном судопроизводстве лиц, для реализации требования, установленного Конституцией Российской Федерации, в установлении виновности, а также его полное отсутствие в принципе презумпции невиновности.

Список литературы

1. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 28 октября 1996 г. № 18-П «По делу о проверке конституционности статьи 6 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина О.В. Сушкова» // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_12214/.
2. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 5 ноября 2004 г. № 361-О «По жалобе гражданина Филиппова Владимира Тимофеевича на нарушение его конституционных прав частью второй статьи 24, частью четвертой статьи 133, статьей 239 и пунктом 1 статьи 254 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_50889/.
3. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 21 декабря 2011 г. № 30-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 90 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой граждан В.Д. Власенко и Е.А. Власенко» // Российская газета. 2012. 11 янв.
4. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 20 декабря 2016 г. № 2779-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Черния Игоря Ивановича на нарушение его конституционных прав частью четвертой статьи 159 Уголовного кодекса Российской Федерации и статьей 90

Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru>.

5. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 25 октября 2016 г. № 2226-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Сгибова Романа Ильича на нарушение его конституционных прав статьей 90 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru>.

6. Гирько С. И. Деятельность полиции в уголовном процессе. М. : Экзамен, 2017.

7. Барабаш А. М. Понятие «презумпция»: основания появления и использование в правовой деятельности // Российский юридический журнал. 2019. № 4 (127). С. 42–55.

8. Комиссарова Е. Г., Кузнецова О. А., Борисевич Г. Я. Межотраслевая преюдиция как средство противодействия экономической преступности // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2013. № 3. С. 91.

9. Супрун С. В. Презумпция невиновности в решениях Конституционного Суда Российской Федерации // Научный вестник Омской академии МВД России. 2009. С. 25–27.

10. Основы уголовного судопроизводства : учебник / [М. В. Бубчикова и др.] ; под ред. В. А. Давыдова, В. В. Ершова. М. : РГУП, 2017.

Плахота К. С.¹,
*адъюнкт факультета подготовки
научно-педагогических и научных кадров
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя*

ДОПРОС НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО ПОТЕРПЕВШЕГО (СВИДЕТЕЛЯ) С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ЭЛЕКТРОННЫХ СРЕДСТВ СВЯЗИ: КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ РЕКОМЕНДАЦИИ

В течение последних нескольких лет наблюдается рост преступлений, совершаемых в отношении несовершеннолетних. Председателем Следственного комитета Российской Федерации А. И. Бастрыкиным было отмечено, что против детей ежегодно совершается более 90 тыс. преступлений, каждое пятое из которых относится к категориям тяжких и особо тяжких [1]. Ученые-криминологи объясняют это тем, что несовершеннолетние, будучи наиболее уязвимой категорией населения, не обладают критическим мышлением и подвержены внушению. В качестве наиболее частых жертв преступлений Е. Н. Костина выделяет выходцев из неблагополучных семей, воспитанников детских домов и пациентов реабилитационных центров [2].

Допрос – самое распространенное следственное действие, однако и самое сложное. Его сущность заключается в получении криминалистически значимой информации для расследуемого дела. Нередко следователь (дознатель) сталкивается с добросовестным заблуждением, нежеланием лица давать правдивые показания и, напротив, чрезмерным стремлением помочь в расследовании.

Выделяют следующие виды детской лжи:

- а) кажущаяся ложь – искажение действительности в результате особенностей восприятия, непонимания объективной реальности, ошибок памяти и т. д.;
- б) ложь-фантазия. Она проявляется вследствие отсутствия критического мышления к создаваемым образам и выражается в воплощении фантазий;
- в) ложь-самозащита, перерастающая в ложь-обман. Отличается преднамеренностью, являясь, например, способом самозащиты [3; 4].

Ввиду этого необходимо предпринимать меры к установлению психологического контакта с допрашиваемым на стадии подготовки к следственному действию. Например, при выборе способа вызова на допрос: телефонным звонком, повесткой или приводом. В соответствии с ч. 4 ст. 188 УПК РФ лицо до достижения шестнадцати лет вызывается на допрос через законного представителя или администрацию по месту учебы или работы. В целях установления доверительных отношений следователь (дознатель) может созвониться с родителями несовершеннолетнего (направить повестку посредством мессенджера) и договориться об удобном для них времени допроса. Обращаться к администрации по месту работы и учебы следует в исключительных случаях, поскольку подростку может быть неприятен факт разглашения вызова в орган, осуществляющий предварительное расследование.

¹ © Плахота К. С., 2023.

Следователь (дознатель) самостоятельно принимает решение о производстве допроса с использованием систем видео-конференц-связи (далее – ВКС), для чего направляет письменное поручение следователю (дознателю) или в орган дознания по месту нахождения лица, участие которого в следственном действии признано необходимым. В ст. 189.1 УПК РФ, по нашему мнению, следует предусмотреть случаи использования ВКС, а в протоколе – мотивирование применения указанного технического средства.

Производство дистанционного допроса, в соответствии со ст. 189.1 УПК РФ, допустимо только с использованием ВКС государственных органов, осуществляющих предварительное расследование. На сегодняшний день это СВКС-м ИСОД МВД России. Соответственно запрещено применение программ «TrueConf Server», «Skype» и «Zoom», которые активно эксплуатируются зарубежными коллегам на стадиях предварительного расследования и судебного разбирательства.

При выборе места допроса приоритет следует отдавать просторному, светлому помещению, в котором отсутствуют отвлекающие внимание предметы мебели. Рабочее место должно быть оборудовано персональным компьютером, имеющим доступ к СВКС-м ИСОД МВД России, принтером, веб-камерой, колонками для хорошей передачи звука, при необходимости, экраном для проектора и т. д. Оставлять на столе следователя (дознателя) объекты и материалы, не относящиеся к предмету допроса, не рекомендовано.

Перед началом следственного действия требуется определить местонахождение каждого из его участников. Поскольку из-за использования ВКС их число увеличивается (следователь (дознатель); специалист, обеспечивающий работу ВКС; специалист-видеооператор; несовершеннолетний допрашиваемый; законный представитель; педагог; психолог, а при необходимости переводчик, защитник и т. п.).

На этапе подготовки к допросу следователю (дознателю) необходимо установить, какие между несовершеннолетним и родителями отношения, не будет ли ребенка «сковывать» присутствие родных; возможно, для представления его интересов лучше обратиться к органам опеки и попечительства. В качестве педагога, как правило, выступает классный руководитель несовершеннолетнего, однако может быть приглашено иное лицо, осуществляющее профессиональную деятельность в образовательном учреждении. В этом вопросе также следует учитывать мнение ребенка и его отношения с педагогическим коллективом. Находиться законный представитель, педагог и психолог, по нашему мнению, должны в непосредственной близости с допрашиваемым. Педагог и психолог способствуют установлению психологического контакта, предвосхищают проявление агрессии и недопонимания со стороны несовершеннолетнего, содействуют в формулировании корректных и целевых вопросов и т. д. Их высказывания не должны иметь оценочный характер и тем более содержать нравоучения.

Нет единого мнения среди ученых о том, с какого возраста можно допрашивать несовершеннолетних. Одни предполагают, что минимальный возраст допрашиваемого составляет один год и семь месяцев [5, с. 34]. Данная позиция представляется дискуссионной, т. к. в этом возрасте дети только начинают

связно разговаривать. Другие авторы считают допустимым производство допроса с малолетними шести-семи лет [6, с. 20]. По мнению Н. И. Порубова, допросить можно ребенка любого возраста, главное, чтобы ему был понятен предмет допроса [7, с. 36]. Невозможно не согласиться с указанной точкой зрения, ведь каждый человек уникален и способность запоминать события, формулировать и излагать мысли формируется индивидуально.

В науке выделяют следующие возрастные группы [8, с. 598]:

- младенцы (от рождения до одного года);
- раннее детство (от одного года до трех лет);
- дошкольный возраст (от трех до семи лет);
- младший школьный возраст (от семи до 11 лет);
- подростки (от 11 до 14–15 лет);
- старший школьный возраст (от 14–15 до 17–18 лет).

Дети до семи лет легко внушаемы и склонны к фантазированию. Так, например, несовершеннолетний свидетель по делу «Фишера» (серийный убийца С. А. Головкин) сообщил сотрудникам милиции, что видел разыскиваемого ими мужчину, на руке последнего была татуировка в виде кинжала, обвитого змеей. Впоследствии выяснилось, что это была ложь, мальчик хотел произвести впечатление на одноклассников. Вместе с тем не следует отрицать, что дети очень наблюдательны и способны отметить важные для следствия детали.

Самый сложный для допроса подростковый возраст, т. к. дети отличаются импульсивностью, протестным настроением, нежеланием идти на контакт. Следователь (дознатель), изучая личность подростка, должен обратить внимание на факторы, при наличии которых могут возникнуть сложности установления коммуникативного контакта. Например, гиперактивность несовершеннолетнего подразумевает отсутствие концентрации, рассеянность и импульсивность, а замкнутость – молчаливость и скрытность, которые могут быть усугублены количеством участников дистанционного допроса. Зная об этой особенности заранее, следователь может расположить присутствующих позади допрашиваемого, создавая эффект «отсутствия».

Через экран монитора следователю (дознателью) сложнее установить психологический контакт и «задать тон» допроса. Использование систем ВКС исключает возможность разговора на отвлеченные темы в целях формирования доверительных отношений. Поэтому с самого начала следует проявлять выдержку, излучать дружелюбие и искреннюю заинтересованность. В процессе уточнения анкетных данных необходимо отмечать положительные качества личности несовершеннолетнего (если подросток трудоустроен – его ответственность и трудолюбие).

На стадии свободного рассказа следователь (дознатель), чтобы не отвлекаться на протоколирование показаний, может использовать программы голосового набора текста («VoiceNote 2», «Speechpad» и др). Некоторые из них заменяют однокоренные слова синонимами, тем самым обогащая речь. Характерные для несовершеннолетнего слова и речевые обороты следует сохранять, как

и скудный, но своеобразный словарный запас, т. к. это отражает его уровень развития, привычки и среду, в которой он растет. Как справедливо отмечает О. Ю. Скичко: «следователь не должен употреблять несвойственные несовершеннолетнему выражения и термины, поскольку это снижает значение его показаний, вызывая сомнение в объективности проведенного допроса». В качестве примера автор приводит содержание протокола допроса несовершеннолетнего Б., который называет своих приятелей «ребятами, ведущими сомнительный образ жизни» [9].

На стадии свободного рассказа, в зависимости от особенностей и уровня развития ребенка, повествование может быть нелогичным, неконкретным и незавершенным. При этом следователь (дознатель) должен оставаться спокойным, проявляя выдержку, и при необходимости задавать конкретизирующие вопросы. Несовершеннолетнего нельзя перебивать и торопить с ответом. Если ребенок страдает заиканием, не рекомендуется заканчивать за него слова. Бывает, что допрашиваемый резко замолкает, тогда ему следует помочь продолжить рассказ. Например, воспроизвести последнюю сказанную им фразу или слово, таким образом продемонстрировав свою вовлеченность.

При подготовке к вопросно-ответной стадии допроса следователю (дознателью) необходимо: во-первых, как можно точнее сформулировать вопросы, чтобы за небольшой промежуток времени охватить предмет допроса исчерпывающим образом; во-вторых, определить их форму в зависимости от уровня развития допрашиваемого; в-третьих, исключить вопросы, имеющие наводящий характер. Следователь должен быть способен повторить вопрос другими словами, которые были бы понятны ребенку.

Время допроса несовершеннолетнего существенно ограничено УПК РФ. В этой связи требуется предварительная проверка работоспособности оборудования ВКС и установление пробного соединения. Технические помехи способны привести к увеличению времени производства следственного действия и признанию полученного доказательства недопустимым.

При производстве следственных действий с участием несовершеннолетнего обязательно применение видеозаписи или киносъемки, за исключением случаев, когда против их использования выступает сам несовершеннолетний или законный представитель. Часть 4 ст. 189.1 УПК РФ регламентирует обязательное применение видеозаписи. Представляется, что при производстве дистанционных следственных действий с участием несовершеннолетнего она является обязательной, поскольку гарантирует не только реализацию прав последнего, но и законное использование научно-технических средств. Кроме того, видеосъемка дисциплинирует участников уголовного судопроизводства, никто из присутствующих не сможет оказать психическое или физическое воздействие на допрашиваемого.

Таким образом, допрос несовершеннолетнего с использованием электронных средств связи имеет свои особенности, касающиеся организации и тактики производства следственного действия. Большой объем работы приходится на подготовительный этап допроса, на котором устанавливается наличие технической возможности использования систем ВКС, изучение личности допрашиваемого

и составление его психологического портрета, формулирование вопросов, позволяющих охватить предмет допроса за небольшой промежуток времени, а самое главное следователь (дознатель) должен иметь навык производства допроса в дистанционном режиме.

Список литературы

1. Председатель Следственного комитета Российской Федерации провел оперативное совещание по вопросам расследования преступлений, совершенных в отношении несовершеннолетних. URL: <https://sledcom.ru/news/item/1521078/?pdf=1>.
2. Костина Е. Н. Особенности допроса несовершеннолетнего потерпевшего на стадии предварительного расследования с использованием видео-конференц-связи (ВКС) // Наукосфера. 2022. № 2-2. С. 204–207.
3. Штерн В. Психология свидетельских показаний (экспериментальные исследования верности воспоминания) // Вестник права. 1902. № 2. С. 107–131.
4. Binet A. La science du temoignage // Ann. psychol., 1905. P. 128–136.
5. Кузнецова С. В., Кобцова Т. С. Тактика допроса несовершеннолетних : практическое пособие. М., 2004.
6. Сафин Н. Ш. Допрос несовершеннолетнего подозреваемого в советском уголовном процессе. Процессуальные и криминалистические аспекты проблемы / науч. ред. В. П. Малков. Казань, 1990.
7. Порубов Н. И. Допрос в советском уголовном судопроизводстве. 2-е изд., перераб. и доп. Минск, 1973.
8. Васильев В. Л. Юридическая психология : учебник для вузов. 6-е изд. СПб., 2009.
9. Скичко О. Ю. Проблемы протоколирования показаний несовершеннолетних // Вопросы ювенальной юстиции. 2011. № 1. С. 24–27.

Сергеев А. С.¹,

*слушатель факультета заочного обучения
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
дознаватель отделения по производству дознания
ОД УВД по СВАО ГУ МВД России по г. Москве*

*Научный руководитель: Есина А. С.,
профессор кафедры предварительного расследования
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент,
почетный сотрудник МВД России*

ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВ ОБВИНЯЕМОГО ПРИ ОЗНАКОМЛЕНИИ С МАТЕРИАЛАМИ УГОЛОВНОГО ДЕЛА ПРИ ОКОНЧАНИИ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ В ФОРМЕ ДОЗНАНИЯ

Формами предварительного расследования законодатель определил предварительное следствие и дознание. Несмотря на различие в процедуре проведения расследования, отдельные процессуальные институты действуют одинаково вне зависимости от форм расследования.

Этап окончания дознания составлением обвинительного акта является, на наш взгляд, особенным фрагментом в процессуальной деятельности дознавателя, заслуживающим пристального внимания ученых и практиков, поскольку именно на этом этапе происходит реализация прав обвиняемого: знать, в чем лицо обвиняется по результатам проведенного расследования и знакомиться с материалами уголовного дела. В соответствии с п. 3 ч. 4 ст. 47 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (УПК РФ) обвиняемый вправе не только знать в чем его обвиняют, но также возражать против обвинения, давать показания по предъявленному ему обвинению либо отказаться от дачи показаний. Однако при производстве дознания данные права обвиняемого реализовать затруднительно, поскольку нормы гл. 32 УПК РФ не предусматривают допроса обвиняемого (за исключением случаев, предусмотренных ст. 224 УПК РФ). Данное несовершенство закона отмечали в специальной литературе многие ученые [1; 2], однако поскольку проблема законодателем не разрешается, то она продолжает представлять интерес для дальнейшего изучения и анализа с целью определения путей ее разрешения.

В соответствии с ч. 1 ст. 47 УПК РФ лицо признается обвиняемым с момента составления обвинительного акта. В соответствии с чч. 3, 4 ст. 47 УПК РФ, обвиняемый вправе защищать свои права и законные интересы и иметь достаточное время и возможность для подготовки к защите, а также знакомиться по окончании предварительного расследования со всеми материалами уголовного дела.

¹ © Сергеев А. С., 2023.

На основании ч. 2 ст. 225 УПК РФ обвиняемый, его защитник должны быть ознакомлены с обвинительным актом и материалами уголовного дела, что следует рассматривать как обязанность дознавателя.

Анализ содержания указанных норм закона позволяет сделать вывод о том, что процедура приобретения лицом, в отношении которого проводится дознание, статуса обвиняемого, не соответствует обычной процедуре, регулируемой нормами гл. 23 УПК РФ, поскольку не предусматривает допроса обвиняемого после ознакомления с обвинением. Следует отметить, что подобное правовое регулирование не устраивает стороны защиты и обвинения. С точки зрения стороны защиты обвиняемый лишен возможности дать показания по сформулированному обвинению, обнаружить свою правовую позицию. Сторона обвинения также заинтересована в осведомленности позиции обвиняемого по формулировке обвинения, поскольку дознаватель лишен возможности получить дополнительное доказательство, предусмотренное п. 1 ч. 2 ст. 74 УПК РФ – показания обвиняемого. Кроме того, в практической деятельности сотрудников дознания нередки случаи, когда после показаний обвиняемого расследование не заканчивается, а продолжается далее. При этом обвиняемый может дать показания, которые имеют важное значение для расследуемого преступления, и у дознавателя может возникнуть необходимость в производстве иных следственных действий, направленных на проверку показаний обвиняемого. Таким образом, в изменении процессуального порядка окончания дознания составлением обвинительного акта и необходимости допроса обвиняемого заинтересованы обе стороны.

В попытках преодолеть несовершенство закона и обеспечить обвиняемому реализацию его прав в правоприменительной практике подразделений дознания сложился следующий порядок: после ознакомления с обвинительным актом и материалами уголовного дела защитник вместе с обвиняемым подают дознавателю ходатайство о допросе обвиняемого. Согласно ч. 2 ст. 159 УПК РФ обвиняемому и его защитнику не может быть отказано в допросе свидетелей, производстве судебной экспертизы и других следственных действий, если обстоятельства, об установлении которых они ходатайствуют, имеют значение для данного уголовного дела. Удовлетворяя ходатайство, дознаватель получает возможность произвести допрос обвиняемого и получить показания обвиняемого. Однако если подобная ситуация имела место, то дознавателю приходится пересоставлять обвинительный акт для дополнения перечня доказательств показаниями обвиняемого, а также повторить процедуру ознакомления с материалами уголовного дела и обвиняемого, и защитника, и потерпевшего. На все это необходимо время, которого зачастую нет, поскольку, как показывает анализ правоприменительной практики, процедуру ст. 225 УПК РФ, как правило, выполняют в последний день срока дознания. В результате у дознавателя элементарно не хватает срока расследования на выполнение действий, связанных с допросом обвиняемого, с пересоставлением обвинительного акта и повторением процедуры ознакомления заинтересованных участников процесса с материалами уголовного дела. Именно из-за нехватки процессуального срока дознаватели зачастую безосновательно отказывают в удовлетворении ходатайства о допросе обвиняемого, что, конечно, нельзя признать правильным.

В попытках разрешить обозначенные проблемные ситуации предлагается следующее. Целесообразно разделить процедуру ознакомления обвиняемого с обвинительным актом и процедуру ознакомления заинтересованных участников с материалами уголовного дела в порядке ст.ст. 217, 225 УПК РФ, установив между этими процессуальными действиями период времени, например, в трое суток. Следует внести соответствующие изменения в ч. 2 ст. 225 УПК РФ, дополнив положением о том, что обвиняемый, его защитник должны быть ознакомлены с обвинительным актом, а в срок не позднее трех суток с момента ознакомления с актом, дознавателю надлежит предъявить все материалы уголовного дела для ознакомления, что должно быть зафиксировано в протоколе.

На наш взгляд, разделение указанных этапов, может положительным образом повлиять на реализацию прав обвиняемого, изложенных в ст. 47 УПК РФ. Таким образом, после выполнения первой половины требований, изложенных в ч. 2 ст. 225 УПК РФ, за обвиняемым и его защитником остается гарантированное право на дачу показаний по предъявленному обвинению (п. 3 ч. 4 ст. 47 УПК РФ), а также возможность в соответствии с п. 5 ч. 4 ст. 47 УПК РФ заявления ходатайств по существу предъявленного обвинения, в то время, как у дознавателя появится возможность гарантировать обеспечение вышеуказанных прав.

Реализация высказанного предложения положительным образом повлияла бы на то, что если бы у дознавателя имелись эти трое суток после предъявления обвиняемому обвинительного акта, то может быть это минимизировало бы возможность возвращения уголовного дела для производства дополнительного дознания как со стороны начальника органа дознания в порядке, предусмотренном п. 9 ч. 1 ст. 40.2 УПК РФ, так и со стороны прокурора в порядке, предусмотренном п. 15 ч. 2 ст. 37 УПК РФ.

Рассматривая вопрос о разделении этапов (или наличии двух этапов) по выполнению требований ст. 225 УПК РФ на трое суток, необходимо уделить внимание порядку и срокам продления дознания, предусмотренным в ст. 223 УПК РФ. В соответствии с п. 33 приказа Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 19 января 2022 г. № 11 «Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов дознания» от дознавателей требуется представлять ходатайства о продлении срока дознания до 60 суток за пять дней до истечения срока, свыше 60 суток – за 10 дней, свыше шести месяцев – за 15 дней. Данное указание приводит к выводу о том, что дознавателю следует заблаговременно начинать процедуру ознакомления обвиняемого с обвинительным актом и ознакомление с материалами уголовного дела участников процесса, поскольку в случае, если поступит ходатайство о допросе обвиняемого, которое дознаватель обязан удовлетворить (в силу ч. 2 ст. 159 УПК РФ), то срока дознания может оказаться недостаточно для выполнения всех тех действий, которые должен выполнить дознаватель при удовлетворении ходатайства о допросе обвиняемого (имеем в виду пересоставление обвинительного акта, повторное или дополнительное ознакомление заинтересованных участников с материалами уголовного дела, утверждение обвинительного акта у начальника органа дознания). Подобная ситуация складывается в том случае, когда дознаватель (как показывает практический опыт авторов), как правило, начинает выполнять требования ст. 225 УПК РФ практически в последний день срока дознания или за день до его

истечения. Естественно, что в случае поступления каких-либо ходатайств, дознаватель автоматически отказывает в их удовлетворении по той простой причине, что срока дознания на их удовлетворение просто нет. Следует признать, что подобная ситуация складывается не по каждому уголовному делу. Однако в случае ее возникновения дознавателю затруднительно закончить дознание, не нарушая прав обвиняемого. В этой связи сотрудникам подразделений дознания следует рекомендовать начинать выполнять требования ст. 225 УПК РФ не позже, чем за пять суток до окончания срока дознания, чтобы имелась фактическая возможность продлить срок дознания у прокурора в ситуации, когда по делу заявлено обоснованное ходатайство о допросе обвиняемого, а у дознавателя нет оснований не удовлетворять заявленное ходатайство.

Отдельно стоит рассмотреть положение закона, закрепленного в ч. 1 ст. 223 УПК РФ, согласно которого предварительное расследование в форме дознания производится в порядке, установленном гл.гл. 21, 22, 24–29 УПК РФ, с изъятиями, предусмотренными гл. 32 УПК РФ. Дело в том, что ознакомление обвиняемого и его защитника, потерпевшего с материалами уголовного дела осуществляется по аналогии с порядком, установленным для предварительного следствия с соблюдением правил ст.ст. 216–219 УПК РФ, которые содержатся в гл. 30 УПК РФ. Однако данная глава не указана для применения в ходе дознания в ст. 223 УПК РФ. Возникает вопрос о легитимности использования норм данной главы при дознании. В данном случае особый интерес представляет ситуация, возникающая по причине явного затягивания времени на ознакомление с делом, которая имеет место при дознании тоже. Вправе ли дознаватель осуществлять в подобной ситуации те же действия, на которые уполномочен следователь в порядке ч. 3 ст. 217 УПК РФ?

Практика идет по разрешительному пути данной ситуации и предполагает, что дознаватель вправе применять правила ч. 3 ст. 217 УПК РФ на дознании. Однако было бы более целесообразно указать в ст. 223 УПК РФ возможность применения правил, предусмотренных в гл. 30 УПК РФ, и на дознании.

Сказанное позволяет сделать вывод о том, что есть необходимость внесения законодательных изменений в УПК РФ. Предлагается разделить на самостоятельные этапы действия по ознакомлению обвиняемого с обвинительным актом в целях реализации его прав, предусмотренных пп. 2, 3 ч. 4 ст. 47 УПК РФ, и действия по ознакомлению с материалами уголовного дела, для реализации прав обвиняемого, предусмотренных п. 12 ч. 4 ст. 47 УПК РФ.

Список литературы

1. Дознание в органах внутренних дел : учебное пособие / под ред. Ф. К. Зиннурова, А. С. Есиной. 3-е изд., перераб. и доп. М. : Юнити-Дана : Закон и право, 2018.
2. Мичурина О. В. Проблемы и особенности окончания дознания составлением обвинительного акта (обвинительного постановления) // Российский следователь. 2017. № 20. С. 22–25.
3. Предварительное следствие : учебник / [Р. Э. Адамян и др.]. 4-е изд., перераб. и доп. М. : Юнити-Дана, 2021.

Сиворакша В. В.¹,
*адъюнкт факультета подготовки
научно-педагогических и научных кадров
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя*

*Научный руководитель: Ендольцева А. В.,
профессор кафедры уголовного процесса
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный работник
Высшей школы Российской Федерации*

О НЕКОТОРЫХ ПРИЧИНАХ ОТКАЗА СУДА В УДОВЛЕТВОРЕНИИ ХОДАТАЙСТВ О ПРОДЛЕНИИ СРОКОВ СОДЕРЖАНИЯ ПОД СТРАЖЕЙ И ДОМАШНИМ АРЕСТОМ

Большое количество научных трудов посвящено вопросам, связанным с процедурой продления судом мер пресечения, ограничивающих свободу обвиняемых, а также с нарушениями, допускаемыми в ходе такой процедуры. Приводимые авторами статистические данные отражают имеющуюся и в настоящее время тенденцию к удовлетворению заявляемых должностными лицами органов расследования ходатайств о продлении меры пресечения и указывают на проблему фактического вынесения «вердикта» обвиняемым при ее избрании.

Так, О. В. Смирнова и М. Г. Янин в своей работе приводят статистические данные относительно одного из районов г. Челябинска, где в период с 2017 по 2019 г. остается неизменным процентное соотношение случаев удовлетворения судом ходатайств о продлении меры пресечения в виде заключения под стражу в 98 % от общего количества заявленных [1, с. 58]. В аналогичный период в районных судах г. Москвы такое процентное соотношение колебалось от 99,4 % до 99,1 %.

Вместе с тем за последние годы этот процессуальный «стереотип» начал рушиться. Хотя в целом описываемая тенденция сохраняется, все же наблюдаются некоторые изменения. Так, согласно статистическим данным, представленным Управлением Судебного департамента в г. Москве, в период с 2017 по 2022 г. количество заявленных ходатайств стало уменьшаться, а случаи отказа – увеличиваться [2] (табл.).

Судебные заседания по вопросу продления меры пресечения перестали быть настолько формальными, следователи и дознаватели стали более качественно подходить к подготовке материалов, предоставляемых в обоснование своих ходатайств. Все больше возникает случаев, когда обвиняемые освобождаются из-под стражи в зале суда при рассмотрении судом вопроса о продлении меры пресечения, связанной с ограничением свободы. Особенно часто это происходит при

¹ © Сиворакша В. В., 2023.

продлении срока свыше 12 месяцев, поскольку, как правило, именно на этом сроке обвиняемые и их защитники знакомятся с материалами уголовного дела в порядке ст. 217 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (УПК РФ), и суды наряду с другими обстоятельствами, которые подлежат проверке при рассмотрении ходатайства о продлении меры пресечения, проверяют эффективность организации такого ознакомления.

Таблица

Годы	Всего рассмотрено (стража / домашний арест)	Удовлетворено	Отказано	% случаев отказа (округлено до десятых)
2017	30883	30699	184	0,6
	4559	4517	42	0,9
2019	30753	30461	292	0,9
	4254	4137	117	2,7
2021	26322	26106	216	0,8
	4096	4011	85	2,1
2022	26507	26212	295	1,1
	3746	3637	109	2,9

Так, 21 сентября 2016 г. Московским областным судом было отказано в удовлетворении ходатайства следователя о продлении срока содержания под стражей в отношении Б. на три месяца, а всего до 19 месяцев 26 суток, обвиняемого в совершении преступлений, предусмотренных пп. «а», «б» ч. 2 ст. 172, ч. 2 ст. 210 Уголовного кодекса Российской Федерации (УК РФ), которое было мотивировано необходимостью выполнения требований ст. 217 УПК РФ.

Суд пришел к выводу о ненадлежащей организации ознакомления обвиняемого с материалами уголовного дела, т. к. с момента предыдущего продления срока содержания под стражей, которое производилось для этих же целей, следователь посетил обвиняемого только два раза [3]. Подобные решения принимают суды и в настоящее время.

Однако иногда бывают случаи, когда решение одного суда противоречит решению другого при одних и тех же обстоятельствах. Так, 30 мая 2022 г. следователь обратился в Никулинский районный суд г. Москвы с ходатайством об изменении меры пресечения в виде заключения под стражу на домашний арест в отношении Л., обвиняемого в совершении 41 преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 159 УК РФ, в связи с заключением с ним досудебного соглашения о сотрудничестве. На момент подачи ходатайства срок содержания обвиняемого Л. под стражей составлял пять месяцев. В своем ходатайстве следователь подробно изложил причины, по которым обстоятельства, ранее послужившие избранию данной меры пресечения, отпали. Среди таковых, помимо указанного соглашения, было указано, что обвиняемый на данном этапе активно способствует расследованию уголовного дела, изобличил в совершении преступления иных соучастников. Кроме того, с учетом запланированных следственных действий с участием Л., их проведение существенно затрудняется с учетом нахождения

его в следственном изоляторе. Данное ходатайство было поддержано прокурором, самим обвиняемым и его защитником. Суд, выслушав доводы сторон, отказал в его удовлетворении, сославшись на то, что обстоятельства, учитываемые при избрании меры пресечения, не изменились и не отпали [4].

30 ноября 2022 г. следователь обратился в Московский городской суд с ходатайством о продлении срока содержания под стражей обвиняемого Л. в рамках уже выделенного уголовного дела в связи с необходимостью продолжения выполнения требований ст. 217 УПК РФ, при этом указывая, что обвиняемый, находясь на свободе, может скрыться от органов следствия и суда, а также иным образом препятствовать производству по уголовному делу, т. е. фактически дает ему характеристику, противоположную той, что дана им в ходатайстве от мая 2022 г. На основании представленных материалов суд пришел к выводу, что вышеуказанные доводы следователя относительно возможного негативного поведения обвиняемого Л. являются несостоятельными и оставил без удовлетворения ходатайство следователя, отметив, что «совокупность указанных обстоятельств – изменившаяся стадия расследования, фактическое завершение производства следственных действий, и позиция обвиняемого, полностью признавшего вину и заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве, свидетельствуют о необоснованности доводов следствия, относительно намерений обвиняемого препятствовать следствию либо продолжать заниматься преступной деятельностью». Мера пресечения была изменена судом на домашний арест и установлен новый срок ее окончания [5]. Такое решение суда видится нам вполне обоснованным и отвечающим имевшейся в тот момент стадии расследования.

В изложенной ситуации следователь и обвиняемый Л. стали «заложниками» системы, когда изначально избранная судом мера пресечения «автоматически» продлевается судьями этого же районного суда, до того момента, когда ее срок превышает 12 месяцев. Такой случай не единственный в своем роде. Должностное лицо, будь то следователь, дознаватель, прокурор или судья, несут ответственность за принятые ими решения. Если это избрание меры пресечения в виде заключения под стражу или домашнего ареста, значит, все, кто тем или иным образом принимали в данном процессе участие, поддерживая или удовлетворяя заявленное перед судом ходатайство, убеждены в своих доводах о необходимости содержания обвиняемого в изоляции от общества, а всякое отклонение от такой позиции признает ошибочными принятые ранее решения.

В какой-то степени можно прийти к выводу о верности такого вывода, но в то же время это не всегда так. В описанной выше ситуации, изменив обвиняемому Л. меру пресечения на домашний арест, скорее всего, удалось бы избежать инициирования процедуры продления срока содержания под домашним арестом в Московском городском суде, а расследование дела было бы более эффективным, учитывая, что зачастую к началу ознакомления с материалами уголовного дела необходимость в сохранении ранее избранной меры пресечения, как правило, отпадает. Кроме того, содержание обвиняемого под стражей само по себе является одним из факторов, увеличивающих срок расследования уголовного дела.

Вопрос о том, почему инициативное решение суда, порой и не всегда верное, чаще всего является единственным применяемым путем для изменения меры

пресечения, когда суд рассматривает вопрос о продлении ее срока, остается открытым. Тогда как именно следователь и дознаватель, вынося соответствующее ходатайство, всесторонне владеют информацией по уголовному делу и в отношении обвиняемых и могут дать справедливую оценку наличия или отсутствия обстоятельств, предусмотренных ст.ст. 97–99 УПК РФ. Исходя из этого именно ими должно приниматься такое решение – ходатайствовать перед судом об изменении меры пресечения на более мягкую, если на то имеются существенные основания.

Согласно постановлению Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19 декабря 2013 г. № 41, судам при каждом рассмотрении ходатайств о продлении меры пресечения надлежит выяснять наличие обстоятельств, послуживших основанием к ее избранию. Вместе с тем, уточнив, что они не всегда являются достаточными для продления срока действия этой меры пресечения, поскольку с течением времени могут утрачивать свое значение, суд принимает решение об отказе в продлении применения избранной меры пресечения. Из чего мы делаем вывод, что для инициирования процедуры продления должностному лицу, расследующему уголовное дело, следует выяснять, актуальны ли на текущий момент те обстоятельства, которые учитывались судом изначально при избрании меры пресечения. В случае, если они актуальны, необходимо предоставить суду подтверждающие материалы. Аналогичной позиции придерживается А. В. Коршунов [6].

Одним из примеров можно привести решение Свердловского областного суда от 10 декабря 2015 г. При рассмотрении ходатайства следователя о продлении срока содержания под стражей П., обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного п. «б» ч. 4 ст. 158 УК РФ, суд применил к П. домашний арест, сославшись на то, что в ходе расследования уголовного дела изменились обстоятельства, а именно: первоначальный этап сбора и закрепления доказательств завершен, для окончания расследования необходимо получение заключений экспертов и ответов на запросы, что существенно снижает риск вмешательства обвиняемого в ход уголовного судопроизводства. Кроме того, суд учел и характеристику П.: он ранее не судим, характеризуется удовлетворительно, имеет регистрацию по месту жительства и прочные социальные связи (семью, ребенка-инвалида) [3].

В практике также имеются случаи отказа в удовлетворении ходатайств о продлении меры пресечения, когда по прошествии длительного времени с момента ее избрания, в материале не представлены какие-либо сведения, подтверждающие наличие обстоятельств, послуживших основанием для этого.

Так, на основании решения Московского городского суда от 21 мая 2019 г. в продлении срока содержания под стражей семерых лиц, обвиняемых в совершении преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 180 УК РФ, было отказано в связи с тем, что следователем не были представлены достаточные сведения о том, что указанные лица могут воспрепятствовать производству по уголовному делу, отметив также, что указанное обстоятельство, учитываемое судом при избрании им меры пресечения, с течением времени утратило свое значение, а какие-либо новые подтверждающие факты суду не представлены [7].

Таким образом, процедура продления судом меры пресечения во многом зависит от действий самого лица, заявившего такое ходатайство. Объективно оценивая необходимость сохранения избранной меры пресечения на определенный срок, следователь или дознаватель должны учитывать все обстоятельства и сведения, имеющиеся к настоящему моменту, и мотивировать свои доводы перед судом, с предоставлением соответствующих подтверждающих материалов, при этом не допустив сознательного «затягивания» при расследовании уголовного дела. Вместе с тем немаловажную роль играет позиция лица, в чьем производстве находится дело, о том, актуальна ли на данный момент избранная мера пресечения, с учетом поведения обвиняемого, его отношения к инкриминируемому деянию, а также стадии расследования. В случае отсутствия такой актуальности вынесение перед судом ходатайства об изменении меры пресечения на более мягкую видится нам не только возможным, но и необходимым, поскольку ее применение должно быть эффективным, целесообразным, а также отвечать требованиям общественного интереса, и в то же время, соразмерным и справедливым.

Список литературы

1. Смирнова О. М., Янин М. Г. Особенности рассмотрения судом ходатайств о продлении срока содержания обвиняемого под стражей // Правопорядок: история, теория, практика. 2020. № 3 (26). С. 57–62.
2. Отчет о работе судов общей юрисдикции г. Москвы по рассмотрению уголовных дел за 2017–2022 гг. URL: <http://usd.msk.sudrf.ru/modules.php?name=stat>.
3. Обзор практики рассмотрения судами ходатайств об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу и о продлении срока содержания под стражей : утвержден Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 18 января 2017. URL: <https://legalacts.ru/sud/obzor-praktiki-rassmotreniia-sudami-khodataistv-ob-izbranii-mery-presecheniia-v-vide-zakliucheniia-pod-strazhu-i-o-prodlenii-sroka/>.
4. Материалы уголовного дела № 12101450007001428, по обвинению Л. в совершении 41 преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 159 УК РФ.
5. Материалы уголовного дела № 42201450007001108, по обвинению Л. в совершении 41 преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 159 УК РФ.
6. Коршунов А. В. Некоторые вопросы продления сроков содержания под стражей // Деятельность правоохранительных органов в современных условиях : сборник научных трудов. Иркутск : Восточно-Сибирский институт МВД России, 2019. С. 39–41.
7. Материалы уголовного дела № 118001450007000825, по обвинению 7 лиц в совершении преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 180 УК РФ.
8. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (в ред. от 07.10.2022) // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/.

Силютин А. В.¹,
курсант факультета подготовки
сотрудников полиции для подразделений
по охране общественного порядка
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

Алимамедов Э. Н.²,
доцент кафедры предварительного расследования
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук

ОСОБЕННОСТИ ЭЛЕКТРОННОГО ДОКУМЕНТА КАК ИСТОЧНИКА ЗНАЧИМОЙ ИНФОРМАЦИИ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Современная следственная и экспертная практики наглядно показывают, что значительная часть криминалистической информации в настоящее время все чаще содержится в доказательствах, таких как электронные документы. В первую очередь это связано с несколькими факторами:

- электронная документация более компактна и позволяет концентрировать большие данные на небольших носителях;
- значительно ускорить передачу данных по электронным каналам связи;
- использование электронной документации позволяет значительно сократить материальные затраты при подготовке, передаче, проверке и обработке больших объемов данных.

При этом процесс создания электронных документов, использования информации посредством их использования предполагает использование информационных технологий, что придает сфере электронного документооборота определенные специфические черты. Использование недавно возникших методов, способствующих обработке данных, позволяет довести информацию для широкого круга лиц, которые отмечают полезность и надобность информационных ресурсов, но в то же время, к сожалению, повышает уязвимость документов, созданных с помощью информационных технологий, для противоправной деятельности. Эти обстоятельства диктуют необходимость разработки эффективных алгоритмов обработки электронных документов в процессе расследования и их оценки как источника криминалистически значимой информации [1].

В качестве основных условий, повышающих уязвимость электронных документов, можно выделить следующие:

- расширение областей применения информационных технологий;
- стремительный рост объема данных, собираемых, хранимых и обрабатываемых информационными технологиями;

¹ © Силютин А. В., 2023.

² © Алимамедов Э. Н., 2023.

- увеличение количества компьютерных сетей;
- высокая степень концентрации информации от разных заинтересованных сторон и для разных целей в отдельных банках данных;
- повышение количества и качества доступа пользователей к вычислительным ресурсам и данным в автоматизированных системах, автоматизация обмена информацией, в том числе на большие расстояния;
- широкое использование общедоступных каналов связи и передачи данных и автоматизированных хранилищ данных.

Следует отметить, что документ, отображаемый на экране персонального компьютера и распечатанный на бумаге, может кардинально отличаться от оригинала в электронном виде.

Как известно, вся работа компьютерной техники связана с веденными знаниями, которые обрабатывают информацию, представленную только в цифровом виде. Все данные, требующие компьютерной обработки (текст, видео, рисунок, звуки, показания приборов и т. д.), предварительно преобразуются в цифровую форму, что создает условия для их дальнейшего незаконного редактирования (данных). В связи с этим электронные документы как форма компьютерной информации все чаще используются при совершении различных уголовных преступлений, подлежат преступному вторжению и как источник технически значимой информации в файле.

Любое доказательство, в том числе электронный документ, имеющее значение для раскрытия и расследования преступления, должно отвечать требованиям таких свойств, как: относимость, допустимость, достоверность и достаточность.

При изучении электронного документа на предмет его достоверности, по отношению к совершенному преступлению, необходимо установить все элементы создания и использования данного электронного документа. В первую очередь необходимо проверить содержащуюся на электронном документе информацию, на предмет ее значения для расследования. Если в ходе изучения документа будет установлена ее логическая связь, которая может помочь в выявлении и раскрытии преступления, то дальше проводится проверка достоверности этого электронного документа на достоверность. В настоящее время создание, копирование и модификация электронного документа, при наличии специальных технических устройств, не представляет особой сложности. Для этих целей могут использовать даже виртуальное пространство или «облачные технологии». Однако при проведении каких-либо манипуляций с электронными документами всегда остаются электронные отметки о таких манипуляциях или цифровые следы. Поэтому основной задачей следователя при изучении электронного документа является его исследование на предмет установления достоверности происхождения.

Допустимость использования электронного документа для доказывания является следующей задачей следователя. В ходе исследования он должен изучить законность и обоснованность получения этого электронного документа. В случаях если следователь сам собирает эти документы, он должен составить все необходимые процессуальные документы и изъять электронные документы с соблюдением всех правил, установленных законодательством Российской Федерации.

В отдельных случаях для изъятия и получения электронных документов следователь должен использовать специалиста, который поможет зафиксировать и изъять электронный документ безопасным способом.

Под электронными документами в настоящее время понимаются не только иные документы, которые содержат информацию имеющую значение для уголовного дела, но и процессуальные (протоколы, постановления и т. д.). Отдельно отметим электронные документы, к которым относятся заключения экспертов и/или приложения к ним.

В настоящее время для защиты электронного документа все чаще используется электронная цифровая подпись, которая является средством защиты. Она позволяет защищать информацию от несанкционированного вмешательства (чтения, изменения или фальсификации). Именно поэтому электронный документ с цифровой подписью приобретает юридическую силу [2].

Электронная цифровая подпись представляет из себя зашифрованную персонализированную информацию в виде набора символов, физического или юридического лица. Документы, подписанные ею, шифруются, а в случае нарушения содержания электронного документа, она становится недействительной [4].

Электронная цифровая подпись – это блок данных фиксированной длины, который добавляется к конкретному сообщению, что позволяет обеспечить:

- аутентификацию исходного сообщения путем проверки его источника;
- подтверждение целостности сообщения (отсутствие несанкционированных изменений);
- гарантию невозможности отказа автора (подписи) сообщения.

Некоторые ученые предлагают заменить электронную цифровую подпись на цифровые «водяные знаки», которые будут добавляться в структуру электронного документа, что позволит обеспечить дополнительную защиту. В частности, рассматривается возможность добавления их в экстренные документы, которые помогут в первую очередь защитить авторские права (фотографии, цифровые записи, электронные музыкальные записи и т. д.). Такие «водяные знаки» помогут обозначить принадлежность цифровой записи конкретному автору, т. е. защитить его права. Учитывая тот факт, что большинство цифровых записей, особенно авторского характера, имеют большой объем и зачастую при передаче этой информации передаются с использованием архивирующего программного обеспечения, то возникает много проблемных вопросов архивации «упаковки» этих цифровых «водяных знаков», когда часть необходимых данных может быть утеряна, а некоторые функции безопасности введены в действие.

Однако в уголовном судопроизводстве документы, не содержащие электронной цифровой подписи (так называемые документы открытого доступа), чаще всего оформляются с использованием электронно-вычислительной техники. При этом в большинстве случаев при использовании электронных документов как источников доказательств именно компьютерные данные обычно имеют доказательную ценность.

Таким образом, рассмотренные выше обстоятельства диктуют особый порядок оценки достоверности электронных документов, что требует разработки

определенного алгоритма по предмету доказывания, в том числе с использованием экспертизы в области цифровых технологий. Кроме того, учитывая, что в уголовном судопроизводстве в большинстве случаев задействованы документы, вообще не содержащие каких-либо гарантий, необходимо признать, что проблема использования электронного документа в качестве источника информации криминального значения приобретает все более широкое распространение. Это, несомненно, потребует дальнейших углубленных исследований и разработки комплексных мер защиты от несанкционированного доступа и редактирования в ходе уголовных расследований и судебных разбирательств.

Список литературы

1. Предварительное следствие : учебник / [Р. Э. Адамян и др.]. 4-е изд., перераб. и доп. М. : Юнити-Дана, 2021.
2. Макеева Н. В., Макеев А. В. Использование результатов оперативно-розыскной деятельности при решении вопроса о возбуждении уголовного дела по незаконному сбыту наркотических средств бесконтактным способом с использованием информационно-телекоммуникационных сетей // Актуальные проблемы обеспечения кибербезопасности : сборник научных трудов. М. : Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 2018. С. 306.
3. Гаевой А. И., Иванов Д. А., Муллагалеева Л. Р. Возвращение прокурором уголовного дела следователю (теоретические и правовые основы, перспективы совершенствования) : монография. М. : Юрлитинформ, 2022.
4. Расследование преступлений, совершенных с использованием криптовалюты : учебное пособие для СПО / [Д. А. Иванов и др.]. Саратов, М. : Профобразование : Аи Пи Ар, 2021.

Хажирокова А. З.¹,
*слушатель факультета заочного обучения
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
юрисконсульт правового отдела
МВД России по Кабардино-Балкарской Республике*

Научный руководитель: Химичева О. В.,
*начальник кафедры уголовного процесса
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный работник
Высшей школы Российской Федерации*

ИНСТИТУТ РЕАБИЛИТАЦИИ В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ: ОБ ОТРАСЛЕВОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ И НЕКОТОРЫХ ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНЫХ ПРОБЛЕМАХ

Основной задачей любого правового государства выступает реализация охраны и защиты прав, интересов и свобод его граждан. Конституцией Российской Федерации устанавливается ряд положений, в соответствии с которыми защита прав и свобод человека рассматриваются обязательством государства (ст.ст. 2 и 53 Конституции Российской Федерации) [1]. Вместе с этим Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (УПК РФ) закрепляет, что участники уголовного судопроизводства должны быть защищены от неправомерных действий должностных лиц и государственных органов.

Данный аспект нашел отражение в определении назначения уголовного судопроизводства (ст. 6 УПК РФ) [3], где уголовное преследование и признание лица виновным, а также реабилитация лица, подвергшегося уголовному преследованию незаконно или необоснованно, выступают обязательными элементами справедливости уголовно-процессуальной деятельности.

Сущность настоящего института проявляется в реализации основных функций государства:

- компенсаторная;
- политическая;
- нравственная.

В данном контексте особое значение обретает нравственная функция, заключающаяся в обеспечении государством защиты личности и справедливости, что подтверждается законом. Справедливость как фундаментальная категория должна достигаться и в условиях, когда на права человека посягают не остальные члены общества, физические или юридические лица, а должностные лица, уполномоченные принимать решения от лица государства [5, с. 27].

¹ © Хажирокова А. З., 2023.

При анализе специфики правового института реабилитации нельзя обойти проблему его отраслевой принадлежности. Данный вопрос в юридической литературе до сих пор остается дискуссионным и нерешенным, что приводит к неоднозначности подходов в условиях реализации практики, как следствие, к неэффективности результатов реабилитационных процессов.

Поскольку данный аспект является важным, рассмотрим существующие на сегодняшний день теории об отраслевой принадлежности института реабилитации. Так, по мнению одних авторов, данный институт имеет гражданско-правовое начало; по мнению других, реабилитацию лица стоит рассматривать исключительно как уголовно-процессуальный институт; третьи же придерживаются суждения, что данный институт имеет смешанный характер.

Сторонники гражданско-правового подхода в качестве обоснования своей позиции опираются на ст. 1070 ГК РФ, предусматривающую ответственность за вред, причиненный лицу субъектами (участниками) судопроизводства на различных стадиях [2]. Авторы подчеркивают, что настоящая статья также регулирует вопрос возмещения вреда реабилитируемому, что выступает в качестве одного из основных частей рассматриваемого нами института реабилитации. Рассмотрение исков о компенсации причиненного морального вреда осуществляется в соответствии с гражданским судопроизводством (ст. 136 УПК РФ).

Таким образом, основой рассмотрения института реабилитации через гражданско-правовую точку зрения является то, что отношения, возникающие в условиях реализации настоящего института, имеют материальный характер и обладают специфическими особенностями гражданско-правовых отношений [6, с. 117].

Рассмотрим подход, рассматривающий институт реабилитации как уголовно-процессуальный. К числу аргументов относится, например, то, что имущественные правоотношения, возникающие в процессе реабилитации лица и возмещения ему вреда, непосредственно связаны с процессуальной деятельностью органов предварительного расследования и суда, поэтому они могут быть исключительно уголовно-процессуальными.

Смешанный подход к рассматриваемому нами правовому институту предполагает синтез двух вышеназванных подходов. По мнению А. А. Орловой, гл. 18 УПК РФ соединяет в себе институты возмещения вреда и реабилитации лиц, пострадавших от действий участников уголовного судопроизводства. Автор обращает внимание на то, что институт реабилитации вбирает в себя неоднородные предметы правового регулирования и невозможно разделить эти аспекты ввиду связанности их единой целью, которой является прекращение уголовного судопроизводства и возмещение вреда [6, с. 121].

На наш взгляд, настоящий институт больше относится уголовному процессу ввиду того, что сам реабилитационный процесс предполагает восстановление прав, возникающих в результате отношений уголовно-процессуального характера. Именно уголовно-процессуальные нормы выступают императивом, т. е. с помощью них реализуются основания реабилитации и возмещения вреда. Активизация норм гражданского права осуществляется на этапе реализации компенсации, выраженной в деньгах, что обусловливается гражданско-правовым характером спора, но имеющего уголовно-процессуальное начало.

Таким образом, являясь структурным элементом института реабилитации, возмещение вреда представляется сложным и многогранным явлением, уходящим своими истоками в уголовно-процессуальное право.

В юридической литературе разными авторами признается необходимым размещение в УПК РФ статьи, которая будет предусматривать регулирование вопросов, связанных с возмещением не только имущественного, но и морального вреда в денежном выражении. Предлагается упразднение существующего на сегодняшний день положения ч. 2 ст. 136 УПК РФ, регламентирующего рассмотрение данного вопроса (возмещения в денежном выражении) в гражданско-процессуальном порядке, и регламентация такой возможности в порядке уголовно-процессуального производства. Авторами подчеркивается, что данное нововведение позволит решить вопрос отраслевой принадлежности института реабилитации. Свою позицию они аргументируют тем, что в уголовном судопроизводстве возмещение имущественного вреда, причиненного преступлением, уже реализуется и довольно эффективно [7, с. 114]. Стоит подчеркнуть, что на сегодняшний день ч. 1 ст. 44 УПК РФ устанавливается возможность имущественной компенсации причиненного преступлением вреда.

Нерешенным остается и вопрос, касающийся места реабилитируемого в системе участников уголовного судопроизводства.

Так, п. 58 ст. 5 УПК РФ к участникам уголовного судопроизводства относит разных субъектов. В юридической литературе под участниками уголовного процесса понимают лиц, реализующих свои полномочия и права в условиях осуществления уголовно-процессуальных правоотношений [8, с. 6]. Достаточно широкий перечень прав реабилитируемого лица в гл. 18 УПК РФ, реализуемых им в уголовно-процессуальном порядке, позволяет нам сделать вывод о необходимости рассмотрения реабилитируемого лица как участника уголовного судопроизводства. Однако признание лица, вступающего в статус реабилитируемого, как участника уголовного судопроизводства не предусматривается в разд. 2 УПК РФ «Участники уголовного судопроизводства». Данное обуславливает и существование в теории уголовного процесса вопроса об отнесении реабилитируемого к тому или иному виду участников уголовного судопроизводства. Отметим, что в литературе рассмотрение участника судопроизводства происходит в условиях определения его «уголовно-процессуальной функции», под которым понимается осуществление определенного направления уголовно-процессуальной деятельности. Так, в уголовном процессе существует так называемая триада функций, выполняемых основными субъектами уголовного процесса: функция отправления правосудия, возложенная на суд, уголовного преследования, выполняемая прокурором и иными участниками со стороны обвинения, и защиты, реализуемая адвокатом, обвиняемым и некоторыми другими лицами. В данном контексте стоит подчеркнуть, что рассматриваемый нами субъект – реабилитируемый не реализует ни одну из указанных процессуальных функций, а значит, не относится ни к одному из перечисленных видов субъектов. Это приводит к выводу об целесообразности введения в УПК РФ нормы, закрепляющей место этого лица (реабилитируемого) в системе участников уголовного процесса.

Обратим наше внимание и на вопросы, возникающие у правоприменителя (в частности, у судей), касающиеся реализации гл. 18 УПК РФ, относящиеся применения реабилитации к делам частного обвинения, к примеру, принятие мировым или районным судьей решения о реабилитации по такому делу.

Поскольку данная категория дел предполагает наличие заявления потерпевшего как неотъемлемого условия начала уголовного производства по такому делу, исключим из рассмотрения проблем реабилитации случаи заведомо ложного доноса. В результате мы оказываемся в ситуации, когда нет оснований констатировать неправомерные действия судьи, принявшего к рассмотрению заявление частного обвинения и впоследствии вынесшего реабилитирующее решение при отсутствии примирения сторон (например, оправдательный приговор при отсутствии в деянии состава преступления). С другой стороны, мы не можем возлагать на частного обвинителя (как правило, не обладающего специальными познаниями в сфере юриспруденции) обязанность по возмещению реабилитируемому вреда. Ведь он реализовывал свое конституционное право, предусмотренное в ст. 46 Конституции Российской Федерации, в которой установлено, что каждому гарантируется судебная защита его прав и свобод. Подсудимый, в отношении которого вынесен оправдательный приговор, также обладает правом на реабилитацию (п. 1 ч. 2 ст. 133 УПК РФ), в том числе и правом на возмещение причиненного гражданину в результате уголовного преследования вреда, причем тоже закрепленным на конституционном уровне. Однако это преследование осуществляли не государственные органы и их должностные лица (о которых говорится в ч. 1 ст. 133 УПК РФ), а частный обвинитель.

Законодатель Федеральным законом от 5 апреля 2013 г. № 54-ФЗ поставил точку в этом спорном вопросе, дополнив ч. 2.1 ст. 133 УПК РФ [4].

Отличительной особенностью производства по делам частного обвинения, осуществляемого мировым судьей, является то, что потерпевший может поддерживать обвинение самостоятельно или через его представителя (данное правило распространяется на все этапы судебного разбирательства). Целью реализации такого права можно рассматривать привлечение к уголовной ответственности лица, совершившего преступное деяние, как следствие, назначение ему справедливого наказания.

В контексте рассмотрения прав потерпевшего по делам о преступлениях, преследуемым в частном порядке, отметим и основание реабилитации лица – прекращение уголовного судопроизводства, возникшее в условиях неявки потерпевшего на заседание без уважительной на то причины. Отнесение данного основания к группе реабилитирующих является дискуссионным, как и тот, что в случаях, когда частный обвинитель не обладает специальными знаниями, не может реализовать правовые способы собирания доказательств. В любом случае лицо, подвергнутое уголовному преследованию, должно быть реабилитировано, ему должен быть возмещен ущерб.

Таким образом, проведенный анализ показал, что институт реабилитации является одним из важнейших институтов, способствующих восстановлению справедливости в отношении лица, пострадавшего от незаконных или необоснованных действий участников уголовного судопроизводства. Однако на сегодняшний

день существуют проблемы реализации настоящего института, касающиеся, например, отраслевой принадлежности, оснований возникновения права на реабилитацию. Данные проблемы требуют решения, как следствие, дальнейшего исследования настоящего института.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. 2016. № 31.
2. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_39570/.
3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/.
4. Федеральный закон от 5 апреля 2013 г. № 54-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_144634/.
5. Гаврилюк Р. В. Реабилитация в российском уголовном процессе: вопросы теории и практики : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09. Казань : Нижегородская академия МВД России, 2007.
6. Орлова А. А. Концепция реабилитации в российском уголовном процессе : монография. М. : Юнити-Дана : Закон и право, 2011.
7. Петрухин И. Л. Оправдательный приговор и право на реабилитацию : монография. М. : Проспект, 2009.
8. Супрун С. В. Предмет и метод правового регулирования как критерий деления норм института реабилитации на отрасли права // Современное право. 2009. № 3. С. 8–14.

*Данг Вьет Хынг¹,
адъюнкт факультета подготовки
научно-педагогических и научных кадров
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя*

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРАВ И ЗАКОННЫХ ИНТЕРЕСОВ УЧАСТНИКОВ СУДОПРОИЗВОДСТВА КАК ОБЩЕЕ УСЛОВИЕ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ

Права и свободы человека и гражданина, закрепленные в гл. 2 Конституции Российской Федерации [8] (ст.ст. 19, 21, 22–24, 46, 52–55) и гл. V Конституции Социалистической Республики Вьетнам [9] (ст.ст. 19, 20–22, 30–31, 107), являясь основаниями для формирования общих условий предварительного расследования, определяют единообразный порядок производства по уголовному делу, полномочия органов и должностных лиц, осуществляющих уголовное судопроизводство, процессуальный статус других участников уголовного процесса.

В уголовном судопроизводстве обеспечение прав и законных интересов лиц, вовлеченных в производство по уголовному делу, является обязанностью должностных лиц, осуществляющих расследование преступлений. Как показывает опрос, следственные органы и их должностные лица обеспечивают права фактически в одинаковом объеме не только потерпевшему (85,8 %), но и подозреваемому, обвиняемому (82,5 %) [1, с. 320].

В юридической литературе отмечается, что такая деятельность проявляется в различных формах и видах, а также в рамках разных правовых институтов, в том числе и на международном уровне [2, с. 208–224; 3, с. 196–201]. Обеспечивая права и законные интересы участников уголовного процесса, следователь (дознатель, прокурор и др.) разъясняет им их роль и значение как участников, объем прав и обязанностей, а также порядок их реализации; предоставляет возможность беспрепятственной подачи и своевременного рассмотрения ходатайств и жалоб, касающихся их прав и свобод; принимает меры по возмещению причиненного вреда, возвращению имущества, денег или других ценностей, возмещению иных расходов; представляет необходимое время для ознакомления с материалами уголовного дела [1, с. 321; 4, с. 67–68] и др.

Следует обратить внимание, что положения об общих условиях предварительного расследования, регулирующие вопросы обеспечения прав и законных интересов потерпевшего и гражданского истца, подозреваемого и обвиняемого, в большей мере нашли отражение в России в ст. 159 УПК РФ (обязательность рассмотрения ходатайства), ст. 160 УПК РФ (меры попечения о детях, об иждивенцах подозреваемого или обвиняемого и меры по обеспечению сохранности его имущества), ст. 160.1 УПК РФ (меры по обеспечению гражданского иска). Нормы уголовно-процессуального закона Вьетнама только в ст. 175 УПК СРВ указали положения о порядке разрешения запросов и обращений участников уголовного судопроизводства.

¹ © Данг Вьет Хынг, 2023.

Анализ показывает, что процесс формирования системы общих условий предварительного расследования в различных странах существенно отличается. Например, в Казахской и Азербайджанской республиках отдельных положений, обеспечивающих права и законные интересы участников уголовного судопроизводства, нет, в Кыргызской Республике включено одно положение о обязательности разъяснения и обеспечения прав участников уголовного процесса (ст. 172 УПК КР), в республиках Таджикистан и Беларусь, как и в России, предусмотрены положения о обязательности разъяснения и обеспечения прав участников уголовного процесса (ст. 174 УПК РТ, ст. 195 УПК РБ), обязательности рассмотрения ходатайств (ст. 175 УПК РТ, ст. 196 УПК РБ), мерах попечения о детях, иждивенцах и по охране имущества подозреваемого и обвиняемого (ст. 176 УПК РТ, ст. 197 УПК РБ).

Как отмечалось ранее, процесс формирования системы положений об общих условиях предварительного расследования, с одной стороны, основываются на их признаках, условиях и обстоятельства применения; с другой – входит в состав уголовно-процессуальных принципов, является неотъемлемой частью отдельных уголовно-процессуальных институтов, стадий уголовного судопроизводства, правового статуса его участников.

По нашему мнению, всем этим требованиям соответствуют положения ст. 11 УПК РФ, в которой определяются обязанности должностных лиц, осуществляющих уголовное судопроизводство, разъяснять права участникам уголовного судопроизводства, принимать меры безопасности, обеспечивать вред, причиненный лицу в результате нарушения его прав и свобод. При этом интерпретация этих положений в отдельных специальных разделах уголовно-процессуального закона только подчеркивают целесообразность указания этих правил (требований) в нормах об общих условиях предварительного расследования.

Например, без своевременного предоставления информации о правах, обязанностях и ответственности в досудебном производстве, о принятых уголовно-процессуальных решениях при расследовании преступлений не могут быть реализованы права и законные интересы участников уголовного судопроизводства.

Так, проведенное анкетирование потерпевших показало, что большинство дознавателей и следователей не разъясняли их права и обязанности: 24,7 % – позволяли только прочитать перечень этих прав; 47,3 % – называли некоторые из прав; 28 % – интересовала только подпись в постановлении о признании потерпевшим [5, с. 177]. В свою очередь опрошенные подозреваемые и обвиняемые показали, что права им разъяснялись в устной форме (14,4 %); в ходе допроса в качестве подозреваемого (20,3 %) [6, с. 104–105], а право иметь защитника не разъяснялось им при задержании (48,2 %), при аресте (36 %) [7, с. 267].

В связи с изложенным представляется целесообразность дополнить нормы уголовно-процессуального закона Вьетнама ст. 175¹, изложив ее в следующей редакции:

«Статья 175¹. Обязательность разъяснения и обеспечения прав участникам следственного действия

Следователь, лицо, производящее расследование, обязаны разъяснить подозреваемому, обвиняемому, потерпевшему, гражданскому истцу, гражданскому

ответчику и их представителям, другим лицам, участвующим в производстве следственного действия, их права и обеспечить возможность осуществления этих прав в ходе расследования дела. Одновременно им должны быть разъяснены возложенные на них обязанности и последствия их невыполнения».

Список литературы

1. Фадеев П. В. Правовая помощь участникам уголовного судопроизводства: теоретические и правовые основы, перспективы совершенствования : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.09. М. : Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 2021.
2. Фадеев П. В. Правовая помощь участникам уголовного процесса в досудебном производстве : монография. М. : Юрлитинформ, 2020.
3. Фадеев П. В. Оказание правовой помощи личности государственными органами уголовного судопроизводства // Уголовное судопроизводство: стратегия развития : сборник научных трудов / под ред. О. В. Химичевой. М. : Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 2019. С. 196–201.
4. Гарантии прав участников уголовного судопроизводства: проблемы и возможные пути их решения : монография / под общ. и науч. ред. В. А. Семенцова. М. : Юрлитинформ, 2013.
5. Синенко С. А. Обеспечение прав и законных интересов потерпевшего в уголовном судопроизводстве : монография. Хабаровск : Дальневосточный юридический институт МВД России, 2013.
6. Нафикова Г. А. Механизм реализации принципа охраны прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве : монография. М. : Юрлитинформ, 2012.
7. Мельников В. Ю. Соблюдение и защита прав личности от преступных посягательств : монография. М. : Юрлитинформ, 2012.
8. Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. 2016. № 31.
9. Конституция Социалистической Республики Вьетнам : принята Народным собранием Социалистической Республики Вьетнам 28 ноября 2013 г. URL: <https://thuvienphapluat.vn/van-ban/Bo-may-hanh-chinh/Hien-phap-nam-2013-215627.aspx>.

Шевкопляс Н. П.¹,
 следователь СО
 по Октябрьскому району г. Иркутска
 СУ Следственного комитета Российской Федерации
 по Иркутской области,
 аспирант факультета научно-педагогических кадров
 и организации научно-исследовательской работы
 Московской академии
 Следственного комитета Российской Федерации

Научный руководитель: **Антонов О. Ю.,**
 декан факультета подготовки криминалистов
 Московской академии
 Следственного комитета Российской Федерации,
 доктор юридических наук, доцент

ИГРОК КАК ОПРЕДЕЛЯЮЩИЙ ЭЛЕМЕНТ МЕХАНИЗМА ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПО НЕЗАКОННЫМ ОРГАНИЗАЦИИ И ПРОВЕДЕНИЮ АЗАРТНЫХ ИГР

По итогам 2022 г. в средствах массовой информации отмечено, что выросло количество клиентов в такой сфере, как «азартные игры» на 60 % [1]. Представляется, что указанный тренд затрагивает, в том числе, сферу незаконных организации и проведения азартных игр. Учитывая, что указанное деяние несет большую общественную опасность и является частью криминальной экономики, требуется обратить внимание на такой предмет механизма незаконных организации и проведения азартных игр, как личность игрока.

Согласно положениям о механизме преступления, событие преступления является результатом взаимодействия четырех элементов: субъекта преступления, жертвы (потерпевшего), иных лиц, косвенно связанных с преступлением и отдельных элементов обстановки [2, с. 74–76]. Применительно к организованной преступной игорной деятельности можно выделить среди элементов преступления первый и четвертый элемент, поскольку потерпевших по рассматриваемому деянию нет, хотя определенное неправомерное воздействие и оказывается на игроков, входящих в третий элемент, но данный вид преступной деятельности и предназначен для этой категории лиц.

Если рассматривать деятельность игорного предприятия при помощи экономического подхода, то стоит сказать, что катализатором возникающих рыночных отношений в игорной сфере можно назвать именно игрока. Связано это с тем, что преступление, предусмотренное ст. 171.2 УК РФ, является результатом действий двух лиц: одно лицо желает играть и ищет возможности участвовать в них – игрок, другое создает условия и привлекает лиц, желающих играть, для успешной деятельности игорного заведения с целью извлечения максимальной прибыли – субъект преступления [3, с. 190]. В связи с этим появляется следующая закономерность игорного предприятия: спрос на азартные игры приводит к увеличению

¹ © Шевкопляс Н. П., 2023.

предложения со стороны игорных заведений, что делает последних зависимыми от первых [4, с. 178]. Следовательно, в работе игорного предприятия большую роль начинает играть функция по работе с клиентами – игроками. Поэтому предлагается более подробно рассмотреть личностные особенности игрока.

Поведение игрока основывается на деструкции его личности, которая выражается в наличии у него патологического влечения – аддикции, направленной на удовлетворение потребности участвовать в азартных играх.

Аддикция – это ощущаемая человеком навязчивая потребность в определенной деятельности и связанных с нею ресурсах и продуктах [5, с. 10–12, 25].

Рассматриваемый вид аддикции называется «лудомания» или «патологический гэмблинг» – это игровая зависимость, что в соответствии с Международным классификатором болезней (коды 6C50.0; 6C50.1; 6C50.Z), признается психическим расстройством, в основе которого лежит патологическое влечение к азартным играм [6]. При этом имеется группа предшествующих патологическому состоянию диагнозов «опасные азартные игры или ставки» (код QE21), существующая в рамках клинической нормы [6]. Соответственно, первая группа диагнозов исключает вторую. При этом разница между ними выражается по следующим критериям [7, с. 344–346]:

- 1) нарушение контроля над участием в азартных играх (например, начало, частота, интенсивность, продолжительность, прекращение, контекст);
- 2) повышение приоритетности участия в азартных играх (вплоть до преобладания над другими жизненными интересами);
- 3) продолжение или эскалация участия в азартных играх, несмотря на возникновение негативных последствий.

Как отмечают Л. В. Синицина и Д. Л. Бурдюг, «игроманами» могут быть достаточно психически состоятельные личности [8, с. 37]. Следовательно, существуют два вида игроков [9, с. 88]:

- 1) «патологический», обусловленный постоянными психологическими особенностями, указанными выше;
- 2) «ситуативный», обусловленный влиянием факторов среды.

При этом О. В. Усенко считает, что даже ситуативные игроки имеют те или иные признаки деструкции личности [4, с. 194]. Следовательно, они при наличии сопутствующих факторов способны развиваться в патологического [5, с. 14]. Поэтому требуется рассмотреть этапы становления личности игрока.

Е. А. Кузнецова-Морева выделяет три этапа формирования личности игрока [10, с. 16–17]:

- 1) инициальный, представляет социально приемлемое участие в азартных играх;
- 2) проблемный, характеризуется увеличением частоты и продолжительности участия в азартных играх;
- 3) патологический, определяется формированием патологических игровых стереотипов в ответ на самые различные жизненные события. У пациентов постепенно складывается единообразная тенденция отвечать на любые, даже относительно незначительные стимулы возобновлением игры.

С учетом вышеуказанного можно выделить следующие группы клиентов игорных заведений: потенциальные, ситуативные и патологические. Соответственно, первая группа не входит в вышеописанные этапы, формирование второй группы происходит на первых двух этапах, третья находит свое оформление на третьем этапе посредством развития диагноза «патологический гэмблинг».

Как было указано выше, формирование личности игрока происходит под влиянием определенных факторов, которые можно разделить на внутренние (личностные, индивидуальные, психологические) особенности и внешние (социальные) – обстановка, повлиявшая на желание участвовать в азартных играх, включая отдельные элементы обстановки игорного заведения. С учетом изложенного предлагается поочередно рассмотреть каждую из указанных групп факторов.

В настоящий момент в науке мало изучены психологические особенности ситуационных игроков и активно развивается изучение свойств патологических игроков. Не ставя задачей их полное изучение в настоящей работе, используя личностный подход в психологии, акцентируем внимание на мотивах деятельности игроков [11, с. 61–62]. Для патологических игроков в большей степени характерны эмоциональный, корыстный и эскапистский мотивы [10, с. 16–17]. В случае участия в азартных играх в незаконном игорном заведении, эмоциональный мотив может дополнительно усиливаться от осознания риска причастности к противоправной деятельности.

При рассмотрении внешних факторов стоит учитывать особенности, влияющие как на формирование мотивов участия в азартной игре, так и на поддержание процесса игры. При формировании указанных мотивов важно учитывать некоторые маркетинговые особенности применительно к рынку азартных игр. Как отмечено в отечественной и иностранной литературе, они стали распространенным видом досуга, который популяризируется. В результате возникает рынок иррациональных благ, удовлетворение которых возможно, в том числе путем выхода за пределы нравственных и юридических норм [5, с. 24–32]. Указанное добавляет дополнительный мотив риска. По мнению Дж. Бэнкса, это обусловлено общей тенденцией. Происходит сдвиг общества от рискофобии к рискофильской «культуре казино», которая прославляет победителей общества и избегает проигравших. Небольшие риски позволяют избежать глобальных в виде проблем в быту [12, с. 15–60]. В результате, по мнению, А. Г. Заховаева и А. В. Урсу, конструируется модель, в которой игрок, недовольный своим жизненным статусом, получает возможность переиграть текущую обыденность и почувствовать себя особенным [13, с. 114–117].

Поддержание желания участвовать в азартной игре достигается посредством создания соответствующих условий: начиная от месторасположения игорных заведений и доступности онлайн-сайтов и заканчивая манипулированием сознанием (исключения нахождения в помещениях игрового заведения часов, доступа дневного света). О необходимости их создания можно судить, в том числе, по советам специалистов в сфере азартных игр. Перечисленную совокупность внешних факторов, формирующих личность игрока, можно причислить, применительно к системно-деятельностному подходу, к отдельным элементам обстановки преступления [2, с. 72–76].

Таким образом, можно сделать вывод, что клиенты игорных заведений, во-первых, не являются фигурантами цепочки «преступник-жертва», во-вторых, их можно считать побуждающим элементом организованной преступной игровой деятельности, в-третьих, игроки являются объектом маркетингового воздействия игорного предприятия, в-четвертых, представляют собой категорию потенциальных свидетелей совершения преступления. Это и определяет косвенность связи игроков с механизмом преступления и их взаимозависимость с организаторами преступления.

Перечисленные выше особенности стоит учитывать при допросе игроков в качестве свидетелей, уделяя внимание как тактике допроса и других процессуальных действий, так и описанию последствий игровой зависимости патологически игроков, для оценки степени общественно опасных последствий деяния, предусмотренного ст. 171.2 УК РФ.

Список литературы

1. РИА Новости.URL: <https://ria.ru/20221222/traty-1840409388.html>.
2. Кустов А. М. Современный подход к понятию «механизм преступления» // КриминалистЪ. 2010. № 1 (6). С. 72–76.
3. Усенко О. В. Изучение деструкции мироощущения личности игромана при расследовании незаконных организации и проведения азартных игр // Современная научная мысль. 2015. № 5. С. 190–196.
4. Аветисян Б.Р. Игорный бизнес как криминальный рынок услуг // Общество и право. 2015. № 4 (54). С. 176–179.
5. Скоков Р. Ю. Институциональное развитие рынков аддитивных благ в современной России : автореф. дис. ... д-ра экон. наук : 08.00.01. Волгоград : Волгоградский государственный университет, 2014.
6. Международная классификация болезней МКБ-11 : электронный справочник. URL: <https://icd.who.int/browse11/l-m/ru#/http%3a%2f%2fid.who.int%2fidc%2fentity%2f960730313>.
7. МКБ-11. Глава 6. Психические и поведенческие расстройства и нарушения нейропсихического развития. Статистическая классификация / под общ. ред. Г. П. Костюка, М. А. Кулыгиной. М. : КДУ : Университетская книга, 2021.
8. Сеницына Л. В., Бурдюг Д. Л. Игровая зависимость в противоправном поведении // Юридическая психология. 2008. № 2. С. 35–38.
9. Лысак И. В. Философско-антропологический анализ деструктивной деятельности современного человека. Ростов-на-Дону : ТРТУ, 2004.
10. Кузнецова-Морева Е. А. Клинико-психопатологические особенности патологической склонности к азартным играм: клинические и динамические аспекты : автореф. дис. ... канд. мед. наук : 14.01.06. М. : Московский научно-исследовательский институт психиатрии, 2010.
11. Васильев В. Л. Юридическая психология : учебник для вузов. 6-е изд. СПб. : Питер, 2009.
12. Banks J. Online Gambling and Crime: Causes, Controls and Controversies. Routledge, 2014.
13. Заховаева А. Г., Урсу А. В. Девальвация личности: От HomoLudens к лудомании // Философия и общество. 2008. № 4 (52). С. 110–117.

Юдина Э. И.¹,

аспирант кафедры уголовного процесса

Московской академии

Следственного комитета Российской Федерации

РУКОВОДИТЕЛЬ СЛЕДСТВЕННОГО ОРГАНА КАК СУБЪЕКТ ДОКАЗЫВАНИЯ

Общеизвестно, что процесс доказывания включает в себя деятельность уполномоченных лиц по собиранию, проверке и оценке доказательств. Раскрывая содержание каждого из его элементов, Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (УПК РФ) в ст.ст. 86 и 87 определяет перечень участников уголовного судопроизводства, наделенных правом собирания и проверки доказательств – дознаватель, следователь, прокурор и суд, которые также называются в чч. 2–4 ст. 88 участниками, имеющими полномочия по признанию доказательств недопустимыми. Исходя из этого, принято данных участников относить к субъектам оценки доказательств [1, с. 161–167].

В то же время представляется очевидным рассматривать указанных участников уголовного судопроизводства и как субъектов доказывания в целом. Однако указанный перечень не содержит упоминания в их числе руководителя следственного органа.

Исходя из этого во многих научных трудах, посвященных как в целом доказыванию, так и оценке доказательств, отсутствует единство мнения относительно вопроса отнесения руководителя следственного органа к субъектам доказывания, в том числе и к субъектам оценки доказательств. Обозначенная проблема предопределяет актуальность и необходимость ее разрешения и в доктрине доказывания и на практике.

В соответствии с п. 38.1 ст. 5 УПК РФ руководитель следственного органа – это «должностное лицо, возглавляющее соответствующее следственное подразделение, а также его заместитель». В данном определении, как и в других нормах уголовно-процессуального закона, не упоминаются понятия «субъект доказывания» и «субъект оценки доказательств» и тем более не раскрывается их содержание. Данные категории используются исключительно в теории уголовного процесса и в основу такого выделения кладутся результаты анализа полномочий этого должностного лица.

В свою очередь, давая понятие руководителя следственного органа, Н. А. Моргуина к легальному определению добавляет полномочия по осуществлению контроля за законностью решений, принимаемых следователем, уголовно-процессуальное руководство расследованием, а также реализацию им прав и обязанностей в ходе осуществления уголовно-процессуальных отношений [2, с. 9]. В данном определении именно через содержание полномочий раскрывается понятие руководителя следственного органа.

В ст. 39 УПК РФ закреплены полномочия руководителя следственного органа, которые в первую очередь реализуются им по уголовным делам, не находящимся в его производстве.

¹ © Юдина Э. И., 2023.

Эти полномочия неоднократно подвергались исследованию ученых, результатом чего стал вывод об их полифункциональной природе, а также предложены различные варианты группировки этих полномочий.

Так, Т. Ю. Попова полномочия руководителя следственного органа подразделяет в зависимости от их функциональности на семь групп [3, с. 9]:

- 1) процессуальное руководство деятельностью следователей (пп. 3, 5, 6, 8, 9, 11 ч. 1 ст. 39, ч. 6 ст. 162 УПК РФ);
- 2) контроль за расследованием уголовных дел следователями (пп. 2, 2.1 ч. 1 ст. 39 УПК РФ);
- 3) процессуально-организационное руководство деятельностью следственного подразделения (п. 1 ч. 1 ст. 39, п. 12 ч. 2 ст. 37 УПК РФ);
- 4) дача согласия на производство процессуальных действий, так называемые «разрешительные» полномочия (пп. 4, 10 ч. 1 ст. 39, ч. 1.1 ст. 148, ч. 9 ст. 166, ч. 6 ст. 220, ч. 3 ст. 317.1, ч. 1 ст. 427 УПК РФ);
- 5) полномочия, имеющие надзорный характер (ст. 124 УПК РФ);
- 6) личное осуществление уголовного преследования (персональное производство предварительного следствия по уголовным делам) (п. 4 ч. 1, ч. 2 ст. 39 УПК РФ);
- 7) организация работы следственного подразделения (не имеет процессуального характера, однако имеет для руководителя следственного органа существенное значение).

С. А. Минаева выделяет контрольно-согласительные, властно-распорядительные и санкционные полномочия руководителя следственного органа [4, с. 19].

По мнению А. Ю. Зотова, руководитель следственного органа наделен полномочиями по осуществлению контроля за деятельностью следователей и процессуально-организационному руководству их деятельности (пп. 1–3, 5–9 ч. 1 ст. 39 УПК РФ); разрешительными полномочиями, такими как дача согласия на производство некоторых процессуальных действий (пп. 4, 10 ст. 39, ч. 1.1 ст. 148, ч. 9 ст. 166, ч. 6 ст. 220, ч. 3 ст. 317.1, ч. 1 ст. 427 УПК РФ), а также надзорными (ст. 124 УПК РФ) и правообеспечительными полномочиями (п. 4 ч. 1 ст. 39 УПК РФ) [5, с. 11–12].

Приведенные классификации неоспоримо содержат в себе выделение контрольных функций в отдельную группу полномочий руководителя следственного органа.

И. В. Чечулин пришел к выводу, согласно которому полномочия руководителя следственного органа являются необходимым средством реализации его функций процессуального руководства расследованием и процессуального контроля. Под процессуальным руководством автор понимает организацию и определение основных направлений расследования, под процессуальным контролем – деятельность по выявлению и устранению нарушений, допущенных при расследовании [6, с. 9].

По мнению С. О. Махтюка, «сама суть руководителя следственного органа и его процессуальных полномочий заключается в процессуальном руководстве предварительным расследованием, при котором нормы уголовно-процессуаль-

ного права, а также полномочия, предоставленные ему ведомственными нормативными актами в этой части, выступают инструментом процессуального контроля» [7, с. 8–12].

Осуществление контрольных полномочий руководителем следственного органа происходит путем дачи им указаний следователю, влияющих на ход расследования, отмены постановлений, вынесенных подчиненным следователем по находящему в его производстве уголовному делу, возвращению уголовного дела следователю для дополнительного расследования и других правомочий, реализуемых им в соответствии с ч. 1 ст. 39 УПК РФ.

Указанное позволяет прийти к выводу о реализации руководителем следственного органа предоставленных ему контрольных полномочий на всем протяжении расследования путем вынесения процессуальных решений, имеющих значение для уголовного дела, оказывающих влияние на все расследование, а также способных в целом поменять его «вектор».

По отношению к доказыванию Ю. К. Орлов пришел к выводу, что субъектом доказывания выступает любой орган или лицо, принимающие какое-либо участие в доказательственной деятельности и обладающее определенными правами и обязанностями [8, с. 38].

В курсе уголовного процесса Л. В. Головкин указывает, что все участники уголовного судопроизводства принимают участие в доказывании, однако его формы и характер различны, что не позволяет относить всех участников процесса к субъектам доказывания. По его мнению, субъект доказывания имеет право на осуществление хотя бы одного из элементов доказывания, притом, что преимущественно субъекты доказывания осуществляют полную совокупность процесса доказывания [9, с. 471].

По убеждению И. В. Зверева, чтобы признать конкретного участника уголовного процесса в качестве субъекта доказывания, он должен обладать хотя бы одним из следующих оснований [10, с. 7]:

- быть включенным в состав стороны уголовного судопроизводства;
- осуществлять процессуальную функцию обвинения, защиты или разрешения уголовного дела;
- иметь права или обязанности производства доказывания на всем его протяжении;
- обладать свидетельским иммунитетом либо привилегией от самоизобличения.

Консолидирующее определение по представленным точкам зрения предлагает С. О. Махтук. Под субъектом доказывания он понимает «участника уголовного судопроизводства, наделенного властными полномочиями принимать процессуальные решения при реализации хотя бы одного из элементов процесса доказывания» [1, с. 161–167]. Данное понятие, по нашему мнению, представляется оправданным.

Руководитель следственного органа наделен широкими полномочиями, в том числе по принятию процессуальных решений, оказывающих влияние на ход расследования. Реализация руководителем следственного органа предоставленных

ему контрольных полномочий иллюстрирует его непосредственное участие в доказывании. Уже одно право личного допроса обвиняемого без принятия уголовного дела к своему производству (п. 4 ч. 1 ст. 39 УПК РФ) свидетельствует об участии руководителя следственного органа в доказывании. Соответственно, это позволяет отнести его к субъектам доказывания.

При этом необходимо отметить, что данный вывод строится исключительно на анализе полномочий по контролю над расследованием, осуществляемым следователем. На наш взгляд, если уголовное дело возбуждено и принято руководителем следственного органа к своему производству, он, проводя предварительное следствие в полном объеме, приобретает в данном уголовном деле статус следователя либо руководителя следственной группы и наделяется соответствующими правами, определенными ст.ст. 38, 163 УПК РФ.

В связи с изложенным трудно согласиться с В. В. Кониным и К. А. Корсаковым, относящих руководителя следственного органа к субъектам доказывания только в случае принятия им уголовного дела к своему производству либо являющегося членом следственной группы [11, с. 81–85].

Полномочия руководителя следственного органа предоставляют ему обязанность на производство оценки доказательств, собранных следователем. Результатом оценки доказательств выступают принимаемые им решения, а также дача согласия на решения, принимаемые следователем.

Кроме того, руководитель следственного органа осуществляет и полномочия по проверке материалов дела. При этом такая проверка законности следственных и иных процессуальных действий в обязательном порядке связана с оценкой доказательств по уголовному делу.

Следует также учитывать, что оценка руководителем следственного органа доказательств осуществляется не только при процессуальном руководстве ходом расследования, но и при даче согласия следователю на возбуждение перед судом ходатайств в порядке ст. 165 УПК РФ, на применение мер пресечения по решению суда, на направление уголовного дела с обвинительным заключением прокурору и ряду других действий, указанных в ст. 39 УПК РФ.

По мнению Л. К. Капустиной, наличие у участника уголовного судопроизводства права принятия процессуальных решений свидетельствует о его статусе субъекта оценки доказательств [12, с. 100].

Субъекты оценки доказательств, по мнению В. М. Карпенко, – это участники уголовного судопроизводства, обязанные либо правомочные на оценку доказательств, наделенные полномочиями на выражение результатов своей оценки в процессуальных решениях либо наделенные правом оказывать влияние на принятие таких решений другими уполномоченными субъектами доказывания [13, с. 44].

Обобщая приведенные мнения, предлагается под субъектом оценки доказательств понимать участника уголовного процесса, наделенного государственно-властными полномочиями по анализу качества доказательств, их отдельных свойств и всей совокупности, осуществляемыми на основе внутреннего убеждения, которые позволяют принимать юридически значимые процессуальные решения, а также решения, влияющие на их принятие другими уполномоченными субъектами.

Исходя из этого, и на основании проведенного краткого теоретико-правового анализа содержания полномочий руководителя следственного органа следует сделать вывод об отнесении указанного участника уголовного судопроизводства к числу субъектов как оценки доказательств, так и в целом доказывания по уголовным делам.

Список литературы

1. Махтюк С. О. Является ли руководитель следственного органа субъектом уголовно-процессуального доказывания? // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2022. № 2. С. 161–167.
2. Моругина Н. А. Руководитель следственного органа как участник уголовного судопроизводства со стороны обвинения : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09. М. : Московская академия экономики и права, 2010.
3. Попова Т. Ю. Уголовно-процессуальный статус руководителя следственного органа : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09. Челябинск : Омская академия МВД России, 2012.
4. Минаева С. А. Процессуальная деятельность руководителя следственного органа по обеспечению законности в досудебном производстве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09. М. : Академия управления МВД России, 2014.
5. Зотов А. Ю. Должностные лица органов предварительного следствия как субъекты уголовно-процессуальной деятельности : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09. Волгоград : Волгоградская академия МВД России, 2018.
6. Чечулин И. В. Процессуальные полномочия руководителя следственного органа и их реализация в досудебном производстве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09. Москва : Академия управления МВД России, 2013.
7. Махтюк С. О. Процессуальный контроль руководителя следственного органа: понятие, субъекты, принципы // Российский следователь. 2020. № 6. С. 8–12.
8. Орлов Ю. К. Проблемы теории доказательств в уголовном процессе. М. : Юрист, 2009.
9. Курс уголовного процесса / под ред. Л. В. Головки. 2-е изд., испр. М. : Статут, 2017.
10. Зверев И. В. Субъекты доказывания в уголовном судопроизводстве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09. Волгоград : Волгоградская академия МВД России, 2005.
11. Конин В. В., Корсаков К. А. Доказывание и субъекты доказывания в уголовном судопроизводстве: переоценка сложившихся взглядов // Юридический вестник Самарского университета. 2020. № 6 (2). С. 81–85.
12. Капустина Л. К. Оценка допустимости и достоверности доказательств при производстве по уголовным делам : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09. СПб. : Санкт-Петербургский университет МВД России, 2020.
13. Карпенко В. М. Оценка доказательств следователем и дознавателем : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09. М. : Всероссийский научно-исследовательский институт МВД России, 2009.